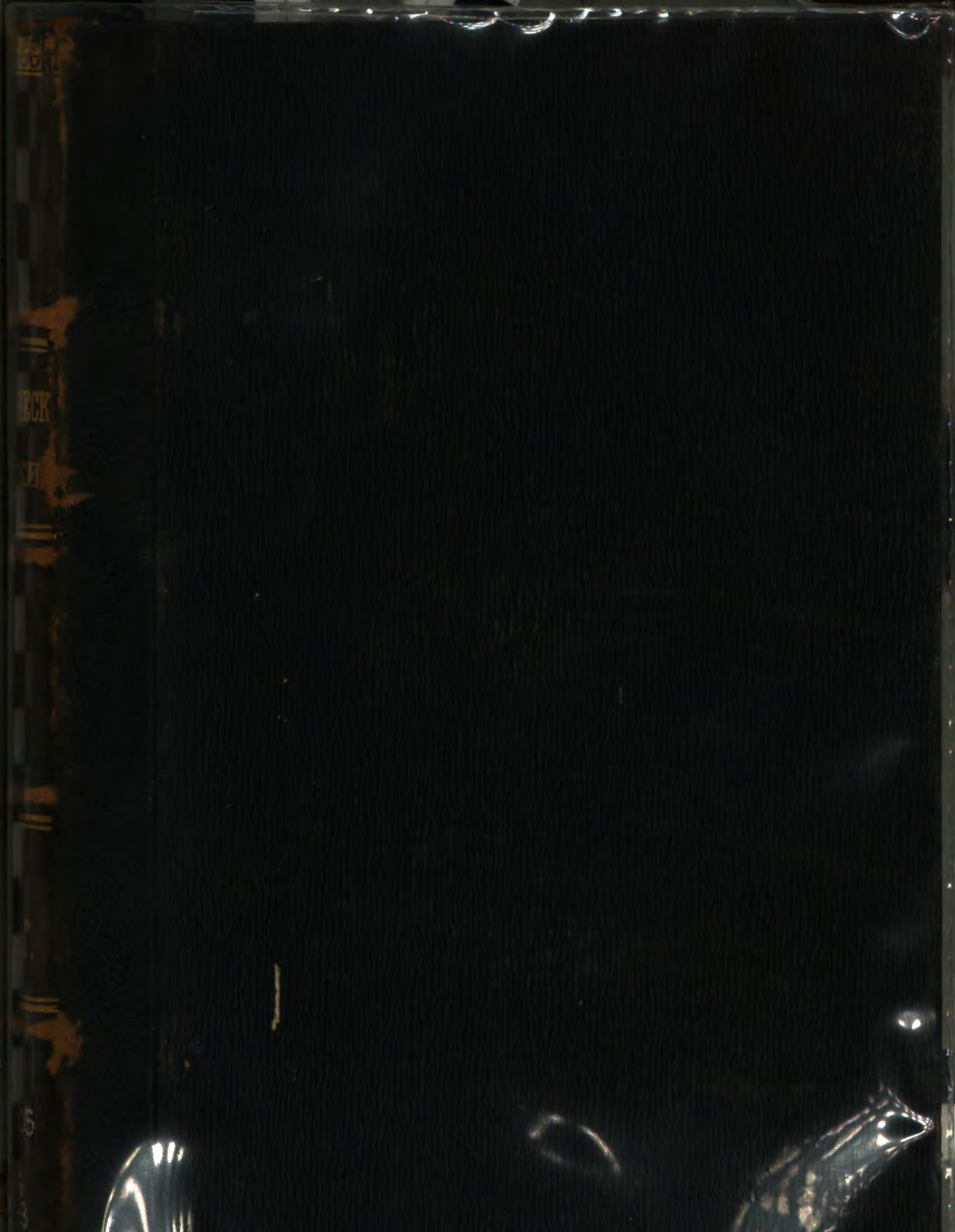
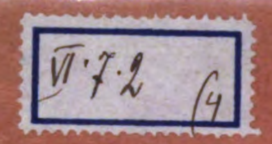
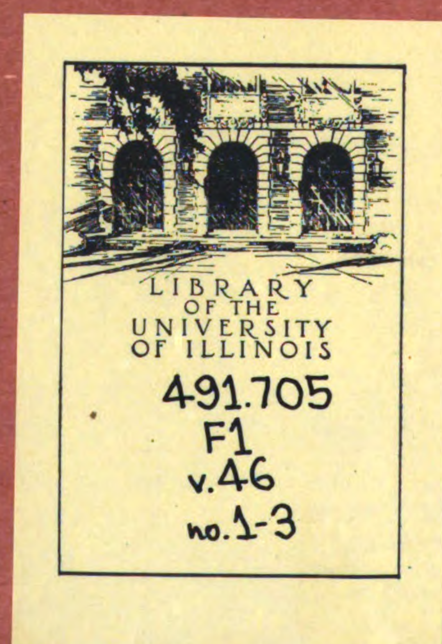
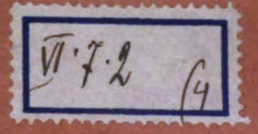

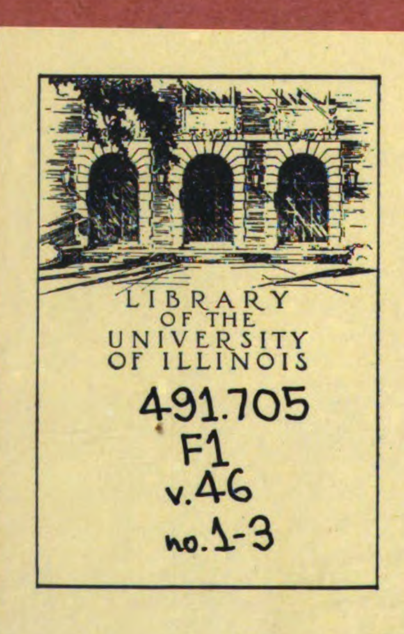

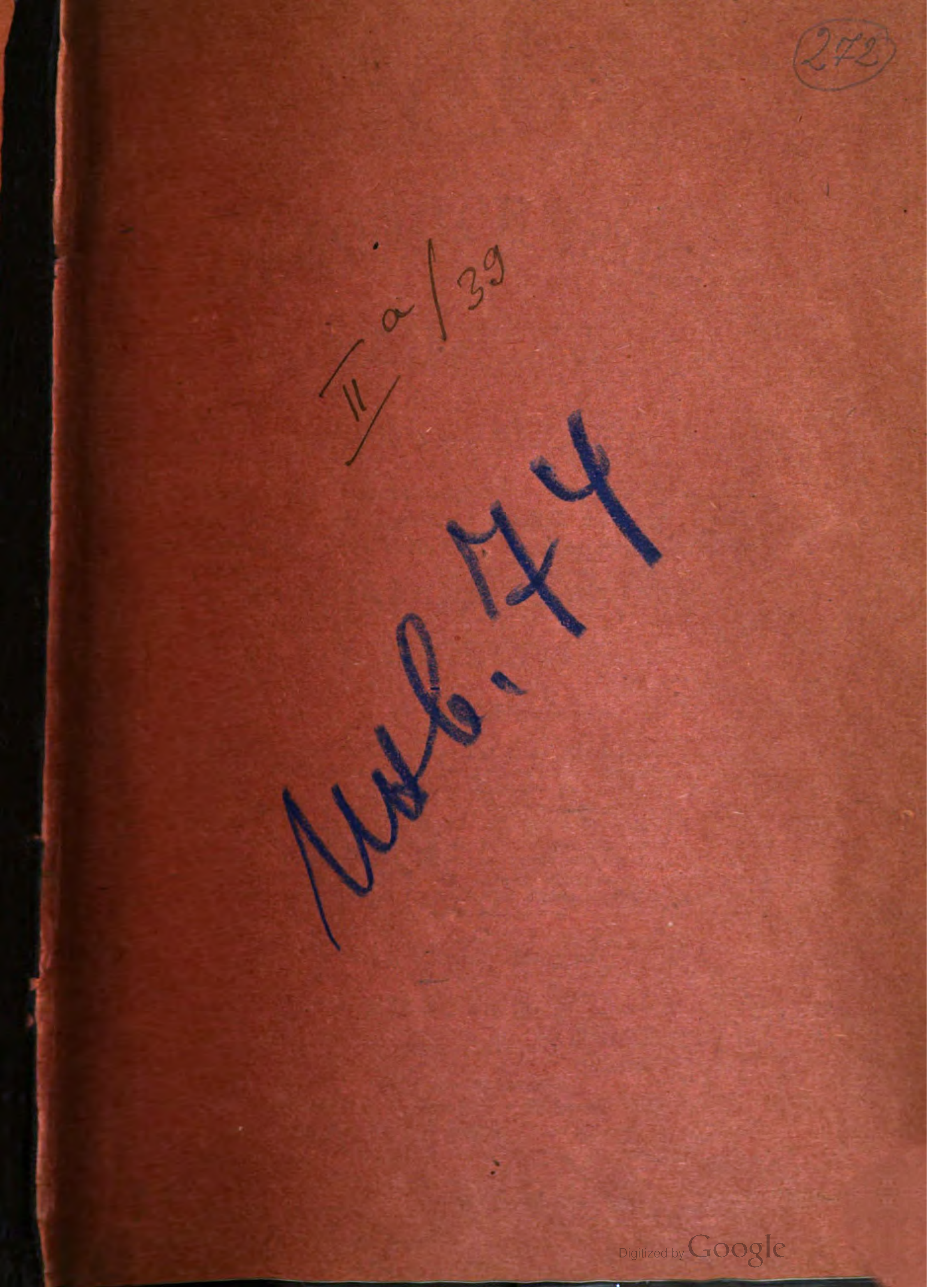

VI·7·2
G4

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v.46
no.1-3

VI·7·2
G4

(272)
II a/39
Инв. 74
Digitized by Google

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (бывш. Исаева).
1906

Содержаніе I выпуска „Филологическихъ Записокъ“ за 1906 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

46-й годъ изд. въ 1906 году — 46-й годъ изд.

ЖУРНАЛА,

ПОСВЯЩЕННАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ. для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.», вступивъ въ 46-й годъ своего существованія, остался вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ, — быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по современнымъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

По желанію нѣкоторыхъ педагоговъ, помѣщаются открытые вопросы и отвѣты на нихъ.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его,— вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя ему научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ «Филол. Зап.», выходитъ **безсрочными** выпусками **шесть** разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію: для мѣстныхъ подписчиковъ 6 р., для иногороднихъ 7 р. съ перес.,—за границу 8 р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ 6 р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки контора «Фил. Зап.» проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ заблаговременно, 2) по возможности, обращаться съ подпискою прямо въ контору Редакціи, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ—

1) «Филол. Записки» за прежніе годы до 1899 г.,—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 г.г. 7 р. съ пер. Желающимъ пріобрѣсти «Филолог. Зап.» за нѣсколько лѣтъ дѣлается уступка,—

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно);

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ (1860—1886) 30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ (1887—1899) 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер. Съ дополненіемъ содержанія 1900—1905 г.г. 60 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) **6** р. **20** к. съ пер.,—за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 года **6** р. **65** к. съ пер., за границу **7** р. **60** к. съ перес.; брошюры со скидкою **10**%.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала «Филологич. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), домъ наслѣдниковъ А. А. Хованскаго, № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.»: въ концѣ текста за страницу—10 р., 1/2 стран.—5 р., 1/4 стран.—3 р., 1/8 стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., (приложеніемъ) вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 15 р., за два—25 р., за три 35 р.

Отвѣтственный Редакторъ **Ѳ. М. Ильинскій.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

Адресъ Редактора и Издательницъ: Старо-Московск. ул. д. № 20-й.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЪ

„*Филологическихъ Записокъ*".

Вслѣдствіе перемѣны Редакціи, I вып. журнала за текущій годъ значительно запоздалъ своимъ выходомъ. Но надѣемся на благосклонность и снисхожденіе нашихъ уважаемыхъ подписчиковъ, что они извинятъ насъ, мы же постараемся вознаградить ихъ на будущее время, какъ исправностію выпусковъ, такъ и ихъ содержаніемъ.

Слѣдующіе выпуски готовятся къ выходу и будутъ содержать слѣд. статьи: «Грамматика древне-церковно-славянскаго языка» (для средне-учебныхъ заведеній)—доцента Императорскаго Юрьевскаго Университета Н. К. Грунскаго; «Историческая драма въ древнемъ Римѣ» удостоенная золотой медали историческаго факультета Императорскаго Новороссійскаго Университета. М. Я. Немировскаго; «Теорія словесности съ присоединеніемъ образцовъ (опытъ аналитико-историческаго курса) 4-й вып. М. А. Соколова; (Теорія поэзіи драм.) одобрена Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Синодѣ, въ качествѣ учебнаго пособія въ средн. учебн. завед. «Общія дидактическія положенія» К. В. Ельницкаго и статьи другихъ авторовъ, любезно предложившихъ намъ свои труды.

Приносимъ искреннюю нашу благодарность всѣмъ нашимъ уважаемымъ и добрымъ сотрудникамъ за ихъ

безкорыстную отзывчивость и готовность служить на пользу народнаго образованія.

«Филол. Записки», созданные покойнымъ основателемъ съ высокою научною цѣлью, всегда пользовались лестнымъ вниманіемъ и симпатичнымъ отношеніемъ со стороны своихъ читателей. Искреннее наше желаніе—прогрессивное улучшеніе изданія и успѣхъ его въ будущемъ, зависитъ большею частію, отъ самихъ же подписчиковъ.

Издательницы-наслѣдницы

А. А. Хованскаго.

Отъ Редактора

„Филологическихъ Записокъ“.

Принимая на себя отвѣтственную обязанность Редактора журнала «Филологическія Записки» съ цѣлію послужить, по мѣрѣ силъ, просвѣщенію въ духѣ русской народности и въ интересахъ истиннаго знанія, мы питаемъ надежду, что журналъ, руководимый такъ, при содѣйствіи своихъ почтенныхъ сотрудниковъ, дастъ удовлетвореніе своимъ читателямъ. Приложимъ все стараніе къ тому, чтобы наше дѣло шло успѣшно.

Редакторъ *Ѳ. М. Ильинскій.*

Смѣна принциповъ въ русской критикѣ XIX ст.

Литературная критика, прежде чѣмъ дойти до полнаго выясненія своихъ задачъ и цѣлей, прошла длинный путь своего развитія, мѣняя свое направленіе, свои принципы. Прослѣдить эту мѣну принциповъ на разстояніи минувшаго XIX ст., когда русская критика достигла своего полнаго развитія и установила точно свои начала, и составляетъ задачу настоящей статьи.

Начало русской критики было положено въ журналахъ XVIII в. Нельзя сказать, чтобы наша критика сразу сознала свои задачи и уяснила свои цѣли. На первыхъ порахъ она шла ощупью и примкнула къ тому сатирическому направленію, которое господствовало въ журналахъ XVIII в. Такъ она, подобно тогдашней сатирѣ, касается общественнаго быта. Кромѣ того подсмѣивается надъ пастушеской поэзіей, которая была тогда въ фаворѣ, надъ торжественной лирикой и одописцами и говорила, что похвальная ода—шелковый чулокъ: какъ шелковый чулокъ лѣзетъ на всякую ногу, такъ и ода-де подходитъ ко всякому случаю. Изъ журналовъ XVIII в. заслуживаетъ особеннаго вниманія «Петербургскій Вѣстникъ» (1778—1781 г.г.), въ которомъ и положено было начало русской критикѣ. Издатель обѣщалъ дать роспись выходящихъ новыхъ книгъ и замѣтки о нихъ, затѣмъ отзывъ вообще о различныхъ книгахъ. Объ оригинальныхъ книгахъ говорится:

существовала ли раньше такая книга, что новаго въ ней и т. д. Въ сужденіяхъ о литературныхъ произведеніяхъ обращается вниманіе на слогъ прозы и поэзіи и требуется, чтобы произведенія доставляли пользу и удовольствіе, и чтобы въ этихъ произведеніяхъ была нравственная цѣль. Съ этой точки зрѣнія разсматриваются тогдашніе романы, и выясняется ихъ польза и вредъ. Отъ произведеній драматическихъ тогдашняя критика требовала, чтобы они содѣйствовали исправленію нравовъ. Подобное мнѣніе мы можемъ найти въ разборѣ комедіи «Сестры соперницы». Остановившись на сценѣ, гдѣ одна сестра предвосхищаетъ у другой руку и сердце возлюбленнаго, критикъ порицаетъ эту сцену, находя, что «живописецъ, изображая природу, выбираетъ въ ней лучшее, а если что и дурное долженъ онъ помѣстить въ картинѣ, тогда надлежитъ ему то всею силою своего искусства украшать» («П. Вѣстн.» 1778, ч. I, стр. 234). Итакъ, общія начала тогдашней журнальной критики сводятся къ слѣдующему: на первомъ планѣ—слогъ и языкъ произведенія, а затѣмъ обращается особенное вниманіе на то, соотвѣтствуетъ ли то или другое произведеніе своимъ содержаніемъ нравственному чувству. Интереснымъ также представляется то обстоятельство, что при оцѣнкѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ критикъ ссылается на золотое правило римскаго стихотворца, который сказалъ: великая разница будетъ—бояринъ ли говоритъ, или слуга. Это обращеніе къ правиламъ римскаго стихотворца весьма характерно: здѣсь сказывается то направленіе въ нашей литературѣ, на которомъ необходимо остановиться, чтобы понять многія явленія въ ней и въ частности въ русской критикѣ. Такимъ направленіемъ былъ ложноклассицизмъ. Идеи этого направленія клонились къ тео-

ріи подражанія—это былъ первый догматъ критики въ этомъ духѣ, въ силу котораго поэзія должна быть подражательницею природы, и взято это 'отъ Аристотеля и греческихъ идеалистовъ, которые говорили, что міръ есть мнимезисъ идей (по Платону—сначала были идеи, а потомъ міръ), и поэзія должна быть изображеніемъ вселенной. По Аристотелю, искусство должно изображать природу, отчасти усовершая ее; поэзія же, по его понятію, появилась отъ двухъ причинъ: 1) отъ врожденнаго стремленія—подражать природѣ и 2) отъ желанія наслаждаться изображеніемъ, вотъ отчего и худое, изображенное искусствомъ, насъ забавляетъ. Но Аристотель давался ложно-классикамъ плохо. Больше по плечу пришелся имъ Горацій. Его соч. «Ars poëtica», сдѣлалось исходнымъ пунктомъ для сужденій о поэзіи разныхъ писателей, стремившихся возродить классическое искусство. Цѣль поэзіи по Горацію—учить и нравиться, и задача литературнаго произведенія есть соединеніе полезнаго съ пріятнымъ, что и считалось у ложно-классиковъ основною догмою ихъ критики. Ложно-классики, заимствуя свои принципы у Аристотеля, Горація и больше всего у Цицерона, взятое у нихъ передѣлывали по своему современному вкусу и частные разсказы и мысли возводили часто въ принципъ. Цицеронъ, представляя идеалъ, говоритъ, что онъ собиралъ черты, ибо природа этого совершеннаго намъ нигдѣ не создаетъ. Ложно-классики его мысль, что полнаго образца нѣтъ въ природѣ, а онъ постигается душой, умомъ, разумомъ,—извратили и помѣстили въ свой принципъ, и приняли механическое сплетеніе всего, что хорошо у другихъ, и признали лучшимъ характеромъ произведенія литературы. Самымъ полнымъ выразителемъ ложно-классической теоріи было «l'art poëtique»

Буало. Это сочиненіе имѣло громадное вліяніе на современниковъ, на литературныя теоріи, на созданіе поэтическихъ произведеній. Буало говоритъ о различныхъ родахъ и видахъ поэзіи, опредѣляетъ ихъ существенныя черты, даетъ краткія свѣдѣнія о происхожденіи видовъ поэзіи. Онъ считаетъ три условія необходимыми для поэзіи: 1) стихъ, 2) риѳму и 3) здравый смыслъ (bon sens). Буало вполнѣ былъ въ духѣ своего времени, когда царила фраза; на слогъ, на внѣшнюю отдѣлку произведенія онъ обращалъ самое ревнивое вниманіе. Относительно драмы Буало считалъ необходимымъ, чтобы писатель высказывалъ предметъ и смыслъ ея въ началѣ; чтобы въ ней непремѣнно были соблюдены три единства: единство времени, дѣйствія и мѣста. Эпическая поэзія, говоритъ Буало, должна жить вымыслами, безъ которыхъ она потеряетъ свою прелесть. Поэтому въ поэтическомъ произведеніи нельзя сказать: «громъ гремитъ», но «вооруженный Юпитеръ устрашаетъ землю». Итакъ, какіе же принципы могъ внести ложноклассицизмъ въ обиходъ нашей литературной критики? Эти принципы сводятся къ соединенію «пріятнаго съ полезнымъ». Все пріятное находилось въ зависимости отъ внѣшней отдѣлки произведенія, отъ внѣшняго лоска, громкой фразы и разныхъ внѣшнихъ украшеній, а польза сводилась къ благопристойности и выработкѣ вкуса, а также къ морали *). Этими качествами опредѣлялось достоинство каждаго литературнаго произведенія. Ложно-классическая мѣрка примѣнялась и даже.

---

*) Впослѣдствіи Баттеъ, труды котораго были также распространены на Руси, цѣль поэзіи видѣлъ въ удовольствіи, а полезное въ поэзіи находилъ 1) въ состраданіи къ несчастнымъ и 2) въ удивленіи къ героическимъ подвигамъ.

можно сказать, господствовала у насъ вплоть до 30-хъ годовъ XIX ст. Но нельзя сказать, чтобы въ это время принципы ложно-классическіе были единственными, вліявшими на русскую литературу и критику. Почти одновременно съ ложно-классицизмомъ начали пробиваться и принципы эстетическіе. Проводникомъ эстетическаго вліянія у насъ былъ Баумгартенъ, написавшій сочиненіе подъ заглавіемъ: «Эстетика» (1750—I ч. 1758—II ч.) «Эстетическая точка зрѣнія заключается въ разборѣ литературнаго произведенія съ художественной стороны. Подъ «эстетикой» Баумгартенъ разумѣлъ науку о познаніяхъ, пріобрѣтаемыхъ чувствомъ. Совершенство, сознаваемое чувствомъ, есть красота. Совершенство можетъ проявиться въ мірѣ внѣшнемъ— въ природѣ; отсюда—извѣстное мнѣніе, что искусство должно подражать внѣшней природѣ. Что касается внутренняго міра человѣка, то для него необходимо, чтобы поэтическія произведенія стремились къ проведенію идей истины и добра, а также преслѣдовали бы и цѣль нравоучительную (пользу). Баумгартенъ отождествляетъ даже чувство эстетическое съ религіознымъ. Отсюда становится понятнымъ требованіе нашихъ критиковъ отъ литературныхъ произведеній, чтобы они были нравственны и не нарушали ничѣмъ нравственной благопристойности. Идеи Баумгартена изъ Германіи перешли прежде всего въ Россію. Въ первомъ проектѣ Университетскаго Устава эстетика уже появляется въ числѣ предметовъ преподаванія. Впервые идеи Баумгартена распространялъ у насъ проф. Московскаго у—та Шварцъ (другъ Новикова). Послѣдователи Баумгартена останавливались главнымъ образомъ на понятіи художественной красоты и на болѣе точномъ выясненіи понятія изящнаго вообще. Такъ Зуль

churъ, написавшій «Всеобщую теорію изящнаго искусства», соединяетъ понятія художественныя съ нравственными и видитъ двѣ самыя главныя силы человѣка въ разумѣ и въ нравственномъ чувствѣ. Эшенбургъ, написавшій «Теорію изящныхъ наукъ», выставляетъ такія положенія: эстетика—это теорія красоты, а красота есть познаваемое чувствомъ единство въ разнообразіи. Чувство красоты выражается въ неясныхъ впечатлѣніяхъ. Изящное отличается отъ истины и добра. Вполнѣ изящное должно дѣйствовать на чувство, умъ и сердце. Вслѣдъ за эстетическими идеями къ намъ начинаютъ проникать классическія идеи Винкельмана (1717—1768). Онъ указываетъ на необходимость изученія классическаго міра. Онъ первый началъ изучать художественныя стороны классическаго міра, и его идеи, не остались безплодными, а, напротивъ того, произвели сильное вліяніе на литературу и критику. Вліяніе его сказалось и въ нашей литературѣ.

Теоретическими и практическими насадителями ложно-классическихъ идей были у насъ—Тредьяковскій, Ломоносовъ, Поповскій, проф. Московскаго университета; Рижскій, проф. Харьковскаго университета, занимавшій каѳедру русской словесности отъ 1805 до 1811 г. Проводникомъ эстетическихъ идей, какъ я сказалъ, былъ Шварцъ, проф Московскаго университета; а проводникомъ художественныхъ классическихъ идей былъ проф. Московскаго унив. Сохоцкій, занимавшій каѳедру философіи, эстетики и словесности съ 1796 по 1809 г. Помимо стремленія Сохоцкаго—возвышать древній міръ, древнее искусство, важною чертою его дѣятельности является еще то обстоятельство, что онъ сильно возставалъ противъ романтизма въ нашей литературѣ. Въ немъ нѣтъ, по словамъ Сохоцкаго, ясности и спокой-

ствія древняго искусства. Романтическая поэзія заключаетъ въ себѣ много таинственнаго и мрачнаго, а такой характеръ поэзіи не возвышаетъ душу, а угнетаетъ её. Истиннымъ основателемъ нашей критики можно считать проф. Московскаго университета Мерзлякова (1788—1830 г.г.). Будучи классикомъ по направленію, Мерзляковъ всѣми силами противодѣйствовалъ распространенію у насъ французскаго ложно-классическаго направленія. Онъ находилъ въ французской литературѣ много временнаго и мѣстнаго; онъ говорилъ, что подражаніемъ французской литературѣ мы впаднемъ въ рабство, измѣняемъ своей національности, тогда какъ, подражая образцамъ древняго классическаго міра, мы преклоняемся только передъ созданіями чистаго, истиннаго творчества. Но въ то же время Мерзляковъ самъ былъ не чуждъ французскаго вліянія и считалъ Буало и Лагарпа надежными руководителями въ области литературы. Это противорѣчіе повторяется у него и по отношенію къ Пушкину, котораго онъ часто порицаетъ, какъ не отвѣчающаго извѣстнымъ теоретическимъ правиламъ, но въ то же время преклоняется передъ его художественными произведеніями. Въ его критическихъ разсужденіяхъ большую роль играла стилистика; слогу и языку онъ придавалъ большое значеніе. Поэзія, по опредѣленію Мерзлякова, есть подражаніе въ гармоническомъ слогѣ всему тому, что природа можетъ имѣть прелестнаго, трогательнаго. Нужно подражать природѣ и ея смыслу. Поэтъ, какъ органъ природы, долженъ постигать ея душу. Въ этой природѣ выражается прежде всего единство при разнообразіи; тоже должно быть и въ поэзіи. Цѣль поэзіи заключается въ томъ, чтобы полезное соединять съ пріятнымъ, чтобы научать и нравиться: нравиться расположеніемъ и выборомъ харак-

торовъ, научить дѣйствіемъ на умъ и сердце. Необходимо, слѣдовательно, знаніе и предмета, и человѣческаго сердца. Критикъ долженъ различать, что сочинено съ хорошимъ намѣреніемъ, что съ дурнымъ и что вовсе безъ намѣренія. Буквальная точность въ поэзіи вовсе не составляетъ необходимости; все дѣло здѣсь въ типичности. Мерзляковъ сильно нападалъ на романтизмъ, видя въ немъ оскорбленіе вкуса и благородной цѣли поэзіи, а потому и съ этой точки зрѣнія онъ нападалъ на Пушкина за нѣкоторыя его произведенія съ романтической подкладкой. Такимъ образомъ Мерзляковъ въ своей критической дѣятельности по своимъ принципамъ былъ классикъ съ нѣкоторыми замашками ложно-классика. Новаго—въ существѣ дѣла онъ ничего не внесъ, а расшатывалъ—лишь и безъ того непрочныя зданія у насъ ложно-классицизма и романтизма и въ этомъ отношеніи оказалъ несомнѣнную заслугу русской критикѣ, очищая путь для послѣдующихъ дѣятелей. Что касается его взгляда, что поэтъ долженъ постигать душу природы, то въ этомъ отношеніи его можно назвать предвѣстникомъ тѣхъ новыхъ принциповъ въ русской литературѣ и въ русской критикѣ, которые были выдвинуты нѣсколько позже и обоснованы у насъ нѣмецкой философіей. Итакъ, до 30-хъ г.г. XIX ст. при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній господствовали ложноклассическіе принципы, которые перемѣшивались иногда съ идеями чистаго искусства или связанными съ нимъ идеями эстетико-художественными. Съ 30-хъ г.г. начинается литературно-критическая дѣятельность Надеждина. Его міровоззрѣніе заключаетъ въ себѣ два принципа: это 1) отрицательное отношеніе къ современной литературѣ и 2) требованіе народности поэтическаго творчества. Оба эти принципа находятся въ генетической

связи, и Надеждинъ не былъ первымъ піонеромъ провозгласившимъ подобные принципы. Отрицательно отнеслись къ русской литературѣ также—Марлинскій, В. Полевой, Кирѣевскій, Веневитиновъ. Принципъ народности былъ обоснованъ уже шеллингизмомъ и высказанъ раньше его другими приверженцами шеллингизма, хотя бы напр. Веневитиновымъ. Надеждинъ отнесся отрицательно къ современной русской литературѣ, потому что видѣлъ въ ней лишь одно подражательное направленіе съ несимпатичными ему кличками классицизма (ложно-классицизма) и романтизма. Онъ въ особенности возстнетъ противъ послѣдняго. При такомъ насильственномъ, чуждомъ вліяніи русская литература не можетъ развиваться. Она должна питаться собственными корнями. Отсюда естественъ переходъ къ другому принципу народности. Но въ своихъ поискахъ примѣненія этого принципа къ русской литературѣ Надеждинъ останавливается лишь на басняхъ Крылова и на «Юріи Милославскомъ»—Загоскина.

Дальнѣйшіе поиски не дали никакихъ результатовъ, такъ какъ по основному взгляду его на нашу историческую и общественную жизнь, толковать о народности въ русской литературѣ еще не приходится, потому что русская народность еще не успѣла выразиться и въ самой русской жизни. «Нашей поэзіи», говоритъ онъ: «не дождаться обновленія до тѣхъ поръ, пока русскій духъ не обратится внутрь себя, не отыщетъ въ самомъ себѣ источника самобытной жизни». Въ русской старинѣ также нечего искать черть нашей русской народности, такъ какъ наша исторія начинается собственно съ Петра Великаго. У насъ нѣтъ поэзіи, такъ какъ нѣтъ еще своего русскаго, самобытнаго и самообразнаго мышленія; мы не сознали себя,

какъ русскихъ, не объяснили настоящее положеніе въ системѣ рода человѣческаго». Итакъ, Надеждинъ, выставивъ широкій принципъ народности и обосновавъ его философіей Шеллинга, не могъ найти ему примѣненія въ русской литературѣ,—отчасти вслѣдствіе своего скептическаго взгляда на русскую исторію, отчасти—за недостаткомъ эстетическаго чутья, что въ особенности рѣзко выразилось въ его оцѣнкѣ литературныхъ произведеній Пушкина. Что касается отношенія Надеждина къ Бѣлинскому, то оно опредѣляется тѣмъ, что Надеждинъ окончательно (послѣ Сохоцкаго и Мерзлякова) дискредитировалъ господствовавшія еще тогда литературныя направленія (ложно классицизмъ и романтизмъ). Затѣмъ онъ указалъ на новую задачу литературы—народность, предоставивъ Бѣлинскому разъяснить на самыхъ произведеніяхъ сущность этого новаго направленія. Что касается философскихъ идей, проникавшихъ въ наше литературное сознаніе, то этому способствовали гораздо въ большей степени члены литературныхъ кружковъ—Одоевскаго и Станкевича, чѣмъ Надеждинъ. Въ критико-литературной дѣятельности Бѣлинскаго можно различить три періода. Первый періодъ его дѣятельности характеризуется пропагандой философскихъ идей Шеллинга въ примѣненіи ихъ къ вопросамъ литературы и литературной критики. Искусство есть выраженіе великой идеи вселенной въ ея безконечно разнообразныхъ явленіяхъ. Литература, по его воззрѣнію въ этотъ періодъ, будучи плодомъ свободнаго вдохновенія людей, созданныхъ для искусства, должна быть символомъ внутренней жизни народа. У насъ нѣтъ литературы, такъ какъ нѣтъ народности, а этой послѣдней нѣтъ и не можетъ быть потому, что наше общество еще слишкомъ юно, еще не установилось, еще

не освободилось отъ европейской опеки; его физіономія еще не выяснилась и невыформировалась. Наша народность покуда состоитъ въ вѣрности изображенія картинъ русской жизни. Представителями у насъ литературы являются пока Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ, которые, очевидно, не могутъ составить цѣлой литературы. Прійдя къ такому заключенію, что современная ему литература не затрогиваетъ основъ народной жизни, Бѣлинскій естественно долженъ былъ останавливаться—при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній—на одной лишь эстетической сторонѣ произведеденій, примѣняя и въ данномъ случаѣ тѣ принципы, которые выработала нѣмецкая философія, и которые у Бѣлинскаго сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) поэтическое творчество заключается въ стремленіи поэта—воплощать идею въ образы искусства, при чемъ поэтическое творчество должно быть свободно и непроизвольно, 2) прекрасное—есть соотвѣтствіе идеи и образа. Но, стоя на эстетической точкѣ зрѣнія, Бѣлинскій въ то же время признавалъ, что идеи, воспроизводимыя поэтомъ, должны принадлежать народу, которому принадлежитъ поэтъ, и времени, въ которое онъ живетъ, т.-е. вводилъ въ обиходъ русской критики элементы критики исторической. Такимъ образомъ первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго можно охарактеризовать названіемъ философско-эстетическаго съ нѣкоторыми историческими просвѣтами. Во второй періодъ Бѣлинскій перешелъ—подъ вліяніемъ плохо понятаго Гегеля—къ отвлеченно-примирительному направленію.

Правда, это направленіе было кратковременное: продолжалось всего около двухъ лѣтъ. Это направленіе выразилось въ статьяхъ: «Очерки бородинскаго сраженія», соч. Ѳ. Глинки; «Бородинская годовщина»—В. Жу-

ковскаго; «Менцель-критикъ Гете». Въ этихъ статьяхъ Бѣлинскій призываетъ всѣхъ мириться съ дѣйствительностью, такъ какъ никто не въ состояніи остановить ходъ міра и измѣнить участь народа. Все идетъ по законамъ священной книги судебъ человѣческихъ, по велѣніямъ вѣчной книги царствъ. Очевидно, что Бѣлинскій въ этотъ періодъ, подъ вліяніемъ плохо понятаго Гегеля, находилъ всякую дѣйствительность разумной.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій перешелъ къ реалистическому направленію мыслей. Съ этого времени онъ предъявляетъ къ критику новыя требованія: онъ долженъ раскрыть внутреннія основы народной жизни и долженъ показать, въ какой мѣрѣ и съ какою силой онѣ отразились въ лучшихъ произведеніяхъ литературы. Искусство должно заниматься текущей жизнью, чтобы оно мудро разрѣшало задачу даннаго момента. Но, предъявляя къ другимъ критикамъ такія требованія, самъ онъ ни въ поэзіи Пушкина, ни въ произведеніяхъ Гоголя не открылъ основныхъ качествъ русской народности, и не показалъ, какъ они воплотились въ ихъ художественныхъ произведеніяхъ. Примѣняя къ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній точку зрѣнія общественной пользы, Бѣлинскій такимъ образомъ— въ послѣдній періодъ своей дѣятельности дошелъ до крайностей. Недаромъ впослѣдствіи Писаревъ назвалъ его своимъ учителемъ на почвѣ своей критической дѣятельности. Переходимъ къ 50-мъ годамъ XIX ст. Уже со времени послѣдняго періода дѣятельности Бѣлинскаго въ воздухѣ носились реалистическіе взгляды на искусство и природу; надо были эти взгляды оформить и систематизировать, каковую задачу и взялъ на себя Чернышевскій. Въ своей диссертаціи: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», Чернышев-

скій и собралъ все, что можно сказать въ защиту этого реалистическаго взгляда. По взглядамъ Чернышевскаго, прекрасное есть то, что мило, дорого каждому человѣку. А, такъ какъ дороже жизни нѣтъ ничего, то прекрасное есть жизнь, и при томъ—жизнь, напоминающая о человѣкѣ.

Мнѣніе, что человѣку непремѣнно нужно совершенство—мнѣніе фантастическое. Совершенство для меня то, что для меня вполнѣ удовлетворительно въ своемъ родѣ. Поэзія идеализируетъ или, просто говоря, преувеличиваетъ какія-нибудь основныя качества предмета,—въ этомъ собственно и вся ея оригинальность. Природа и жизнь выше искусства. но искусство старается угодить нашимъ наклонностямъ. Искусство суррогатъ вещи. Съ этой точки зрѣнія искусство—дѣло необходимое. Содержаніе искусства — общеинтересное въ жизни. Истинно содержательное искусство должно заключать въ себѣ три элемента: 1) вѣрное изображеніе дѣйствительности; 2) объясненіе жизни, и наконецъ 3) нравственное назиданіе. Пусть искусство довольствуется своимъ высокимъ прекраснымъ назначеніемъ (въ случаѣ отсутствія дѣйствительности) быть нѣкоторою замѣною ея и быть для человѣка учебникомъ жизни. Итакъ, реализмъ, обоснованный Чернышевскимъ, въ корнѣ подточилъ то идеалистическое направленіе въ литературѣ и литературной критикѣ, которое укоренилось у насъ, благодаря нѣмецкой философіи. Всѣ отвлеченные вопросы объ отношеніи Божества къ міру, о проникновеніи міра абсолютной божеской идеей, объ отраженіи Божества въ мірѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ о проявленіи высшей красоты—отошли въ сторону, а на ихъ мѣсто выдвинуты вопросы о дѣйствительности, о человѣческой жизни, какъ центръ высшихъ интересовъ.

Реализмъ Чернышевскаго въ примѣненіи къ поэзіи заключался въ томъ, что вмѣсто отвлеченныхъ идей подставлена была жизнь, какъ главный источникъ поэзіи; вмѣсто смутныхъ философско-эстетическихъ критеріевъ были поставлены реалистическіе критеріи, требующіе отъ поэзіи здравой мысли въ ясныхъ образахъ и насущной пользы. Истыми послѣдователями Чернышевскаго въ русской критикѣ были Добролюбовъ и Писаревъ. Интересно прослѣдить, какъ они проводили въ жизнь реалистическіе принципы критики и какая разница между ними въ этомъ отношеніи. Добролюбовъ прежде всего отбросилъ всѣ эстетическіе и философскіе вопросы. Содержаніемъ его критики служатъ исключительно публицистическіе вопросы текущей жизни, т.-е. литературная критика превратилась у него въ критику жизни, въ критику общества. Многіе вопросы, касающіеся спеціально критики, какъ-то—психологическіе вопросы поэтическаго творчества и др., были изъяты изъ ея области, и, въ ущербъ всѣмъ прочимъ ея сторонамъ, распространена и увеличена ея публицистическая сторона, которая такимъ образомъ изъ прикладной превратилась въ самостоятельную и исключительную задачу. Каждое болѣе или менѣе замѣтное событіе въ области искусства Добролюбовъ обсуживаетъ съ узко утилитарной точки зрѣнія. Онъ призываетъ писателей бороться съ обстоятельствами жизни «громкимъ крикомъ». «Среда заѣдаетъ человѣка»—вотъ мотивъ для всякаго прогрессивнаго писателя, мотивъ, которымъ никто до сихъ поръ не воспользовался. Добролюбовъ осмѣиваетъ теоретиковъ, которые готовы думать, что литература направляетъ исторіей, измѣняетъ государства, передѣлываетъ нравы и народный характеръ. Онъ съ увѣренностью провозглашаетъ, что поэзія, искусства

науки слагаются по жизни, подчиняются жизни. Пора уразумѣть, говоритъ онъ, что литература можетъ быть только служительницей общества на поприщѣ его реальныхъ интересовъ. До сихъ поръ она не выполняла своего назначенія—служить выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій. Итакъ, Добролюбовъ принижаетъ искусство до степени повседневнаго публицистическаго орудія для борьбы съ обстоятельствами даннаго историческаго момента. Онъ устраняетъ изъ критическаго разсмотрѣнія форму произведенія и соотвѣтствіе ея содержанію. Въ содержаніи признаетъ лишь гражданскіе мотивы, способствующіе разъясненію жизни и ея улучшенію. Здѣсь онъ, видимо, противорѣчитъ себѣ, такъ какъ уясненные и выясненные мотивы жизни должны очевидно служить и руководствомъ для той же жизни; слѣдовательно, литература должна итти впереди жизни, а не позади.

Писаревъ также является послѣдователемъ Чернышевскаго, но реалистическіе принципы довелъ до крайностей. Впрочемъ на первыхъ порахъ въ его дѣятельности мы не замѣчаемъ устойчивой доктрины, владѣющей всѣми его настроеніями и убѣжденіями. Въ своихъ рецензіяхъ въ журналѣ: «Разсвѣтъ», онъ скорѣе склоняется къ идеалистическимъ принципамъ. Задачу литературнаго критика онъ видитъ въ томъ, чтобы уловить идею художественнаго произведенія и затѣмъ, оцѣнивъ ея вѣрность, прослѣдить, какимъ образомъ она вложилась въ образы, соотвѣтствующіе ея содержанію. О самомъ эстетическомъ наслажденіи художественнымъ произведеніемъ Писаревъ выражается постоянно съ пылкимъ сочувствіемъ. Человѣку свойственно стремленіе къ прекрасному, пишетъ онъ въ одной рецензіи, и настоящее эстетическое образованіе должно пріучать его любить и понимать красоту.

Въ рецензіяхъ «Разсвѣта» разсѣяно множество замѣчаній, выражающихъ симпатію Писарева къ нравственнымъ и религіознымъ идеямъ Но съ 1860 г. Писаревъ круто измѣняетъ свое направленіе, и, недавній моралистъ и эстетикъ, онъ вдругъ выступаетъ ярымъ фанатикомъ самой крайней реалистической философіи. Наслажденіе искусствомъ, прежде имѣвшее такое большое значеніе въ глазахъ Писарева, теперь уже признано вредною забавою, недостойною серьезнаго—мыслящаго человѣка. Съ этого времени критика становится въ его рукахъ орудіемъ публицистической агитаціи, совершенно несчитающейся съ самостоятельными задачами и цѣлями художественнаго творчества. Въ своихъ статьяхъ онъ возстаетъ противъ тираніи «общаго идеала». Онъ проповѣдуетъ эгоизмъ и индивидуализмъ, какъ единственный путь для прогресса; возстаетъ противъ общихъ теорій, превращающихъ живые факты въ отвлеченныя понятія. Литература и литературная критика не должны задаватьтя никакими однообразными принципами, которые мѣшаютъ улавливать явленія жизни въ ихъ настоящемъ колоритѣ и пестротѣ природныхъ красокъ. Пусть литература, чуткая къ потребностямъ дня, займется фактами жизни, и тогда она откроется для цѣлаго потока свѣжихъ и новыхъ впечатлѣній. Чѣмъ внимательнѣе она будетъ обсуживать отдѣльные случаи вседневной жизни, тѣмъ она будетъ плодотворнѣе. Съ этого времени законы искусства его не интересуютъ. Поэтическое творчество онъ низводитъ до степени нехитраго проявленія извѣстной нервной впечатлительности, соединенной съ техническимъ умѣніемъ отливать готовую идею въ опредѣленную, виртуозную форму.

Отсюда всѣ произведенія, не занимающіяся современной жизнію, не пользуются его сочувствіемъ. Лири-

ка, занимающаяся только любовными похожденіями и нѣжными чувствованіями, не можетъ, по его мнѣнію, претендовать на видную роль въ развитіи общества. Молодое поколѣніе признается имъ высшей инстанціей при разрѣшеніи серьезныхъ литературныхъ вопросовъ. Съ особой любовью Писаревъ останавливается на выясненіи «Отцовъ и Дѣтей». Въ художественномъ образѣ Базарова Писаревъ увидѣлъ черты своей собственной умственной и нравственной физіономіи, отраженіе своихъ лучшихъ симпатій и влеченій. Базаровъ чистый эмпирикъ. Онъ отрицаетъ искусство, Пушкина, Рафаэля, какъ пустую и ничтожную романтику, не по ошибкѣ, а по строгому и ясному для него убѣжденію. Онъ отрицаетъ высшія проявленія человѣческаго духа. Базаровъ ни во что не вѣритъ. Отличіе его дѣятельности отъ дѣятельности Добролюбова заключается въ томъ, что онъ реалистическіе принципы Чернышевскаго довелъ до крайностей и, кромѣ того, слишкомъ набросился на русскую эстетическую литературу, низвергая авторитеты и вырывая съ корнемъ внѣдрившіяся пристрастія. Пользы отъ изученія литературы онъ не признаетъ. Къ поэзіи относится съ явной ироніей. Онъ сознается, что глубоко равнодушенъ ко всѣмъ искусствамъ, потому что не вѣритъ, чтобы они какимъ бы то ни было образомъ могли содѣйствовать умственному или нравственному совершенствованію человѣчества. Пушкина онъ признаетъ пародіей на поэта, имя котораго въ дѣйствительности забыто. Въ оцѣнкѣ Пушкина Писаревъ, примѣняя критерій новѣйшаго реализма, шелъ по слѣдамъ не только Чернышевскаго и Добролюбова, но и Бѣлинскаго, котораго и называлъ своимъ учителемъ. Итакъ, Писаревъ довелъ реалистическіе принципы до апогея, подрывая и уничтожая принципы идеалистическіе, а

вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно дискредитируя и принципы эстетическіе.

Въ 50-е г.г. началась также и критико-литературная дѣятельность Ап. Григорьева. Самъ онъ признавалъ себя поборникомъ исторической критики, но изъ формулировки его вѣроученія явствуетъ, что къ исторической точкѣ зрѣнія на писателя и на литературныя произведенія, какъ на продуктъ среды и исторической обстановки,—примѣшивается также и точка зрѣнія эстетическая, такъ какъ, по его мнѣнію, общіе эстетическіе законы съ логической необходимостью подразумѣваются исторической критикой. Эта эстетическая основа художественныхъ произведеній впослѣдствіи вывела его на болѣе широкій путь идеализма вообще. Въ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Бесѣдѣ» и «Библіотекѣ для чтенія», А. Григорьевъ изложилъ свои основные взгляды на искусство и на задачу литературной критики. Искусство, по его опредѣленію, есть идеальное выраженіе жизни, и потому художнику приходится прежде всего обращаться къ элементамъ своей собственной душевной дѣятельности, въ которой перерабатываются внѣшнія впечатлѣнія. На идеальномъ началѣ держится весь творческій процессъ, какъ на своей основной непреходящей вѣчной правдѣ. Въ этомъ происхожденіи искусства изъ идеальнаго источника уже дана неизбѣжная его связь съ высшими нравственными стремленіями человѣка. Художникъ является представителемъ высшихъ нравственныхъ понятій окружающей его жизни. Искусство нравственно, потому что оно непосредственно передаетъ въ лицахъ и образахъ тѣ вѣчныя, идеальныя начала, которыя служатъ мѣриломъ всякихъ общественныхъ и личныхъ понятій. Стремленіе къ правдѣ, къ органическому единству съ жизнью въ ея глубочайшихъ

корняхъ и есть дѣятельная, нравственная стихія истиннаго искусства. Творчество есть выраженіе народной жизни, и потому коренныя нравственныя начала народнаго убѣжденія суть неминуемо и коренныя начала художества. Искусство воплощаетъ въ образы, въ идеалы сознаніе массы. Поэты суть голоса массъ, народностей, мѣстностей,—глашатаи великихъ истинъ и великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключомъ къ уразумѣнію эпохъ. Въ другой статьѣ, помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія», выясняя задачи критики, Григорьевъ защищаетъ самостоятельность критической задачи. Истинный критикъ, обнаруживая внутреннее содержаніе поэтическаго произведенія, долженъ войти въ самое широкое изученіе того, что въ немъ есть творящаго, идеальнаго, жизненнаго. Критикъ долженъ принять на себя обязанность изслѣдовать законы, по которымъ возникаютъ и развиваются идеальныя силы художника. Идеальное начало не развивается, существуетъ отъ вѣка, управляетъ судьбами людей, но само не подчиняется никакимъ случайнымъ обстоятельствамъ. Искусство есть идеальное откровеніе. Между искусствомъ и критикой есть органическое родство въ сознаніи идеальнаго, и критика поэтому не можетъ и не должна быть слѣпо-историческою, а должна быть столь же органической, какъ само искусство. Критика есть анализъ тѣхъ же идеальныхъ законовъ жизни, которые въ синтетическомъ творческомъ процессѣ художника облекаются плотью и кровью. Утверждая, что искусство есть отраженіе идеальной жизни, какъ она выступаетъ на почвѣ народного быта, Григорьевъ дѣлаетъ выводъ, что критика искусства должна открывать законы этого отраженія посредствомъ анализа идеальныхъ силъ и стремленій человѣка. Искусство должно

быть народнымъ, и критика искусства должна быть философіей народныхъ особенностей и воззрѣній, воплощенныхъ въ наиболѣе яркихъ—типическихъ проявленіяхъ.

Опредѣляя тѣ принципы, которые внесъ А. Григорьевъ въ русскую критику, ихъ нельзя назвать эстетическими, такъ какъ самъ Григорьевъ упрекаетъ эстетиковъ въ пристрастіи къ техническимъ мелочамъ; нельзя назвать реалистическими, такъ какъ реалистовъ, или «теоретиковъ», Григорьевъ упрекаетъ въ порабощеніи искусства временнымъ задачамъ; нельзя назвать ихъ и историческими, такъ какъ, по словамъ Григорьева, историческая критика впала въ грубую ошибку, принявъ жизнь, какъ явленіе, за норму искусства. Обыкновенно его критику называютъ органической, основываясь на словахъ самого Григорьева, что критика должна быть столь же органической, какъ само искусство. Но на дѣлѣ оказывается, что того равновѣсія между жизнію и идеаломъ, котораго онъ требуетъ отъ каждаго художника, въ его критикѣ нѣтъ, такъ какъ идеальное начало у него преобладаетъ, и въ основу художественнаго изображенія полагается не настоящая, неприкрашенная жизнь, а жизнь идеальная. Отсюда и критику его можно назвать въ широкомъ смыслѣ идеалистической съ еле замѣтнымъ налетомъ историческимъ.

Страховъ-ученикъ и преемникъ Григорьева. По его словамъ, поэзія есть дѣло таинственное. Искусство имѣетъ идеальную природу и, безъ пониманія которой въ немъ нельзя ничего понять. Поэзія нужна для того, чтобы оторвать насъ отъ своекорыстныхъ помысловъ. Искусство связано—по своей сущности со всѣми высшими интересами человѣческой души. Правда—высшій законъ искусства. Критики не должны быть судьями

вдохновителя, а лишь истолкователями. Искусство имѣетъ самостоятельныя задачи—стремиться къ вѣковѣчной правдѣ и красотѣ. Въ статьѣ: «Нѣсколько словъ памяти Фета», Страховъ говоритъ: «У насъ есть истинная, необманчивая дѣйствительность и эта дѣйствительность—наше чувство, наша душа. Жизнь не можетъ насъ удовлетворить. Поэтъ долженъ изображать вѣчныя начала человѣческой жизни и общія силы жизни. Страховъ особенно цѣнитъ въ Л. Толстомъ то, что онъ все вниманіе устремляетъ на человѣческую душу, и необыкновенно тепло и вѣрно изображаетъ душевныя движенія. Кромѣ того, Л. Толстой, по словамъ Страхова, ищетъ слѣдовъ красоты души человѣческой, ищетъ въ каждомъ изображаемомъ лицѣ той искры Божіей, въ которой заключается человѣческое достоинство личности,—словомъ, старается найти и опредѣлить со всею точностью, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ идеальныя стремленія человѣка осуществляются въ дѣйствительной жизни.

Итакъ, Страховъ въ жизни признаетъ лишь ея идеальную подкладку, въ отдѣльномъ человѣкѣ—интересы души, въ искусствѣ и въ частности—въ поэзіи—изображеніе идеальной души, что и составляетъ красоту жизни. Отъ своего учителя А. Григорьева отличается болѣе усиленнымъ требованіемъ идеализаціи жизни и искусства, вслѣдствіе чего и его принципы представляютъ по отношенію къ критикѣ такую же крайность, какую Писаревскіе принципы въ послѣдній періодъ его дѣятельности—по отношенію къ принципамъ Чернышевскаго.

Послѣдняя четверть XIX ст. не выдвинула новыхъ какихъ-либо принциповъ въ литературной критикѣ, а шла по проложеннымъ путямъ, обнаруживая лишь склонность къ защитѣ то реалистическаго, то идеалистиче-

скаго направленія въ литературѣ и литературной критикѣ. Защитникомъ реалистическаго направленія является Г. Скабичевскій. Скабичевскій въ статьѣ: «Новое время и старые боги», идя по слѣдамъ Писарева, не признаетъ въ поэтѣ вдохновенія. Степень поэтическаго дарованія зависитъ отъ впечатлительности. Для поэтическаго произведенія необходимы двѣ силы: сила впечатлительности (вдохновеніе) и традиціонный навыкъ (владѣніе формой). Критика должна относиться къ поэтическому произведенію, какъ къ ученому труду. Не жизнь должна разбирать критика на основаніи образовъ поэта, а, наоборотъ: она должна изслѣдовать поэтическое произведеніе на основаніи фактовъ жизни, провѣрить умозаключенія, къ которымъ пришелъ поэтъ; если эти умозаключенія не вѣрны, она должна логически и фактически ясно раскрыть эту невѣрность, опредѣлить, почему произошла такая невѣрность, и, если возможно, исправить ее и показать, какъ нужно смотрѣть на тѣ факты, которые представляются писателю въ искаженномъ видѣ. Выступая на защиту реалистическаго направленія въ литературѣ, Скабичевскій пользуется довольно оригинальнымъ способомъ. Для характеристики идеалистическаго направленія онъ пользуется однимъ изъ видовъ психологическаго опредѣленія идеализма: «идеалистомъ называютъ у насъ такого человѣка, который, не довольствуясь будничными заботами, имѣетъ такъ называемыя высшія стремленія, строитъ въ головѣ разные идеалы и осуществленіе ихъ ставитъ первою необходимостью въ жизни». Затѣмъ, въ это частичное и болѣе позднее опредѣленіе идеализма Скобическій втискиваетъ явленія разновременныя и разнородныя. Сюда онъ относитъ древнѣйшій идеализмъ, который возникъ, по его мнѣнію, какъ реакція противъ

политеизма; школу стоиковъ, средневѣковый аскетизмъ, нѣмецкій романтизмъ, англійскій байронизмъ и даже россійское самоизгрызеніе 40-хъ г.г. Общей чертой, по взгляду Скабичевскаго всѣхъ этихъ явленій служитъ, при отрицаніи пошлой и гнетущей дѣйствительности, тщетное исканіе идеальныхъ личностей, тщетное обличеніе пороковъ и слабостей людей и воззванія къ людямъ, чтобы они старались быть героями, а затѣмъ горькое разочарованіе, отчаянное отреченіе отъ жизни, или же потеря вѣры въ какіе-либо идеалы и примиреніе съ самою пошлою обыденною дѣйствительностью. Здѣсь г. Скабичевскій, очевидно, смѣшалъ многія разнородныя явленія, которыя никакъ не могутъ уложиться въ то опредѣленіе идеализма, которое онъ далъ раньше. Въ реализмѣ, по его словамъ, какъ противоположномъ идеализму, видятъ непремѣнно отрицаніе всякихъ идеаловъ, всего возвышающаго человѣка надъ прочими животными, и низведеніе его въ міръ однихъ чувственныхъ побужденій.

Здѣсь мы снова имѣемъ дѣло съ частичнымъ и при томъ весьма узкимъ опредѣленіемъ реализма. Послѣ идеализма, говоритъ Скабичевскій, настало время общественныхъ реформъ и рѣшенія вопросовъ практической жизни. И вотъ появилось и новое міросозерцаніе. «Самое названіе новаго міросозерцанія реальной, положительной философіей показываетъ, что сущность его заключается вовсе не въ отрицаніи, а въ утвержденіи положительныхъ взглядовъ на природу и жизнь. Положительное міросозерцаніе, отвергая всякія дуалистическія теоріи, кладетъ въ основаніе свое нераздѣльное единство, какъ природы вообще, такъ и человѣческой природы въ отдѣльности. Положительное міросозерцаніе находитъ, что прекрасное есть созданіе тѣхъ

или другихъ благопріятныхъ условій жизни. Отсюда положительная философія во всемъ поставила на первый планъ заботу о развитіи общаго благосостоянія, видя, что отъ него зависятъ всѣ тѣ нравственныя и физическія совершенства, о которыхъ такъ долго и такъ безплодно сѣтовали идеалисты. Итакъ, защищая реалистическое направленіе, Скабичевскій имѣетъ въ виду так же различныя опредѣленія, очевидно, несходныхъ явленій.

Стоя на философской почвѣ, такъ какъ нерѣдко онъ называетъ это направленіе положительной философіей, Скабичевскій, очевидно, выходитъ изъ этой области, когда говоритъ объ отрицаніи идеаловъ въ этомъ міросозерцаніи; точно также онъ, очевидно, попадаетъ изъ области философіи въ другую сферу, когда утверждаетъ, что положительное міросозерцаніе заботится объ удобствахъ жизни. Итакъ, защиту реалистическаго направленія г. Скабичевскимъ можно было бы признать заслуживающей вниманія, если бы пріемы этой защиты были безупречны. Къ сожалѣнію, они страдаютъ шаткостью какъ въ постановкѣ вопросовъ, такъ и въ ихъ рѣшеніи, такъ какъ самая терминологія и вложенныя въ нихъ понятія не отличаются точностью и опредѣленностью.

Защитникомъ идеализма въ концѣ XIX ст. является г. Волынскій. Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» г. Волынскій выступилъ противъ «Вѣстника Европы», гдѣ защищаетъ идеалистическіе принципы, ведетъ полемику противъ утилитарной критики и ретроградныхъ жизненныхъ теорій. Задача критики, по его словамъ, по природѣ своей чисто теоретическая, въ которой публицистическій элементъ замѣшанъ только въ качествѣ элемента историческаго, а самую главную роль играютъ начала эстетическія, психологическія въ ихъ неразрывномъ пе-

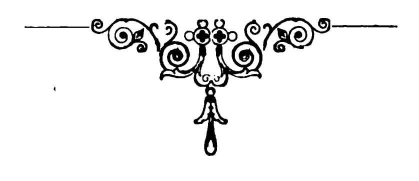
реплетеніи и въ подчиненіи основнымъ теоремамъ философіи. Критика никогда не должна свою дѣятельность смѣшивать съ дѣятельностью соціальнаго публициста. Иначе произойдетъ путаница, которая ее обезсилитъ, создавъ для нея совершенно случайные критеріи и направивъ всѣ ея стремленія на задачи ей вовсе несвойственныя, а настоящія цѣли и законы искусства останутся неразъясненными. Возражая «Вѣстнику Европы» о задачахъ критики, Волынскій говоритъ, что дѣло критики состоитъ не въ поддержкѣ писателей своимъ пониманіемъ и сочувствіемъ, а въ пониманіи законовъ искусства, въ умѣньѣ—вырисовывать міросозерцаніе художника во всей его глубинѣ и ширинѣ, въ умѣньѣ—вскрывать внутренніе импульсы творчества въ связи съ общими взглядами художника на собственное предназначеніе. Литературная критика есть самостоятельная философская дисциплина, имѣющая свой методъ, свой строго очерченный предметъ, свою опредѣленную цѣль, связанную не съ утилитарными запросами времени, а съ вѣчными идеалистическими потребностями общественной культуры. Исполняя такое дѣло, критика идетъ надежнымъ путемъ, постоянно углубляя свою работу, свой анализъ, добывая пристальнымъ изученіемъ психологическаго процесса, сопровождающаго творчество, самостоятельныя истины о человѣческой природѣ. Исполняя такое дѣло, не путаясь въ сравнительно мелкихъ, преходящихъ интересахъ данной минуты, критика дѣлается орудіемъ настоящаго достовѣрнаго знанія—въ противоположность критикѣ публицистической съ ея рабскимъ страхомъ предъ свѣтомъ, льющимся съ высоты небесъ, съ ея низменнымъ взглядомъ на красоту, съ ея грубо механическимъ представленіемъ о художественномъ творчествѣ съ ея непониманіемъ просвѣщаю-

щей силы искусства. Критика должна быть только анализомъ, только пониманіемъ, основаннымъ на строго научныхъ и философскихъ положеніяхъ и, какъ всякій анализъ и пониманіе, она, помимо какихъ либо особыхъ хлопотъ о томъ, внесетъ въ общество свѣтъ и принесетъ людямъ пользу.

Итакъ, въ защитѣ идеализма и во взглядѣ на литературную критику у г. Волынскаго виднѣется та идеалистическая ширь и глубь, какая замѣчалась въ критикѣ А. Григорьева и Страхова, только болѣе обоснованная и упорядоченная философскимъ міросозерцаніемъ.

Самая защита реалистическаго и идеалистическаго направленія въ русской критикѣ показываетъ, что эти два направленія существовали съ извѣстнаго времени въ русскомъ обществѣ; каждое изъ нихъ имѣло своихъ адептовъ и защитниковъ; каждое изъ нихъ претендовало на господствующую роль, но такого господствующаго значенія не пріобрѣтало. И это колебаніе двухъ направленій въ русской критикѣ, какъ и въ русскомъ обществѣ, продолжается и до сихъ поръ.

В. Мочульскій.

Недостатки современнаго женскаго образованія и основы его раціональной организаціи въ связи съ рѣшеніемъ женскаго вопроса въ Россіи *).

V.

Женскія гимназіи не пріучаютъ дѣвушекъ и къ настойчивому умственному труду, хотя это, повидимому, составляетъ одну изъ главныхъ задачъ нынѣшняго воспитанія. Преподаватель имѣетъ дѣло постоянно не съ одной и не съ нѣсколькими ученицами, которыя составляли бы по своимъ знаніямъ, способностямъ и наклонностямъ одну группу, а съ многочисленной (нерѣдко въ 50—60 человѣкъ) толпой подростковъ и дѣвушекъ, совершенно различныхъ въ этихъ отношеніяхъ. По министерскимъ предписаніямъ онъ постоянно долженъ имѣть въ виду среднюю ученицу, которая въ дѣйствительности едва ли существуетъ и, если находится въ классѣ, то ужъ, конечно, не болѣе, какъ въ единственномъ экземплярѣ. И вотъ, въ своихъ объясненіяхъ, вопросахъ и толкованіяхъ онъ старается сообразоваться съ понятіями, запасомъ словъ и знаній, со способностями этого носящагося въ туманѣ предъ его умственными очами типа. Къ чему же это приводитъ? Болѣе способныя ученицы, быстро, часто съ полуслова, понявъ немудреную мысль, разжевываемую пре-

*) Продолж. См. V—VI в.в. 1905 г.

подавателемъ, скучають во время его объясненій. Для менѣе способной части класса эта самая мысль оказывается недоступной. Для тѣхъ и другихъ безплодно тратится значительное количество времени. И только «средняя» ученица да нѣсколько болѣе или менѣе подходящихъ къ ней воспитанницъ съ пользою проведутъ то время, которое употребилъ преподаватель на свои объясненія. Но послѣдній, натолкнувшись, на одномъ изъ слѣдующихъ уроковъ, на незнаніе или непониманіе какой-либо ученицы, снова начинаетъ повторять и пережевывать, что оказывается ненужнымъ уже и для средней ученицы, но что съ пользой можетъ быть выслушано неспособной ученицей и какой-нибудь понятливой, но забывчивой воспитанницей; остальныя же, огромное большинство класса, снова тратятъ безплодно время: однѣ потому, что давно уже знаютъ это, другія—оттого, что, вслѣдствіе своей отсталости, не могутъ и теперь понять мысли наставника. А это безконечное спрашиваніе уроковъ для оцѣнки знаній баллами....—оно можетъ убить въ самой умной ученицѣ всякую любознательность.

Такъ, обыкновенно, проходятъ для ученицъ уроки: «дѣла не дѣлай и отъ дѣла не бѣгай!» «Только въ усиліи, умѣренномъ, но непрерывномъ, и живетъ истинная, плодотворная энергія; это до такой степени вѣрно, что всякій трудъ (разъ онъ удаляется отъ этого типа) можетъ считаться лѣнивымъ трудомъ [17]).

Пытливый умъ, кажется, неглупой въ семьѣ дѣвушки, постепенно тупѣетъ; въ ней мало по-малу исчезаетъ любознательность, способность прямо посмотрѣть на вещь и здравымъ смысломъ схватить ея хорошія и

---

[17]) Пейо «Воспитаніе воли», стр. 5.

дурныя стороны. Мы рѣшительно убѣждены,—и это мнѣніе не только наше: его раздѣляютъ многіе изъ тѣхъ преподавателей, съ которыми намъ приходилось дѣлиться впечатлѣніями школы и результатами опыта,—мы убѣждены въ томъ, что нынѣшнее школьное преподаваніе забываетъ природный здравый смыслъ въ учащемся. Одинъ, обладающій долголѣтнимъ опытомъ, преподаватель, которому пришлось въ особой испытательной коммиссіи проэкзаменовать на своемъ вѣку много много лицъ, говорилъ намъ, что онъ безошибочно узнаетъ, гдѣ подготовлялся испытуемый: дома или въ учебномъ заведеніи. Если экзаменующійся отвѣчаетъ толково, вдумчиво, разсудительно, если онъ располагаетъ основательными знаніями, а не съ вѣтру нахватанными, то это несомнѣнный признакъ домашней подготовки.

VI.

Женскія гимназіи, не принимая въ расчетъ того, что онѣ должны готовить къ жизни женъ и матерей, надрываютъ хрупкій, нѣжный и уже естественнымъ образомъ предрасположенный ко многимъ болѣзнямъ женскій организмъ. Заботы о физическомъ воспитаніи не входятъ въ кругъ обязанностей нашей средней школы. Послѣдняя не только не старается укрѣпить здоровье учащейся молодежи, напротивъ, даже губитъ его. Это скучное, безплодно утомительное сидѣніе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ классѣ, эта необходимость нагибаться надъ книгой и, особенно, тетрадью на урокѣ и дома, этотъ неизбѣжно—спертый въ классномъ помѣщеніи воздухъ,—сколько они губятъ здо-

ровья! Среди молодыхъ людей, прошедшихъ среднюю школу, вы съ большимъ трудомъ найдете лицо, обладающее нормальнымъ зрѣніемъ, слухомъ, здоровыми зубами и хорошею грудью.

Императоръ Вильгельмъ II въ своей извѣстной рѣчи, касающейся педагогическихъ вопросовъ, сказалъ, что въ германской школѣ было 74% близорукихъ, а въ Кассельскомъ лицеѣ, гдѣ онъ воспитывался, среди двадцати слишкомъ его товарищей восемнадцать учениковъ носило очки. Въ концѣ этой рѣчи онъ прекрасно говоритъ: «Господа! нельзя людямъ смотрѣть на свѣтъ Божій черезъ очки—надо смотрѣть своими глазами».

Но еще съ большимъ правомъ можно сказать, что нельзя разжевывать пищу гнилыми зубами, прямымъ послѣдствіемъ чего бываетъ разстроенное пищевареніе и катарръ желудка. А извѣстно, что такое этотъ катарръ: одинъ профессоръ медицины сказалъ, что для того, кто боленъ катарромъ, нѣтъ радостей въ мірѣ: и солнце свѣтитъ тускло, и цвѣты безжизненны, и птицы поютъ скучно. «Плохой желудокъ—отецъ скорбей», говоритъ Ницше.

Худосочіе, малокровіе («блѣдная немочь»), наклонность къ чахоткѣ и къ тайному пороку составляютъ обычное явленіе среди учениц гимназій.

Вмѣстѣ съ этимъ ослабленіе нервной системы оказывается для образованной женщины заурядным наслѣдіемъ школьной скамьи. Да и какъ не быть нервозности, когда пребываніе дѣвушки въ школѣ, устраняя ее отъ всякаго физическаго труда и упражненія, сопровождается непрерывнымъ раздраженіемъ самолюбія то похвалами, то порицаніемъ и угнетеніемъ духа при помощи тяжелыхъ чувствъ страха, ненависти, зависти, вражды, недоброжелательства и пр.

Прошедшая современную среднюю школу дѣвушка можетъ ли физически вынесть тяжелый крестъ доброй жены и любящей матери (да и многія ли изъ нихъ не будутъ уклоняться отъ мукъ дѣторожденія)? Недомоганіе и неудачи мужа, муки дѣторожденія, болѣзни дѣтей и постоянная опасность потерять ихъ,—выдержитъ ли все это надломленное въ школѣ здоровье многихъ изъ вышедшихъ образованныхъ женщинъ? А, если иная и выдержитъ, то передастъ дѣтямъ въ своей крови наслѣдственное предрасположеніе къ болѣзнямъ, а чрезъ постоянное общеніе съ ними еще болѣе усилитъ въ нихъ нервность, уже отъ рожденія заложенную въ ихъ организмѣ.

Желаніе германскаго императора имѣть «поколѣніе крѣпкое, способное на службу отечеству», должно и въ Россіи стать руководящимъ принципомъ школьнаго воспитанія вообще, женскаго въ особенности.

Россія еще такъ недавно выступила на поприще міровой исторической жизни (одинъ ученый приравнилъ русскій народъ, въ ряду другихъ европейскихъ народовъ, къ 18-лѣтнему юношѣ), что ей приходится особенно дорожить здоровьемъ наростающихъ и грядущихъ поколѣній. Поэтому огромная ошибка дѣлается тамъ, гдѣ подсѣкаются молодыя силы этого великана, многострадальное прошлое котораго дало ему право на лучшее будущее.

«Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода—
Прежде всего» [18]).

Всѣ выясненные въ настоящей главѣ недостатки

---

[18]) Некрасовъ.

современнаго женскаго воспитанія въ гимназіяхъ роковымъ образомъ наталкиваютъ образованную дѣвушку на уклоненіе отъ обязанностей материнства и заставляютъ русскую интеллигентную женщину искать мужского дѣла въ видѣ чиновничьей службы.

Также неудовлетворителенъ и выборъ учебнаго матеріала и не только въ женскихъ гимназіяхъ, но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще, о чемъ мы скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Глава 3-я.

Схоластика нашего средняго образованія вообще.

«Всего удивительнѣе то, что они сознаютъ потребность въ учителяхъ и знаніяхъ во всемъ остальномъ: тамъ они прилагаютъ извѣстныя старанія; только науку жизни они не изучаютъ и не хотятъ изучать». *Николь.*

I. Отсталость школы отъ жизни.

II. Непригодность нынѣшняго учебнаго матеріала.

III. Необходимость его переоцѣнки.

I.

Намъ, специалистамъ-преподавателямъ, бываетъ страшно трудно отрѣшиться отъ взгляда, навѣяннаго кругомъ тѣхъ идей, которыя охватываютъ насъ въ рабочемъ кабинетѣ, въ учительской, въ классѣ и которыя являются въ сущности продолженіемъ мыслей, постепенно, день за днемъ, годъ за годомъ всасывавшихся въ нашъ мозгъ со школьной скамьи. Эти идеи, образуя замкнутый кругъ, являются наслѣдіемъ отъ длиннаго ряда предшествовавшихъ поколѣній. Общее имъ имя — «схоластика».

Типъ ученаго сложился въ средніе вѣка: это — человѣкъ, имѣющій дѣло исключительно съ книгой, не знающій жизни, проводящій все время въ кабинетѣ.

Такими учеными была создана и выработана система образованія въ Европѣ.

Не смотря на то, что послѣдніе вѣка внесли совершенно новую струю въ науку, изученіе жизни въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, средневѣковой типъ ученаго въ общемъ мало измѣнился: та же книжность, та же изолированность отъ жизни. Не измѣнился и типъ средневѣковой школы: книга—вотъ та роковая замкнутая черта, внутри которой и нынѣшняя школа, во что бы то ни стало, старается удержать умъ ученика. Ученіе и книга въ нашихъ глазахъ—синонимы, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что ученіе намъ кажется невозможнымъ безъ книги, и, гдѣ нѣтъ книги, тамъ нѣтъ ученія. Величайшая же книга, всегда раскрытая предъ очами человѣка, книга природы и человѣческой жизни забыта и заброшена въ школѣ, особенно въ общеобразовательной школѣ. Еще въ 1862 г. гр. Л. Н. Толстой сказалъ: «Вездѣ вліяніе жизни отстранено отъ заботъ педагога, вездѣ школа обстроена кругомъ китайскою стѣною книжной мудрости, сквозь которую пропускается жизненное образовательное вліяніе только настолько, насколько это нравится воспитателямъ. Вліяніе жизни не признается» [19]).

Мало того, что наши дѣти, проводя съ 8 до 24-хъ лѣтъ все время въ стѣнахъ учебнаго заведенія, не имѣютъ возможности непосредственно наблюдать природу и жизнь, наша система образованія не пытается восполнить этотъ огромный недостатокъ ознакомленіемъ дѣтей съ жизнью по крайней мѣрѣ чрезъ посредство той же книги.

Зданія нашихъ учебныхъ заведеній—какъ будто

---

[19]) Изд. 10-е, т. IV, стр. 114

заколдованные замки. Туда, вслѣдствіе чаръ волшебства, никакъ не можетъ проникнуть много уже вѣковъ проносящаяся и вмѣстѣ съ тѣмъ зиждительная сила жизни. Учебныя заведенія съ непоколебимымъ упорствомъ продолжаютъ выдерживать напоръ жизненныхъ волнъ, не желая поступаться отжившими традиціями ради вновь народившихся потребностей человѣческаго общества и отдѣльной личности.

II.

Попробуйте произвесть такой экспериментъ. Возьмите вы учебные планы нашей средней школы, въ частности женскихъ гимназій, программы и объяснительныя къ нимъ записки, запаситесь учебниками и учебными пособіями, для большей осторожности тѣми именно, которыя рекомендуются министерствомъ. И вотъ, вооружившись всѣмъ этимъ арсеналомъ школьной образованности, попытайтесь дать себѣ отчетъ и при томъ отчетъ ясный, точный, не замаскированный общими, ничего въ сущности не говорящими вашему уму словами — попытайтесь, говорю, выяснить самимъ себѣ: для чего нужно въ жизни знать то, что излагается въ этихъ учебникахъ? Разберите вы каждое руководство, параграфъ за параграфомъ, главу за главой, отдѣлъ за отдѣломъ, и вы, если только будете вполнѣ искренни передъ собою, разведете въ недоумѣніи руками и признаете нужнымъ сохранить изо всей этой громады учебнаго матеріала только ничтожныя крупицы, да и то лишь послѣ переработки ихъ по новой системѣ, съ инымъ освѣщеніемъ, подсказываемымъ принципомъ примѣнимости изучаемаго къ жизни,

остальное же съ рѣшительностію отбросите, какъ ненужный хламъ.

Но вы, обыкновенный читатель, не принадлежащій къ педагогическому цеху, прежде, чѣмъ рѣшиться произнесть такой приговоръ, вѣроятно, убоитесь своей дерзновенности и, признавъ себя профаномъ, махнете на все рукой: не нашего, дескать, это ума дѣло, объ этомъ пусть судятъ спеціалисты. Конечно, смиреніе вещь похвальная, и предоставить рѣшеніе столь важнаго вопроса спеціалистамъ ни въ коемъ случаѣ не мѣшаетъ.

И вотъ вы, собравшись съ духомъ, садитесь за спеціальныя сочиненія по педагогикѣ, общей дидактикѣ, методикѣ отдѣльныхъ педагогическихъ и методическихъ вопросовъ, за статьи педагогическихъ журналовъ. Авторы, если не считать кое въ чёмъ замѣчающихся разногласій между ними, признаютъ все, чему учитъ школа, крайне необходимымъ, въ высшей степени важнымъ и необыкновенно полезнымъ. Когда же изрѣдка авторъ сочтетъ нужнымъ затронуть извѣстный еще изъ «Катехизиса» митрополита Филарета вопросъ: «А почему сіе важно?» то рѣчь пишущаго принимаетъ крайне цвѣтистый колоритъ, стиль становится неудобопонятнымъ и по запутанности конструкціи, и по туманности отдѣльныхъ выраженій. Въ большинствѣ случаевъ все сводится къ громкимъ фразамъ и необыкновенной полезности сообщаемыхъ свѣдѣній и метода, по которому они излагаются въ школѣ, для общаго развитія дѣтской души, для умственной гимнастики и т. п.

Вотъ вы и выберите изъ всего этого то, что вамъ покажется наиболѣе вразумительнымъ, вѣскимъ и безспорнымъ, и сравните съ тѣмъ, что и какъ излагается въ учебникахъ. Вы увидите, что преподносимыя въ

средней школѣ знанія стоятъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ принятыми вами въ руководство положеніями.

Попытка произвести приблизительно съ этой точки зрѣнія переоцѣнку школьнаго учебнаго матеріала была сдѣлана умѣлой рукой извѣстнаго публициста Южакова. Послѣдній на страницахъ «Русскаго Богатства» за 1897 годъ прекрасно выяснилъ всю шаткость, сбивчивость, безполезность и непригодность излагаемыхъ въ школьныхъ руководствахъ свѣдѣній по русской грамматикѣ, географіи и исторіи.

III.

Но г. Южаковъ не пытался дать отчетъ въ томъ, для чего, въ какомъ возрастѣ, при какомъ методѣ преподаванія и въ какомъ размѣрѣ нужна русская грамматика, географія и исторія. А между тѣмъ это—вопросы, въ высшей степени важные и требующіе тщательной переоцѣнки учебнаго матеріала.

Мы, конечно, готовы смѣяться, вслѣдъ за авторомъ комедіи, надъ мнѣніемъ Простаковой о безполезности географіи, мотивированнымъ тѣмъ, что, «извощики-то на что-жъ?» Но вѣдь возраженіе ея, право, умнѣе основанія, указаннаго Стародумомъ, хотя сторону послѣдняго и держитъ самъ Фонвизинъ, а вмѣстѣ съ нимъ и наша школа, сведшая географію на безсвязную номенклатуру: «На первый случай сгодилось бы и къ тому, что ежели бъ случилось ѣхать, то знаешь—куда ѣдешь», неудачно разъясняетъ пользу географіи фонвизинскій резонеръ.

Далеко не глупа точка зрѣнія госпожи Простаковой и на ариѳметику. Митрофанушкѣ, вычисляющему, сколько пришлось бы жалованья плутоватому Цыфиркину въ случаѣ прибавки, она говоритъ: «Не трудись попустому [20], другъ мой! Гроша не прибавлю: да и не за что. Наука не такая. Лишь тебѣ мученье: а все, вижу, пустота. Денегъ нѣтъ, что считать? Деньги есть: сочтемъ и безъ Пафнутьича хорошохонько».

Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ словахъ выражена прежде всего, мысль, подъ которою, я думаю, подпишется всякая здравомыслящая мать: чего стоитъ наука, приносящая ребенку лишь мученія? Нужна только та наука, которая радуетъ ребенка, влечетъ къ себѣ его мысль, поднимаетъ душу, множитъ энергію. Теперь ужъ, кажется, ни для кого не секретъ то, что прежде таили про себя авгуры—преподаватели, а именно, что въ нашей средней школѣ ученикъ ничего не испытываетъ къ изучаемымъ предметамъ, кромѣ отвращенія, предавая ненавистные учебники на другой день послѣ экзаменовъ ауто-да-фе.

Далѣе, неразумная Простакова высказываетъ и другую прекрасную идею, подсказанную ей любящимъ материнскимъ сердцемъ: она указываетъ вѣрный путь, какъ заинтересовать наукой ребенка.

Этого пути теперь, какъ разъ, держится новая англійская школа: «Чтобы придать преподаванію математики характеръ практическій и интересный, учениковъ заставляютъ дѣлать приложенія тѣхъ вычисленій, коимъ ихъ научили. Напримѣръ, они должны составить

---

[20]) Въ pendant напомню, что Достоевскій въ «Запискахъ изъ мертваго дома» признаетъ самой большой тягостью каторжнаго труда его очевидную безполезность.

счетъ издержекъ по фермѣ, по саду, по лугамъ, по письменнымъ принадлежностямъ, по химической лабораторіи, по пищѣ, отопленію и т. д. Все это они должны привести въ порядокъ нужными для того вычисленіями. Такимъ образомъ цифры оживляются, пріобрѣтаютъ смыслъ, научаютъ вести хозяйство домашнее, предпріятіе земледѣльческое, торговое или промышленное, словомъ онѣ подготовляютъ людей практическихъ, принимаютъ характеръ общественный» [21]).

Правильнѣе и глубже русскаго сатирика XVIII в. посмотрѣлъ на обычное еще до сихъ поръ преподаваніе географіи великій юмористъ нашего столѣтія: Гоголь высмѣялъ Манилова, который не пріучилъ 8-лѣтняго Ѳемистоклюса вытирать себѣ носъ, но зато сообщилъ уже названія главныхъ городовъ Россіи и Франціи.

Нашихъ дѣтей сплошь и рядомъ (и не только на урокахъ географіи, но и по другимъ предметамъ) заставляютъ учить то, что совершенно недоступно ихъ кругозору, ихъ пониманію, ихъ любознательности, подобно тому, какъ Ѳемистоклюсу нисколько не интересно и непонятно, что такое Франція, лучшій городъ Франціи и пр. Все это слова, пустые звуки безъ смысла и значенія, напрасно обременяющіе дѣтскую голову и отучивающіе природный умъ ребенка относиться ко всему вдумчиво.

А между тѣмъ, какими блестящими словами, широко-вѣщательной рекламой дышатъ страницы защитниковъ современнаго режима въ средней школѣ, съ огромной убѣдительной силой доказывающихъ необходимость и раціональность нынѣшней постановки пред-

---

[21]) «Новая школа» К. П. Побѣдоносцева. М. 1898 г. стр. 103.

метовъ. Я сдѣлалъ слабую попытку сопоставить пространныя обѣщанія сторонниковъ преподаванія древнихъ языковъ въ мужскихъ гимназіяхъ съ дѣйствительными оффиціально засвидѣтельствованными результатами изученія классицизма, обнаруженными во всей Россіи, и, мнѣ кажется, убѣдительно выяснилъ, что тѣ (т. е. обѣщанія) и другіе (результаты) не имѣютъ между собой никакихъ точекъ соприкосновенія [22]).

Если такой казусъ могъ случиться съ изученіемъ древнихъ языковъ, съ этою опорою всего мужского образованія, провѣренною и испытанною, говорятъ намъ, многовѣковымъ опытомъ западно-европейскихъ народовъ, то какъ же тогда полагаться на мнѣнія присяжныхъ цѣнителей другихъ, далеко нестоль важныхъ предметовъ женскаго образованія, когда организаторы женскихъ гимназій непозаботились даже, хотя бы только для видимости, о примѣненіи учебнаго матеріала, преподаваемаго въ гимназіяхъ, къ особенностямъ женской психики, къ ходу душевнаго развитія дѣвушки, къ ея будущности въ семьѣ и обществѣ.

Нѣтъ, мы отказываемся вѣрить въ непреложность и безспорность какъ состава учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ женскихъ гимназіяхъ, такъ и выбора учебнаго матеріала по каждому предмету въ отдѣльности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ особенности, пріемовъ и методовъ преподаванія [23]).

---

[22]) См. нашу статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1899 г., 12 декабря: «Образовательное значеніе древнихъ языковъ въ зависимости отъ методовъ ихъ преподаванія».

[23]) Слѣдствіемъ этого недовѣрія къ современному женскому образованію явилось то, что мы съ женой не опре-

Мы, само собой разумѣется, не одержимы такой самонадѣянностью, чтобы подвергнуть коренному и детальному пересмотру учебную сторону средняго женскаго образованія. Это значило бы дѣлать то, чего до сихъ поръ не сдѣлали русскіе педагогическіе дѣятели, вмѣстѣ взятые. Это тема не журнальной статьи, а многотомнаго сочиненія.

Наша цѣль безконечно скромнѣе: мы постараемся высказать нѣсколько мыслей, быть-можетъ, мелкихъ, имѣющихъ малое значеніе, однако такихъ, въ правильность которыхъ мы вѣримъ, и которыя составляютъ плодъ долголѣтнихъ наблюденій и безпокойныхъ думъ о судьбѣ русскихъ дѣтей вообще, русской дѣвушки въ особенности. Мы думаемъ, что возводить зданіе новаго типа женскаго образованія необходимо при помощи многихъ и многихъ каменщиковъ, пусть же такимъ камнемъ, лептою доброжелательной вдовицы послужитъ настоящая наша работа. Вотъ самая большая плата, на которую мы, въ лучшемъ случаѣ, можемъ надѣяться.

дѣляли своей дочери въ учебное заведеніе и даемъ ей домашнее образованіе, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья.

Глава 4-я.

Руководящіе принципы для реорганизаціи средней школы вообще.

Omnia spónte fluánt, absít violéntia rébus.
Янъ Амосъ Каменскій: «Opera didactica» ч. IV.

Non scholae, sed vitae discimus
Сенека Младшій, 106 письмо.

А. Сліяніе задачъ обученія и воспитанія.

I. Пренебреженіе этой стороной въ нынѣшней средней школѣ.

II Примѣръ: преподаваніе русской исторіи въ 3-мъ классѣ гимназіи.

III. Условія, при которыхъ слово учителя дѣйствуетъ на чувство ученика.

IV. Неудовлетворительная постановка русскаго языка.

V. Необходимо ослабить офиціальный контроль надъ преподавателемъ и улучшить его матеріальное положеніе.

VI. Взаимная близость учащихъ и учащихся.

VII. Важное значеніе такихъ отношеній для выработки характера въ воспитанникахъ.

Б. Связь образованія съ жизнью.

I. Важное значеніе этой связи.

II. Школа должна готовить дѣятелей для общества.

Руководящими принципами, при выборѣ общеобразовательныхъ предметовъ и методовъ ихъ преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ, должны быть слѣдующіе.

Преподаваніе должно

а) преслѣдовать задачи не только обученія, но и воспитанія, т.-е. развивать не столько память, сколько способность здраво мыслить, правильно чувствовать и цѣлесообразно дѣйствовать;

б) имѣть непосредственное отношеніе къ жизни.

Эти принципы вытекаютъ изъ дѣтской природы, изъ особенностей женской души и положенія женщины въ семьѣ и обществѣ.

Скажемъ о каждомъ изъ этихъ положеній въ отдѣльности.

А. Сліяніе задачъ обученія и воспитанія.

I.

Принципъ сліянія задачъ обученія и воспитанія теоретически выдвинутъ педагогами давно [24]; въ дѣйствительности же онъ не находитъ себѣ еще и теперь почти никакого приложенія. Не говоря уже о женскихъ гимназіяхъ, мало обращавшихъ на себя вниманіе министерства и общества,—воспитательныя цѣли упущены даже въ уставѣ мужскихъ гимназій, изданномъ въ 1871 году. Въ первомъ параграфѣ этого

---

[24]) Еще въ XVII в. Янъ Амосъ Коменскій указывалъ на него.

устава говорится: «Гимназіи имѣютъ цѣлію доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища».

Вслѣдствіе такой постановки дѣла учитель въ нашей средней школѣ только сообщаетъ знанія своимъ ученикамъ и почти совершенно освобожденъ отъ воспитательскихъ обязанностей. Воспитательныя же мѣры инспекціи учебнаго заведенія (помощниковъ классныхъ наставниковъ, инспектора, классныхъ дамъ и пр.) не простираются далѣе надзора и наблюденія за поведеніемъ учащихся.

II.

Правда, иногда въ объяснительной запискѣ къ иному учебному предмету упоминается объ обязанности преподавателя вліять воспитывающимъ образомъ на учащихся въ предѣлахъ излагаемаго учебнаго матеріала. Такъ, напр., въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи [25]) говорится, что преподавателю курса русской исторіи въ третьемъ классѣ, кромѣ сообщенія историческихъ знаній, слѣдуетъ поставить себѣ задачею пробудить въ ученикахъ интересъ къ занятіямъ исторіей и содержаніемъ курса дѣйство-

[25]) Только для мужскихъ гимназій учебные планы подробно разработаны и снабжены объяснительными записками, преподавателямъ же женскихъ гимназій вмѣнено въ обязанность строго придерживаться ихъ.

вать на воображеніе, на облагороженіе нравственнаго чувства учениковъ, на пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ любви къ отечеству». Но эта задача воспитанія не достигается въ дѣйствительности, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный педагогъ, попечитель Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскій, который говоритъ, что теперь «не могутъ быть возбуждены въ учащихся, какъ это требуется запискою, ни интересъ къ занятіямъ исторіей, ни вліяніе ея на развитіе въ нихъ воображенія и нравственнаго чувства, ни пробужденіе и укрѣпленіе въ нихъ любви къ Россіи и человѣчеству» [26]).

Виною этому тѣ рамки, въ которыя вставляетъ министерство преподавательскую дѣятельность. Такъ, въ той же объяснительной запискѣ краткій курсъ отечественной исторіи предлагается ученикамъ третьяго класса «не въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ связномъ изложеніи и хронологической послѣдовательности, такъ чтобы ученики изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній могли составить себѣ достаточно опредѣленное представленіе о ростѣ и постепенномъ усиленіи могущества Русскаго государства, насколько это возможно по степени умственнаго развитія ихъ». Такой способъ изученія исторіи, по нашему мнѣнію, такъ же мало соотвѣтствуетъ степени развитія 12—13 лѣтнихъ дѣтей, какъ и методъ обученія Маниловымъ Θемистоклюса, котораго онъ хочетъ пустить по дипломатической части.

Не менѣе вредно отзываются на преподаваніи исторіи тѣ внѣшніе пріемы, которыхъ держаться преподавателю предписывается министерствомъ. Такъ, напр.,

---

26) «Русская школа» 1898. № 10, стр. 101.

«разъясненіе каждаго урока исторіи преподавателемъ должно имѣть цѣлью, главнымъ образомъ, облегчить ученикамъ домашнюю работу по этому предмету. Эта цѣль легче достигается въ младшихъ классахъ (III и IV) чтеніемъ учебника, при объясненіи преподавателемъ трудныхъ мѣстъ».

Здѣсь упущена изъ вида (и на это не обратилъ вниманія г. Яновскій, подробно указывающій въ своемъ трудѣ какъ недостатки учебныхъ плановъ мужскихъ гимназій, такъ и мѣры къ улучшенію преподаванія) извѣстная педагогическая истина: дѣйствовать на сердце учащагося, развивать въ немъ высокія чувства можно только посредствомъ живого слова, въ которомъ находитъ себѣ выраженіе душа наставника. При чтеніи же и разъясненіяхъ учебника о такомъ воздѣйствіи на воспитанника и душевномъ общеніи между разъясняющимъ урокъ учителемъ и выслушивающимъ эти объясненія классомъ не можетъ быть и рѣчи. Сухое, сжатое изложеніе учебника и отрывочныя поясненія къ нему учителя могутъ вызвать въ ученикахъ, да и въ самомъ преподавателѣ, только скуку и желаніе, чтобы урокъ поскорѣе кончился.

III.

Вотъ что говоритъ Гоголь о преподаваніи исторіи въ университетѣ: «Профессоръ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если хоть одинъ изъ нихъ можетъ предаться во время лекціи постороннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на профессора: онъ не умѣлъ быть такъ занима-

телемъ, чтобы покорить своей волѣ даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, если слогъ профессора вялъ, сухъ и не имѣетъ той живости, которая не даетъ мыслямъ ни на минуту разсыпаться. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будутъ слушать, тогда никакія истины не произведутъ на слушателей вліянія, потому что ихъ возрастъ—возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній; тогда происходитъ то, что самыя ложныя мысли, слышимыя ими стороною, но выраженныя блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекутъ ихъ и дадутъ имъ совершенно ложное направленіе. Что же тогда, когда профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мертвыми правилами и не имѣетъ даже умственныхъ силъ доказать ихъ; когда юный, развертывающійся умъ слушателей, начиная понимать уже выше его, пріучается презирать его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внутренній смѣхъ и желаніе дѣйствовать и умствовать наперекоръ, тогда самыя священныя слова въ устахъ его, какъ-то преданность религіи и привязанность къ отечеству и государю превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ, къ сожалѣнію, нерѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное, чтобы разсказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой природы, такъ естественны, чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Разсказъ про-

фессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣто величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ и простота» [27]).

Великій знатокъ человѣческой души понималъ, какъ дѣйствовать на чувства и убѣжденія слушателей. Составители же учебныхъ программъ и различнаго рода инструкцій преподавателямъ нерѣдко упускаютъ изъ вида пути, которыми совершается душевное, сердечное общеніе людей.

Хотя преподаватель средняго учебнаго заведенія не профессоръ и не читаетъ лекцій, однако и въ классѣ передача душевныхъ движеній отъ наставника къ питомцамъ можетъ совершаться лишь посредствомъ живого, проникнутаго чувствомъ слова, но не чрезъ учебникъ.

Мы понимаемъ и признаемъ великую пользу, съ точки зрѣнія воспитанія чувствъ, такого методическаго пріема: преподаватель читаетъ и объясняетъ евангеліе, поэтическое произведеніе, разсказъ лѣтописца, свидѣтельство современника, автобіографическія воспоминанія писателей и ученыхъ и т. п.,—словомъ, объясняетъ такой текстъ, который самъ дышетъ чувствомъ и проникнутъ личностью автора. Чувство, вылившееся въ такомъ разсказѣ, передается преподавателю, и послѣдній, ассимилируясь своей душой съ душой повѣствователя, въ своихъ толкованіяхъ, почерпающихъ одушевленіе изъ написаннаго, сообщаетъ это чувство и воспитанникамъ. Безжизненное же изложеніе учебника, становясь

---

[27]) «О преподаваніи всеобщей исторіи». Изданіе десятое. Томъ V, стр. 143—144.

между наставникомъ и учениками, только мѣшаетъ достиженію воспитательныхъ задачъ, указываемыхъ въ объяснительной запискѣ къ учебному плану исторіи.

IV.

Однако воспитательныя задачи выясняются даже министерствомъ далеко не для каждаго учебнаго предмета. Возьмемъ для примѣра учебные планы по русскому языку. Вотъ какъ опредѣляется задача этого предмета: «Преподаваніе русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ должно имѣть цѣлью научить выражаться и писать на своемъ отечественномъ языкѣ правильно въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ».

О воспитательномъ значеніи поэзіи во всей запискѣ не говорится ни слова. Эта сторона въ сущности самаго важнаго изъ учебныхъ предметовъ не обратила на себя вниманія и К. П. Яновскаго, хотя онъ въ своихъ «Мысляхъ» рекомендуетъ около 20 мѣръ въ интересахъ болѣе нормальной постановки преподаванія русскаго языка и придаетъ вообще большую цѣну воспитательному вліянію обученія.

А между тѣмъ одного этого предмета было бы, быть можетъ, достаточно (съ помощью, конечно, закона Божія) для надлежащаго воспитанія молодежи: мы знаемъ, что у грековъ и римлянъ на изученіи родныхъ писателей сосредоточивалось почти все образованіе; что Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь были обязаны тою долей умственнаго развитія, которая была ими пріобрѣтена на школьной скамьѣ, главнымъ образомъ знакомству съ писателями.

V.

Чтобы воспитательныя задачи стали достижимыми для преподавателя, послѣднему необходимо, прежде всего, имѣть развязанными руки. Подозрительный взглядъ надсмотрщика долженъ быть удаленъ, какъ можно, дальше отъ того священнаго мѣста, гдѣ совершается святое дѣло духовнаго строенія. Учитель долженъ больше руководиться собственными убѣжденіями, взглядами, симпатіями и чувствами, чѣмъ навязанными ему министерскими распоряженіями [28]: «онъ высшую силу признаетъ надъ собою»—творчество, вдохновеніе, педагогическій тактъ и находчивость.

Наша мысль, несомнѣнно, будетъ встрѣчена съ крайнимъ недовѣріемъ и упорнымъ сомнѣніемъ въ осуществимости. До сихъ поръ на дѣло преподавателя привыкли смотрѣть, какъ на такое, которое требуетъ постояннаго, всесторонняго и разнообразнаго контроля.

---

[28]) К. П. Яновскій послѣ слишкомъ полувѣкового педагогическаго опыта пришелъ къ такому выводу: «Извѣстно, что уставы большей части нашихъ учрежденій и различныя касающіяся ихъ постановленія нерѣдко представляютъ собою плодъ увлеченій разныхъ нашихъ дѣятелей, иногда совершенно случайныхъ, т. е. такихъ, которые явились во главѣ управленій разными нашими вѣдомствами безъ всякой предварительной подготовки, никогда не думая объ ихъ задачахъ, а, слѣдовательно, и не будучи знакомы съ этими задачами... Нѣкоторые изъ нашихъ высшихъ административныхъ дѣятелей, попавъ на свой постъ случайно, служатъ нерѣдко орудіями низшихъ дѣятелей, ни въ чемъ не отвѣтственныхъ, но извлекающихъ разныя выгоды чрезъ своихъ патроновъ» («Русская Школа» 1898 г. № 3, стр. 92).

Еще Лука Лукичъ Хлоповъ говорилъ: «Бѣда служить по ученой части! Всего боишься: всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ» [29]).

Министерство какъ будто опасается, чтобы преподаватель не бездѣльничалъ на урокѣ, не пустословилъ, не проводилъ въ среду учащихся безнравственныхъ чувствъ и «завиральныхъ идей». Въ этихъ видахъ каждый шагъ преподавателя строго опредѣленъ министерствомъ уже заранѣе. Напередъ указано чуть не по часамъ и даже по минутамъ, что и какъ долженъ дѣлать преподаватель. Въ результатѣ же получается, что самое главное въ обученіи—душа наставника «изъята изъ обращенія». А разъ преподаватель поставленъ въ такія условія, что не можетъ вкладывать своей души въ дѣло, послѣднее, естественно, перестаетъ его интересовать и обращается для него въ тяжелую формальность, которую онъ выполняетъ ради куска хлѣба или по другимъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ воспитанію дѣтей, расчетамъ.

Г. попечитель Кавказскаго округа, при обзорѣ постановки почти каждаго предмета, сѣтуетъ на отсутствіе хорошихъ преподавателей. Такъ, напримѣръ, объ учителяхъ исторіи онъ говоритъ, что «знанія большинства ихъ не простираются далѣе предѣловъ учебника» [30]). И нисколько не удивительно: для чего учитель будетъ расширять свои спеціальныя знанія, если ихъ не приходится примѣнять при прохожденіи предмета, которое заключается въ чтеніи и разъясненіи учебника?

Съ другой стороны, гдѣ найти силы и время, что-

---

29) «Ревизоръ». Дѣйствіе I, явленіе I-е.

30) «Русская школа» 1898 г. № 10, стр. 101.

бы, давая ежедневно, по меньшей мѣрѣ, 4—5 скудно-оплачиваемыхъ уроковъ заниматься дома пополненіемъ своихъ научныхъ свѣдѣній и углубленіемъ педагогическаго опыта. Сознавая непосильность труда, возложеннаго на преподавателя гимназій, самъ К. П. Яновскій однако предъявляетъ къ учителю русскаго языка больше, чѣмъ всѣ другіе, обремененному письменными работами, такія требованія: «Если не всѣ письменныя работы, то большинство ихъ должны разсматриваться учителемъ; всѣ ошибки грамматическія, стилистическія и каллиграфическія должны быть отмѣчены учителемъ» [31]).

Мы вполнѣ признаемъ цѣлесообразность этой мѣры въ принципѣ, но примѣнять ее (а объ удачномъ примѣненіи ея въ Кавказскомъ учебномъ округѣ и говоритъ г. Яновскій), при настоящемъ, крайне тяжеломъ положеніи учителя русскаго языка, находимъ, по меньшей мѣрѣ, несвоевременнымъ: постоянное исправленіе всякаго рода ошибокъ, поставивъ, быть-можетъ, орѳографію и каллиграфію учениковъ на должную высоту, должно поселить въ преподавателѣ русскаго языка лишь озлобленіе къ своему предмету [32]).

Между тѣмъ, отнестись къ исправленію письменныхъ работъ какъ-нибудь слегка, изъ желанія выиграть

---

[31]) «Русская школа» 1898 г. № 708, стр. 92.

[32]) «Учитель и ученики едино суть, интересы тѣхъ и другихъ такъ тѣсно связаны, что излишняя строгость, наприм., при оцѣнкѣ грамотности учениковъ, въ значительной степени объясняется тѣмъ ожесточеніемъ, которое является результатомъ страшно утомительной, непосильной, не дающей ни отдыху, ни сроку работы, при томъ не оплачиваемой, по просмотру десятковъ, сотенъ ученическихъ

время и силы на усовершенствованіе себя въ другихъ, въ сущности болѣе важныхъ и несравненно болѣе живыхъ и интересныхъ сторонахъ своего дѣла, преподаватель русскаго языка никакъ не можетъ: «Число ученическихъ ошибокъ въ диктовкахъ можно считать мѣриломъ умѣнья учителя русскаго языка вести дѣло преподаванія» [33]).

При такомъ критеріи для оцѣнки правоспособности преподавателя столь важнаго въ воспитательномъ отношеніи предмета, какъ русскій языкъ и словесность, получается то, странность чего удачно выражена г. Житомірскимъ: «Въ работахъ молодаго поколѣнія, въ которыхъ должна высказаться зрѣлость мысли ихъ авторовъ, педагоги готовы простить какую угодно безсмыслицу, кромѣ «безсмисленицы» черезъ «е» [34]).

Худшихъ результатовъ, какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи, чѣмъ какіе получаются теперь при самомъ бдительномъ контролѣ начальства надъ средними учебными заведеніями, нельзя достигнуть, что свидѣтельствуетъ и г. Яновскій: «Я проникнутъ глубокимъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и грустнымъ убѣжденіемъ, что наша система воспитанія вообще и въ частности существующая теперь, при посредствѣ

тетрадокъ, при постоянныхъ, неутомимыхъ требованіяхъ со стороны тѣхъ, которые требовать считаютъ своимъ правомъ и обязанностью» (Шереметевскій «Сочиненія», стр. 32). Требованія же К. П. Яновскаго не малы: «Учитель легко достигнетъ того, что ученики будутъ писать почти безъ ошибокъ, даже въ низшихъ классахъ I и II». (Стр. 90).

[33]) Ibidem, стр. 90.

[34]) «Педагогическій Сборникъ» 1894 г. № 1. «Принципы правописанія и ихъ примѣненіе къ русскому языку».

обученія въ высшихъ, среднихъ и отчасти низшихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, готовитъ, для будущаго, поколѣніе слабое какъ тѣломъ, такъ и духомъ, и особенно слабое характеромъ» [35]).

Дальше идти въ регламентированіи и контролированіи преподавательскаго труда уже невозможно. Кажется, испробованы уже всѣ способы взысканій, подтягиваній, предписаній и требованій въ надеждѣ на улучшеніе учебнаго дѣла [36]).

Лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ думали только о томъ, какъ бы подтянуть ученика. Изъ этого ничего хорошаго не вышло. Наступило новое, болѣе «гуманное» время. Ну, а

«Иное время—иныя птицы,
Иныя птицы—иныя пѣсни».

Начали добираться до преподавателя. И какъ только его не ругаютъ и не клянутъ (не говорю ужъ о родителяхъ) въ журналахъ и газетахъ, которые читаются и учениками! Особенно ему достается въ послѣднее время, когда педагогическіе вопросы выдвинуты на очередь правительствомъ и сильно волнуютъ общество [37]).

---

[35]) «Русская школа» 1898 г. № 3, стр. 94.

[36]) Одинъ попечитель, большой любитель подтягивать злосчастнаго преподавателя, на котораго и шишки сыплются, предложилъ профессору, личности очень почтенной, произвести ревизію въ мужскихъ гимназіяхъ по древнимъ языкамъ, въ тѣхъ видахъ, «чтобы преподаватели не дремали». Профессоръ отказался отъ такого порученія, сказавъ: «Боюсь, что они уже и безъ того страдаютъ безсонницей».

[37]) Даже г. Яновскій, близко знакомый съ положеніемъ преподавателя гимназій, главнѣйшую вину за неправильную постановку преподаванія взваливаетъ на учителя: «Отсут-

Про нынѣшняго учителя можно сказать то, что

ствіе необходимыхъ знаній ученика, не смотря на продолжительность его занятій въ заведенія, служитъ признакомъ, что на него не было оказываемо надлежащаго воспитательнаго вліянія учителями, которые не считали, по недомыслію, своею обязанностью воспитывать учащуюся молодежь посредствомъ знаній, развивающихъ умственныя и нравственныя силы, а насильно вбивали въ головы своихъ питомцевъ немалую часть ненужныхъ, а иногда и вредныхъ свѣдѣній, которыя приносили отрицательные результаты вмѣсто положительныхъ» («Русск. Шк.» 1898 г., № 5—6, стр. 132—133). Многоуважаемый педагогъ забываетъ, что преподаватель—человѣкъ подвластный, рабъ своей службы; положеніе такого человѣка охарактеризовано еще въ евангеліи словами капернаумскаго сотника: «Говорю одному: «поди», и идетъ; и другому: «приди», и приходитъ; и слугѣ моему: «сдѣлай—то, и дѣлаетъ» (Матѳ. VIII, 9. Лук. VII, 8). Напр., преподаватель русскаго языка можетъ быть убѣжденъ, что выработка орѳографическаго навыка не «воспитываетъ учащейся молодежи», не «развиваетъ умственныхъ и нравственныхъ силъ», что можно быть великимъ человѣкомъ и даже великимъ писателемъ, и не умѣть грамотно писать (Гоголь),—и однако онъ долженъ орѳографіей «набивать головы своихъ питомцевъ», не «по недомыслію» своему, а вслѣдствіе требованій министерства, цѣлесообразность которыхъ признаетъ и г. попечитель Кавказскаго округа. Французскій педагогъ Демоленъ и вмѣстѣ съ нимъ К. П. Побѣдоносцевъ понимаютъ, что здѣсь дѣло не въ личности учителя, а въ цѣлой многовѣковой системѣ образованія, задача котораго теперь подготовлять не людей практическаго дѣла, а чиновниковъ; отсюда способъ «натаскиванія»: «Требуется сообщать ученику, въ самый краткій срокъ, столько поверхностныхъ знаній, чтобъ ихъ оказалось, на время экзамена, достаточно во всѣхъ его предметахъ» («Новая школа», стр. 6).

когда-то сказалъ Гоголь о добродѣтельномъ человѣкѣ: «Пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному учителю, потому что праздно вращается на устахъ слово: «учитель», потому что обратили въ лошадь учителя, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили учителя до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни человѣческой, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ учителя; потому что не уважаютъ учителя» [38]).

Пора понять, что интересы учителя и ученика тѣсно связано, что педагогическое дѣло тамъ только стоитъ на прочномъ и вѣрномъ фундаментѣ, гдѣ не подтягиваютъ ни учителя, ни ученика, гдѣ оба работаютъ потому, что привязаны къ дѣлу, любятъ другъ друга.

Дайте же преподавателю возможность привязаться къ дѣлу и любить своего питомца. По почину министерства, у насъ много говорятъ въ послѣднее время о необходимости педагогической подготовки для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Согласны: будущаго наставника нужно предварительно обучить техническимъ пріемамъ преподаванія и снабдить теоретическими свѣдѣніями, относящимися къ воспитанію и обученію. Но это не улучшитъ постановки у насъ учебнаго дѣла до тѣхъ поръ, пока преподавателя не обставятъ условіями, дозволяющими ему самостоятельно работать.

Знаніемъ лучшихъ пріемовъ и знакомствомъ съ теоретическими курсами трехъ, четырехъ новыхъ предметовъ (педагогика) общая дидактика, училищевѣдѣніе, (гигіена) не поднять на подлежащую высоту учителя,

---

[38]) «Мертвыя души» Изданіе десятое. Т. Ш, стр. 227.

которымъ теперь всѣ недовольны, и больше всего онъ самъ.

Преподавателя средней школы необходимо, прежде всего, хорошо обезпечить матеріально, при небольшомъ количествѣ уроковъ [39]), и предоставить ему возможно большую свободу въ своемъ дѣлѣ.

Присмотръ, провѣрка и руководство нужны для него только въ началѣ службы, самое большее года 2—3, а потомъ необходимо довѣриться его опытности, педагогическому такту и добросовѣстности, не опасаясь за то, что преподаватель злоупотребитъ этимъ довѣріемъ.

Если даже и предположить въ видѣ единичныхъ исключеній, что нѣкоторые изъ наставниковъ при новой свободѣ преподаванія захотѣли бы тратить часть класснаго времени въ бездѣйствіи, затѣвать съ учениками неумѣстные разговоры въ легкомысленномъ тонѣ и проводить въ ихъ среду идеи, подкапывающіяся подъ основы религіи, нравственности и государства, то нужно помнить, что это возможно и теперь,—а если не дѣлается или дѣлается очень рѣдко, то зависитъ это, во-первыхъ и главнымъ образомъ, отъ высокой чистоты дѣла, которому служитъ преподаватель, и которое, даже противъ его воли, способно заставить его совѣсть громко заговорить, когда онъ позволитъ себѣ соблазнять

---

[39]) Удачно подмѣтилъ поэтъ, сказавшій про нынѣшняго учителя:

«Его больной и блѣдный видъ
И торопливость всякій разъ,
Когда онъ изъ дому спѣшитъ,
И краснота усталыхъ глазъ—
Все говорятъ, какимъ трудомъ
Онъ покупаетъ жизнь вдвоемъ».

Я. П. Полонскій.

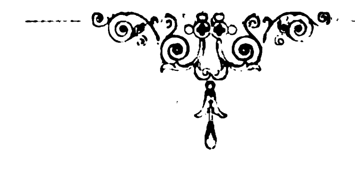
«единаго отъ малыхъ сихъ»; во вторыхъ, отъ невозможности сохранить это въ тайнѣ отъ родителей и общества, которое сейчасъ же даетъ знать (не рѣдко проявляя въ этомъ отношеніи большую мнительность) начальству о недобросовѣстности преподавателя:

«Въ Англіи главный, часто даже единственный контроль учебныхъ заведеній—бдительное общественное мнѣніе, контроль родителей, контроль всевидящей, всезнающей, всемогущей англійской печати»[40]).

Предоставленный по возможности собственной самодѣятельности и обезпеченный матеріально, преподаватель будетъ вкладывать въ свое дѣло душу и найдетъ средства объединить задачи обученія и воспитанія, чего нельзя достигнуть никакими внѣшними мѣрами.

Алексѣй Флёровъ.

Продолженіе будетъ.

[40]) П. Г. Мижуевъ. «Очеркъ развитія современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи». СПБ. 1898 г. стр. 5—6.

О СВОБОДѢ И ВЛАСТИ.

Общественное движеніе, охватившее русское общество въ настоящій моментъ исторической жизни Россіи, обыкновенно называется „освободительнымъ движеніемъ“. Теперь нѣтъ, кажется, слова, которое бы имѣло такой глубоко захватывающій интересъ и произносилось такъ часто и всѣми, отъ мала до велика, какъ слово свобода; о свободѣ толкуютъ общественные дѣятели, лепечутъ гимназисты, говорятъ полуграмотные рабочіе, ею прикрываются дѣйствія хулигановъ, оправдываются насилія, чинимыя революціонерами. Между тѣмъ немного, пожалуй, въ русскомъ языкѣ найдется терминовъ, такъ смутно и неправильно понимаемыхъ, какъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь. Посмотримъ, какъ осмыслено понятіе о свободѣ геніемъ самого русскаго языка, создавшаго слово, пользующееся нынѣ такою популярностью.

Слово „свобода“, въ нынѣшней его формѣ имени существительнаго, сравнительно поздняго происхожденія. Въ древнихъ памятникахъ XI и XII в.в. встрѣчается лишь нарѣчіе въ смыслѣ прилагательнаго: свободь или свободъ (наприм. въ Остромировомъ Евангеліи первичнаго извода: „въ истину свободъ будете“). Происходитъ слово отъ стариннаго и малоизвѣстнаго существительнаго своба, что служило, по чешскимъ словотолкователямъ (глоссаторамъ) 1202 года, наименованіемъ одной изъ языческихъ аріославянскихъ богинь. Такимъ образомъ въ основѣ понятія „свобода“ лежитъ не конкретное какое—либо впечатлѣніе или ощущеніе, а высшее, мистическое начало, преимущественное право, свойственное божеству.

Въ лексическомъ смыслѣ свободою называется отсутствіе ограниченія или стѣсненій для человѣческой жизни и дѣятельности: свобода совѣсти, слова, торговли и т. п.

Здѣсь нѣтъ на лицо признаковъ, указывающихъ на качественное, самоцѣнное содержаніе понятія, которое бы способно было сообщить вѣсъ и значеніе достоинству человѣческой личности. Основная ошибка, такъ называемаго, либеральнаго мышленія у насъ состоитъ въ непониманіи того, что свобода—только форма дѣятельности, въ которую можно вложить какое—угодно содержаніе, ложное и истинное. Сама по себѣ свобода—совершенно безразличное понятіе, и качественная цѣнность свободы зависитъ отъ того, кто и какъ пользуется этимъ правомъ.

Ближайшій синонимъ этого слова, воля (volo—voluntas, нѣм. Wille)—способность души, состоящая въ хотѣніи или желаніи и соединенная съ силою и возможностью проявить желаніе въ дѣйствіи (сильная воля, слабая воля). Черезъ ослабленіе коренного гласнаго о въ е получается глаголъ велѣть т. е. выразить кому либо другому свою волю, свое рѣшеніе для исполненія.

Такъ какъ желанія или хотѣнія человѣка различны по своимъ мотивамъ и внутреннему характеру: одни направлены къ добру и достиженію истины, другія—къ злу, которое по существу своему есть ложь, стоя въ противорѣчіи съ разумомъ и чистою совѣстью, то отсюда вытекаетъ необходимость ограниченій для воли, выраженныхъ въ законѣ нравственныхъ гражданскихъ установленіяхъ. Только добрая воля, руководимая разумомъ, просвѣтленнымъ христіанской религіей, совершенно свободна.

Истинную, полную свободу личности нельзя ни купить, ни пріобрѣсти силою, завоеваніемъ: ее можно лишь искать въ себѣ и достигнуть путемъ личнаго духовнаго развитія и совершенствованія. Чѣмъ независимѣе человѣкъ отъ господства въ себѣ низменнаго, матеріальнаго начала, чѣмъ менѣе прихоть или случайность руководятъ его жизнью, его дѣйствіями, и ближе онъ къ истинному идеалу, тѣмъ ярче и нагляд-

нѣе обнаруживается въ немъ свободный безсмертный духъ, тѣмъ выше и устойчивѣе его человѣческое достоинство.

И такъ свобода, какъ божественное начало въ человѣкѣ,—родная сестра добра и правды и только въ этомъ родствѣ находитъ свой истинный смыслъ и непререкаемое значеніе. Теперь, каковы же значеніе, предѣлы и задачи власти, если разсматривать, это понятіе, *опираясь все на тотъ же авторитетъ языка?*

Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и бытъ родной...

„Народъ выражаетъ себя въ языкѣ—говоритъ извѣстный славистъ Срезневскій. Народъ дѣйствуетъ; его дѣятельностью управляетъ умъ: умъ и дѣятельность народа полнѣе и вѣрнѣе всего отражаются въ его языкѣ".

Итакъ, откроемъ первую страницу родной исторіи, отмѣченную извѣстнымъ разсказомъ лѣтописца о событіи 862-го года.

Новогородскіе славяне, отправляя пословъ своихъ за море къ варягамъ, велѣли сказать имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и володѣть нами".

Вотъ знаменательныя слова, положившія, по разсказу лѣтописца, начало государственной власти на Руси въ томъ смыслѣ, какъ таковую понимали наши предки: приходите „княжить" (князь—предводитель войска *) и „володѣть" (владѣть—власть—волость), т.-е. управлять нами, водворить у насъ порядокъ", котораго у насъ нѣтъ и которому мы охотно подчинимся. Многовѣковымъ опытомъ славяне убѣдились, что, при обиліи благъ земныхъ, вѣчные

*) По мнѣнію норманистовъ, «князь» происходитъ отъ слова könig; этого же мнѣнія придерживается и составитель замѣтки. *Ред.*

раздоры и неурядицы только связываютъ имъ руки въ пользованіи этими благами, лишаютъ всѣхъ и каждаго жить для мирнаго, созидательнаго труда на пользу личную и общественную.

Вмѣстѣ съ властью явилось и господство—сначала какъ владѣніе, область, мѣстность, а затѣмъ въ смыслѣ владычества, начальствованія и преобладанія.

Так. обр. главнѣйшая задача дѣятельной власти, по коренному и первоначальному смыслу этого слова—управленіе и устроеніе порядка въ извѣстной мѣстности, области или волости. Идея вѣчнаго порядка, строгой, нерушимой гармоніи лежитъ въ основѣ всего міровданія, называемаго космосомъ (χοσμέω—украшаю) по дивной, сіяющей красотѣ своего строенія. А какова вселенная, таковы должны быть нравственный міръ и общественный строй у людей, проявляющихъ въ нихъ свой разумъ, свою свободную волю. Кто вчитался и вдумался, напримѣръ, въ содержаніе геніальной трагедіи Гете „Фаустъ", для того не надобно обставлять эту мысль подробными объясненіями и доказательствами Законы нравственные такъ же непреложны и неизмѣнны, какъ и законы физическіе, и только наша непрозорливость и ограниченность не видитъ этой непреложности въ кажущемся безпорядкѣ и противорѣчіи смѣняющихся явленій.

Понятно отсюда, почему христіанство придаетъ устрояющей власти такое высокое, провиденціальное значеніе. Задача умиротворенія страстей и согласованія различныхъ, часто противоположныхъ, борющихся интересовъ—дѣло такое трудное и важное, что требуетъ напряженія всѣхъ душевныхъ силъ и способностей отъ правителя, и въ конечныхъ цѣляхъ своихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ высшимъ, премудрымъ планамъ Божественной Мысли.

Г. Миловидовъ.

Уроки объяснительнаго чтенія.

I.

Выясненіе понятія: „Драматическія произведенія“.

Матеріалъ: «Скупой рыцарь» Пушкина. Ученики прочитываютъ дома всё произведеніе; въ классѣ—передаютъ содержаніе его. Преподаватель слѣдитъ, чтобы ученики при передачѣ не опускали существеннаго; мелкія подробности можно опустить. Вся работа производится катехизически-эвристическимъ методомъ.

1) Какимъ образомъ авторъ знакомитъ насъ съ событіемъ? Такимъ-ли образомъ, какъ, напр., въ «Капитанской дочкѣ»?

— Выводъ: Событіе (происшествіе) изображается въ дѣйствіи—живомъ и наглядномъ. Это—особенность этого рода произведеній; отсюда и самое названіе («дра́ма» по гречески значитъ дѣйствіе, дѣло): «драматическое произведеніе».

2) Въ чемъ же здѣсь состоитъ самое дѣйствіе?

Какія цѣли преслѣдуютъ дѣйствующія лица? Какія у нихъ интересы?

— Альберъ хочетъ вести жизнь, приличную рыцарю. Баронъ—накопить больше золота. Для чего?

3) Легко ли они достигаютъ своей цѣли? Встрѣчаютъ ли они препятствія? Какъ они относятся къ нимъ?

— Осуществленію желанія Альбера препятствуетъ

скупость отца. Отсюда—борьба съ отцомъ. Отцу—въ достиженіи его цѣли препятствуетъ сынъ. Чего требуетъ отъ Альбера сыновній долгъ? Что заставляетъ его сдѣлать рыцарская честь? Что требуетъ отъ барона долгъ отца? Къ чему побуждаетъ барона его страсть? Испытываетъ ли онъ радость? Чувствуетъ ли онъ угрызенія совѣсти? Какую же борьбу и съ кѣмъ ведутъ здѣсь дѣйствующія лица?

Выводъ: Изображается борьба дѣйствующихъ лицъ съ препятствіями—а) борьба внѣшняя, б) борьба внутренняя. Значитъ: Дѣйствіе въ драматическомъ произведеніи выражается въ борьбѣ лицъ съ препятствіями, мѣшающими имъ достичь своей цѣли; «въ борьбѣ духовнаго міра героя, его идеальныхъ стремленій съ другими лицами, съ обстоятельствами, препятствующими осуществленію извѣстныхъ желаній, намѣреній лица» *).

4) Для чего авторъ изображаетъ это событіе, эту борьбу?

— Выясняется духовный міръ человѣка въ борьбѣ его со внѣшнимъ міромъ, съ самимъ собой и т. п.

5) Передайте кратко, сжато ходъ развитія дѣйствія. Укажите поступки Альбера и барона.

а) Что заставило Альбера обратиться къ Соломону? Что заставляетъ Альбера жаловаться на отца герцогу? б) Что заставляетъ барона копить деньги? Жить «въ конурѣ» и т. д.? Отказывать сыну въ деньгахъ? Клеветать на него? Что вызываетъ въ немъ радость? Какъ онъ умеръ?

Выводъ: Дѣйствіе развивается непрерывно. Непрерывность дѣйствія (т.-е. обнаруженіе въ по-

---

*) В. Острогорскій.

ступкахъ человѣческихъ желаній, воли и т. п.) есть необходимое условіе драматическаго произведенія.

6) Есть ли здѣсь главное лицо или главныя лица, т.-е. такія лица, на которыхъ главнымъ образомъ обращается вниманіе зрителя? Укажите этихъ лицъ? Почему вы ихъ (или его) считаете главными? На комъ сосредоточивается вниманіе автора?

7) Связаны ли чѣмъ нибудь между собою отдѣльные моменты, сцены?

Можно ли сказать, что здѣсь подобраны такіе моменты, сцены, въ которыхъ наиболѣе ярко обнаруживается борьба и полное, законченное развитіе этой борьбы? Указывается ли здѣсь, по какимъ побужденіямъ главное дѣйств. лицо совершаетъ свои поступки? Указывается ли, какое послѣдствіе имѣютъ для него эти поступки?

Выводы: Главное дѣйств. лицо называется «героемъ». «Всё вниманіе автора сосредоточивается какъ бы на одномъ центрѣ, на одномъ человѣкѣ. Раскрыть душу человѣка въ ея побужденіяхъ; объяснить, по какимъ именно побужденіямъ совершилось какое-либо дѣло и какія оно имѣло послѣдствія для этого человѣка—такова главная задача драматическаго писателя. Имѣя въ виду одно лицо, одно его дѣйствіе, одну его борьбу, на что обращено все вниманіе зрителя, драма должна имѣть единство дѣйствія, т.-е. сосредоточить въ немногихъ, тѣсно связанныхъ между собою фактахъ (сценахъ), наиболѣе обнаруживающихъ борьбу и полное, законченное развитіе этой борьбы» *); всѣ поступки главнаго дѣйств. лица вытекаютъ изъ одного основанія, развиваютъ одну идею. «Правитъ пьесою идея, мысль.

*) В. Острогорскій.

Безъ нея нѣтъ въ ней единства»: Гоголь; Театр. разъѣздъ.

Вотъ почему въ драматическомъ произведеніи (въ противоположность эпосу) исключается всё, не имѣющее прямого отношенія къ главному дѣйств. лицу или лицамъ.

8) Построеніе драматическаго произведенія.

а) Укажите здѣсь случай, послужившій началомъ борьбы? Укажите исходъ, результатъ дѣйствія, борьбы? Укажите постепенное усложненіе борьбы обстоятельствами (т.-е. ходъ, развитіе дѣйствія, происшествій)?

Выводы: 1) Случай, поставившій человѣка въ извѣстное положеніе, вызвавшій столкновеніе, борьбу, называется завязкой. 2) Исходъ дѣйствія (борьбы), показывающій ея результатъ, наз. развязкой. 3) Усложненіе борьбы обстоятельствами, развитіе дѣйствія наз. интригой.

б) Составныя части драматич. произведенія: «дѣйствіе» («актъ»), «сцена», «явленіе», «картина». «прологъ», «эпилогъ».

в) «Діалогъ», значеніе его и свойства (естественность и непринужденность).

г) «Монологъ», значеніе его.

Общій выводъ: Драматическимъ произведеніемъ называется изображеніе событія изъ жизни человѣка въ видѣ живого и наглядааго дѣйствія лицъ, принимавшихъ участіе въ событіи. съ цѣлью раскрыть духовный міръ человѣка въ его борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ или самимъ собой.

9) Необходимо-ли драматическое произведеніе ставить на сценѣ?

Выводъ: «Драматическая поэзія не полна безъ

сцены: чтобы понять вполнѣ лицо, мало знать, какъ оно дѣйствуетъ, говоритъ, чувствуетъ; надо видѣть и слышать, какъ оно дѣйствуетъ, говоритъ, чувствуетъ». Бѣлинск. II, 525. Ст. о Мочаловѣ.

Тема для письменной работы: Что такое драматическое произведеніе, какая цѣль его и какія требованія мы предъявляемъ къ нему.

10) Значеніе театра.

а) Что мы разумѣемъ подъ словомъ «театръ»?

б) Произведеніе становится извѣстнымъ сразу массѣ зрителей.

в) Понятность произведенія, благодаря искусному представленію артистовъ, и наглядности изображенія.

г) Театръ—«училище нравовъ».

д) Театръ—«зеркало жизни».

е) Можетъ ли театръ развращать зрителей?

11) Темы къ «Скуп. рыцарю»:

а) Какъ въ этомъ произведеніи завязалась, усиливалась и чѣмъ разрѣшилась борьба?

б) Вліяніе скупости на человѣка.

в) Характеристика барона. (Планъ: «I. Вліяніе любви къ деньгамъ на его умъ, волю и чувства. II. Отношеніе барона къ людямъ, къ сыну и къ себѣ». Барсовъ).

г) Каковы поступки Альбера и барона? Что заставляетъ ихъ поступать такъ, а не иначе? Какая борьба (съ кѣмъ и чѣмъ) у этихъ лицъ?

д) Какими доводами изъ этого произведенія можно подтвердить, что скупость дѣлаетъ сердца людей ужасными?

е) Олицетвореніе угрызеній совѣсти (сопоставить, напр., «Утопленникъ» Пушкина, конецъ монолога Бориса: «Достигъ я» и «Ивиковы журавли» въ пер. Жук.),

ж) Какое значеніе въ этомъ произв. имѣютъ Иванъ, Соломонъ и герцогъ?

Пособія для разбора «Ск. рыцаря»: 1) Водовозовъ. Слов. въ обр. и разб. 2) В. П. Шереметевскій, соч., 316. 3) Стоюнинъ. О преп. русск. лит., 81. 4) Ib. Рук. для теор. изуч., 128. 5) Барсовъ. Живое слово. Ч. IV, 30. 6) Балталонъ. Пособіе для лит. бес. 7) Евстафьевъ. Новая русск. лит., 11 стр. 8) Орловъ. Курсъ русск. лит. ч. II. 9) Чудиновъ. Рус. кл. библ., вып 15 Типы скупого.

II.

Виды драматическихъ произведеній.

Трагедія.

Дома ученики прочитываютъ трагедію Шекспира «Макбетъ». Задается: ознакомиться съ содержаніемъ этого произведенія, имѣя въ виду слѣд. вопросы: 1) Каковы характеры Макбета и леди Макбетъ. 2) Цѣль, преслѣдуемая Макбетомъ? 3) Какія препятствія онъ встрѣчаетъ? 4) Какъ онъ борется съ этими препятствіями? 5) Достигаетъ ли онъ желаемаго? 6) Какова развязка? Зависимость ея отъ предшествовавшихъ условій.

1) Какія главныя черты характера Макбета?

(Твердый характеръ: сильная воля, сильныя страсти).

2) Каковъ характеръ борьбы?

(Неуклонное стремленіе къ достиженію своей цѣли. Упорная борьба съ неодолимыми или трудно одолимыми

препятствіями. «Такъ герой, сознавая свою неправоту, испытывая страшныя мученія совѣсти, все же борется и съ ней, и съ голосомъ разсудка, и съ самыми дорогими привязанностями» *).

3) Что обнаруживается изъ этой борьбы героя?

(Богатство его духовной природы).

4) Какова развязка?

(«Герой падаетъ жертвою своего заблужденія, своей страсти, идеи, за которую боролся—падаетъ или просвѣтленный, сознавшій свою ошибку, или съ надеждою осуществленія своей завѣтной мысли въ будущемъ» **).

5) Каковъ долженъ быть трагическій герой?

(Онъ дотерпѣваетъ до конца, остается твердымъ въ самомъ паденіи, въ своей гибели, чтобы мы удивлялись, какъ онъ геройски умеръ, если умереть необходимо).

6) Какія чувства возбуждаетъ произв. «Макбетъ»? Какъ оно вліяетъ на человѣка?

(—Чувства страха, состраданія; любовь къ ближнимъ, желаніе быть отзывчивѣе, добрѣе и т. п. Удивленіе предъ нравственной силой героя. Эстетическое наслажденіе).

Выводъ: Трагедія—драматическое произведеніе, изображающее упорную, но непосильную борьбу, душевныя страданія и гибель «героя», который обладаетъ твердымъ характеромъ, непреклонной волей и сильными страстями.

Руководящіе вопросы къ «Макбету».

1) Главные моменты дѣйствія.

---

*) В. Острогорскій.

**) В. Острогорскій.

2) Что ведетъ Макбета къ преступленію?

3) Что дѣлаетъ «переломъ» въ его жизни?

4) Какія происходятъ въ его жизни измѣненія подъ вліяніемъ преступленія?

5) Что сдѣлало Макбета жестокимъ: природа или случайныя обстоятельства?

6) Ужасается ли онъ при мысли объ убійствѣ Дункана?

7) Что побуждаетъ Макбета совершать новыя преступленія?

8) Возбуждаетъ ли онъ сочувствіе зрителя и когда?

9) Какое значеніе придано здѣсь таинственнымъ силамъ?

10) Идея трагедіи.

11) Макбетъ и Борисъ Годуновъ Пушкина.

12) Путемъ зла не доходятъ до добра (обосновать это положеніе).

III.

Комедія.

Ученики дома прочитываютъ «Ревизора» Гоголя, имѣя въ виду тѣ же 5 вопросовъ, что и при усвоеніи «Макбета».

1) Сдѣлайте краткую характеристику дѣйств. лицъ.

2) Въ общемъ, каковы представленные здѣсь характеры, люди?

— Пошлые, мелкіе, порочные.

3) Какія цѣли преслѣдуютъ они?

— Цѣли мелкія, низкія, ничтожныя, эгоистичныя, рѣзко уклоняющіяся отъ идеаловъ. . . .

4) Съ какими препятствіями они борются? Каковъ характеръ этой борьбы?

— Борьба съ препятствіями маловажными, иногда мнимыми (здѣсь—ревизоръ); самодовольная увѣренность въ правотѣ, считаютъ пустяки важнымъ дѣломъ и т. д.

5) Что раскрывается передъ зрителями, благодаря этой борьбѣ?

— Низкія, дурныя стороны характера дѣйств. лицъ: ихъ слабости, заблужденія, пороки и т. д.

6) Смѣемся ли мы надъ пороками?

— Смѣемся постольку, поскольку въ нихъ обнаруживается неразуміе и глупость самихъ людей.

7) Какова развязка?

8) Какія чувства возбуждаетъ это произведеніе?

— Смѣхъ, соединяющійся съ жалостью или негодованіемъ, или грустью.

9) Есть ли трагическій элементъ въ этомъ произведеніи?

— 1) Сознаніе того зла, вреда, который могутъ привести эти пороки и т. п. вызываетъ чувство негодованія, ужаса и т. п.

2) Дѣйств. лица иногда становятся въ положенія, вызывающія сожалѣніе или состраданіе къ нимъ.

— Гоголь сказалъ: «За комедіей таится трагедія».

10) Выводъ: Комедія—драмат. произведеніе, въ которомъ д. лица, люди мелкіе, ничтожные, большею частью порочные, ведутъ борьбу съ маловажными или мнимыми препятствіями и своей неразумной борьбой возбуждаютъ въ зрителяхъ смѣхъ, соединяющійся съ негодованіемъ или съ грустью, или съ сожалѣніемъ.

Вопросы для изученія «Ревизора» приведены въ книжкахъ: Балталонъ. «Пособіе для лит. бес.» и Алфе-

ровъ и Грузинскій. «Сборникъ вопросовъ» .. Темы можно предложить такія:

1) Что составляетъ развязку «Ревизора» и какова идея комедіи?

2) Осипъ (изъ «Ревизора») и Захаръ (изъ «Обломова»).

Литература о Гоголѣ очень обширна (Гоголевская юбилейная литература указана въ «Литературномъ Вѣстникѣ», 1903 г. кн. 3). Въ частности, о «Ревизорѣ, можно указать: а) Покровскій. Сокращен. истор. хрестоматія. Ч. V. б) Водовозовъ. Словесн. въ образцахъ и разбор. в) Ковалевскій. Кто герой «Ревизора»? Педагогич. листокъ 1902 г. № 2. г) Сборникъ памяти Л. Н. Майкова. СПб. 1902. Здѣсь статья Лященка о «Ревиз.». д) Вл. П. Шереметевскій. Здѣсь характеристика Хлестакова. е) Художественный методъ Гоголя. Ст. Овсянико-Куликовскаго. Вѣстн. Восп. 1901 г. №№ 2, 4, 5, 6. ж) Объясненіе «Ревизора». Педагогич. Сборникъ. 1887 г. т. I, 267. з) Бурнаковскій. «Ревиз.» Гог. Опытъ разбора.

Когда ученики усвоятъ содержаніе «Ревизора», ихъ надо ознакомить съ тѣмъ, что считается прекраснымъ и смѣшнымъ (Объ этомъ см. а) В. Острогорскій. Кратк. учебн. теоріи поэзіи. 1904 г. главы VI и VII. б) А. Филоновъ. Русская хрестоматія. Ч. III. 1898 г. стр. 431: Теорія комическаго).

IV.

Драма (въ тѣсномъ смыслѣ этого понятія).

Ученики прочитываютъ дома «Грозу» Островскаго, имѣя въ виду тѣ же 5 вопросовъ.

А. Трагическій элементъ въ драмѣ.

1) Кто главное дѣйств. лицо въ этомъ произведеніи? (—Катерина). Почему? Каковы главныя черты ея характера? Къ чему она стремится?

— Къ свободной, разумной жизни; къ осмысленному, здоровому счастью.

2) Какія препятствія она встрѣчаетъ въ своихъ стремленіяхъ?

— Старинные житейскіе обычаи, взгляды, «жестокіе нравы» купеческой среды.

3) Каковъ характеръ борьбы героя? Какія чувства у зрителя вызываетъ борьба этого героя?

— Чувство жалости, сострадаиія.

4) Что же сближаетъ это произведеніе съ трагедіей и въ чемъ разница?

— 1) Герои драмы не исключительные характеры, а личности болѣе обыкновенныя. 2) Гибель зависитъ не отъ неодолимыхъ препятствій, а отъ степени энергіи человѣка

В. Комическій элементъ въ драмѣ.

1) Какія здѣсь есть еще д. лица? Сдѣлайте ихъ характеристику.

2) Каковъ характеръ борьбы Дикого и Кабановой?

— Борьба неразумная.

3) Какія чувства вызываютъ въ насъ эти лица и ихъ борьба?

— Смѣхъ, негодованіе, сожалѣніе, презрѣніе.

4) Что же сближаетъ это произведеніе съ комедіей?

Выводъ: Драма—такое произведеніе, въ которомъ изображается борьба людей обыкновенныхъ съ препятствіями важными и ничтожными, вслѣдствіе чего трагическій элементъ соединяется съ комическимъ.

Руководящіе вопросы къ «Грозѣ».

1) Чѣмъ здѣсь обусловлена гибель героя?

2) Подъ какимъ вліяніемъ Катерина росла дома? Ея отношеніе къ религіи, браку, общественному мнѣнію? Какія цѣли преслѣдуетъ она? Ея мечты? Какое вліяніе на неё оказываетъ гнетъ семейнаго деспотизма и попреки свекрови? Что поднимаетъ ея душу надъ окружающей пошлостью и порокомъ? Уважаетъ ли и любитъ ли она своего мужа? Что составляетъ главную причину ея несчастія? Почему она отдалась Борису? Съ какого момента она начинаетъ переживать тяжелую нравственную борьбу? Въ чемъ эта борьба (стремленіе къ личному счастью, требованія религіозн. чувства, голосъ совѣсти)? Почему она разстается съ жизнью?

3) Черты русскаго самоучки (по Кулигину).

4) Какія лица наиболѣе жизненны?

5) Укажите комическій элементъ въ этомъ произведеніи.

6) Какъ понимать заглавіе «Гроза»?

Темы:

а) «Характеристика купеческой среды по этой драмѣ» (1. «Жестокіе нравы»: Дикой и Кабаниха. 2. Ѳеклуша. 3. Варвара и Кудряшъ).

б) Въ чемъ главное различіе двухъ самодуровъ: Дикого и Кабанихи?

в) Характеристика Катерины.

Примѣч. О «Грозѣ» см. у Добролюбова, Ап. Григорьева, О. Миллера, Незеленова.

Руководящіе вопросы и темы для изученія нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній.

«Недоросль» Фонвизина.

1) Какъ развивается дѣйствіе въ комедіи?

2) Понятія Скотинина о просвѣщеніи.

3) Зачѣмъ въ комедіи нуженъ Правдинъ? Естественъ ли онъ?

4) Роль Стародума въ комедіи.

5) Почему сцену ссоры учителей можно считать лишней?

6) Нуженъ ли Милонъ для изображенія дѣйствія комедіи?

7) Что является въ комедіи лишнимъ для изображенія хлопотъ и борьбы Простаковой? (Изъ-за чего и какъ дѣйствуетъ она)?

8) Трагическое въ комедіи?

9) Кто герой комедіи?

10) Накопленіе событій (указать это).

11) Въ чемъ развязка комедіи? Одна ли здѣсь развязка?

12) Замѣтно ли въ комедіи обиліе резонерства?

13) Есть ли здѣсь шаржъ?

14) Какова идея комедіи? Темы: а) Характеристика Простаковой (какъ мать и жена, какъ хозяйка, какъ помѣщица. Почему она названа «адской фуріей»?)

б) Хар—а Простакова (отношеніе его къ сыну, къ женѣ, къ окружающему).

в) Умственная и нравственная порча Митрофана.

г) Можетъ-ли «Нед.» служить образцомъ ложно-классической комедіи? (Дѣленіе дѣйств. лицъ на двѣ группы. Характеръ лицъ обнаруживается болѣе въ разсужденіяхъ. Завязка и интрига — на любви. Чѣмъ является развязка въ ложно-клас. комедіяхъ? Три единства).

Примѣч. См. «Недор.» подъ ред. Стоюнина. 1874 г. Кн. Вяземскій. Соч. т. V. Стоюнинъ. О препод. рус. слов. и Руков. къ изуч. лит. Вейнбергъ. Русскіе писатели въ классѣ, вып. V. Шевыревъ, 9-ая лекція. Порфирьевъ. Ист. рус. лит. III т.

Что называется «сочиненіемъ»? Какимъ требованіямъ оно должно удовлетворять? Описаніе художественное и научное (прозаическое).

Матеріалъ: «Днѣпръ» Гоголя (отъ словъ: «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ»... кончая: «и заливается горючими слезами»).

1) Что служитъ содержаніемъ этого произведенія? О какомъ предметѣ здѣсь говорится?

Выводъ: Предметъ, о которомъ говорится въ произведеніи; мысль, которая развивается въ произведеніи, называется темой.

2) Что же именно говоритъ здѣсь Гог. о Днѣпрѣ?

Выводъ: Совокупность и развитіе мыслей, заключающихся въ произведеніи, назыв. содержаніемъ

3) Изъ какихъ источниковъ (откуда) Гог. взялъ, почерпнулъ свои мысли, т.-е. содержаніе?

— Онъ наблюдалъ; изучалъ. Источниками содержанія служатъ: а) внѣшній міръ, б) свой умъ и свои чувства, в) чужія наблюденія.

4) Есть ли здѣсь общій взглядъ на предметъ? На что Гог., дѣлая описаніе, главнымъ образомъ обращаетъ свое вниманіе? Какая цѣль у Гоголя?

Выводы: Гоголь хочетъ дать понять читателю, что Днѣпръ удивительно прекрасенъ («чуденъ»).

— Общій взглядъ на предметъ или на одну изъ его сторонъ, разъясняемый въ произведеніи отъ начала до конца, называется идеей.

5) Гоголь изложилъ (привелъ) въ своемъ произведеніи всѣ ли мысли, какія являлись у него при видѣ Днѣпра? Дѣлалъ ли онъ выборъ изъ этихъ мыслей? Какія же именно мысли онъ выбиралъ, оставлялъ?

Выводъ: Онъ изложилъ, привелъ только тѣ мысли, которыя служили его цѣли (идеѣ): дать понятіе о красотѣ Днѣпра. Значитъ: а) идея опредѣляетъ кругъ мысли.

Связаны ли у Гоголя отдѣльныя мысли? Чѣмъ объяснить это?

Выводъ. б) Идея связываетъ отдѣльныя мысли, т.-е. сообщаетъ единство.

6) Во всѣхъ ли произведеніяхъ должна быть идея? Можетъ быть, вы укажете такія произведенія, въ которыхъ нѣтъ идеи?

— Ученики безъ труда укажутъ статьи изъ учебника по географіи, по исторіи, въ которыхъ нѣтъ идеи. Выводъ: идея не является необходимымъ условіемъ всякаго произведенія.

7) Гоголь, значитъ, хотѣлъ доказать основную мысль, что Днѣпръ «чуденъ». Показалъ ли онъ это? Всѣ ли мысли стремятся къ этой цѣли? Нѣтъ ли чего

лишняго? Вполнѣ-ли ясно раскрыта передъ читателемъ взятая тема?

Выводъ: полнота содержанія—требованіе, чтобы всѣ мысли, главныя и второстепенныя, имѣли своей цѣлію опредѣленно, ясно, вполнѣ раскрыть, разъяснить взятую тему.

8) Мысли, выраженныя здѣсь, наблюденія соотвѣтствуютъ ли дѣйствительности? Такъ какъ здѣсь Гоголь описываетъ предметъ, то почему мы предъявляемъ такое требованіе?

Выводы: Истинность содержанія—соотвѣтствіе мыслей дѣйствительности. Цѣль описанія—замѣнить человѣку непосредственное, собственное изученіе; сообщить человѣку дѣйствительныя знанія.

Во всѣхъ ли произведеніяхъ мысли соотвѣтствуютъ дѣйствительности? Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ писатель говоритъ о томъ, чего нѣтъ, чего не можетъ быть?

— Ученики безъ труда назовутъ такія произведенія, напр: какой-нибудь романъ Жюля-Верна или Донъ-Кихота, или Путеш. Гулливера.

Выводъ: Такія произведенія условимся называть выдуманными, или «фантастическими».

9) Въ этомъ произведенія Гог. свои мысли изложилъ въ порядкѣ или безпорядочно? О чемъ онъ говоритъ сначала? Потомъ? Для чего нужно излагать мысли въ порядкѣ?

— Ученики указываютъ планъ (а: Днѣпръ днемъ. б: Днѣпръ ночью; въ тихую погоду и въ бурю).

Выводъ: Планъ—извѣстный порядокъ расположенія мыслей въ произведеніи, благодаря чему достигается стройность.

10) Свои мысли мы выражаемъ словами. Не замѣ-

чаемъ ли мы здѣсь у Гоголя такихъ словъ, выраженій, которыхъ мы обыкновенно не употребляемъ? Какихъ нибудь особенныхъ выраженій? Укажите ихъ. Какъ вы передали бы по своему первое предложеніе? второе? третье?

Выводъ: Складъ рѣчи, зависящій отъ выбора словъ, отъ соединенія ихъ въ предложенія—наз. слогомъ (стилемъ). Выраженіе мыслей словами условимся называть изложеніемъ.

Общій выводъ: Сочиненіе—стройное (по плану) изложеніе мыслей о какомъ-либо предметѣ или о чемъ-либо.

Прочитывается въ классѣ тоже произведеніе.

1) Что дѣлаетъ Гоголь, чтобы описать Днѣпръ? Что вообще надо сдѣлать, чтобы описать предметъ или како° либо явленіе?

— Надо наблюдать. Надо найти признаки предмета и указать ихъ.

2) Какими чувствами наблюдалъ Гоголь?

— Зрѣніемъ, слухомъ. Укажите, что воспринято зрѣніемъ, а что слухомъ?

3) Какіе признаки, черты бываютъ у предмета, явленія?

— Преподав. объясняетъ путемъ наводящихъ вопросовъ, что признаки бываютъ постоянные (существенные) и частные (случайные); объясняетъ, какъ найти постоянные признаки, что называется «представленіемъ» и «понятіемъ».

Что дѣлаетъ Гоголь, собравъ (т.-е. узнавъ) признаки предмета, явленія?

-- Соединяетъ ихъ вмѣстѣ, въ одну картину. Какими признаками пользуется Гоголь?

5) Съ чѣмъ сближаетъ Гоголь предметы неодушевленные, говоря: «Лѣса толпятся», «Днѣпръ нѣжится»?

Выводъ: Гоголь неодуш. предметы представляетъ въ видѣ одушевленныхъ.

Съ чѣмъ еще сближаетъ Гоголь неодуш. предметы, говоря: «Какъ полоса стали» и т. п.?

— Препод. объясняетъ, что первое наз. «олицетвореніемъ», а это «сравненіемъ».

6) Какъ думаете, когда Гоголь описалъ Днѣпръ: находясь возлѣ Днѣпра или—сидя у себя дома? Благодаря чему же Гоголь смогъ описать эту картину, эти виды, находясь не возлѣ Днѣпра и спустя нѣкоторое время?

— Преподаватель выясняетъ ученикамъ, что способность сохранять въ душѣ представленія назыв. памятью, способность, помогающая вызывать въ себѣ что-либо воспринятое,—наз. вообраденіемъ.

7) Какъ Гоголь представляетъ здѣсь Бога?—Онъ «озираетъ» міръ, «сотрясаетъ ризу» и т. д. Такъ ли это въ дѣйствительности?

Преподав. выясняетъ ученикамъ, что называется образомъ и фантазіей.

Общій выводъ: Гоголь въ этомъ произведеніи имѣлъ цѣлью—описать, изобразить предметъ и явленіе въ живой и яркой картинѣ въ связи съ произведеннымъ на него впечатлѣніемъ. Такое описаніе наз. художественнымъ.

8) Теперь сравните это описаніе съ другими: напр., съ описаніемъ верблюда Маркова, Днѣпра изъ вашего учебника географіи, дуба Кайгородова или классной комнаты Толстого. Въ чемъ разница? Какая цѣль у Маркова, Кайгородова? (—дать ясное, точное понятіе) Какіе признаки предметовъ указываютъ Марковъ, Кай-

городовъ? (—только существенные). Перечислите эти признаки. Почему только эти признаки указываютъ Марковъ и Кайгородовъ? (ибо лишь существ. признаки въ своей совокупности составятъ понятіе).

9) Какое значеніе для насъ имѣютъ понятія?

Выводъ: Тѣ описанія, которыя даютъ намъ вѣрное, ясное, точное понятіе о предметѣ или явленіи черезъ указаніе существенныхъ признаковъ, назыв. описаніями научными или прозаическими.

10) Какое значеніе для насъ имѣютъ эти описанія? А описанія художественныя?

11) Укажите же теперь, какія вы знаете описанія научныя и художественныя?

Примѣры худож. описаній: Садъ Плюшкина. Новороссійскія степи—изъ Гоголя. У Григоровича: Ока (Рыбаки, гл. 30). У Печерскаго: Ночь въ лѣсу зимой, Волга, Лѣто («Въ лѣсахъ» I. 256. III. 280. III. 323). У Короленко: Восходъ солнца («Сонъ Макара»).

«Лисица и Оселъ» Крылова.

I. Объясненіе словъ и выраженій.

«Отколѣ»—откуда (такъ говоритъ простой народъ) Голова» а) что значитъ вообще слово «голова»? б) что значитъ здѣсь слово «голова»?

— Здѣсь оно означаетъ самого, всего животнаго. Такъ называютъ и человѣка. Слыхали ли вы, чтобы такъ называли человѣка?

(Говорятъ: «Подати берутъ съ головы». «Сколько головъ, столько умовъ»? «Съ больной головы на здоровую—сваливать»—«Ахъ, ты, голова!» «Удалая голова!» «Двадцать головъ скота»). Почему оселъ называетъ лису кумушкой»?

Что значитъ: «безъ памяти бѣгомъ»? (Отъ страха не зная, что дѣлаетъ; отъ страха потерявъ способность думать). Что значитъ «уродъ»?

— Съ неправильными частями тѣла, безобразный. Какая разница между «дряхлый» и «хилый»?

— Дряхлый—слабый отъ старости; хилый—слабый отъ болѣзни.

Что такое «колода»?

— Толстое и короткое бревно.

«Поплатился онъ старинными долгами».

Что значитъ «долгъ»?

— 1) Взятое взаймы 2) Проступокъ, провинность: «и остави намъ долги наши». Какіе же были «долги» у льва? (Тѣ обиды, которыя онъ раньше—«старинныя—наносилъ звѣрямъ). Что же значитъ: «Поплатился» и т. д.? (Теперь заплатилъ за обиды, теперь наказанъ за обиды). Что значитъ «вымещалъ»?

— Отъ слова «месть»: мстилъ, отплачивалъ.

«Крестьянинъ на спинѣ ослиной
Убытокъ выместилъ дубиной».

Крыл. Ос. и муж.

Кто вымещалъ обиды «зубомъ»? Кто «рогами»? «Коснуться льву». Такъ мы говоримъ? (Нѣтъ. Коснуться съ род. п.).

Что значитъ: «вотъ-на»?

— Какъ бы не такъ (выражаетъ удивленіе передъ неожиданнымъ).

— Ожидалъ ли оселъ, что лиса спроситъ его: «Но ты вѣдь не тронулъ льва?»

Послѣ объясненія этихъ словъ надо спросить учениковъ, какія еще слова имъ непонятны.

II. Объясненіе отдѣльныхъ частей басни и выводъ изъ басни.

Теперь укажите главныя мысли (части) этой басни.

1) Почему лисица называетъ осла «умной головой»? Знакомы ли вамъ какія-нибудь басни, изъ которыхъ было бы видно, уменъ оселъ или глупъ?

Озаглавьте первую часть.

— Встрѣча лисицы съ осломъ. (Написать на доскѣ).

2) Что отвѣтилъ оселъ лисицѣ? Почему онъ называетъ льва «уродомъ»? Боялись теперь звѣри льва? А оселъ боялся?

Озаглавьте вторую часть.

— Разсказъ осла о слабости льва и объ отношеніи къ нему звѣрей.

3) Почему оселъ теперь такъ расхрабрился? Какъ оселъ раньше относился ко льву? Про это въ баснѣ сказано?

Хорошо ли пользоваться слабостью другого?

Озаглавьте 3-ью часть.

— Вопросъ лисицы и отвѣтъ (хвастовство) осла.

4) О какихъ животныхъ больше всего говорится въ баснѣ? Каковъ былъ левъ, когда онъ былъ здоровъ? (Сильный, многихъ обижалъ). Видно ли изъ басни, каковъ оселъ? (Трусливый, дерзкій, нечестный, хвастливый).

5) Разскажите басню своими словами по сдѣланному оглавленію.

6) Какихъ же людей надо подразумѣвать подъ осломъ и львомъ?

7) Какой же выводъ изъ басни? (Нечестные, люди боятся сильнаго только потому, что онъ силенъ; а когда сильный станетъ слабымъ—эти люди дѣлаются по отношенію къ нему дерзкими и нахальными. Нечестный,

человѣкъ передъ сильнымъ труслив, а со слабымъ дерзокъ и нахаленъ.

III. Грамматика. Напр.: обращеніе, предл. простое распростран. и т. п.

В. А. Водарскій.

Женскіе типы —

Сатира Симонида Аморгскаго *).

„Различно богъ создалъ характеръ женщины;
Сперва: одну онъ — отъ щетинистой свиньи:

*) Въ VII в. до Р. Хр. въ греческой художественной лирикѣ возникаетъ новый стихотворный размѣръ — ямбическій. Составлявшіяся имъ лирическія произведенія затрогивали своимъ содержаніемъ различнаго рода непривлекательныя стороны окружавшей поэта дѣйствительности. Отсюда и самыя названія: ямбъ, ямбическій (греч. «ἰάπτω» — шлю, бросаю, стрѣляю; «ἴαμβος» — стихъ выстрѣлъ, разящій стихъ). Виднымъ писателемъ подобнаго рода сочиненій, или, какъ принято говорить, ямбографомъ выступаетъ Симонидъ, уроженецъ острова Аморга. Онъ особенно извѣстенъ своимъ ямбическимъ стихотвореніемъ «Женскіе типы», гдѣ насмѣшливо изображаетъ происхожденіе женскихъ характеровъ. По словамъ Симонида, женщина нерашливая происходитъ отъ свиньи, хитрая — отъ лисицы, сварливая — отъ собаки, глупая и лѣнивая — отъ земли, непостоянная — отъ моря, упрямая и чувственная — отъ осла, развратная — отъ куницы, пристрастная къ украшеніямъ — отъ лошади, безобразная и злая — отъ обезьяны, добродѣтельная и домовитая — отъ пчелы. Поэтъ относится сочувственно только къ женщинамъ послѣдняго рода. Ямбическое стихотвореніе Симонида Аморгскаго, проникнутое насмѣшливымъ изображеніемъ пороковъ и недостатковъ современной поэту женщины, вмѣстѣ съ другими такого же сорта твореніями, послужило первообразомъ новаго вида искусственной лирики — сатиры, получившей самое своё названіе и достигшей полной художественной обработки уже въ послѣдствіи въ литературѣ римской. Какъ таковое, оно вполнѣ достойно серьезнаго вниманія, а потому мы и позволяемъ себѣ предложить его интересующимся читателямъ въ дословномъ переводѣ съ греческаго подлинника.

М. Соколовъ.

Та, по всему двору испачкавшись въ навозѣ,
Неряшливо лежитъ, валяясь по землѣ,
А эта, грязная сама да и во всемъ
Невымытомъ, полнѣетъ лишь, живя въ грязи.
Другую—богъ создалъ отъ хитростной лисы,—
Ту женщину, что свѣдуща во всемъ: ничто
Не тайна для нея—ни благо и ни зло
И часто по капризу лишь она зоветъ
Хорошимъ скверное, хорошее-дурнымъ.
Сварливую, собаку сущую отъ пса:
Она желаетъ все и выслушать и знать.
Повсюду озираясь и бродя, она
Все тявкаетъ, хоть и не видитъ никого.
Ее не укротилъ бы: ни угрозой мужъ,
Ни еслибъ въ гнѣвѣ выбилъ камнемъ зубы ей,
Ни еслибъ ласково онъ вздумалъ убѣждать,
Ни еслибъ при гостяхъ случилось ей сидѣть:
Всегда неодолимое упорство въ ней.
Иную—Олимпійцы, сдѣлавъ изъ земли,
Увѣчною вручили мужу: ничего
Она не различитъ—ни худа, ни добра;
Одно она умѣетъ только—это ѣсть
И, если бы суровый холодъ богъ послалъ,
Она, дрожа, не двинетъ ближе стулъ къ огню.
Отъ моря ту, въ душѣ что мыслитъ не одно,
Которая порой смѣется, весела;
Начнетъ хвалить ее, увидя въ домѣ, гость:
„Рѣшительно среди хоть даже всѣхъ людей
Нѣтъ женщины другой красивѣй и умнѣй!“
Порой же видъ ея невыносимъ для глазъ
И подступить нельзя къ ней близко, но тогда
Она бѣснуется, какъ песъ вокругъ щенятъ
Суровою и непріятною для всѣхъ

Враговъ равно друзей становится она.
Какъ часто лѣтомъ море тихое порой,
Становится безвредно, радость морякамъ
Большая, часто же бѣснуется оно,
Тяжелошумными приливами носясь,
Такъ нравомъ сходна съ нимъ подобная жена
Особенно: имѣетъ море разный видъ.
Ту—отъ лѣниваго, упрямаго осла,
Съ трудомъ, съ угрозою въ концѣ концовъ едва
Возьметъ и выполнитъ угодное она.
Межъ тѣмъ все ѣстъ—и въ отдаленномъ уголкѣ,
И при домашнемъ очагѣ, и день и ночь.
Равно пришедшаго по дѣлу своему
Любовника пріемлетъ дружески она.
Иную—отъ куницы—гнусный, жалкій родъ.
Ей ни прекрасное ничто, любезное,
Пріятное, прелестное не свойственно.
Любовнымъ ложемъ пресыщается она
И тѣмъ поворитъ только мужа своего;
Крадя, сосѣдямъ причиняетъ много зла
И часто предназначенное въ жертву ѣстъ.
Ту—статногривистая лошадь родила,
Что отвергаетъ подчиненіе и боль:
Ни тронуть мельницы, ни рѣшета поднять,
Ни выбросить изъ дома соръ, ни къ печи сѣсть
Не хочетъ, избѣгая сажи, и берётъ
Въ друзья мужчину въ силу лишь нужды; она
День каждый раза два, а то и три съ себя
Смываетъ грязь и миромъ натирается;
Всегда распущенными носитъ волоса,
Густые, во цвѣтахъ; понятно для другихъ
Такого рода женщина—прекрасный видъ,
Но мужу—зло, конечно если только онъ

Не скиптроносецъ иль какой-нибудь тиранъ,
Кто въ сущности и самъ таковъ же по душѣ.
Отъ обезьяны ту: ее особенно,
Какъ зло сильнѣйшее, Зевсъ мужу даровалъ.
Страшилище на видъ, подобная жена
Предметомъ смѣха служитъ въ городѣ для всѣхъ.
Съ короткой шеей, движется съ трудомъ она,
Беззадая, изъ кожи да костей, о мужъ
Несчастный, кто такое обнимаетъ зло!
Въ затѣяхъ и увертках всѣхъ она ловка.
Какъ обезьяна, ей насмѣшка ни по чемъ;
Добра не пожелаетъ сдѣлать никому,
Но смотритъ и день каждый думаетъ о томъ,
Чтобъ причинить кому, какъ можно больше, зла.
Ту—отъ пчелы; счастливъ имѣющій ее:
Единственно лишь къ ней не пристаетъ позоръ
И отъ нея цвѣтетъ и богатѣетъ жизнь;
Старѣетъ съ мужемъ любящимъ, любя его,
Рождая славную, прекрасную семью;
Среди всѣхъ женщинъ выдѣляется она,
Вокругъ нея—божественная красота;
Она не видитъ удовольствія сидѣть
Средь жёнъ, гдѣ говорятъ развратныя слова.
Такого рода женщинъ превосходнѣйшихъ
И самыхъ многоумныхъ Зевсъ даритъ мужьямъ.
Всѣ-жъ прочія породы женъ по замыслу
Зевеса лишь одно несчастье для мужей.—
Вѣдь зло сильнѣйшее въ лицѣ женъ Зевсъ создалъ,
И если кажутся онѣ полезны въ чемъ,
Такъ мужу несравненно больше бѣдъ отъ нихъ.
Кто съ женщиной вращается, тотъ никогда
Въ весельи не проводитъ всего дня: не вдругъ
Онъ удалитъ изъ дома голодъ—божество

Враждебное, сожителя противнаго.
Когда-жъ для бога-ль, человѣка-ль мужъ въ дому
Особенно повеселиться думаетъ,
Жена, найдя предлогъ, выходитъ изъ себя.
Вѣдь гдѣ есть женщина, охотно въ домъ нельзя
Идущаго пришельца дружески принять.
А та, которая на видъ особенно
Скромна, порой позоритъ болѣе всего:
Когда мужъ ни о чемъ дурномъ не думаетъ, —
Сосѣди же смѣются промаху его;
Припомнивъ, каждый будетъ одобрять свою
Жену, жену-жъ другого будетъ порицать:
Не зная, участь равную имѣемъ мы.
Вѣдь Зевсъ сильнѣйшее зло этимъ причинилъ
И неразрывную надѣлъ на узы цѣпь.
Отъ этого и адъ принялъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ,
Которые поссорились изъ-за жены".

Обреченный на забвеніе трудъ по исторіи всеобщей литературы.

Б. В. Варнеке. Наблюденія надъ древне-римской комедіей. Къ исторіи типовъ. Казань 1905 стр. 318+II.

Наши ученые филологи рѣдко дарятъ намъ спеціальныя изслѣдованія по интереснымъ вопросамъ классической литературы, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ должны мы привѣтствовать появленіе труда г. Варнеке, въ которомъ молодой ученый задался цѣлью прослѣдить исторически эволюцію нѣсколькихъ типовъ латинской комедіи, не разсмотрѣнныхъ Риббекомъ въ его «Исторіи римской поэзіи».

Вопросъ, поднятый г. Варнеке, по своему «общелитературному» характеру заслуживаетъ, безспорно, самаго серьезнаго вниманія, и успѣхъ работы въ данномъ случаѣ всецѣло зависитъ отъ того, какъ воспользовался авторъ собраннымъ матеріаломъ, какую форму придалъ онъ своему изложенію и къ какимъ результатамъ пришелъ въ своихъ выводахъ.

Медленно, почти слово за словомъ, приходилось намъ читать работу г. Варнеке, интересную по темѣ, но скучную по своему исполненію. Послѣ такого долгаго и утомительнаго чтенія съ неизбѣжными остановками, частыми справками и неоднократными возвращеніями къ прочитанному, явилось желаніе вторично, но на этотъ разъ уже бѣгло, перечитать сочиненіе затѣмъ,

чтобы провѣрить впечатлѣніе, оставшееся отъ перваго чтенія.

И надо сознаться, что оба эти чтенія, различныя по характеру, но взаимно дополняющія другъ друга, оставили совершенно одинаковые слѣды.

Сначала мы передадимъ въ общихъ чертахъ впечатлѣніе отъ безостановочнаго втораго чтенія, а затѣмъ постараемся подкрѣпить сказанное собственными наблюденіями и замѣчаніями, какія явились результатомъ нашего перваго чтенія, при этомъ, надо замѣтить, что и при вторичномъ прочитываніи книги приходилось наталкиваться на новыя ошибки, не замѣченныя при первомъ знакомствѣ съ сочиненіемъ г. Варнеке.

I.

Работа г. Варнеке состоитъ изъ семи главъ и заключенія, составляющаго особый экскурсъ. Первыя двѣ главы, по словамъ автора (пред. стр. IV), включены въ сочиненіе для того, чтобы лишній разъ указать на преобладаніе въ эллинистической комедіи жанра. Въ I-ой гл. разбираются политическіе мотивы въ древне-римской комедіи, гл. II-я трактуетъ о литературныхъ мотивахъ въ той же области латинской словесности.

Не говоря уже о томъ, что такія заглавія не вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію, въ которомъ сравнительно бо̀льшее мѣсто, какъ это и понятно, отводится древнегреческой, а не древнеримской комедіи, обѣ эти главы пристегнуты къ дальнѣйшему изложенію совершенно случайно На ряду съ указаніемъ политическихъ илитературныхъ мотивовъ также умѣстно было бы ска-

зать нѣсколько словъ и объ отраженiи философскихъ и религiозныхъ идей и настроенiй въ древнеримской или, правильнѣе, въ эллинистической комедiи, если уже было такъ необходимо упоминать о господствѣ жанра въ комедiи древнихъ.

Уже съ самыхъ первыхъ страницъ разбираемой монографiи приходится считаться съ тѣми особенными способами изложенiя, о которыхъ предупреждаетъ въ своемъ предисловiи авторъ. Мы разумѣемъ многочисленныя отступленiя, благодаря которымъ сочиненiе получило отрывочный характеръ. Хотя самъ Варнеке и утверждаетъ, что обойти это неудобство представлялось невозможнымъ, но съ такимъ утвержденiемъ согласиться никакъ нельзя. Неужели въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы изложенiе было связнымъ, не оказалось возможнымъ выдѣлить въ отдѣлъ примѣчанiй пространные экскурсы въ область критики и безконечные, иногда безцѣльные, споры со взглядами другихъ.

Во всякомъ случаѣ, поднятый на стр. 28 сл. вопросъ о пресловутомъ χάϑαρσις, или на стр. 29 сл. казуистическiй споръ о томъ прологѣ «новой» комедiи, который былъ найденъ въ Египтѣ Рейценштейномъ, или, наконецъ, разсужденiя (стр. 33 сл.) о гипотезѣ Какридиса относительно пользованiя Плавтомъ трагедiей Эврипида, когда эта гипотеза «не имѣетъ никакого серьезнаго значенiя»—были бы болѣе умѣстны въ отдѣлѣ примѣчанiй, чѣмъ въ текстѣ, гдѣ они служатъ стройному изложенiю настоящимъ тормазомъ.

Неудивительно, если при такихъ нерѣдкихъ отступленiяхъ самъ авторъ теряетъ нить своего разсказа и впадаетъ въ очевидныя противорѣчiя, образцомъ которыхъ могутъ служить хотя бы такiя мѣста на стр. 16, гдѣ г. Варнеке говоритъ, что паллiаты «были далеко

не свободны отъ обличительныхъ намековъ на римскую дѣйствительность, какъ это показываютъ хотя бы комедіи Плавта», а нѣсколькими строками ниже утверждаетъ, что «комедіи Плавта, Теренція и другихъ авторовъ палліаты..... не могли служить откликомъ на какія-либо событія римской жизни».

Мѣстами авторъ высказываетъ то или иное свое мнѣніе въ формѣ, которая оставляетъ читателя въ догадкахъ. Таково высказанное вскользь (стр. 29) предположеніе о томъ, что отсутствіе упоминанія о литературныхъ вопросахъ въ комедіяхъ Менандра едвали является случайнымъ. Это предположеніе, на нашъ взглядъ, могло бы найти для себя нѣкоторое подтвержденіе въ томъ фактѣ, что анализъ человѣческой природы въ эпоху, современную Менандру, другу Эпикура и Өеофраста, сдѣлался любимымъ занятіемъ философовъ и поэтовъ и долженъ былъ заслонить собою интересы чисто-литературнаго характера.

Съ III-ей главы начинается изложеніе главной темы сочиненія «Къ исторіи типовъ». И если изложеніе двухъ предыдущихъ главъ еще въ нѣкоторомъ отношеніи можно считать болѣе или менѣе цѣльнымъ и связнымъ, то послѣдующія за двумя вступительными главами рубрики написаны безъ всякаго опредѣленнаго плана и связи.

Ни краткія заглавія самыхъ рубрикъ, ни загроможденное цитатами изложеніе не даютъ намъ полной и законченной картины эволюціи характеровъ. Историческій обзоръ типовъ не могъ не обязывать автора наблюденій надъ древнеримской комедіей распространить и расчленить отдѣльные заголовки, и изложеніе, въ такомъ случаѣ, надо было вести въ строгой послѣдовательности, почерпая матеріалъ для нея изъ удачно ском

бинированныхъ текстовъ, указывать которые слѣдовало бы въ отдѣлѣ примѣчаній.

Вотъ почему необходимо было собрать и классифицировать характерные признаки персонажей такъ, чтобы типъ того или другаго образа ярко возставалъ предъ читателемъ, а для этого, конечно, было бы лучше сначала дать общую характеристику типа и затѣмъ уже указать на тѣ или иныя отступленія отъ общей нормы.

Отсутствіе подробныхъ оглавленій въ отдѣлахъ книги г. Варнеке и безсистемность ея изложенія обязываютъ рецензента подробнѣе передать содержаніе сдѣланныхъ авторомъ наблюденій.

III-я глава, самая большая, посвящена характеристикѣ «meretrix». Авторъ отмѣчаетъ три типа гетеръ. У гетеръ перваго рода наблюдаются большія заботы о своей внѣшности; внутренними качествами ихъ, обнаруживаемыми въ отношеніяхъ къ возлюбленнымъ, являются жадность къ деньгамъ, хитрость, коварство, лесть, притворство, кокетливость, кажущаяся неприступность. Таковы гетеры преимущественно у себя дома; въ гостяхъ онѣ блещутъ остроуміемъ и отличаются веселостью.

Гетеры второго рода питаютъ къ своимъ поклонникамъ искреннюю и вѣрную привязанность, онѣ безкорыстны, готовы переносить съ своими небогатыми любимцами всѣ тягости жизни. Скромныя и почти безмолвныя на пиру, онѣ и вообще отличаются стыдливостью и цѣломудріемъ.

Этотъ типъ гетеръ появился въ комедіи тогда, когда на сценѣ стали изображать семейную драму, драму интригъ, въ которой любовныя дѣла составляли почти единственную тему, и когда такая комедія дала мѣсто любовному роману.

Гетеры третьяго рода появляются лишь у Теренція: онѣ совмѣщаютъ въ себѣ пороки первыхъ и добродѣтели вторыхъ. Это важное наблюденіе, касающееся Теренція, не вмѣняло ли въ обязанность автору выдѣлить въ особую главу характеристику гетеръ у Теренція, у котораго онѣ «обрисованы ярко и чрезвычайно любопытно» (стр. 36)?

Приведенные выше, при обзорѣ первыхъ двухъ отдѣловъ, примѣры не всегда умѣстныхъ отступленій въ область спорныхъ вопросовъ и критики, освобождаютъ насъ отъ перечисленія таковыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ они встрѣчаются еще чаще и въ большихъ размѣрахъ (ср. стр. 246). Укажемъ, однако, нѣкоторыя повторенія и пропуски.

Упоминаніе г. Варнеке на стр. 81 о томъ, что Овидій писалъ свою Ars исключительно для гетеръ, повторено и на стр. 87. Также въ двухъ мѣстахъ говорится и о воспроизведеніи въ вазовой живописи пляски гетеръ (см. прим. на стр. 90 и 96)

Сдѣланное мимоходомъ и не подкрѣпленное ничѣмъ замѣчаніе автора, что воины и въ комедіи чаще всего являются источникомъ обогащенія для гетеръ (стр. 47), оставляетъ читателя въ недоумѣніи на счетъ причины такого явленія. Не надо ли искать ее въ томъ, что случайно разбогатѣвшіе воины, жившіе всегда своей обособленной жизнью, щедро награждали вкрадчивыхъ куртизанокъ за ихъ ласки.

IV-й отдѣлъ сочиненія г. Варнеке носитъ заглавіе Nutrix. Ancilla *). Здѣсь рѣчь идетъ о типахъ служанокъ, которые разбираются въ такомъ порядкѣ. Слу-

---

*) Не вѣрнѣе-ли: Ancilla. Nutrix. См. оглавленіе въ концѣ книги».

жанки-старухи и ихъ роль въ семьѣ. Близкія черты въ характерахъ служанокъ матронъ съ кормилицами у Сенеки-трагика и отчасти въ отрывкахъ Менандра. Сходство между типами служанки-кормилицы и сводни у Овидія, въ нѣкоторыхъ отрывкахъ Менандра и у романистовъ. Отраженіе этого типа въ новѣйшей литературѣ. Характеристика молодыхъ служанокъ у гетеръ и старухъ у сводней. Бѣглый очеркъ параллелизма любовной интриги господъ и прислуги.

Высказанное на стр. 140 мнѣніе о сходствѣ вѣрныхъ служанокъ матронъ съ кормилицами героинь Овидія повторяется и на слѣдующей страницѣ; также и данныя, характеризующія служанокъ у гетеръ, разсѣяны не въ одной только этой главѣ, ихъ мы находимъ и въ предыдущемъ отдѣлѣ (см. стр. 38 и 84).

Типъ сводни—тема V-ой главы (Lena), въ которой излагается приблизительно слѣдующее. Характеристическія черты сводни въ комедіяхъ въ связи съ особенностями этого типа, указанными въ элегіи Овидія—I, 8: старческій возрастъ сводни, страсть ея къ вину, наставленія, которыя она даетъ куртизанкѣ на счетъ поведенія послѣдней въ отношеніи къ возлюбленному (настойчивое требованіе подарковъ, неразборчивость въ выборѣ поклонниковъ, пріемы для поддержанія любви: польза притворства, возбужденіе подозрѣнія относительно фиктивнаго соперника, указаніе качествъ прислуги). Отраженіе типа классической сводни въ средневѣковыхъ комедіяхъ и въ произведеніяхъ позднѣйшаго времени.

Въ VI-ой гл. разбирается типъ «leno». Сводникъ характеризуется въ комедіи исключительно съ отрицательной стороны; основное качество его характера—жадность, которая и ведетъ его къ погибели. Сводниву всѣ злорадствуютъ, но особенно дурно обращается съ

нимъ молодежь; всѣ видятъ въ немъ злодѣя, клятвопреступника и, вообще, человѣка безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ. Для сводника страшна отвѣтственность только передъ судомъ.

Затѣмъ дается описаніе внѣшнихъ черть сводника, указываются причины отсутствія сводника въ элегіи и, наконецъ, говорится о судьбѣ этого типа въ средневѣковой поэмѣ Alda и въ итальянской комедіи эпохи Возрожденія.

И въ этой главѣ не обошлось безъ повтореній: мнѣніе г. Варнеке о томъ, что характеристика Хереи, обвинителя знаменитаго актера Росція, сдѣлана Цицерономъ въ словахъ, заимствованныхъ изъ комедіи (стр. 256), повторяется и на стр. 257-ой.

VII-ою главою, посвященной характеристикѣ замужней женщины (matrona), оканчивается, собственно, тема сочиненія «Къ исторіи типовъ».

Вопреки установленному пріему строго придерживаться историческаго обзора г. Варнеке начинаетъ послѣднюю главу своего труда съ разсмотрѣнія персонажей Теренція. Изложеніе ведется въ такомъ, приблизительно, порядкѣ. Жены-мученицы и забитые мужья у Теренція. Господство у Плавта преимущественно мужей «въ загонѣ». Жалобы женъ у Плавта на несчастія семейной жизни. Взаимныя отношенія женъ и мужей. Упрямство жены, какъ причина домашнихъ стычекъ. Отрицательныя отношенія къ женитьбѣ у комиковъ. Описаніе властолюбивой и сварливой жены-мучительницы и изображеніе тягостей семейной жизни вообще. Dotata uxor. Жена-безприданница. Мужъ-ловеласъ и влюбленный старикъ въ римской комедіи. Вмѣшательство родителей въ судьбу замужнихъ дѣтей. Особенности комедіи Теренція «Hecyra» въ связи съ вопросомъ

о возникновеніи положительнаго отношенія къ женщинѣ.

Помѣщенное на стр. 309—318 заключеніе озаглавлено—«Къ вопросу о началѣ слезной комедіи». Въ немъ, главнымъ образомъ, разсматриваются общепризнанныя заслуги Теренція, выразившіяся во внесеніи имъ серьезнаго элемента въ свои произведенія, положившія начало такъ называемой слезной комедіи. Это—второе обстоятельство, которое въ связи съ особенностями типа куртизанки у Теренція и въ соединеніи съ вопросомъ о возникновеніи положительнаго взгляда на женщину вообще, замѣчаемаго въ комедіи «Hecyra», побуждало автора «наблюденій» обособить въ отдѣльный этюдъ, новшества Теренція въ области канонизаціи типовъ комедіи.

Таково, въ общемъ, содержаніе сочиненія г. Варнеке, переданное нами въ бѣгломъ обзорѣ. Болѣе подробное знакомство съ этой книгой мы получаемъ изъ тѣхъ многочисленныхъ ссылокъ на мѣста изъ писателей, которыми въ буквальномъ смыслѣ слова затертъ русскій текстъ изложенія.

О томъ, какъ пользовался г. Варнеке своими источниками, и каковъ характеръ его изложенія вообще, рѣчь будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашего разбора.

II.

Тексты, заимствуемые изъ источниковъ, главнымъ образомъ, конечно, изъ комедій Плавта и Теренція, г. Варнеке почти всюду приводитъ въ сплошныхъ строкахъ, т.-е. въ прозаической формѣ. Причиной этого, повидимому, были съ одной стороны оче-

видная боязнь автора, какъ бы его сочиненіе въ такомъ случаѣ не приняло слишкомъ большаго объема, съ другой—произвольное пользованіе цитатами съ допущеніемъ всевозможныхъ сокращеній, перестановокъ и измѣненій словъ въ стихѣ.

Однако такая «экономическая» манера цитированія не вездѣ строго соблюдена, и внѣшняя форма цитатъ является такимъ образомъ не одинаковой. Такъ въ гл. V-ой прозой приводятся стихи не только изъ Плавта и Теренція, но и изъ Овидія и Проперція, тогда какъ отрывки изъ поэмы de Vetula напечатаны стихами. Въ слѣдующей VI-ой гл. цитаты изъ Титинія, Плавта и Овидія даны уже въ стихотворной формѣ, наоборотъ—9 стиховъ изъ поэмы Leda приведены прозой.

Эта непослѣдовательность произошла очевидно отъ того, что отдѣльныя главы сочиненія писались въ разное время, причемъ не было предварительно установлено разъ опредѣленнаго принципа, котораго, въ интересахъ цѣльности работы, слѣдовало придерживаться вездѣ.

Казалось бы и тексты древнихъ поэтовъ, напечатанные прозой, такъ же поражаютъ зрѣніе читателя своимъ необычнымъ видомъ, какъ его могли бы удивить слова Брабанціо изъ Отелло Шекспира, приведенныя на стр. 207 въ стихотворномъ переводѣ Вейнберга, если бы и ихъ облечь въ прозаическую форму.

Урѣзываніе стиха, выражающееся въ пропускѣ разныхъ союзовъ, личныхъ мѣстоименій, нарѣчій, частицъ и связки,—явленіе обыкновенное въ работѣ г. Варнеке. Однако эти пропуски, въ большинствѣ случаевъ, не вызывались никакой необходимостью, а потому и являются произвольными. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныя сокращенія не оказали существеннаго вліянія на смыслъ цитатъ, однако въ слѣдующихъ мѣ-

стахъ удаленіе одного или двухъ и болѣе словъ придало тексту нѣсколько иной характеръ.

Такъ на стр 17 въ Plaut. Cas. 102 нѣтъ intus, особенно необходимаго при сопоставленіи въ этомъ мѣстѣ стиха Плавта съ концомъ Теренціевой «Andria» (ср. стр. 222), далѣе отмѣтимъ ничѣмъ не оправдываемое опущеніе существительнаго «rivalem» (стр 66—Eun. 1072), удержать которое было необходимо въ виду приводимыхъ вслѣдъ за словами Гнатона объясненій Доната, или, наконецъ, пропускъ вводнаго предложенія ut dixi (стр. 283=Andr. 418), такъ умѣстнаго здѣсь въ строгомъ «приказѣ» Симона своему сыну и т. п.

На ряду съ только что приведенными примѣрами укороченныхъ стиховъ мы встрѣчаемъ и случаи наращенія стиха, выразившіеся во вставкѣ ненужныхъ словъ, напр въ Aul. 396 имѣемъ ante,—прибавку совершенно лишнюю, при дальнѣйшемъ antidhac (стр. 21).

Транскрипція, принятая въ изданіи Плавта Goetz-Schoell'я (Lips. 1893—1896), которымъ, какъ можно догадываться изъ указанія на стр. 236, пользовался г. Варнеке, почему-то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ или измѣнена, или передана своеобразно, такъ авторъ наблюденій пишетъ plurumum рядомъ съ maximum (стр. 39), pulchra при pulcra, pulcrior (стр. 84), impulsu рядомъ съ inpulsu (стр. 290), transversus при сопоставленіи съ provorsus (стр 255) и т. п.

Редакція текста во многихъ мѣстахъ отличается неточностью, для примѣра укажемъ хотя бы слѣдующіе случаи.

Въ концѣ стр. 47 читаемъ: ср. слова Cnamus haec meretrix etc. Truc. 572—3, гдѣ слова: haec meretrix... произноситъ рабъ по имени Cuamus; далѣе за приведеннымъ (стр. 75) изъ Ovid. r. a. 315 ст. стоитъ въ

скобкахъ «rem» — сокращеніе, порождающее двусмысленность; затѣмъ въ эпиграммѣ Марціала 3, 51, 2 sq. не разграничены точно слова какъ самой Галлы, такъ и ея возлюбленнаго: у г. Варнеке (стр. 77) они слиты подъ одно. На стр. 111 г. Варнеке пишетъ: «желаніе отдѣлаться отъ ненавистнаго Пиргополиника, (!) заставляло ее (Филокомасію) всячески желать вернуться въ Аѳины, подобно тому какъ въ Hecyra Philotis всѣ тѣ два года, что жила въ Коринѳѣ cum milite inhumanissimo была cupida huc redeundi, abeundi a milite» — при допущенномъ въ данномъ случаѣ сокращеніи въ текстѣ Hec. 85—91 не видно, на какое мѣсто указываетъ нарѣчіе huc (= Athenas, ср. опущенный 88 ст.). Или, наконецъ, въ ст. 18 изъ Ovid. amor. I, 15 (у г. В.: II, 15) ошибочно читается Menander erit (стр. 173), тогда какъ вѣрное чтеніе Menandros erit имѣемъ на стр. 72.

Изслѣдуя по большей части критически тексты новооткрытыхъ памятниковъ, г. Варнеке почему-то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставлялъ свою роль критика въ отношеніи къ текстамъ латинскихъ комедій, т.-е. того самаго матеріала, надъ которымъ онъ прежде всего и главнымъ образомъ производилъ свои наблюденія и изъ котораго дѣлалъ выводы (пред. стр. III). Въ этомъ случаѣ намъ кажутся совершенно непонятными какъ такое слишкомъ небрежное отношеніе г. Варнеке къ критикѣ текста самыхъ комедій, такъ и тѣ заключенія, какія имъ сдѣланы путемъ натяжекъ на основаніи чтеній сомнительныхъ. Приводимъ главнѣйшія изъ такихъ мѣстъ, слабыхъ въ отношеніи критики.

На стр. 139 по поводу словъ раба Daba (Ter. Andr. 723), обращенныхъ къ служанкѣ Мизидѣ: (opus est tua) mihi ad hancrem exprompta malitia atque astu-

tia, г. Варнеке говоритъ, что изъ этихъ словъ «вовсе нельзя заключить о дѣйствительной наличности такихъ свойствъ въ характерѣ Мизиды, тѣмъ болѣе что malitia засвидѣтельствовано только одной частью рукописей, тогда какъ остальныя даютъ вмѣсто этого чтенія memoria, принятое Донатомъ». Однако, взглянувъ на дѣло глубже, мы приходимъ къ слѣдующему убѣжденію.

Чтеніе malitia въ данномъ случаѣ болѣе умѣстно, чѣмъ удержанное въ нѣкоторыхъ рукописяхъ memoria. Во 1-хъ: malitia читается въ лучшихъ рукописяхъ и, между прочимъ, въ codd. Vaticanus и Basilicanus, а также и у Евграфія (см. изд. Теренція Klotz'а, Lips. 1838, I p. 205; ср. изд. Wagner'а, Cambr 1883 p. 301); во 2-хъ: чтеніе malitia отстаивала и филологическая критика въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей (см. изд. Бентли, Kiliae 1846 p. 66); въ 3-хъ: чтеніе memoria, въ особенности при exprompta, чуждо стилю Теренція, какъ это справедливо утверждаетъ такой знатокъ языка Теренціевыхъ комедій, какимъ является Guyetus (см. изд. Теренція Boecler'а, Argent. 1657 и при немъ Commentarii Fr. Guyeti p. 37), и, наконецъ, въ 4-хъ: памятники римской литературы не даютъ намъ соединенія memoria съ astutia, тогда какъ у Цицерона мы встрѣчаемъ сочетаніе синонимическихъ astutia и sapientia (fam. 3, 10, 9), astutia и audacia (cluent. 65, 183).

Что malitia есть до нѣкоторой степени синонимъ astutia—это мы видимъ изъ самаго опредѣленія понятія malitia, даннаго тѣмъ же Цицерономъ, ср. n. d. 3, 30, 75: est enim malitia versuta et fallax ratio nocendi и изъ нижеприведенныхъ словъ Плавта (Mil. gl. 189a). У Теренція же въ данномъ мѣстѣ malitia h. e. ingenii sollertis, какъ объясняетъ Pareus въ своемъ изд. Теренція (Neapoli Nem. 1619 p. 33).

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, напр. въ cod. Halensis, имѣемъ чтеніе militia, которое Шмидеръ—сынъ (изд. Теренція Halis Sax. 1819 p. 74) признаетъ также заслуживающимъ вниманія: militia exprompta est opera prompta et parata; callidam eam (i e. Mysidem) iubet Davus et versutam se ostendere in auxilio sibi ferendo, сопоставляя разбираемый стихъ Теренція со словами Цицерона pro Mur. 9, 19: Servius hic nobiscum hanc urbanam militiam respondendi, scribendi, cavendi.... secutus est.

Впрочемъ, это чтеніе слишкомъ смѣлое; сопоставленія съ Плавтомъ въ данномъ случаѣ болѣе всего склоняютъ въ пользу чтенія malitia, ср. напр. гр. 546, гдѣ старикъ Перифанъ говоритъ относительно Филиппы: hanc congrediar astu, соотвѣтственно чему Филиппа произноситъ: + muliebris adhibenda mihi malitia nunc est; также въ Mil. gl. 189[a] про хитрую женщину сказано: os habet, linguam, perfidiam, malitiam atque audaciam.

Бо́льшее, сравнительно съ другими учеными, вниманіе разбираемому мѣсту Теренція отведено въ изд. «Андріанки» Klotz'a (Leipzig 1865 p. 146); приводимые этимъ ученымъ доводы въ пользу чтенія malitia весьма поучительны. Послѣднее чтеніе принялъ и новѣйшій издатель Теренція Tyrrell (Oxonii 1903).

Что касается Доната, то редакція 3-я: memoria simpliciter magis: ut memor sit Davi praeceptorum и 4-я: et memoria modo pro intellegentia его схолій показываютъ лишь, что авторовъ этихъ редакцій объясненіе Доната: memoria atque astutia «memoria» ut praecepta retineat Davi, «astutia» ad agendum strenue quae imperaret неудовлетворяло, и самъ Донатъ, повидимому, чувствовалъ неловкость принятаго имъ чтенія, давая

ему нѣсколько странное толкованіе. Не слѣдуетъ-ли въ данномъ случаѣ видѣть ошибку въ текстѣ Доната, предположивъ, что и онъ также писалъ: malitia atque astutia, объясняя это словами: memoria (не «memoria») ut praecepta retineat Davi (ср. Andr. 477), astutia (не «astutia») ad agendum strenue quae imperent. Въ данной редакціи мы измѣняемъ лишь ед. ч. (imperet у Steph. см. Wessner, Comm Donati I p. 214) на множ.—imperent.

Во всякомъ случаѣ основываться здѣсь на чтеніи memoria и строить на немъ одномъ характеристику персонажа, конечно, не возможно, чему препятствуетъ astutia—это enfant terrible

Другой такой же разительный примѣръ поверхностнаго отношенія г. Варнеке къ критикѣ текста комедій Теренція встрѣчаемъ на стр. 158 его наблюденій, гдѣ онъ совершенно обходитъ молчаніемъ принятое имъ чтеніе Ht. 297: scin, hanc quam dicit sordidatam et horridam. Въ дѣйствительности же чтеніе horridam, предложенное Мадвигомъ (ср. изд. Дяцко, Lips. 1884 p. XXIV и Tyrrell'я), безусловно сомнительно, и если Дяцко внесъ его въ свое изданіе, то съ большой предусмотрительностью: h o r r i d a m. Какъ сомнительное, это чтеніе отвергли Умпфенбахъ въ своемъ полномъ изданіи Теренція (Berol. 1870 p. 208) и издатели комедіи Hautontimorumenos-Wagner (Berlin 1872 p 44 sq.). Делленъ (Харьковъ 1879 стр. 135), Gray (Cambr. 1895 p. 97 sq.); всѣ они пишутъ sordidam, причемъ нѣкоторые изъ нихъ стихъ Теренція сопоставляютъ по содержанію съ Cic. Pis. 41, 99, гдѣ ораторъ, большой поклонникъ Теренція (ср. мою монографію «De ciceronis studiis Terentianis, Casani 1897») допускаетъ такія же синонимическія соединенія—sordidus и sordidatus.

Далѣе на стр. 78 въ Ht 289 имѣемъ у г. Варнеке expolitum вм. expolitam, если только это не есть эмендація, какую предлагалъ Havet (см. Revue de philologie 1887, XI, 1 p. 47), и которую въ данномъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ, надлежало бы оговорить.

Недоумѣваемъ также, чѣмъ руководствовался авторъ наблюденій, когда такъ цитировалъ (стр. 167) стихъ Плавта Rud. 1130: estne hic vidulus ubi cistulam tuam inesse aiebas. Въ данномъ мѣстѣ всѣ рукописи даютъ cistellam, ср. также Rassow, De Plauti substantivis p. 654 s. v. и Ryhiner, De deminutivis Plautinis Terentianisque, Basileae 1894 p. 20 и 70. Ужъ не измѣнилъ ли г. Варнеке традиціонное чтеніе подъ впечатлѣніемъ лишь того, что здѣсь «чувствуются какіе-то изъяны при чтеніи четвертой сцены 4-го дѣйствія».

Наконецъ, на стр. 226 сл. г. Варнеке признаетъ возможнымъ и, можетъ быть, научнымъ приводить исправленія въ поэмѣ de Vetula, сдѣланныя рукою какого-то невѣдомаго читателя XVII в. на поляхъ франкфуртскаго изданія Овидія 1610 г.

На ряду съ указанными промахами въ области критики мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ монографіи г. Варнеке безусловно невѣрныя чтенія, таковы, напр., на стр. 46 nam вм. quia (Men. 264), extrudi вм. extudi (Most. 221; у г. В.: 21) и quod вм. quom (Ba. 518); далѣе на стр. 192 praeterea вм. propterea (Hec. 63), на стр. 195 ianuae вм. aedes (Asin. 242), на стр. 198 exti (?) inesse вм. extimuisse (Tib. 2, 6, 50), на стр. 285 durum вм. clarum (Asin. 947) и т. д.

Съ другой стороны попадаются произвольно измѣненныя, ни на чемъ не основанныя чтенія, объясняемыя не чѣмъ инымъ, какъ тою же характерною для г. Варнеке небрежностью.

Такъ въ извѣстномъ 268 ст. 6-ой сат. Ювенала читаемъ aeterna вм. alterna (стр. 268 пр. 4); у Plaut. въ Men. 121 обычное cavebis замѣнено не идущимъ къ дѣлу carebis (стр. 280); далѣе въ цитатѣ изъ Ovid. rem. am. 566 слѣдуетъ писать (стр. 279) не adesse, а obesse, такъ какъ первое изъ этихъ чтеній придаетъ всему отрывку совершенно противоположный смыслъ.

На стр. 269 пр. 3 приводится разговоръ Халина съ Клеостратой (Plaut. Cas. 353—355); въ немъ рабъ совершенно открыто заявляетъ, что Лизидамъ желаетъ смерти своей жены. Услышавъ это, Клеострата съ своей стороны убѣжденно говоритъ, что въ подобномъ желаніи своего мужа она вполнѣ увѣрена: credo ecastor velle,—но тогда Халинъ дѣлаетъ къ словамъ Клеостраты такое поясненіе: at pol ego hau credo, sed certe scio. У г. Варнеке вмѣсто velle читается vere, но такое чтеніе въ этомъ стихѣ (355) нельзя допустить, такъ какъ тогда пришлось бы предположить и здѣсь пропускъ velle, котораго безъ того уже нѣтъ въ предыдущихъ (v. 354) и послѣдующихъ (v. 355) за увѣреніемъ Клеостраты словахъ Халина.

Посмертная просьба Цинтіи у Проперція (4, 7, 74) г. Варнеке цитуется такъ (стр. 155):

Natrix in tremulis ne quid desideret annis
Parthenie: p o t u i t nec tibi a v a r a fuit.

Курсивъ принадлежитъ г. Варнеке, у котораго книга элегій названа невѣрно: VI вм. IV. Но у Проперція въ данномъ мѣстѣ стоитъ patuit. Казалось бы въ случаяхъ, гдѣ авторъ хочетъ остановить вниманіе читателя, печатая типичныя слова курсивомъ, слѣдовало быть осмотрительнѣе.

Однако перлами неряшливости, всюду замѣчаемой у автора наблюденій надъ древнеримской комедіей, долж-

ны почитаться слѣдующія три мѣста, выпиской которыхъ мы и закончимъ наши указанія на недостатки разсматриваемой работы въ области редакціи и въ предѣлахъ критики текста.

На стр. 263 читателю, чтобы онъ могъ себѣ составить типъ забитой, угнетенной жены, рекомендуется прочесть изъ комедіи Теренція Hautontimorumenos яркую сцену разговора Сострата съ мужемъ. Сцена по истинѣ яркая, а именно: 1-я сцена 4-го автора (!!), какъ указано въ скобкахъ.

Изображая скромную обстановку Пенелопы, окружающую ее въ отсутствіи мужа, авторъ приводитъ (стр. 78) слѣдующія слова Овидія изъ Her. I, 103—104.

Hinc faciunt custosque boum longaevaque nutrix,
Tertius inmundae cura fidelis arae!

На самомъ же дѣлѣ вм. arae Овидій писалъ harae. Значитъ, какая клевета этимъ неправильнымъ чтеніемъ возведена на Пенелопу; какое кощунство приписываетъ ей г. Варнеке, если она, набожная и благочестивая жена, на мѣстѣ грязнаго свиного хлѣва помѣстила святой алтарь!

Наконецъ, на стр. 77 читаемъ такую эллиптическую фразу: «Гетерѣ одной красоты недостаточно: нужно еще для и изящество туалета и всей обстановки». Читатель, конечно, легко можетъ догадаться о пропускѣ личнаго мѣстоименія, но зачѣмъ было поступать такъ неосмотрительно: отмѣчая въ отдѣлѣ погрѣшностей мелкія опечатки, обходить молчаніемъ такіе крупные корректурные промахи. Но о корректурной сторонѣ сочиненія г. Варнеке рѣчь будетъ впереди.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Варнеке допускаетъ дробленіе цитатъ: въ одномъ мѣстѣ онѣ приводятся цѣликомъ, въ другомъ только часть ихъ (ср., напр.,

стр. 37 и 93 - Plaut. Truc. 471), хотя этого и можно было избѣжать безъ ущерба для работы.

Мѣстами цитаты, не будучи приведены полностью, не соотвѣтствуютъ изложенію, такъ на стр. 94 слова muliercula exornatula (Cist. 306) вовсе не даютъ основанія заключать, что Gymnasium была красива; о ея очаровательной красотѣ сказано въ опущенномъ концѣ этого стиха — scita и отчасти въ ст. 315.

Далѣе на стр. 121 при ссылкѣ на Ht. 306 не указана причина, побудившая Антифилу проливать слезы радости при извѣстіи о возвращеніи возлюбленнаго. Этой причиной была тоска по любимомъ человѣкѣ, страстное желаніе съ нимъ увидѣться, о чемъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго 307 ст. той-же комедіи.

Какъ тонкій знатокъ человѣческаго сердца Теренцій понималъ, какую силу имѣетъ любовь (ср. Eun. 880 sq., Ht. 570). Изъ многихъ мѣстъ его комедій мы можемъ судить, какъ хорошо была усвоена поэтомъ психологія влюбленнаго: Теренцій излагаетъ намъ характеристику любви, какъ болѣзненнаго состоянія (Eun. 225), граничащаго съ умопомѣшательствомъ (Eun. 63), рекомендуетъ средства къ исцѣленію отъ этой болѣзни (Eun. 76 sqq., ср. Ht. 99 sqq.), считаетъ вполнѣ естественнымъ для молодаго человѣка увлеченіе любовью (Hec. 541 sqq.) и т. д.

Многія положенія Теренція развилъ въ своихъ объясненіяхъ Донатъ, его истолкователь, котораго, памятуя совѣтъ Лессинга, также достойно изучать не въ отношеніи только языка (Гамбургская драматургія LXXII). Наблюденія Теренція въ связи съ данными объясненіями Доната могли бы служить темою особаго этюда — De Terentio, amoris psychologo, et de Donato, artis amatoriae interprete artificiosissimo.

Приводимую на стр. 149 цитату изъ Apul. Met. 8, 10 надо было довести до конца главы, который читается такъ: nec secius patefectis aedibus acceptum te nullo lumine conscio ad meum perducet cubiculum— этими словами точнѣе указывается на коварный планъ Хариты и опредѣленнѣе намѣчается роль самой кормилицы, какъ свахи.

Въ томъ же романѣ Апулея, изъ котораго г. Варнеке приводитъ (стр. 180) мѣсто, гдѣ говорится, какъ проводила время жена мельника въ сообществѣ старухи-сводни (9, 15), почему-то опущена мѣткая характеристика послѣдней: anus quaedam, stupri sequestra et adulterorum internuntia, de die quotidie inseparabilis aderat, и скорѣе къ ней, пьяной старухѣ, надо относить дальнѣйшія слова этой главы.

Въ цѣляхъ разъясненія вражды, существовавшей между матронами и гетерами (стр. 58), стихи изъ Cas. 585—586 слѣдовало привести полностью; также надо было цѣликомъ выписать и слова (стр. 60 пр. 4) изъ Eun. 440—445, какъ совѣтъ характерный для Теренціева паразита, ср. статью С. Д. Шестакова «О роли паразитовъ въ древней комедіи» (Пропилеи т. III. стр. 12).

Замѣчаніе Сира про возлюбленную Клиніи (стр. 78) надлежало пояснить, добавивъ, что она была застигнута Клиніей врасплохъ (Ht. 281) и не сдѣлалась гетерой въ его отсутствіе (v. 280).

На стр. 87 сказано, что Овидій въ своей Ars, написанной для гетеръ, совѣтуетъ читать Каллимаха (III, 329), между тѣмъ какъ древній наставникъ въ любви (v. 341) выражается такъ:

Sit tibi Callimachi, sit Coi nota poetae,
Sit quoque vinosi Teia Musa senis,
Nota sit et Sappho, (quid enim lascivius illa?)...

Значитъ Овидій даетъ совѣтъ гетерѣ заимствовать ученость отъ Каллимаха, простоту и глубину чувствъ у Филеты, игривость у Анакреонта и благозвучіе у Сафо.

Передъ словами Филеніи изъ Asin. 595 не приведено (стр. 104) самаго распоряженія матери: mater supremum mihi tua dixit: domum ire russit (v. 594). Изъ той же комедіи ст. 929 цитуется не полно (стр. 105), а опущенный конецъ его: quam (i. e. puellam) scorto dares—здѣсь очень важенъ.

Мечта Филеніи (Asin. 615): utinam sic efferamur невольно напрашивалась (стр. 105) на сравненіе съ послѣднимъ пожеланіемъ Горацiевой Лидiи (carm. 3, 9, 24):

tecum vivere amem, tecum obeam libens!

Коснувшись сравненія любви съ болѣзнью (стр. 107 пр. 1), прежде всего надо было указать на Eun. 225 sq. и привести объясненіе Доната къ этому мѣсту (Wessner I p. 313) въ связи съ Cat. 76, 25 и 39, 7.

Нельзя не пожалѣть, что во многихъ случаяхъ въ книгѣ г. Варнеке опущены указанія на характерныя и типичныя мѣста, такъ на стр 138 пр. 1 какъ было не привести ст. 230 изъ Cas.:

Heia, mea Juno, non decet esse te tam tristem tuo Jovi—тѣмъ болѣе, что въ этомъ стихѣ и въ вышеприведенномъ авторомъ наблюденій 690 ст. изъ Merc. обращенія «mea Juno» имѣютъ совершенно различныя значенія. Въ первомъ случаѣ такъ обращается рабыня къ своей барынѣ Juno=hera, cf. Cas. 408), во второмъ—имѣемъ обращеніе мужа къ «дорогой» супругѣ (Juno=uxor, cf. Poen. 1220). Ср. Hubrich, De diis Plautinis Terentianisque, Regimonti 1883 p. 14 и 37 sq.

Вмѣсто того, чтобы опредѣленной мысли автора придавать реторическую окраску, не лучше-ли было бы на стр. 193 (а не на 57) привести цитату изъ Ba. 1152,

гдѣ именно и сказано какъ «противны запоздалые поклонники»: meum peusum ego lepide accurabo: + quam odiosumst (на стр. 57 ошибочно: odiumst) mortem amplexari. Стихи изъ Persa 409—410 (стр. 252 пр. 12) представляютъ, на нашъ взглядъ, болѣе цѣльную характеристику жаднаго сводника, чѣмъ приводимыя здѣсь шаблонныя ругательства (lutum, caenum, sterculinum) по его же адресу. Вотъ эта характеристика:

Pecunias accipiter avide atque invide,
Procax, rapax, trahax.

И accipiter и trahax у Плавта ἅπαξ λεγόμενα, ср. Rassow, De Plauti substantivis p. 639 и Гельвихъ, наблюденія надъ именами прилагательными у Плавта, Спб. 1893 стр. 7. Прилагательное trahax имѣетъ значеніе «склонности къ дѣйствію», какъ выражается Гельвихъ; «ястребомъ» образно называетъ Плавтъ сводника, какъ человѣка жаднаго, см. Graupner, De metaphoris Plautinis et Terentianis, Vratisl. 1874 p. 25 и Wortmann, De comparationibus Plautinis et Terentianis ad animalia spectantibus, Marb. Catt. 1888 p. 41.

Тамъ же было бы умѣстно привести изъ Rud. ст. 318—319; въ нихъ такъ описываются внутреннія качества сводника:

fraudulentum,

Deorum odium atque hominum, malum, mali viti probrique plenum. Эти слова составляютъ вторую часть той характеристики «Ленона», первая половина которой, имѣющая отношеніе къ наружности, приведена на стр. 255. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ при описаніи внѣшности сводника было бы очень кстати упомянуть, что и имѣющіяся въ Ватиканскомъ спискѣ Теренція фигуры Доріона и Саппіона изображены, повидимому, соотвѣтственно описаніямъ чертъ этого законченнаго

типа, сдѣланнымъ писателями, см. Chr. Berger, Commentatio de personis vulgo larvis seu mascheris, Francofurti et Lipsiae 1723, №№ LXXXIV, LXXXV, LXXXVII и CXIX, а также въ роскошномъ изданіи Теренція съ первымъ стихотворнымъ итальянскимъ переводомъ Nic. Fortiguerra, Urbini 1736 pp. 172, 175, 178 и 245.

Въ доказательство того, что своднивъ недовѣрчиво относился къ обѣщаніямъ юношей, мало было только сослаться (стр 253) на Phorm. 492—494,—надо и выдѣлить изъ этихъ стиховъ слова Теренціева сводника: fabulae, logi, somnia, которыя, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ замѣчанію Балліона у Плавта: Surdus... inanilogistae (Ps. 256).

Слова изъ Merc. 275, такъ характеризующія боязнь мужа: quasi hircum metuo ne uxor me castret mea, было бы болѣе у мѣста привести на стр. 266 пр. 8, а не въ пр. 4 стр. 269, какъ это сдѣлалъ г. Варнеке, опустивъ тамъ же.

Мѣсто изъ Mil. 691 sq., заключающее жалобы мужа, раздраженнаго назойливыми требованіями женою денегъ на туалетъ, во всякомъ случаѣ, въ ряду другихъ указаній по этому предмету (см. стр. 273 пр. 6) весьма характерно, и о немъ также нельзя умалчивать, такъ какъ женоненавистникъ Периплекоменъ, произносившій эти жалобы, самъ дѣлаетъ такое признаніе:

Haec atque+huius similia alia damna multa mulierum
Me uxore prohibet, mihi quae huius similes sermones serat. (Mil. 699—700).

При описаніи добродѣтелей Теренціевой Филумены (стр. 296 сл.) необходимо было указать и на тѣ чувства, какія она пробудила въ мужѣ, своимъ поведеніемъ на-

веди его на мысль сравнить ея благородство, цѣломудренность, скромность и долготерпѣніе съ тѣми чувствительными обидами, которыя наносила ему Бакхида, его возлюбленная (ср. Hec. 168: victus huius iniuriis), хотя и мало походившая на обыкновенныхъ meretrices, считавшая счастьемъ для себя, что ей удалось доставить счастье своему бывшему обожателю (vv. 816, 833), и благодарная послѣднему за тѣ ласки, какія дарилъ онъ ей прежде (v. 840).

Съ другой стороны на стр. 297 слѣдовало привести въ пр. 1 не одинъ 167 ст. изъ «Hecyra», но и слѣдующіе три, указывающіе на пробужденіе въ Памфилѣ любви и симпатіи (ср. vv. 170, 489) къ своей заброшенной женѣ; также и въ пр. 3 напрасно опущены ст. 489—492 той же комедіи.

Указанныя опущенія сдѣланы г. Варнеке, вѣроятно, также изъ опасенія увеличить свою книгу этими «несносными» сносками, но, повторяемъ, всего этого можно было избѣгнуть при связномъ изложеніи и при условіи отнесенія примѣчаній къ концу всей книги или отдѣльныхъ главъ, группируя и самыя ссылки, т.-е. придавая примѣчаніямъ характеръ особыхъ экскурсовъ.

Во многихъ случаяхъ латинскій или греческій текстъ присоединяется къ русскому совершенно механически, безъ соблюденія даже элементарныхъ правилъ подчиненія или сочиненія, почему и изложеніе въ такихъ мѣстахъ получило видъ поспѣшной спайки плохого мастера.

Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. Варнеке пробовалъ сгладить эти рѣжущія глазъ шероховатости, представляющія при чтеніи настоящіе камни преткновенія, но его попытки оказались далеко не вездѣ удачны, такъ на стр. 129 въ Ter. Hec. 735 онъ опустилъ

mihi, не измѣнивъ, однако, предательскаго tutor, или на стр. 206 въ Ovid. Her. 6, 135 вставивъ отъ себя Medea, авторъ наблюденій не выбросилъ коварнаго illa (=Medea) и т. п.

Ниже мы приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ работы г. Варнеке, въ которыхъ ярче всего обнаруживается эта неумѣлая композиція.

Стр. 40: Въ Most. Philematium заявляетъ, что она обязана дарить свои ласки одному Филолахету, но это происходитъ только потому, что me soli sibi suo sumptu liberavit (vv. 204—205) и стр. 114: Она (Philematium) надѣется... составить себѣ хорошую репутацію, а это для нея выгодно, потому что всѣ magis amabunt, quom me videbunt gratiam referre rem ferenti (v. 231 sq.).

Стр. 71: Если въ Rud. Ampelisca не позволяетъ Скепарніону nimium familiariter attrectare себя (420 sq.) и даже требуетъ, когда его заигрыванія приняли осязательный характеръ, potin ut me abstineas manum (425), то это вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что ей противны его ласки... и стр. 168: Трахаліонъ проситъ Демонета (у г. В.: Деменета): ut mi Ampelisca nubat, ubi ego sim liber (ibid. 1220).

Стр. 89: Здѣсь (въ Cist. vv. 135—136) сводня разсказываетъ, что за много лѣтъ до начала пьесы ея подруга просила ее puerum aut puellam alicunde ut reperirem sibi, recens natum eapse quod sibi supponeret .. и стр. 107: Ея мать (Селеніи изъ Cist.)... услышала ея просьбы ut me, quem ego amarem graviter, sineret cum eo vivere (v. 85).

Стр. 90: Балліонъ (Ps. 183) упрекаетъ своихъ питомицъ въ томъ, что онѣ vini modo cupidae estis.

Стр. 115: Обѣ сестры томились въ неволѣ у свод-

ника, больше всего заботясь о своей чистотѣ, заявляя, что aurum id fortuna invenitur, natura ingenium bonum, bonam ego quam beatam me esse nimio dici mavolo (Poen. 302—303)... Это давало имъ въ концѣ пьесы полное право гордиться тѣмъ, что онѣ esse a culpa castas (v. 1186).... и стр. 117: [Изъ этой же второй пьесы взяты и тѣ стихи, въ которыхъ Adelphasium заявляетъ что она apud aedem Veneris... me ostendi volo (ibid. v. 339 sq.).

Стр. 125: Она (Lucris въ Persa) умоляетъ отца не продавать ее tui ventris causa (v. 338). Здѣсь— неудачная передѣлка изъ вопросительнаго предложенія Плавта: tuin ventris causa filiam vendas tuam?

Стр. 129: Ея (Бакхиды въ Hec.) главная забота ne nomen quaesti obsiet, nam mores facile tutor (v. 735), однако mihi въ первомъ предложеніи, какъ мы уже указали выше, предусмотрительно выброшено.

Стр. 169: Это (кокетничанье съ возлюбленнымъ барыни) приближаетъ ее (Astaphium въ Truc.) къ тѣмъ служанкамъ, относительно которыхъ Овидій (a. a. 3,665—666) совѣтовалъ гетерѣ nec nimium vobis formosa ancilla ministret, saepe vicem dominae praebuit illa mihi...

Стр. 189: Напутствуя перстень, formosae digitum vincture puellae, онъ (Овидій) не забываетъ окончить свое стихотвореніе.... эффектнымъ увѣреніемъ (Amor. 2, 15. 1; у г. B.: digitum опущено).... стр. 190: Овидій... увѣряетъ, что бѣднякъ вмѣсто подарковъ officium pauper numerat (у г. B.: numeret) studiumque fidemque (Amor. 1, 10, 57), a—dos mea (у г. B.: mea dos) carminibus meritas celebrare puellas (v. 59 sq.)... и стр. 234: Овидій желалъ (Amor. 1, 8, 113), чтобы

Dipsas: di tibi dent nullosque lares inopemque senectam.

Стр. 206: Гипсипила напоминаетъ Язону, что Medea prodidit illa patrem Ovid. Her. 6, 135).

Стр. 255: Саннiонъ у Теренція согласенъ на все, potius quam litis sequar (Ad. 248) и стр. 270 сл.: Хреметъ (въ Ht.) по поводу просьбы жены ne quid credas me advorsum edictum tuom facere esse ausam замѣчаетъ vin me istuc tibi, etsi incredibilest, credere (v. 624).

Стр. 274: Въ Asin. Либанъ желаетъ, чтобы въ случаѣ. если Демэнетъ его обманетъ, ut tibi superstes uxor aetatem siet atque illa viva vivos ut pestem oppetas (v. 21—22).

Испещренный сплошь латинскими или греческими цитатами русскій текстъ въ работѣ г. Варнеке потерялъ необходимую связь и цѣльность. А вѣдь тема сочиненія при разнообразіи и обиліи матеріала требовала совсѣмъ иного способа изложенія: для изображенія мѣткихъ характеристикъ нуженъ былъ языкъ сжатый, последовательный, не прерываемый никакими уклоненіями въ сторону.

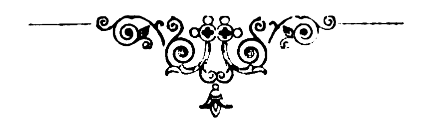
Мы нарочно подробнѣе остановились на изложеніи того, какъ пользовался авторъ наблюденій надъ древнеримской комедіей текстами древнихъ писателей, такъ какъ отъ способа пользованія этимъ матеріаломъ находился въ большой зависимости и самый характеръ даннаго сочиненія. Прозаическая форма стиха, мѣстами пропуски и вставки отдѣльныхъ словъ и ихъ не вездѣ правильное написаніе, не всегда точная редакція и должное отношеніе къ критикѣ самаго текста, неоконченность многихъ цитатъ, отсутствіе типичныхъ мѣстъ и, наконецъ, неискусная спайка латинскаго текста съ

русскимъ изложеніемъ придаютъ работѣ г. Варнеке характеръ безсистемнаго изложенія въ тяжелой и неудобной формѣ. Вотъ первый и существенный недостатокъ разсматриваемой работы со стороны чисто филологической.

Покончивъ съ перечисленіемъ недочетовъ въ способѣ пользованія текстами древнихъ комедій, какъ источниками труда г. Варнеке, переходимъ къ изложенію вопроса о томъ, какъ и въ какомъ размѣрѣ воспользовался авторъ наблюденій научными пособіями.

П. Черняевъ.

Продолженіе будетъ.

ОПЕЧАТКИ.

<table>
<tr><th></th><th></th><th></th><th></th><th>Напечатано:</th><th>Должно быть:</th></tr>
<tr><td>стр. 2</td><td>строка</td><td>12</td><td>сверху:</td><td>замѣчанныя</td><td>—замѣченныя</td></tr>
<tr><td>„ 8</td><td>„</td><td>1</td><td>снизу</td><td rowspan="4">Heeyra</td><td rowspan="4">—Hecyra</td></tr>
<tr><td>„ 9</td><td>„</td><td>11</td><td>сверху</td></tr>
<tr><td>„ 12</td><td>„</td><td>8</td><td>сверху</td></tr>
<tr><td>„ 24</td><td>„</td><td>11</td><td>сверху</td></tr>
<tr><td>„ 10</td><td>„</td><td>12</td><td>сверху:</td><td>Титанія</td><td>—Титинія</td></tr>
<tr><td>„ 12</td><td>„</td><td>9</td><td>сверху:</td><td>inhumanissimo</td><td>—inhumanissumo.</td></tr>
<tr><td>„ —</td><td>„</td><td>3</td><td>снизу:</td><td>Daba</td><td>—Дава</td></tr>
<tr><td>„ 13</td><td>„</td><td>9</td><td>снизу:</td><td>cluent.</td><td>—Cluent.</td></tr>
<tr><td>„ 14</td><td>„</td><td>13</td><td>сверху:</td><td>гр.</td><td>—Ер.</td></tr>
<tr><td>„ 15</td><td>„</td><td>3</td><td>снизу:</td><td>ciceronis</td><td>—Ciceronis.</td></tr>
<tr><td>„ 17</td><td>„</td><td>10</td><td>снизу:</td><td>Natrix</td><td>—Nutrix</td></tr>
<tr><td>„ 19</td><td>„</td><td>10</td><td>снизу:</td><td>молодаго</td><td>—молодого</td></tr>
<tr><td>„ 20</td><td>„</td><td>3</td><td>сверху:</td><td>patefectis</td><td>—patefactis</td></tr>
<tr><td>„ —</td><td>„</td><td>13</td><td>сверху:</td><td>adueterorum</td><td>—adulterorum</td></tr>
<tr><td>„ 21</td><td>„</td><td>6</td><td>сверху:</td><td>russit</td><td>—iussit</td></tr>
<tr><td>„ 22</td><td>„</td><td>12</td><td>сверху:</td><td>наблюденія</td><td>—Наблюденія</td></tr>
<tr><td>„ —</td><td>„</td><td>2</td><td>снизу:</td><td>Саппіона</td><td>—Санніона.</td></tr>
<tr><td>стр. 23</td><td>строка</td><td>15</td><td>снизу:</td><td>тамъ же</td><td>—тамъ ше.</td></tr>
</table>

СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

1) Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и почитателями академику Филиппу Ѳедоровичу Фортунатову по случаю 30-лѣтія его ученой и преподовательской дѣятельности 1872—1902. Варшава 1902 г.

2) Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Составленъ и изданъ учениками В. И Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ по случаю 50-лѣтія его ученолитературной дѣятельности. СПБ. 1905 г.

3) Изборникъ Кіевскій, посвященный Т. Д. Флоринскому (по случаю 25 лѣтія). Кіевъ 1904 г.

4) Статьи по славяновѣдѣнію. Выпускъ 1, подъ ред. академика В. И. Ламанскаго. Изданіе 2 го отдѣленія Академіи Наукъ. СПБ. 1904 г.

Въ послѣднее время среди ученыхъ въ большомъ ходу прекрасный обычай праздновать ученолитературные юбилеи, между прочимъ, и изданіемъ соотвѣтствующихъ сборниковъ, которые полнѣе всего могли бы служить къ лучшему ознаменованію особенной плодотворности научныхъ трудовъ того или другого юбиляра.

Мы смѣло можемъ совѣтовать нашимъ читателямъ не пожалѣть времени ознакомиться съ ними: такъ много содержится въ нихъ цѣннаго и поучительнаго, филологическаго и историческаго матеріала. Конечно, останавливаться подробно на многоразличномъ содержаніи сборниковъ мы не станемъ; достаточно будетъ дать ихъ общія характеристики съ указаніемъ нѣкоторыхъ подробностей и мелочей лишь въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, такъ какъ болѣе тщательное изложеніе и оцѣнка статей потребовали бы слишкомъ много мѣста.

Въ сборникѣ, посвященномъ г. Фортунатову, на 717 стр. in 8° предложено тридцать четыре статьи, изъ коихъ нѣкоторыя полны глубокаго интереса какъ по затронутымъ въ нихъ вопросамъ, такъ и по подробностямъ въ рѣшеніи ихъ.

Высокую научную цѣнность имѣютъ работы г. Шахматова (Русское и словенское аканіе), Ягича (Легенда о св. Вячеславѣ), Соболевскаго (Къ исторіи древнѣйшей церковно-славянской письменности); чрезвычайно интересны по своимъ темамъ и ихъ разработкѣ статьи Карскаго (О вліяніи литовскаго и латышскаго яз. на бѣлорусское нарѣчіе), Смирнова, (Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности Гоголя), Томсона (Винительный падежъ прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ русскомъ языкѣ) Шенрока (Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей) и нѣк. др.

Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній, какія можно сдѣлать по поводу статей сборника, предложимъ слѣдующія. Въ самомъ началѣ статьи г. Ильинскаго «Какъ возникло сербское к о (кто)?» приведено чешское значеніе слова ткачъ: kadlec. Это, конечно, опечатка, но, что называется отвѣтственная, долженствующая быть отмѣченною и исправленною на: tkadlec. Такая именно поправка предполагается и самимъ контекстомъ статьи, но въ «дополненіяхъ и поправкахъ» не значится, къ сожалѣнію... Въ статьѣ г. Эндзелина «Изслѣдованія въ области кашубскаго языка» на стр. 546 находимъ неправильный малорусскій обликъ «knoroz» (=кнуръ, кабанъ), хотя и взятый изъ Миклошича. Etymolog. Wörterbuch... Прекрасная вышеуказанная статья г. Ягича грѣшитъ иногда въ отношеніи русскаго языка... На стр. 93-й было бы лучше сказать: предпочелъ по-

ложить въ основаніе... чѣмъ класть въ основаніе.

На 95-й стр. предложеніе «интересъ для изученія хорватской письменности...» слѣдовало бы построить иначе: интересъ къ изученію... Имя чешскаго ученаго Калусекъ надлежало бы склонять: Калуска, Калускомъ, а не Калусека, Калусекомъ... Дѣльная въ общемъ статья г. Брандта «О польскомъ ѣ», грѣшитъ употребленіемъ непозволительныхъ грамматическихъ неологизмовъ, никѣмъ, кромѣ автора, не употребляемыхъ... На стр. 207 встрѣчаемъ, напримѣръ, такое предложеніе во 2 примѣчаніи: «Ходячее теперь мнѣніе, будто при наконечномъ удареньи косвенниковъ безнастановочный называовинильникъ имѣя ударенье подьемное.., я считаю ошибочнымъ»... Такими же особенностями отличается статья г. Брандта, напечатанная и въ «Новомъ Сборникѣ... Ламанскому». «О двойнныхъ формахъ и объ ограниченномъ числѣ.» Излишняя претенціозность и своего рода манерничанье въ употребленіи необычныхъ, неудачно придуманныхъ и никѣмъ не принятыхъ терминологическихъ новшествъ, дѣлаютъ названную работу, по содержанію вообще дѣльную, чрезвычайно неудобочитаемою и потому врядъ ли достигающею цѣли... На 39-й стр. названнаго сборника находимъ, напримѣръ, такое мѣсто, которое едва ли кто нибудь назоветъ удобочитаемымъ: «Но, хотя бы въ языкѣ и не было связи между малинными называниками и одининными родниками, а имѣлось бы только случайное сходство, какъ между какимъ нибудь одининнымъ называникомъ брод и множеннымъ родникомъ бород — все таки постоянное сходство въ данномъ случаѣ есть фактъ, и дѣйствительно не можетъ не сознаваться». Въ общемъ статьи «Новаго сборника», сравнительно съ сборникомъ посвященномъ Фортунатову, носятъ бо-

лѣе узкій, спеціальный и, такъ сказать, мелкій характеръ, хотя и между ними есть нѣкоторыя высокой важности и цѣнности... Всѣхъ ихъ 28 на протяженіи пятисотъ шести страницъ большаго формата; къ книгѣ приложены, во 1-хъ, портреты самого юбиляра и и всѣхъ его ученыхъ «сыновей» и «внуковъ», во 2-хъ, перечни ученолитературной работы юбиляра и членовъ его ученой семьи—вкладчиковъ въ книгу. Все это выполнено очень тщательно, и книга представитъ собою замѣтное явленіе и цѣнный источникъ для исторіи славяновѣдѣнія въ Россіи...

Сходное значеніе, въ меньшей, разумѣется, степени, принадлежитъ и третьему изъ названныхъ сборниковъ, «Кіевскій изборникъ посвященный Флоринскому», гдѣ 24 статьи, входящія въ книгу, до извѣстной степени характеризуютъ состояніе и постановку славяновѣдѣнія въ провинціальномъ университетскомъ центрѣ...

Академическій сборникъ «Статьи по Славяновѣдѣнію», можно было бы также назвать юбилейнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ характеризуетъ собою новое, болѣе живое и отзывчивое отношеніе къ славянству со стороны нашей раньше чопорной и недоступной Академіи Наукъ. Сборникъ этотъ, очевидно, есть плодъ созваннаго при Академіи Наукъ въ 1903 г. предварительнаго съѣзда славяновѣдовъ, а изданіе его предположено было произвести къ долженствовавшему состояться въ 1904 г. дѣйствительному съѣзду славистовъ, чему однако помѣшала война на Дальнемъ Востокѣ. Этимъ обстоятельствомъ именно и объясняется смѣшанный характеръ книги, имѣющей видъ не только междуславянскаго, но даже и международнаго изданія (статьи печат. не только на славянскихъ нарѣчіяхъ, но и на западныхъ наиболѣе распространенныхъ романскихъ и

германскихъ языкахъ). Въ разсматриваемомъ первомъ выпускѣ этого изданія изъ 19 статей на 336 стр. большаго формата семь статей напечатаны на общерусскомъ литературномъ языкѣ (Г. Воскресенскаго, А. Ясинскаго, Н. Петрова, К. Радченка, Е. Калужняцкаго, М. Халанскаго, А. Шахматова), три на галицко-русскомъ нарѣчіи всѣ три принадлежатъ извѣстному историку, проф. Львовскаго университета М. Грушевскому и касаются различныхъ вопросовъ русской исторіи, четыре на польскомъ яз. (Г. Лося, Ф. Коперы, Г. Гиршберга и С. Цишевскаго) три на сербсхорватскомъ (Г. Эрдельяновича, Томича, Шрепеля) и по одной на нѣмецкомъ языкѣ — І. Куковскаго, касающаяся состоянія литературы лужицкихъ сербовъ къ началу XX вѣка — и на чешскомъ — В. Вондрака разъясняющая нѣкоторые вопросы старославянскаго склоненія.

Названный сборникъ чрезвычайно важенъ, какъ первый, такъ сказать, этапъ новаго славяновѣднаго пути, принятаго нашею Академіею Наукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и независимо отъ этого необходимо отмѣтить значительную научную цѣнность нѣкоторыхъ работъ книги; такова, особенно, важная статья г. Шахматова «Толковая Палея и Русская лѣтопись», гдѣ авторъ старается раскрыть отношеніе между названными памятниками выяснить очень темный вопросъ о происхожденіи Толковой Палеи, которую онъ въ ея первоначальномъ видѣ старается усвоить болгарской литературѣ, а не русской.

Работа г. Шахматова чрезвычайно цѣнна въ методологическомъ отношеніи, хотя въ конечныхъ выводахъ своихъ и можетъ показаться иногда не рѣшающей вопросъ окончательно или, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ доказательною. Любопытны обѣ работы, касающіяся юго-славянскихъ пѣсенъ о Маркѣ Королевѣ

чѣ (гг. Хаданскаго и Томича), и заслуживаетъ вниманія по своимъ оптимистическимъ выводамъ небольшая работа г. Куковскаго о серболужицкой литературѣ, къ которой приложено, въ видѣ, такъ сказать, одного изъ фактическихъ доводовъ, до десятка лучшихъ стихотвореній наиболѣе выдающагося изъ серболужицкихъ поэтовъ Якова Цишинскаго.

Časopis musea královstvi českeho. 1905 г. (Годъ 49 й). Ред. Čeněk Zibrt.

Изъ статей можно отмѣтить какъ болѣе любопытныя: В. Флайшгана «Pražští theologové kolem. r. 1400 (16—31 стр.) и Ад. Скальскаго «Českoslavanský živel na evanjelickém bohosloveckém učení ve Vídni» (40—60 стр.) и Ю. Извѣкова «Zbytky hlaholského písemnictví v Praze (60—64 стр.).

Въ отдѣлѣ мелкихъ сообщеній и замѣтокъ заслуживаютъ указанія: нѣкоторыя новыя жизнеописательныя данныя и поправки къ біографіямъ старинныхъ чешскихъ писателей, сдѣланныя г. В. Флайшгансомъ и А. Патерою (о Я. А. Каменскомъ) на 129—134 стр., затѣмъ свѣдѣнія о сношеніяхъ между К. Преслемъ и гр. С. С. Уваровымъ, сообщен. В. А. Францевымъ. Среди книжныхъ оцѣнокъ обращаетъ на себя вниманіе по интересу предмета отзывъ г. І. Новака о работѣ г. І. Квачалы «Die pädagogische Reform des Comenius in Deutschland bis zum ausgange des XVII Iahrhundertes (189—193 стр.). Работа эта помѣщена въ берлинскомъ изданіи «Monumenti Germania pädagogica», т. 26-й), Зд. Новака о трудѣ Рих. Батки «Studien zür Geschichte der Musik in Böhmen» (316—319 стр.).

Между статьями есть и написанныя русскими; такъ, кромѣ вышеуказаннаго сообщенія г. Францева, слѣдуетъ отмѣтить и небольшую работу г. Юрія Извѣкова «Zbytky hlaholského pisemnictví v Praze» (265—270 стр.). На стр. 209—225 мы находимъ составленный Вячеславомъ Дреслеромъ прочувствованный некрологъ и вмѣстѣ обозрѣніе литературной дѣятельности престарѣлаго чешскаго беллетриста Войтѣха Глинки, писавшаго подъ именемъ Ф. Правды род. 1817 г. ум. 1905 г.); разсказы его въ свое время пользовались въ чешскомъ читающемъ обществѣ значительнымъ успѣхомъ и приравнивались по своему значенію къ произведеніямъ Ауэрбаха. . Съ В. Глинкою сошелъ въ могилу старѣйшій изъ современныхъ чешскихъ писателей, свидѣтель могучаго литературнаго, общественнаго и политическаго возрожденія своей бѣдной народности, такъ счастливо сохранившей себя для славянскаго міра.

Кстати замѣтимъ, что четвертый выпускъ «Часописа» можетъ быть съ извѣстнымъ основаніемъ названъ «Томковымъ», такъ какъ въ значительной мѣрѣ посвященъ личности и дѣятельности приснопамятнаго чешскаго историка В. В. Томка. Такъ въ немъ мы находимъ: 1) Д-ра Вячеслава Рѣзничка «Rytví Tomek v museu Kral. Českého, a v Matici česke д-ра I. B. Шимака «Za W. W. Tomkem; въ отдѣлѣ Hlidka literarní: W. W. Tomek: Paměti z mého života.

Тих. Остојичъ: Српска књижевност од велике сеобе до Доситеја Обрадовића, Карловцы 1905 г. 128 стр.

Эта книжка представляетъ собою дѣльную монографію, или, скорѣе, главу изъ исторіи сербской лите-

ратуры, предлагающую изложеніе довольно мало разработанной части ея въ теченіи времени отъ «великаго переселенія» сербовъ изъ Турціи въ Австрію 1690 г. съ патріархомъ Арсеніемъ III Черноевичемъ до Досиѳея Обрадовича (1739 (44)—1811). Книжка состоитъ изъ 17 главъ, расположенныхъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) Введеніе, 2) 15 включительно изображаютъ литературную дѣятельность православныхъ сербовъ въ Карловицкой митрополіи, а 16—17 главы—судьбы сербской литературы у католическаго населенія Славоніи, причемъ эта послѣдняя глава (108—128 стр.) посвящена исключительно изложенію писательской дѣятельности лучшаго изъ славонскихъ писателей М. А. Рельковича. Главы 2—15 посвящены собственно изложенію слѣдующихъ предметовъ: 2—5 предлагаютъ разсказъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ, сопровождавшихъ и послѣдовавшихъ «великому переселенію», 6-я объясняетъ значеніе этого событія для просвѣщенія сербовъ, 7-я говоритъ объ училищахъ, 8—11 объ условіяхъ и результатахъ литературной дѣятельности переселившихся сербовъ, 12-я о началѣ книжной поэзіи, 13-я о драмѣ Эмануила Козачинскаго, 14-я о началѣ современной печати, 15-я о Захаріи Стефановичѣ Орфелинѣ. При всей сравнительной краткости отдѣльныхъ главъ читатель получаетъ, благодаря искусству изложенія и начитанности автора, довольно обстоятельныя и ясныя свѣдѣнія о предметѣ. Съ авторомъ почти ни въ чемъ не приходится спорить, такъ какъ онъ внесъ въ свою книжку только то, относительно чего установились въ наукѣ болѣе или менѣе опредѣленные взгляды. Книжка заслуживала бы перевода и на русскій языкъ.

Д. И. Вергунъ. Нѣмецкій «Drang nach Osten» въ цифрахъ и фактахъ съ картою нѣмецкихъ захватовъ на славянской землѣ. Вѣна 1905 г.

Эта небольшая книжка, снабженная многозначительнымъ эпиграфомъ: Je ne propose rien, je ne suppose rien, jexpose, наводитъ на читателя много тревожныхъ думъ... Въ ней нѣтъ никакой публицистики, нѣтъ никакихъ воплей и разныхъ громогласныхъ заявленій и восклицаній; въ ней только взятыя изъ нѣмецкихъ изданій числовыя данныя и факты, свидѣтельствующіе о неуклонномъ, упорномъ и постоянно совершающемся завоеваніи германизмомъ славянства даже у насъ, на русской почвѣ, и тѣмъ ужаснѣе, повторяю, впечатлѣніе, производимое на читателя точнымъ воспроизведеніемъ тяжелой дѣйствительности... Излагать содержаніе названной книжки невозможно, да и нѣтъ надобности: пусть лучше читатель самъ увидитъ во очію совершающееся, а притомъ въ изложеніи по нѣмецкимъ источникамъ, вслѣдствіе чего нѣтъ никакой возможности упрекнуть составителя въ какомъ либо пристрастіи либо извращеніи данныхъ...

Близкое и сознательное ознакомленіе съ названной книжкою способно убить всякую охоту проявлять какой бы то ни было холодный закоренѣлый скептицизмъ въ данномъ вопросѣ и можетъ заставить трезвѣе и внимательнѣе взглянуть на положеніе вещей, дѣлающееся съ каждымъ годомъ все тревожнѣе и тревожнѣе...

Вотъ ея составныя части: 1. Введеніе, гдѣ, между прочимъ, объяснена и цѣль изданія книжки, состоящая не въ разжиганіи человѣконенавистнической вражды славянъ къ нѣмцамъ, а въ мирномъ призывѣ славянъ къ соревнованію съ нѣмцами на той же культурной

почвѣ для сохраненія за славянами настоящей ихъ земли, языковой территоріи. II. Нѣмецкіе захваты въ настоящемъ. III. Нѣмецкіе захваты въ прошломъ. IV. Нѣмецкія притязанія. V. Средства къ достиженію пангерманскихъ цѣлей. VI. Славянская самооборона. Основная мысль: Объединеніе славянъ—залогъ расоваго равновѣсія въ человѣчествѣ).

А. Степовичъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Н. К. Рамзевичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. СПБ., 1905 г. Цѣна 2 р.

Г. Рамзевичъ при составленіи своей книги поставилъ для себя задачей дать пособіе «преимущественно при самостоятельныхъ занятіяхъ учениковъ и ежедневномъ домашнемъ приготовленіи уроковъ по учебникамъ, а также при пользованіи разнаго рода руководствами и книгами ученической библіотеки». Цѣль хорошая и необходимость такого справочника очевидна, тѣмъ болѣе, что существующіе словари, неудобны для школьнаго пользованія, во 1-хъ, по своей громоздкости, а во 2-хъ, и по неудовлетворительности, не исключая даже изд. Граната и Брокгауза. Г. Рамзевичъ счастливо сочеталъ краткость съ дѣльностію содержанія. Объясненія словъ даются большею частію указаніемъ на корень и языкъ, откуда они произошли, а это вѣрный путь къ составленію истиннаго понятія, соединеннаго съ извѣстнымъ выраженіемъ. Конечно, избѣгнуть совершенно недостатковъ неудалось и г. Рамзевичу. Со многими толкованіями его едвали можно согласиться; такъ напр.: a b o v o объясняется слѣдующ. образомъ: «у римлянъ было въ обычаѣ подавать вначалѣ закуски яйца»; с т я г ъ производится отъ нѣм. stock, тогда какъ слѣдующее же за симъ слово «стязатися (тяг—)» давало ему возможность правильно осмыслить и «стягъ». С т р и г о л ь н и к и—«рус. р а с к о л ь н и к и, е р е т и к и» (—что-н. одно: либо раскольники, либо еретики, такъ какъ это не одно и то же); отвергали епископовъ и священниковъ (іерархію?)... вселенскіе выборы (это что такое?). Въ словѣ «слю́да» «соловы́й» удареніе по меньшей мѣрѣ спорное. По мнѣнію составителя, «Пале́и» гр. τὰ παλαιά—древность, старина», тогда какъ въ данномъ случаѣ «παλαιά» согласовано съ существ. (подразумѣв.) διαθήκη—Ветх.

заветъ. О монофелитахъ дается неправильное понятіе, будто эти еретики учили о двухъ естествахъ и одной воле, (а самое слово производится отъ θέλησις, тогда какъ вернее отъ θέλημα); не дается понятія надлежащаго и о монтанистахъ. Вообще церковно-историч. отделъ слабоватъ. Темъ не менее, не смотря на замеченные недостатки, словарь все таки можно смело и настоятельно рекомендовать въ качестве настольной книги для учащихся.

А. Г. Горнфельдъ. Муки слова. Библіотека «Светоча», подъ ред. С. А. Венгерова, СПБ., 1906. Ц 20 к.

Эта маленькая брошюрка написана на очень интересную тему: объ отношеніи слова къ мысли. Известна давняя жалоба на то, что слово далеко не выражаетъ всю полноту человеческой мысли. Но неполная пригодность слова для выраженія мысли,—не составляетъ-ли сознаніе о томъ «тягостный уделъ не многихъ исключеній? Въ какой степени оно важно и правильно? Отчего оно зависитъ? Одно ли слово страдаетъ этимъ недостаткомъ, или онъ присущъ и другимъ способамъ внешняго выраженія духовнаго содержанія? Имеемъ-ли мы здесь дело съ одной недостаточностію формы для воплощенія готовой мысли, или невозможность найти подходящую форму броситъ некоторый светъ и на состояніе содержанія»—вотъ вопросы, решеніемъ которыхъ занялся авторъ.

Какъ исполнена задача и насколько удовлетворительно, видно изъ сознанія самого составителя брошюры: «рядомъ вопросовъ—если не по форме, то по содержанію—будутъ попреимуществу и эти заметки». Оне могутъ вызвать новыя вопросы и навести на новыя признанія художниковъ слова... Изданіе чисто, но шрифтъ мелокъ.

Крутовскій.

I

Новыя письма И. С. Никитина.

(«Щукинскій Сборникъ», четвертый выпускъ.— Изданіе Отд. Имп. Русск. Истор. Музея Императора Александра III-го П. И. Щукина. Москва. 1905 г., in 4⁰).

Въ четвертомъ выпускѣ извѣстнаго «Щукинскаго Сборника» напечатаны 17 писемъ И. С. Никитина за 1856—1861 г. г., еще не появлявшихся въ печати, но уже ранѣе опубликованія использованныхъ извѣстнымъ біографомъ воронежскаго поэта М. Де-Пуле. Письма, за исключеніемъ одного, адресованнаго Ѳ. Б. Миллеру, издателю литературно-юмористическаго журнала «Развлеченіе», написаны членамъ семьи Плотниковыхъ, воронежскихъ помѣщиковъ.

Съ Плотниковыми (познакомился чрезъ А. П. Нордштейна), Никитинъ, какъ видно, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ первые годы знакомства съ ними онъ посѣщалъ ихъ имѣніе Дмитріевку и здѣсь-то, во время одной изъ своихъ поѣздокъ, у поэта произошло что-то въ родѣ романа съ одною особою (не изъ семьи Плотниковыхъ), прервавшагося, впрочемъ, очень скоро. Объ этомъ «романѣ» есть упоминанія и намеки и въ настоящихъ письмахъ.

Въ общемъ они ничего новаго не представляютъ. Это—письма отъ бездѣлья, въ минуты благодушія поэта. Въ 12-омъ письмѣ, впрочемъ, (13 марта 1858 г.) есть

рѣзкій отзывъ Никитина о Некрасовѣ: «Нравится ли вамъ Некрасовъ? пишетъ онъ. Есть у него недурныя мѣста, но вообще онъ болтунъ». Письмо Ѳ. Б. Миллеру (9 февр. 1859 г.) содержитъ въ себѣ отказъ отъ сотрудничества въ «Развлеченіи», по причинѣ болѣзни, заботъ и т. п.

Таковы эти новыя письма Никитина.

II

Д. К. Зеленинъ.—Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи. СПБ. 1905. in 8°.

Присловья русскаго народа вообще мало изучены. Да и собрано-то ихъ сравнительно мало даже такими лицами, какъ Даль, Сахаровъ, Снегиревъ. Восполненіемъ сборниковъ упомянутыхъ лицъ можетъ служить и популярная статья А. Дилекторскаго, напечатанная недавно въ журналѣ «Природа и люди». Научную постановку вопроса о присловіяхъ, какъ важнаго этнографическаго матеріала, стремится дать г. Зеленинъ въ своемъ упомянутомъ трудѣ.

По опредѣленію его, народное присловье есть прозвище, относящееся къ группѣ лицъ, составляющихъ одно географическое или этнографическое цѣлое. Оно чаще всего выражается въ одномъ или двухъ словахъ, какъ напр. «чистоплюи», «курскіе абротьники» и т. п. Присловья существовали еще въ древности у многихъ народовъ. У грековъ была пословица: «глупъ, какъ беотіецъ». Въ Германіи—«швабы» и «гессенцы»—рус-

скому «пошехонцы». У Сербовъ «чакавцы» и «штокавцы». По словамъ лѣтописца, кіевляне называли новгородцевъ въ насмѣшку своими плотниками. Получають прозвище, по мнѣнію автора, новые поселенцы, отъ старыхъ, коренныхъ жителей, за различныя особенности въ бытѣ, говорѣ, за особенности антропологическія и проч. У Зеленина приведено много примѣровъ присловій и поговорокъ, взятыхъ изъ разныхъ губерній, какъ напр. «кагуны», «ягуны», «цуканы»,—за особенности въ говорѣ, «чистоплюи», «долгопузики», «абротьники» за особенности въ бытѣ и т. п.

Настоящая работа, конечно, не есть сводъ всего въ этомъ родѣ матеріала. Это, по словамъ автора, только—краткое введеніе въ подготовляемое имъ собраніе народныхъ присловій. Здѣсь, такъ сказать, намѣчены только главные пункты разработки этого почти забытаго рода народнаго творчества. Значеніе же его, какъ этнографическаго матеріала, велико: онъ объясняетъ многое темное въ исторіи народа ..

П.

Изъ отчета о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій словарь.

Сообщаемъ извлеченіе изъ отчета о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской академіи наукъ 29 декабря 1905 года непремѣннымъ секретаремъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ.

На соисканіе премій къ сроку 1 января 1905 года было представлено три работы.

Для разсмотрѣнія этихъ трудовъ была образована въ засѣданіи Общаго Собранія Академіи 8 января коммиссія, подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря, изъ академиковъ А. А. Шахматова и А. И. Соболевскаго и, согласно § 15 положенія о преміи, малороссъ А. Д. Лященко.

По тщательномъ разсмотрѣніи представленныхъ работъ коммиссія признала заслуживающимъ второй преміи, т.-е. процентовъ съ 4000 рублей за время съ 1891 года по 1900 годъ, словарь, поступившій на конкурсъ отъ редакціи журнала «Кіевская Старина» и состоящій изъ двухъ трудовъ, озаглавленныхъ:

«Словарь украинскаго языка, собранный редакціей журнала «Кіевская Старина». Редактированъ съ добавленіемъ собственныхъ матеріаловъ Б. Д. Гринченко» и «Матеріалы для словаря письменной и книжной южнорусской рѣчи XV—XVIII в.в. Е. Тимченко.

Отзывъ объ этихъ работахъ представилъ академикъ А. А. Шахматовъ.

Главнымъ недостаткомъ словаря, не дающимъ ему права на признаніе его словаремъ малорусскаго языка, оказывается,—по мнѣнію рецензента,—исключеніе изъ его состава народнаго языка значительной части малорусскаго племени. Словарь украинскаго языка подъ названіемъ «украинскій языкъ» разумѣетъ очевидно не

весь языкъ малорусскій, а только ту часть его, которая употребляется въ южной Россіи, Галиціи и Буковинѣ. Малорусскіе же говоры южныхъ уѣздовъ Минской и Гродненской губерній, говоры Сѣдлецкой и Люблинской губерніи оставлены почему то въ сторонѣ.

Далѣе, рецензентъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что редакція словаря не воспользовалась рукописными матеріалами по малорусскому языку и народной словесности, принадлежащими Академіи Наукъ, причемъ указалъ на цѣнность тѣхъ дополненій, которыя могли бы быть извлечены составителями словаря изъ рукописей Академіи, относящихся къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія. Наконецъ рецензентъ указалъ, что даже выдающіеся произведенія украинской литературы исчерпаны словаремъ далеко не полно: ни Котляревскій, ни Квитка, ни Кулишъ, ни Костомаровъ не изучены съ достаточною внимательностью.

«Матеріалы» Е. Тимченко рецензентъ призналъ за произведеніе—выдающагося интереса. Историческій словникъ содержитъ нѣсколько тысячъ словъ, до сихъ поръ не зарегистрованныхъ ни въ одномъ словарѣ; слова эти объяснены большею частью вѣрно и точно; они снабжены примѣрами, переданными весьма точно и сопровождаемыми ссылками на томы и страницы печатныхъ изданій. Памятниковъ привлечено къ изслѣдованію значительное количество, хотя далеко не всѣ они исчерпаны съ достаточною полнотою.

Достоинство обѣихъ работъ даетъ возможность признать ихъ лучшими по сравненію съ уже существующими. На основаніи этого Академія и удостоила ихъ второй преміи Н. И. Костомарова.

Н. Н. Вакуловскій.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію.

Клингеръ Витольдъ. Сказочные мотивы въ исторіи Геродота. Кіевъ. 1903 г, Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека Московской Синодальной типографіи. Вып. III. Псалтыри. Описалъ В. Погорѣловъ. М. 1901 г.

К. Я. Гротъ, Объ изученіи Славянства. СПБ., 1901 г.

Подъ ред. проф. К. Я. Грота. Труды Я. К. Грота. Очерки изъ исторіи рус. литер. СПБ., 1901 г. Ц. 3 р.

В. Болотниковъ. «Наизусть», опытъ пособія по выразительному чтенію для учащихся въ сред. учеб. заведеніяхъ. Казань. 1902 г. Ц. 50 к.

В. Соколовъ и В. Хитровъ. Старина рус. земли. I вып. Древ. Русь. Москва. 1903 г, Ц. 85 к.

Семенъ Грузенбергъ. Нравственная философія Шопенгауэра СПБ. 1901 г. Ц. 1 р 25 к.

Г. А. Миловидовъ. Русская поэзія въ объяснительномъ чтеніи. Орелъ. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. М. Путинцевъ. Матеріалы для библіограф. объ И. С. Никитинѣ и его сочин. Юрьевъ. 1906 г.

К. К. Арсеньевъ. Салтыковъ-Щедринъ. Изд. «Свѣточа» подъ ред. С. А. Венгерова. СПБ. Ц. 1. р. 50 к. 1906.

Порогъ. Ц. 3 к. Изд. «Свѣточа». СПБ., 1906.

Н. А. Муратовъ. Привѣтъ Импер, Москов. Универс. (1755—1905 г.). М. 1905.

Самодержавіе и печать въ Россіи. Изд. «Свѣточа» СПБ., 1906 г. Ц. 25 к.

Ц. И. Дьяконова. Краткая рус. грамматика. Изд. 2-е. СПБ. 1904 г. Ц. 50 к.

Н. К. Рамзевичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ СПБ., 1905 г. Ц. 2 р.

Д. Круглый. На судъ преподователей рус. языка (Обзоръ учебниковъ по рус. грам.) СПБ., 1906 г. Ц. 20 к.

А. Г. Горнфельдъ. Му́ки слова. Изд «Свѣточа», СПБ. 1906. Ц. 20 к.

Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Х. 1903 г. Ц. 1 р.

Полное собраніе соч. В. Г. Бѣлинскаго. Подъ ред. и съ примѣчан. С. А. Венгерова СПБ. т.т. I—VI. 1900—1903 г.

С. А. Венгеровъ. Критико-библіографич. словарь рус. писателей и ученыхъ т. VI. СПБ. 1897—1904. Ц. 2 р. 50 к.

НОВЫЙ СБОРНИКЪ

статей по славяновѣдѣнію *составленъ и изданный учениками* В. И. Ламанскаго при участіи *ихъ учениковъ по случаю* 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности *съ приложен. портрета В. И. Ламанскаго, біографіи его трудовъ, четырехъ портретн. группъ участниковъ Сборника и двухъ таблицъ къ статьѣ «О древнѣйшихъ знакахъ письма»*. СПБ. 1905 г. Ц. 3 р.

Русскій языкъ и правописаніе

въ ошибкахъ учениковъ—инородцевъ Прибалтійскаго края, *съ направленіемъ и правилами.*

Пособіе для учениковъ среднихъ учебн. завед. при повтореніи грамматикъ и исполненіи письменныхъ работъ составилъ Дмитрій Лебедевъ.

Складъ изданія у автора въ Ригѣ и во всѣхъ книжн. магаз. Рижскихъ. Вологда. 1905 г. Ц. 60 к.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап“. за 1905 г.

Содержаніе I—II вып. „Филологическихъ Записокъ“.

Содержаніе III—IV выпусковъ за 1905 г.

Содержаніе V—VI выпусковъ „Филологическихъ Записокъ" за 1905 г.

Оттиски изъ „Филологическихъ Записокъ“ за послѣдніе годы.

Барсовъ А. В. „Живое Слово“ для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса. 1899 г. Ц. съ пер. 60 к.

Браиловскій С. Н. Русскій языкъ и словесность въ коммерческихъ училищахъ Минист. Финанс. 1904 г. Цѣна съ перес. 25 к.

Бородинъ С. „Вѣдомости“ 1703 г. 1903 г. Ц. съ пер. 10 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Профес. О лженаучности нашего правописанія 1901 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Проф. Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ. 1903 г. Цѣна съ пер. 20 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Проф. Мнѣнія о русскомъ правописаніи Ягича, Корша, Будиловича и Томсона. 1904 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Проф. Загробный голосъ о русскомъ языкѣ и письмѣ. 1904 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Брандтъ Р. Ѳ. Проф. „Объ Ивиковыхъ журавляхъ“ въ переводѣ Жуковскаго. 1905 г. Цѣна съ пер. 25 к.

Брюхановъ В. П. А. Н. Майковъ, какъ поэтъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Брюхановъ В. П. Объяснительное чтеніе. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Будде Е. Ѳ. профес. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина. 1899 г. Ц. 15 к., съ перес.

Бунаковъ Н. Ѳ. Грамматика и письменныя упражненія въ начальной школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 20 к.

Быстровъ М. Ѳ. Педагогическіе взгляды В. Г. Бѣлинскаго. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Б. Къ вопросу о правописаніи. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Библіографія. Новая Школа. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. Ученые труды Н. П. Кондакова. 1899 г. Ц. 15 к, съ пер.

Вакуловскій Н. Н. Критико-библіографическія статьи и замѣтки. 1898 и 1899 г.г. Ц. съ пер. 10 к.

Вакуловскій Н. Н. Замѣтки и наброски. 1) Воспоминаніе о Жуковскомъ, 2) Памяти А. Ѳ. Гильфердинга. 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. и Прядкинъ С. Н. Памяти П. В. Шейна; Памяти И. М. Желтова. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Вакуловскій Н. Н. Изъ отчета о присужденіи премін Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій словарь 1906 г. Ц. 5 к.

Варнеке Б. В. Проф. Политическая роль античнаго театра 1904 г. Ц. съ пер. 25 к.

Варшавскій профессоръ. Московскій Музей изящныхъ искусствъ. 1903 г. Ц. съ пер. 15 к.

Виноградовъ П. А. Объ эвритмическомъ, логическомъ, грамматич. и риторическомъ изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ. 1903 г. Ц. съ пер. 60 к.

Водарскій В. А. Разныя замѣтки и матеріалъ для изученія родного языка и словесности. 1903 г. Ц. съ пер. 15 к.

Водарскій В. А. Уроки объяснительнаго чтенія. 1906 г. Ц. съ пер. 15 к.

Въ помощь учащимся—**сборникъ статей, посвященныхъ памяти Гоголя и Жуковскаго**. 1902 г. 13 печ. лист. Цѣна съ пер. 70 к.

Гальковскій Н. М. Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи. 1901 г. Цѣна съ пер. 20.

Гальковскій Н. М. Очерки сербской народной литературы. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Гальковскій Н. М. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. 1903 г. Ц. съ пер. 20 к.

Гальковскій Н. М. Максимъ Горькій—литературная характеристика 1904 г. Ц. съ пер. 25 к.

Герасимовъ А. Г. Правописаніе, какъ научно—обоснованный образъ праворѣчія. 1903 г. Ц. 15 к. съ пер.

Горбуновъ Л. П. Проектъ организаціи ученич. библіотекъ при средн. учебн. заведеніяхъ на новыхъ началахъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гордѣевъ К. Ѳ. Поэтъ мести и печали Н. А. Некрасовъ. 1903 г. Ц. съ пер. 25 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „Ѣ“ изъ рус. алфавита. 1899 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гуссовъ В. М. Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к..

Гуссовъ В. М.: I. Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средн. школы по рус. яз. и словесности. II. Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи. III. Вѣнокъ на могилу Гоголя въ 50-лѣтн. годовщину его смерти. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Гуссовъ В. М. По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго образованія. 1901 г. Цѣна съ перес. 7 к.

Гуссовъ В. М. Вѣнокъ на могилу Гоголя. 1902 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Гуссовъ В. М. Методъ преподаванія этимологіи въ низшихъ классахъ средней школы. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Гутманъ Р. К. Ложный пессимизмъ въ наукѣ о языкѣ. 1905 г. Ц. съ пер. 10 к.

Г. И. П. О книгѣ В. Кернера и П. Первова: „Русскій глаголъ". 1905 г. Ц. съ пер. 10 к.

Даниилевичъ А. Нѣсколько словъ о положеніи русск. языка въ русской школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Добровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (новое наблюденіе въ славянскомъ звукословіи). 1899 г. Ц. 20 к. съ пер. 30 к.

Дроздовъ М. А. Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

Дроздовъ М. А. Памяти Д. В. Григоровича. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Дроздовъ М. А. Къ вопросу о желательной постановкѣ преподаванія русской словесности въ духовныхъ семинаріяхъ. 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотв. Лермонтова. 1898 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Послѣдніе дни жизни и смерть Н. В. Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе басенъ и стихотвореній. 1902 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ельницкій К. В. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ. (Къ 20-лѣтію со дня смерти). 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Ельницкій К. В. Цѣли объяснительнаго чтенія словесныхъ произведеній. 1904 г. Цѣна съ пер. 20 к.

Ельницкій К. В. Организація учебн. занятій на краткосрочн. педагог. курсахъ для учащихъ въ начальн. школахъ. 1904 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Ельницкій К. В. П. Е. Басистовъ. 1904 г. Цѣна съ пер. 8 к.

Ельницкій К. В. В. И. Водовозовъ. 1904 г. Цѣна съ пер. 8 к.

Ельницкій К. В. Димитрій Ивановичъ Тихомировъ. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Заболотскій П. А. Къ вопросу о реформѣ средней школы. 1904 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Заболотскій П. А. О вліяніяхъ подъ которыми слагались личность и творчество Н. В. Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Замотинъ И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. 1900 г. Цѣна съ перес. 50 к.

Залога М. В. Изъ воспоминаній объ институтской жизни. 1905 г. Ц. съ пер. 25 к.

Зеленинъ Д. К. Этимологическія замѣтки. 1903 г. Ц. съ пер. 20 к.

Зоргенфрей Г. Г. Реальное и гуманитарное образованіе. 1903 г. Ц. съ пер. 10 к.

Зоргенфрей Г. Г. Обзоръ новыхъ книгъ по педагогикѣ и классной филологіи. 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Зоргенфрей Г. Г. О классномъ чтеніи Горація. 1902 г. Ц. съ пер. 10 к.

I. М. Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ"—Гомера). 1902 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ивановскій В. И. Народныя присловья о городахъ и племенахъ Олонецкаго края. 1901 г. Цѣна съ пер. 8 к.

Ивк. С. О чемъ сказано въ книгѣ К. В. Ельницкаго: «Мысли и чувства, выраженныя въ художественныхъ произведеніяхъ»? 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Кагаровъ Евг. Этюды по исторіи греческой религіи. 1905 г. Ц. съ пер. 35 к.

Кашинъ Н. П. Наши новѣйшія руководства для юношества. 1901 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Крыловъ И. С. Языкъ и слогъ произведеній Кольцова 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о націон. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Корольковъ А. Н. Лордъ Байронъ. 1901 г. Цѣна съ пер. 10. к.

Корольковъ А. Н. Недопѣтая пѣсня (по поводу 60-лѣтія со дня кончины М. Ю. Лермонтова) 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Кочергинъ А. В. О постановкѣ чистописанія въ приготовительномъ классѣ средней коммерческой школы. 1905 г. Ц. съ пер. 15 к.

Круковскій А. В. О постановкѣ внѣкласснаго чтенія въ реальныхъ училищахъ. 1901 г. Ц. съ пер. 15 к.

Крутовскій Критика и библіографія Н. К. Рамзевичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. А. Г. Горнфельдъ. Муки слова 1906 г. Ц. съ пер. 5 к.

Ляскоронскій В. П. О юморѣ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 7 к.

Ляскоронскій В. П. Очерки Яблоновскаго: «Изъ гимназической жизни», какъ отраженіе общественныхъ настроеній. 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Львовъ М. М. Элементарные уроки по русской грамматикѣ. Часть 1 я. Курсъ младшаго отдѣленія приготовит. класса среднихъ учебн. заведен., а также для употребленія въ сельск. и церковно-приходск. школахъ и для начинающихъ 1898 г. 100 стр. Цѣна съ пер. 45 к. Учен. Комит. Минис. Народ. Просв. допущена въ качествѣ учебнаго руководства въ низшихъ училищахъ и приготов. классахъ средн. учебн. завед. 4 дек. 1899 г. № 29449. Складъ книгъ въ конторѣ „Фил. Зап.“ и въ книжн. магаз. Агафонова.

Львовъ М. М. Элементарные уроки по русской грамматикѣ. Часть 2-я. Краткая этимологія для старш. отдѣл. приготов клас. средн. учебн. завед. и вообще для клас. различн. школъ. 338 стр. 1905 г. Цѣна съ пер. 75 к. Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. допущена въ качествѣ учебнаго пособія, въ двухклас. сельск. и городск. училищахъ, а также и въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебн. завед. 24 янв. 1906 г. № 1182. Складъ книгъ въ конторѣ „Филол. Запис.“ и въ книжн. магазинѣ Панова.

Марковъ Н. Ѳ. Новѣйшіе русскіе писатели въ программѣ средней школы. 1904 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Матеріалы для біографіи *И. С. Никитина* (письма его). 1902 г. Цѣна съ перес. 15 к.

Миловидовъ Г. А. О свободѣ и власти. 1906 г. Ц. съ пер. 10 к.

Мочульскій В. Н. Проф. „Авторская исповѣдь“ Н. А. Гоголя 1903 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Мочульскій В. Н. проф. Смѣна принциповъ въ русской критикѣ XIX ст. 1906 г. Ц. съ пер. 25 к.

Мышецкій С. В. „Критонъ“ или „объ обязанностяхъ гражданина„—этическій діалогъ Платона. Переводъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Никольскій Д. А. О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ. 1900 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1900 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1902 г. Цѣна съ пересылкой 25 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правоп. 1903 г. Ц. 10 к. съ пер.

Опоковъ З. З. Нѣсколько словъ объ „орѳографическихъ“ словаряхъ г.г. Алексѣева и Сеславина. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Первовъ П. Д. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. 1902 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Первовъ П. Д. Международная фонетическая ассоціація. 1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

Первовъ П. Д. Именное склоненіе прилагательныхъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ. 1905 г. Ц. съ пер. 15 к.

Петровъ Н. А. Бесѣда преподобныхъ Сергѣя и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ. 1905 г. Ц. съ пер. 30 к.

Подаринъ Н. А. Новые варіанты былинъ. 1898 г. Цѣна съ перес. 10 к.

Покровскій А. Къ исторіи первой русской газеты (по поводу одной библіогр. замѣтки). 1905 г. Ц. съ пер. 25 к.

Прохоровъ Г. В. Литературно-идейная сторона въ произведеніяхъ М. Горькаго. 1903 г. съ пер. Ц. 20 к.

П. С. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи книгъ въ средней школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 8 к.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его. II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна брошюры съ портретомъ 50 к. съ пер. Нѣтъ въ продажѣ.

Того же автора:

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)". 1899 г. Цѣна съ перес. 10 к.

„Памяти А. С. Пушкина". 1899 г. Цѣна съ пер. 20 к.

„Памяти Ивана Саввича Никитина". 1899 г. Ц. съ перес. 30 к.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки" (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки" (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина" и др.). 1899 г. Ц. съ пер. 25 к.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ". 1899 г. Ц. съ пер. 10 к.

† М. А. Дикаревъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Библіографія, 1902 г. Ц. съ пер. 5 к.

Къ празднованію тридцатипятилѣтней педагогической дѣятельности К. В. Ельницкаго. 1903 г. Ц. съ пер. 5 к.

Изъ методики Русской Грамматики: I.) правила употр. знаковъ препин., II.)—буквы *ѣ* А.) въ корняхъ, Б) словообр. звукахъ и В.) окончаніяхъ, измѣняем. частей рѣчи и неизмѣняем., III.)—переноса частей словъ изъ одной строки въ другую. 1905 г. Ц. съ пер. 1 р.

Очеркъ поэзіи А. В. Кольцова. 1905 г. Ц. съ пер. 65 к.

П. А. По поводу постановки преподаванія русскаго языка и словесности въ будущей новой средней школѣ. 1902 г. Ц. съ пер. 10 к.

Путинцевъ А. М. Дѣтство и юность Ивана Саввича Никитина. 1905 г. Ц. съ пер. 25 к.

Путинцевъ А. М. Смирновъ А. И. (Некрологъ). 1905 г. Ц. съ пер. 10 к.

Путинцевъ А. М. Дѣти въ произведеніяхъ Никиина 1905 г. Ц. съ пер. 20 к.

Путинцевъ А. М. „Тарасъ"—поэма И. С. Никитина въ исправленной авторомъ редакціи, съ варіантами и примѣчаніями. Предисловіе и примѣчанія. 1905 г. Ц. съ пер. 20 к.

Рамзевичъ Н. К. „Энциклопедическій Словарь" издателя Ф. Павленкова. 1901 г. Цѣна съ пер. 5. к.

Рамзевичъ Н. И. Изъ лексикона о бѣлорусской розгѣ (по поводу 40-лѣтія отмѣны тѣлесныхъ наказаній). 1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

Роговинъ С. С. Звуки рѣчи, какъ результатъ рaборъ органовъ. 1901 г. Ц. съ пер. 20 к.

Романовскій В. Е. Объ отношеніи географіи и исторіи къ преподаванію словесности. 1895 г. Ц. съ пер. 25 к.

Рыбинскій В. С. О „Фаустѣ“ Гёте. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Рѣзановъ В. И. Памяти Л. Н. Майкова. 1901 г. Ц. съ пер. 15 к.

Соболевскій А. И. Академикъ. Изъ введенія въ морфологію церковно-славянскаго языка. 1902 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Солоникіо А. И. Введеніе въ миѳологію Рима. 1899 г. Ц. 50 к. съ перес.

Солоникіо А. И. Кризисъ въ дух. жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр. этико-историческій очеркъ. 1900 г. Ц. съ пер. 40 к.

Солоникіо А. И. Очерки римской миѳологіи. 1903 г. Ц. съ перес. 60 к.

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Соколовъ М. А. Женскіе типы—Сатира Симонида Аморгскаго. 1906 г. Ц. съ пер. 10 к.

Соловьевъ А. В. Ученическіе годы В. А. Жуковскаго. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Соловьевъ А. В. Жизнь Грибоѣдова въ СПБ. 1903 г. Ц. съ пер. 30 к.

Слонимскій А. Л. О языкѣ произведеній И. Ф. Богдановича. 1905 г. Ц. съ пер. 40 к.

Смѣльницкій И. Н. Основныя черты духовнаго облика Н. В. Гоголя и роль его произведеній въ исторіи рус. самосознанія. 1902 г. Цѣна съ пер. 20 к.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его. Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 1899 г. Ц. 40 к. съ пер. 50 к.

Смѣльницкій И. Н. В. А. Жуковскій, характеръ и роль его поэзіи въ исторіи рус. литературы. 1903 г. Ц. съ пер. 20 к.

Степовичъ А. І. Славянскія извѣстія. 1906 г. Ц. съ пер. 15 к.

Суровцевъ А. Г. Кто придумалъ слово „временщикъ". 1901 г. Цѣна съ пер. 7. к.

Тимофеевъ Н. Частицы *не*, *ни* и *нѣ* въ рус. яз. ихъ значеніе и правописаніе. 1902 г. Ц. съ пер. 35 к.

Тремко Ѳ. И. Разборъ эллегіи Пушкина, 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Харламовъ М. А. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся. 1900 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Цвѣтаевъ Д. В. проф. Варшавское Общество любителей наукъ. 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

* * * Человѣкъ-педагогъ. Изъ жизни и дѣятельности бывшаго учителя и инспектора гимназій. 1904 г. Цѣна съ пер. 25 к.

Чебышевъ А. А. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 1900 г. Цѣна съ перес. 70 к.

Четыркинъ И. Д. Нѣсколько словъ о педагогическихъ съѣздахъ. 1898 г. Цѣна съ пер. 5 к.

Четыркинъ И. Д. Памяти А. А. Хованскаго. 1900 г. съ пер. 10 к.

Четыркинъ И. Д. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церк.—славян. азбуки и коренныхъ словъ съ бук. Ѣ. Третье исправл. изд. *одобрен. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр.* въ качествѣ руководства для приготов. клас. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Пр. 1900 г. Цѣна съ перес. 30 к.

Черняевъ П. Н. Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи" Жуковскаго современ. и послѣд. критики. 1902 г. Цѣна съ пер. 25 к.

Черняевъ П. Н. „Жизнь двѣнадцати Цезарей" Светонія въ новомъ переводѣ Алексѣева. 1904 г. Цѣна съ перес. 12 к.

Черняевъ П. Н. Слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II. 1905 г. Ц. съ пер. 60 к.

Шамраевъ В. Н. О жизни и твореніяхъ Гоголя. 1902 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Шеметова Н. В. Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ. 1900—1902 г. Ц. съ пер. 70 к.

Шеметова Н. В. По прочтеніи „На днѣ"—Горькаго. 1903 г. Ц. 5 к. съ пер.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. Ц. 20 к. съ перес.

Шлосбергъ А. Планы литературныхъ образцовъ въ стихахъ и прозѣ. 1905 г. Ц. съ пер. 15 к.

Щукинъ П. Н. 1) Д. В. Григоровичъ, какъ народный писатель. 2) Значеніе И. А. Гончарова въ исторіи рус. литературы. 1901 г. 1902 г. Цѣна съ пер. 60 к.

Щукинъ П. Н. Григоровичъ, какъ народный писатель. 1902 г. Цѣна съ пер. 35 к.

Ѳоминъ Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. Ц. съ пер. 20 к.

Ѳоминъ Д. Н. Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборникъ фразъ съ буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ—для списыванія). 1900 г. Ц. съ пер. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. Два перла классической литературы: щиты Ахиллеса и Энея. 1901 г. Цѣна съ пер. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. и Прядкинъ С. Н. Въ защиту буквы „ять". 1900 г. Ц. съ пер. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ по рус. языку. 1900 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Уроки объяснительнаго чтенія 1903 г. Ц. съ пер. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Затруднительные случаи русскаго правописанія. 1901 г. Цѣна съ перес. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Гекторъ и Андромаха. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Уроки объяснительнаго чтенія. Разборъ стихотвореній Пушкина и басенъ Крылова. 1904 г. Цѣна съ пер. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. Матеріалъ для словопроизводственнаго словаря. 1904 г. Цѣна съ пер. 10 к.

Флёровъ А. П. Библіографія. Житецкій. „Теорія поэзіи". 1901 г. Ц. съ пер. 10 к.

„Указатель" за 25 лѣтъ: 1860—1886 г.г. Ц. 30 к. съ пер.

„Указатель" статей напечатанныхъ въ „Филол. Зап." за 13 лѣтъ: 1887—1899 г.г. Ц. съ пер. 25 к.

Оба „Указателя" вмѣстѣ—40 к. съ пер.

Съ дополненіемъ содержанія 1900—1905 г.г. 60 к. съ пер

За выписанные брошюры, по желанію, можно высылать до 2 р. почтовыми марками.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„МИРНЫЙ ТРУДЪ"

Годъ четвертый 1906 г.

(Повременный научно литературное и общественное изданіе)

выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ Іюля и Августа) ежемѣсячными выпусками не менѣе 150 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, русскаго національнаго самосознанія, усиленію культурнаго общенія со славянствомъ, изученію созидательной работы Запада и росту общественной самостоятельности, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ январской книжкѣ 1906 года начинается печатаніе большого романа изъ современной жизни извѣстной писательницы Н. И. Мердеръ „Новые люди" и повѣсти г. Левицкаго „Горнорусальскій заводъ", интересныхъ разоблаченій г. Тальмейера „Франкъ-массонство и французская рево

люція", Бенуа „Картины избирательныхъ нравовъ при всеобщемъ голосованіи", А. Русинова „Христіанскій міръ и воинствующее іудейство", В. Л. Величко „О сіонизѣ" и др. Особымъ приложеніемъ: Тэнъ „Исторія французской революціи", т. II—III.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія о дѣятельности Русскаго Собранія и его Отдѣловъ, усматривающихъ въ сознательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногороднихъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 руб. съ пересылкой.

Подписка на 1906 г. принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за комиссію и пересылку денегъ по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ).

Журналъ „Мирный Трудъ" Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній, а Учебными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ допущенъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ, рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ военно-учебныхъ заведеній и допущенъ въ безплатныя народныя читальни.

Плата за объявленія: 20 руб. за полную страницу, 10 руб. за половину и 5 руб. за четверть страницы.

Редакторъ-издатель проф. *А. Вязигинъ.*

славтовъ, А. А., Сергѣевичъ, В. И. (проф.), Симбирскій, Н. В. (псевд.), Сластниковъ, С. И., Стекевичъ, А. С., Сыромятниковъ, С. Н., Тамаринъ, Н. Н. (псевд.), Тернавцевъ, В. А, Трегубовъ, С. Н., Уваровъ, графъ А. С., Уманецъ, Ф. М., Фаресовъ, А. И., Филиповъ, С. Н., Хомяковъ, Н. А., Черниговецъ, Ф. В. (псевд.), Чуносовъ, М. (псевд.). Шестаковъ, Д. П. Щегловъ (Леонтьевъ), И. Л., Шиповъ, Д. Н., Энпе Н. Е. (псевд.), Янжулъ, И. И. (акад.) и другіе.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

ВЫПУСКИ II—III.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (бывш. Исаева).
1906.

Содержаніе II—III в.в. „Филологическихъ Записокъ" за 1906 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

47-й год изд. въ 1907 году— **47-й год изд.**

ЖУРНАЛА,

посвященнаго изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по рус. языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННАГО ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

«Филологическія Записки» одобрены и рекомендованы къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній всѣми Вѣдомствами, въ которыя были представлены Редакціей журнала, а именно: 1) Ученымъ Комит. Минист. Народнаго Просвѣщ для библ. среднихъ и низшихъ учебн. завед., 2) Главнымъ Управл. Военно-учебн. завед. для библ. кадетскихъ корпусовъ, 3) Совѣтомъ Женск. Учебн. Завед. Вѣдомства Императрицы Маріи для библ. учебн. завед. сего Вѣдом., 4) Учебнымъ Комит. при Св. Синодѣ для библ. духовныхъ семинарій и училищъ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Минист. Финансовъ для библ. коммерческихъ училищъ. На первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

Журналъ: «Филол. Зап.», вступивъ въ 47-й годъ своего существованія, остается вѣренъ своимъ задачамъ, преслѣдуя цѣли, намѣченныя покойнымъ А. А. Хованскимъ, — быть печатнымъ полезнымъ органомъ, заботящимся объ усовершенствованіи методовъ преподаванія русскаго языка и другихъ предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Страницы журнала: «Филол. Зап.», открыты для каждаго, желающаго высказать свой взглядъ на дѣло преподаванія родного языка и другихъ предметовъ. Обмѣнъ мыслей между преподавателями въ спеціальномъ печатномъ органѣ по современнымъ вопросамъ въ воспитательно-учебномъ дѣлѣ—великая сила, двигающая впередъ святое школьное дѣло.

Журналъ: «Филол. Зап.», носящій, повидимому, такое спеціальное названіе, по волѣ основателя его,— вполнѣ доступенъ, безусловно полезенъ и интересенъ по своему содержанію каждому желающему получить нужныя ему научныя свѣдѣнія.

Основанный исключительно съ благою цѣлью—быть полезнымъ органомъ для преподавателей, онъ имѣетъ полное право на сочувствіе и поддержку съ ихъ стороны какъ содѣйствіемъ распространенія изданія, такъ и вкладомъ своего труда.

Вѣрная гарантія журнала—*одобреніе и рекомендація* къ пріобрѣтенію «Фил.» Зап.» въ библ. учебн. зав. высшими учеными учрежденіями разныхъ вѣдомствъ (см. 1 стр.).

Журналъ «Филол. Зап.», выходитъ безсрочными выпусками шесть разъ въ годъ, отъ 8 до 9 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, а въ книгѣ, заключающей 2 выпуска, отъ 16 до 18 листовъ.

ЦѢНА годовому изданію: для мѣстныхъ подписчиковъ 6 р., для иногороднихъ 7 р. съ перес.,—за границу 8 р. съ пер. Для г.г. преподавателей и преподавательницъ 6 р. съ пер.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лишней переписки контора «Фил. Зап.» проситъ своихъ уважаемыхъ подписчиковъ 1) заявлять о подпискѣ на журналъ заблаговременно, 2) по возможности, обращаться съ подпискою прямо въ контору Редакціи, 3) высылать подписную годовую плату полностію—7 р.

Въ конторѣ редакціи имѣются въ продажѣ:

1) «Филол. Записки» за прежніе годы до 1899 г.,—за шесть вып. 6 р. 50 к. съ перес., отдѣльно каждый выпускъ 1 р. 20 к. съ пер., за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906 г.г. 7 р. съ пер.

2) оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ (Каталогъ этихъ брошюръ высылается безплатно).

3) «Указатель» статей, помѣщенныхъ въ журн. за 25 лѣтъ (1860—1886) 30 к. съ пер., «Указатель» за слѣдующія 13 лѣтъ (1887—1899) 25 к. съ пер., за оба «Указателя» вмѣстѣ 40 к. съ пер. Съ дополненіемъ содержанія 1900—1905 г.г. 60 к. съ пер.

Условія для книгопродавцевъ: «Филол. Зап.» за прежніе годы (6 вып.) 6 р. 20 к. съ пер.,—за 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905 года 6 р. 65 к. съ пер., за границу 7 р. 60 к. съ перес.; брошюры со скидкою 10%.

ПОДПИСКА принимается въ **Воронежѣ**, въ конторѣ журнала «Филологич. Зап.», Старо-Московск. ул. (близъ Каменнаго моста), домъ наслѣдниковъ А. А. Хованскаго, № 20-й.

Плата за объявленія, помѣщаемыя въ «Фил. Зап.»: въ концѣ текста за страницу—10 р., 1/2 стран.—5 р., 1/4 стран.—3 р., 1/8 стран.—2 р. Въ началѣ текста цѣна по соглашенію. За разсылку объявленія въ журн., (приложеніемъ) вѣсомъ не болѣе лота: за одинъ разъ 12 р., за два—20 р., за три 25 р.

Отвѣтственный Редакторъ **Ѳ. М. Ильинскій.**

Издательницы-наслѣдницы **А. А. Хованскаго.**

Адресъ Редактора и Издательницъ: Старо-Московск. ул. д. № 20-й.

Общія дидактическія положенія.

Подъ «общими дидактическими положеніями» разумѣются такія дидактическія требованія, которыя имѣютъ примѣненіе при обученіи каждому учебному предмету.

Методическія правила, являясь примѣненіемъ общихъ дидактическихъ положеній къ обученію тому или другому учебному предмету, сообразно содержанію, цѣли и значенію его, не должны противорѣчить имъ. Для того, чтобы имѣть такое общее примѣненіе, дидактическія положенія должны, конечно, вытекать изъ твердаго основанія. Такимъ основаніемъ и служатъ естественные законы и условія развитія и дѣятельности душевныхъ силъ человѣка, провѣренные указаніемъ педагогической практики.

Дидактическія положенія, правильно выведенныя изъ законовъ развитія и дѣятельности силъ человѣка, подтверждаются и педагогической практикой, такъ какъ наиболѣе успѣшно идетъ обученіе тогда, когда оно согласуется съ естественными законами развитія учащихся, и малоуспѣшно, когда оно противорѣчитъ этимъ законамъ.

Вотъ общія дидактическія положенія, вытекающія изъ указаннаго основанія: 1) Правильный естественный ходъ умственнаго образованія человѣка и развитія его душевныхъ силъ совершается послѣдовательно. Какъ при развитіи всего органическаго въ природѣ нѣтъ скачковъ, а напротивъ—развитіе идетъ послѣдовательно, такъ точно не можетъ быть скачковъ при правильномъ

развитіи человѣка. Благопріятныя или неблагопріятныя условія могутъ нѣсколько ускорить или замедлить ходъ развитія его, но не могутъ безвредно произвести скачковъ въ этомъ развитіи. Съ дѣтства и до зрѣлаго возраста въ естественномъ развитіи душевныхъ силъ человѣка соблюдается послѣдовательность.

Сообразно съ этимъ и обученіе, имѣющее цѣлію образованіе учениковъ и развитіе душевныхъ силъ ихъ, должно идти послѣдовательно. Каждая ступень въ обученіи должна составлять естественное продолженіе предшествовавшей ей ступени и подготовлять къ слѣдующей ступени обученія.

Требованіе послѣдовательности имѣетъ свое примѣненіе и а) по отношенію къ ученикамъ и б) по отношенію къ расположенію содержанія учебнаго предмета.

а) Въ примѣненіи къ ученикамъ правило послѣдовательности требуетъ, чтобы ходъ обученія согласовался съ послѣдовательными ступенями развитія ихъ и расширенія ихъ знаній. Обученіе не должно ни забѣгать впередъ, ни отставать. Такъ оно прежде всего должно быть начато въ томъ возрастѣ учениковъ, въ которомъ они въ состояніи воспринимать сообщаемыя имъ знанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно не можетъ идти успѣшно. Затѣмъ, если приходится вести обученіе какому-нибудь предмету такихъ учениковъ, которые введены уже предшествовавшимъ обученіемъ въ область свѣдѣній изъ учебнаго предмета, то необходимо, опредѣливъ количество и качество ихъ знаній и степень ихъ развитія, продолжать расширеніе ихъ свѣдѣній, начавъ съ той ступени, на которой они остановились. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если ученіе начнется со ступени высшей, чѣмъ та, на которой ученики находятся, оно, вслѣдствіе нарушенія требованія послѣдовательности,

будетъ непонятнымъ для учениковъ, и они будутъ лишены возможности сознательно усвоить сообщаемое имъ. Если же обученіе начнется со ступени низшей, чѣмъ та, на которой ученики остановились, то, не представляя достаточно пищи для душевной дѣятельности учениковъ, оно замедлитъ развитіе ихъ.

Начавъ обученіе правильно, необходимо и вести его послѣдовательно, безъ пробѣловъ и скачковъ.

б) Въ примѣненіи къ расположенію учебнаго матеріала правило послѣдовательности требуетъ такого расположенія его, чтобы сообщаемое ученикамъ содержаніе изъ учебнаго предмета соотвѣтствовало послѣдовательнымъ ступенямъ пониманія и развитія ихъ.

Извѣстно, что въ каждомъ учебномъ предметѣ есть свѣдѣнія и легкія, и трудныя для пониманія, и притомъ—одни свѣдѣнія подготовляютъ къ уразумѣнію другихъ. И необходимо располагать учебный матеріалъ такъ, чтобы сначала сообщалось ученикамъ болѣе легкое, и притомъ то, что подготовляетъ къ уразумѣнію слѣдующихъ свѣдѣній, затѣмъ уже и болѣе трудное, которое дѣлается доступнымъ ученикамъ, такъ какъ они предшествовавшимъ ученіемъ подготовлены къ нему.

Противъ требованія послѣдовательности въ расположеніи учебнаго матеріала поступаютъ въ томъ случаѣ, когда, не составивъ предварительно плана обученія, рядомъ съ доступнымъ сообщаютъ ученикамъ и недоступное для ихъ пониманія, а также и въ томъ случаѣ, когда сообщаютъ имъ такія свѣдѣнія, которыя входятъ въ спеціальность учителя и его интересуютъ, но не имѣютъ никакого значенія для учениковъ, не подготовленныхъ къ надлежащему воспріятію ихъ, и не умѣстны въ томъ курсѣ, который доступенъ имъ.

Предложеніе ученикамъ несоотвѣтственной ихъ воз-

расту и развитію душевной пищи, ведя къ нарушенію послѣдовательности, правильности ихъ развитія и обогащенія ихъ свѣдѣніями, не можетъ сопровождаться хорошими результатами.

2) Съ требованіемъ послѣдовательности при обученіи находится въ близкой связи требованіе посильности. Если обученіе ведется строго послѣдовательно, то оно и посильно для учениковъ, такъ какъ предшествующая ступень обученія подготавливаетъ ихъ къ уразумѣнію свѣдѣній, предлагаемыхъ на слѣдующей ступени.

Обученіе посильно для ученика, когда онъ, при той степени умственнаго напряженія, какую можетъ проявить по своему возрасту и развитію, и при надлежащей помощи со стороны учителя, можетъ уразумѣть сообщаемое ему содержаніе изъ учебнаго предмета и надлежащимъ образомъ овладѣть этимъ содержаніемъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. если, при означенныхъ условіяхъ, ученикъ не въ состояніи сознательно усвоить сообщаемое ему, оно ему непосильно.

Случается, что свѣдѣнія непосильныя, а потому и непонятныя для ученика въ данное время, становятся посильными и понятными для него нѣкоторое время, спустя, когда онъ подвинется нѣсколько впередъ въ своемъ душевномъ развитіи.

Требованіе посильности при обученіи простирается не только на то, чтобы содержаніе, предлагаемое ученикамъ, соотвѣтствовало ихъ развитію и подготовкѣ, но также и на то, чтобы количество предлагаемой имъ умственной работы соотвѣтствовало ихъ душевнымъ силамъ.

Что посильно для окрѣпшаго организма, то непосильно для организма слабаго. То количество умственной работы, которое легко можетъ выполнить умствен-

но окрѣпшій взрослый человѣкъ, для неокрѣпшаго ученика будетъ въ тягость. Одна и та же ноша—легка для взрослаго и подавляетъ ребенка.

Изъ этого видно, что было бы неосновательно, если бы учитель, предлагая работу ученикамъ, руководствовался лишь тѣмъ, что ему самому представляется легкимъ. Мѣрка, пригодная для взрослаго, привыкшаго къ умственному труду, непригодна для дѣтей. Учитель долженъ измѣрять количество труда учениковъ, необходимое для выполненія ими работы, ихъ собственною мѣркой. Онъ, зная наличныя силы своихъ учениковъ, умственно становится въ положеніе ихъ и съ этой точки взвѣшиваетъ работу.

Выполненіе требованія посильности при обученіи вліяетъ не только на успѣхъ обученія, но также и на отношеніе учениковъ къ ученію. Насколько посильное обученіе, посильный трудъ духовно укрѣпляетъ, ободряетъ и подвимаетъ учениковъ, настолько ученіе не посильное, трудъ, превышающій ихъ способности подавляетъ ихъ, лишаетъ ихъ увѣренности въ себя, вызываетъ въ нихъ непріятныя чувствованія, что, конечно, переносится и на учебный предметъ, отчего и является отвращеніе къ самому учебному предмету и къ занятію имъ. Причиною лѣни учениковъ къ занятію учебнымъ предметомъ нерѣдко бываетъ непосильность при обученіи ихъ этому предмету.

3) Для выполненія требованій посильности и послѣдовательности обученія необходимо, какъ сказано, сообразоваться съ духовными силами учениковъ и ходомъ душевнаго развитія ихъ. Но ученики различаются по силѣ своихъ способностей и ходъ развитія этихъ способностей совершается не съ одинаковою скоростью у всѣхъ учениковъ Отсюда понятно, что одна и та же

норма «послѣдовательности» и «посильности» не можетъ быть пригодна для всѣхъ учащихся. Что для одного посильно, впору, то для другого недоступно, рано. Слѣдовательно, при примѣненіи означенныхъ требованій «посильности» и «послѣдовательности» необходимо сообразоваться съ душевными силами каждаго индивидуума, съ индивидуальными особенностями каждаго ученика.

Учителю необходимо изучить силы каждаго ученика и сообразно съ ними вести обученіе.

Въ школахъ, гдѣ обыкновенно въ одномъ и томъ же классѣ помѣщаются, для прохожденія одного и того же курса, нѣсколько десятковъ учениковъ, учителю, конечно, нѣтъ возможности, да и не слѣдуетъ, вести обученіе каждаго ученика особо. Онъ долженъ вести обученіе всего класса, но онъ непремѣнно долженъ приноравливать ученіе такъ, чтобы оно было посильно и послѣдовательно не для нѣкоторыхъ только, но для всѣхъ учениковъ класса. Придерживаясь, при прохожденіи и проработкѣ учебнаго курса, средняго уровня учениковъ, учитель обращаетъ вниманіе вмѣстѣ съ тѣмъ и на болѣе способныхъ и, преимущественно, на менѣе способныхъ. Первымъ онъ предоставляетъ больше самостоятельности, требуетъ отъ нихъ болѣе отчетливаго и полнаго выполненія работъ, предлагаетъ иногда имъ особыя работы, не переступая, впрочемъ, за предѣлы проходимаго курса; вторымъ—онъ оказываетъ надлежащую помощь, поддерживаетъ ихъ, ободряетъ. Такимъ образомъ весь классъ идетъ впередъ.

Болѣе или менѣе равномѣрное веденіе обученія всего класса тѣмъ болѣе возможно въ школѣ, что въ каждый классъ зачисляются ученики почти одинаковой подготовки.

4) Развитіе душевныхъ силъ учениковъ и обогащеніе ихъ знаніями не можетъ быть вложено извнѣ, механически. То и другое является результатомъ ихъ душевной дѣятельности. Отсюда видна необходимость проявленія самодѣятельности учащихся при обученіи. Показываетъ ли учитель ученикамъ предметъ, съ которымъ они должны ознакомиться, сообщаетъ ли имъ путемъ изложенія извѣстныя знанія, или предлагаетъ имъ вопросы, рѣшая которые, они приходятъ къ нужнымъ знаніямъ, учитель ставитъ ихъ въ условія при которыхъ они могутъ самодѣятельно воспринять нужныя имъ знанія или внутренно переработать ихъ. Дѣятельность учителя, при правильномъ обученіи, направлена, главнымъ образомъ, къ возбужденію и поддержанію душевной дѣятельности учениковъ. И при такомъ обученіи ученики не остаются пассивными, напротивъ, они принимаютъ въ немъ активное участіе. Они то сосредоточиваютъ свое вниманіе на данномъ предметѣ, то различаютъ признаки его, то сравниваютъ эти признаки съ признаками другого предмета и составляютъ извѣстные выводы, то рѣшаютъ такіе или иные вопросы,—словомъ, умственно работаютъ. Проявленіе же цѣлесообразной умственной дѣятельности ведетъ къ обогащенію знаніями и къ развитію душевныхъ силъ.

Такъ какъ сила и характеръ самодѣятельности не могутъ быть одинаковы у учениковъ, различныхъ по возрасту и душевному развитію, то и помощь учителя при самодѣятельности ихъ и средства къ возбужденію ея не могутъ быть одинаковы для всѣхъ учениковъ. Для слабыхъ, неокрѣпшихъ дѣтей помощь учителя иная, чѣмъ для учениковъ, укрѣпившихся уже въ умственной дѣятельности.

Средствомъ для возбужденія самодѣятельности уче-

никовъ при усвоеніи ими свѣдѣній служитъ цѣлесообразная форма обученія; средствомъ же для возбужденія ея при воспроизведеніи и переработкѣ усвоеннаго матеріала служатъ задачи и различнаго рода практическія упражненія, какъ, напр., сочиненія и другія письменныя работы, ариѳметическія, геометрическія и другого рода задачи, умственныя географическія путешествія, сравненія данныхъ историческихъ лицъ или данныхъ странъ, рѣшенія по извѣстнымъ основаніямъ различнаго рода вопросовъ и т. п. Цѣлесообразнымъ путемъ сообщая свѣдѣнія и удачно предлагая задачи, вопросы и практическія работы, учитель вызываетъ къ активной дѣятельности душевныя силы учениковъ.

Свѣдѣнія, воспринятыя учениками при помощи самодѣятельности, ясно сознаются ими и становятся прочною собственностью ихъ. Такими свѣдѣніями они могутъ пользоваться для дальнѣйшей своей умственной дѣятельности и для дальнѣйшаго душевнаго усовершенствованія ихъ.

Свѣдѣнія же, воспринятыя учениками механически, одною памятью, рѣдко ясно сознаются ими и еще рѣже являются матеріаломъ для дальнѣйшаго душевнаго усовершенствованія ихъ.

5) Обученіе должно быть направлено къ возбужденію и развитію не одной какой-нибудь стороны душевной дѣятельности, напр., только памяти или только разсудка, а, по возможности всѣхъ сторонъ ея. Упражненіе въ должной мѣрѣ всѣхъ сторонъ душевной дѣятельности человѣка ведетъ къ надлежащему развитію и образованію его. При правильномъ веденіи обученія обыкновенно и упражняются всѣ стороны душевной дѣятельности. Сосредоточивая вниманіе учениковъ на предметѣ обученія, учитель упражняетъ ихъ во внимательности;

побуждая ихъ подмѣчать и выдѣлять признаки предметовъ и обращать ихъ въ представленія, понятія и мысли, онъ упражняетъ ихъ въ этой умственной дѣятельности; заставляя ихъ сравнивать предметы и комбинировать признаки ихъ въ новыя сочетанія, онъ возбуждаетъ ихъ воображеніе и способность сужденія; заставляя ихъ дѣлать общіе выводы изъ сопоставленія данныхъ фактовъ или, наоборотъ, примѣнять общіе выводы къ частнымъ случаямъ, фактамъ, онъ упражняетъ ихъ въ индуктивномъ или дедуктивномъ мышленіи; заставляя ихъ запоминать новыя свѣдѣнія или припоминать раньше усвоенныя, онъ упражняетъ ихъ память; требуя послѣдовательности, точности и опредѣленности въ устномъ изложеніи усвоеннаго, развиваетъ ихъ рѣчь и т. д.

Не только на умственныя силы, но также и на чувствованія и волю обученіе должно оказывать свое возбуждающее и развивающее вліяніе.

На чувствованія учениковъ оказываетъ вліяніе содержаніе учебныхъ предметовъ. Библейскіе и историческіе, напр., разсказы, надлежащимъ образомъ сообщаемые, вызываютъ добрыя нравственныя чувствованія въ ученикахъ. Заучиваемыя учениками стихотворенія и читаемыя ими образцы словесности развиваютъ въ нихъ эстетическое чувство.

Самый процессъ пріобрѣтенія свѣдѣній, а также удовлетвореніе возбужденной потребности къ знанію не могутъ не возбуждать чувствованій учениковъ.

На волю учениковъ вліяетъ обученіе, когда оно возбуждаетъ въ нихъ лучшія стремленія и когда при немъ представляется имъ возможность преодолѣвать трудности ученія. Побѣда надъ затрудненіями укрѣпляетъ волю. Къ тому же практически вырабатывается въ ученикахъ убѣжденіе, что трудомъ и терпѣніемъ

можно одолѣть трудности и достигнуть цѣли, что тоже вліяетъ на укрѣпленіе воли.

Кромѣ того, при обученіи вырабатываются въ ученикахъ добрые навыки, какъ, напр., навыкъ къ аккуратности, точности въ исполненіи своихъ обязанностей, что тоже оказываетъ вліяніе на воспитаніе воли.

Не основательно было бы полагать, что на одномъ учебномъ предметѣ можетъ быть развиваема только одна какая-нибудь сторона душевной дѣятельности, напр., дѣятельность памяти, на другомъ учебномъ предметѣ— другая сторона, напр., воображеніе, на третьемъ—третья сторона, напр., разсудочная дѣятельность, на четвертомъ—чувствованія и т. д. Напротивъ, на каждомъ учебномъ предметѣ, при правильномъ веденіи обученія, могутъ быть развиваемы различныя стороны душевной дѣятельности, хотя, конечно, не въ одинаковой мѣрѣ.

Различные учебные предметы, будучи преподаваемы одновременно, дополняя другъ друга, совмѣстно ведутъ къ гармоническому развитію учениковъ, чему способствуетъ также и взаимодѣйствіе душевныхъ сторонъ или силъ. Извѣстно, что, вслѣдствіе единства душевной природы, однѣ стороны ея дѣятельности вліяютъ на другія. Такъ, дѣятельность памяти оказываетъ вліяніе на проявленіе воображенія, а послѣднее вліяетъ на чувствованіе, которое въ свою очередь вліяетъ на волю.

Вліяніе обученія на всѣ стороны душевной природы учениковъ дѣлаетъ самое обученіе воспитывающимъ, а такимъ оно и должно быть. Учитель, вліяющій на всестороннее развитіе учениковъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитатель ихъ, а школа, гдѣ ученики получаютъ всестороннее развитіе, есть, по выраженію Амоса Коменскаго— «мастерская гуманности».

6) Обогащеніе учениковъ знаніями состоитъ въ образованіи въ нихъ соотвѣтственныхъ представленій и понятій. Представленія же и понятія образуются или путемъ непосредственныхъ воспріятій отъ предметовъ, подлежащихъ изученію, или путемъ созданія ихъ дѣятельностью душевныхъ силъ, преимущественно воображенія, на основаніи имѣющихся уже въ душѣ представленій и понятій. И обученіе должно сообразоваться съ этимъ закономъ образованія представленій и понятій, т. е. оно должно удовлетворять требованію наглядности. При удовлетвореніи этому требованію, ученики знакомятся съ самымъ предметомъ изученія, съ содержаніемъ его, а не изучаютъ только одни слова и фразы о немъ.

Требованіе наглядности при обученіи является однимъ изъ существенныхъ дидактическихъ требованій, обусловливающихъ собою успѣшность обученія.

Въ зависимости отъ характера предметовъ, подлежащихъ изученію, представленія объ однихъ предметахъ мы составляемъ путемъ воспріятія внѣшнихъ чувствъ (зрѣнія, слуха, осязанія и т. п.); представленія же о другихъ предметахъ образуются путемъ внутренняго опыта, внутренняго созерцанія. Отсюда различается наглядность внѣшняя и внутренняя. Первая (внѣшняя) примѣнима, преимущественно, при знакомствѣ съ внѣшними, насъ окружающими предметами. При знакомствѣ, напр., съ какимъ-нибудь растеніемъ или животнымъ, мы разсматриваемъ его, изучаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ его качества и такимъ образомъ знакомимся съ нимъ, составляемъ представленіе о немъ. Вторая же (внутренняя) наглядность примѣнима, преимущественно, при ознакомленіи съ предметами и явленіями міра внутренняго, душевнаго. Посредствомъ этой наглядности

постигается содержаніе, напр., такихъ предметовъ, какъ грамматика, психологія, логика и т. п.

Само собою разумѣется, что строгаго отдѣленія наглядности внѣшней отъ внутренней на практикѣ не бываетъ. При сообщеніи свѣдѣній, относящихся къ одному и тому же предмету, нерѣдко прибѣгаютъ какъ къ той, такъ и къ другой наглядности; внѣшняя наглядность часто служитъ помощью наглядности внутренней, и наоборотъ. Учитель, напр., прорабатываетъ съ учениками изъ грамматики о временахъ глаголовъ. Ученики только тогда уразумѣютъ сообщаемое имъ, когда, обратившись къ собственному сознанію, внутреннему опыту, замѣтятъ, что духъ ихъ различаетъ совершающееся теперь отъ того, что было или будетъ еще, и выражаетъ эти различія особыми формами. Однако учитель пишетъ на доскѣ примѣры, подчеркиваетъ различія въ окончаніяхъ глаголовъ, т.-е. прибѣгаетъ къ внѣшней наглядности, облегчающей ученикамъ внутреннее созерцаніе. Точно также учитель, ознакомливая учениковъ съ внутренними побужденіями къ дѣятельности того или другого историческаго лица, старается обратить ихъ вниманіе на собственныя ихъ побужденія къ такимъ или инымъ поступкамъ, т.-е. прибѣгаетъ къ внутренней наглядности для надлежащаго уразумѣнія внѣшнихъ явленій.

Не всѣ предметы, подлежащіе изученію, могутъ быть восприняты непосредственно. Нельзя, напр., путемъ непосредственнаго воспріятія составить представленіе объ отдаленныхъ мѣстахъ, о давно минувшихъ событіяхъ или о душевныхъ явленіяхъ у другихъ людей. Представленія о такихъ предметахъ составляются посредственно, дѣятельностью душевныхъ силъ, преимущественно воображенія, на основаніи представленій и

признаковъ ихъ, воспринятыхъ непосредственно изъ окружающей дѣйствительности или изъ явленій собственной душевной жизни. Ученикъ, видѣвшій, напр., озеро, можетъ составить себѣ представленіе о морѣ; на основаніи знакомства съ сосѣдней рѣкой, онъ можетъ составить представленіе и объ отдаленныхъ рѣкахъ. Испытавши въ самомъ себѣ проявленіе какого нибудь чувства, онъ въ состояніи понять проявленіе душевныхъ движеній и въ другихъ лицахъ.

Черты непосредственно воспринятыхъ представленій служатъ матеріаломъ для составленія представленій о предметахъ, не подлежащихъ непосредственному воспріятію. Искусство учителя при сообщеніи ученикамъ представленій и понятій о предметахъ, не подлежащихъ непосредственному воспріятію, состоитъ въ умѣніи такъ направить умственную дѣятельность ихъ, чтобы они, на основаніи имѣющихся данныхъ, составляли нужныя представленія и понятія. Средствомъ для этого могутъ служить: а) употребленіе различнаго рода наглядныхъ пособій, какъ, напр., картинъ, моделей и т. п.; б) указаніе на извѣстные уже ученикамъ предметы и явленія, на основаніи которыхъ они могутъ составить представленіе о предметахъ, имъ еще неизвѣстныхъ, в) искусное и характерное описаніе предмета, при чемъ берутся черты изъ предметовъ, извѣстныхъ ученикамъ. Соединяя эти черты, ученики составляютъ себѣ нужное представленіе; г) приведеніе примѣровъ, служащихъ къ составленію требуемаго общаго правила или положенія; такъ, напр., изъ подходящихъ грамматическихъ примѣровъ ученики знакомятся съ граматическимъ правиломъ; изъ литературнаго образца они составляютъ понятіе о родѣ или видѣ литературныхъ произведеній; д) приведеніе представленій или понятій, противоположныхъ тѣмъ,

которыя, на основаніи ассоціаціи по противоположности, должны возникнуть или болѣе ярко освѣтиться въ сознаніи учащихся. Такъ, напр., картина пустыни можетъ послужить, своею противоположностью, болѣе яркому представленію мѣстности плодородной и хорошо культивированной; изображеніе печальныхъ послѣдствій лѣни можетъ послужить къ болѣе живому представленію благотворныхъ послѣдствій трудолюбія; е) указаніе сходства изучаемаго предмета съ предметомъ знакомымъ уже ученикамъ. Черты знакомаго предмета даютъ имъ возможность составить представленіе о незнакомомъ предметѣ. Такъ, ученики составятъ представленіе о тигрѣ, если учитель скажетъ имъ, что онъ похожъ на кошку, только значительно больше ея.

Для указанія сходства приводятся не только однородные предметы или явленія, но также иногда и разнородные по своей природѣ предметы или явленія, такъ, напр., отвлеченное понятіе или явленіе изъ міра душевнаго сравнивается съ физическимъ предметомъ или явленіемъ. Къ указанію сходства относится также употребленіе поэтическихъ сравненій и вообще метафорическихъ выраженій, употребляемыхъ въ художественной рѣчи для живого, образнаго представленія предмета. Сюда же относятся также уподобленія и притчи, употребляемыя иногда для образованія нужныхъ представленій или понятій.

Изъ представленій и понятій, образовавшихся путемъ внѣшней или внутренней, непосредственной или посредственной наглядности, въ душѣ образуются новыя высшія понятія; изъ этихъ послѣднихъ образуются слѣдующія высшія понятія и т. д Такимъ образомъ вырабатывается въ ней міръ представленій и понятій, составляющій душевное богатство человѣка,—тѣмъ болѣе

цѣнное, чѣмъ въ большей мѣрѣ въ основу его положено наглядныхъ воспріятій. «Чѣмъ въ развитіи индивидуумовъ больше наглядности, тѣмъ матеріалъ для ихъ мысли и сама мысль богаче. Тамъ, гдѣ не понимаютъ значенія наглядности, или вовсе не подозрѣваютъ ея важности въ дѣлѣ воспитанія ума и дѣйствуютъ путемъ общимъ, отвлеченнымъ,—тамъ и плоды, данные трудомъ ученья, обнаруживаютъ всю свою бѣдность, ограниченность, несостоятельность. Представленія субъектовъ подобнаго ученья оказываются крайне неопредѣленными и запутанными, понятія о вещахъ сбивчивыя и неполныя, мысль сухая и неточная».

Всѣ предметы учебнаго курса могутъ быть преподаваемы наглядно. Такъ, при обученіи библейской исторіи для наглядности могутъ служить библейскія картины. При обученіи грамотѣ соблюдается требованіе наглядности, если ученики выдѣляютъ требуемые звуки изъ словъ, вслушиваются въ эти звуки, замѣчаютъ сочетаніе ихъ въ слова, видятъ начертаніе каждой буквы и отличаютъ ее отъ другихъ буквъ; при обученіи чтенію соблюдается требованіе наглядности, если учитель показываетъ ученикамъ, какъ слѣдуетъ читать, и подводитъ ихъ къ образованію соотвѣтственныхъ читаемому представленій, понятій и мыслей; при обученіи письму соблюдается требованіе наглядности, если учитель показываетъ ученикамъ, какъ слѣдуетъ писать ту или другую букву, какъ соединять ее съ другими буквами и т. п.; при обученіи грамматикѣ соблюдается требованіе наглядности, если ученики сами, подъ руководствомъ учителя, вникаютъ въ приведенные грамматическіе примѣры, замѣчаютъ требуемыя грамматическія формы и такимъ образомъ ознакамливаются съ ними; при обученіи ариѳметикѣ соблюдается наглядность, если ученики

выводятъ ариѳметическія правила изъ рѣшенія задачъ и примѣровъ и если при веденіи счета пользуются наглядными пособіями; при обученіи географіи соблюдается требованіе наглядности, если географическія понятія ученики составляютъ на основаніи воспріятій географическихъ предметовъ.

Чѣмъ моложе ученики и чѣмъ менѣе они знакомы съ какимъ-нибудь учебнымъ предметовъ, тѣмъ чаще приходится прибѣгать къ непосредственной, внѣшней или внутренней, наглядности. При дальнѣйшемъ же обученіи, когда у учениковъ образовалось достаточное количество соотвѣтственныхъ представленій, они могутъ пользоваться этими представленіями для образованія новыхъ представленій. Во всякомъ случаѣ, требованіе наглядности должно быть соблюдаемо на всѣхъ ступеняхъ обученія, понимая это требованіе въ томъ смыслѣ, что учащіеся изучаютъ самое содержаніе учебнаго предмета, а не слова только о немъ. И такое обученіе—образовательно, плодотворно дѣйствуетъ на учениковъ, оживляя и укрѣпляя ихъ духъ и возбуждая въ нихъ интересъ къ ученію.

Дѣтская природа сама требуетъ наглядности при усвоеніи свѣдѣній. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривайте съ дѣтьми предметъ или явленіе,—они охотно будутъ работать, скоро составятъ ясное представленіе о предметѣ и удачно разскажутъ о немъ; если же, не показывая предмета, вы начнете разсказывать о немъ, то не замѣтите надлежащей охоты къ работѣ и не получите отъ дѣтей такого разсказа о предметѣ, который выражалъ бы ясное представленіе о немъ. Разскажите ученикамъ, какъ нужно произвести то или другое дѣйствіе, напр., писать букву, и они не вполнѣ поймутъ васъ; покажите же имъ, какъ производится это дѣйствіе, на-

пишите передъ ними ту же букву; и они поймутъ васъ и вѣрно напишутъ эту букву. Изложите ученикамъ грамматическое правило и затѣмъ то-же правило выведите съ ними изъ примѣровъ, и вы замѣтите, что въ первомъ случаѣ они смутно поймутъ васъ, во второмъ же они ясно уразумѣютъ выведенное грамматическое правило. Попробуйте разсказать одно и то же по картинѣ и не прибѣгая къ картинѣ—и вы увидите разницу въ усвоеніи разсказаннаго. Даже отвлеченныя истины живо воспринимаются дѣтьми, когда онѣ связываются съ такими или иными собственными ихъ воспріятіями.

7) Изъ требованія наглядности вытекаетъ требованіе переходить при обученіи отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Извѣстное служитъ основаніемъ, изъ котораго выводится новое знаніе или къ которому оно примыкаетъ. Такъ, незнакомый еще ученикамъ звукъ выдѣляется изъ знакомаго имъ слова, въ которомъ всѣ остальные звуки уже знакомы имъ. Рѣшеніе новыхъ геометрическихъ теоремъ основывается на геометрическихъ истинахъ, выработанныхъ при рѣшеніи предшествовавшихъ теоремъ.

Съ расширеніемъ знаній учениковъ расширяется кругъ, къ которому могутъ примыкать новыя знанія или изъ котораго они могутъ быть выводимы.

При сообщеніи ученикамъ новыхъ знаній учитель всякій разъ соображаетъ, на основаніи какихъ изъ имѣющихся уже у учениковъ знаній они могутъ быть построены или съ какими изъ этихъ знаній они могутъ быть связаны.

Выводя новыя знанія изъ имѣющихся уже у учениковъ знаній или связывая первыя съ послѣдними, учитель приводитъ знанія учениковъ въ извѣстную связь,

что служитъ важнымъ условіемъ прочности усвоенія знаній.

8) Съ требованіями наглядности и послѣдовательности при обученіи находится въ связи требованіе переходить при обученіи отъ близкаго къ отдаленному, отъ простого къ сложному.

Подъ «близкимъ», «простымъ» слѣдуетъ разумѣть то, что доступно ученику, что онъ можетъ обозрѣть, представить себѣ. Не все близкое къ ребенку по мѣсту и времени доступно его пониманію. Такъ, напр., сложныя отношенія людей между собою въ современномъ обществѣ хотя и близки къ ребенку по времени, однако непонятны ему; простые же библейскіе разсказы о патріархальной жизни людей, жившихъ задолго до нашего времени, доступны ему. Описаніе слона или верблюда для ребенка доступнѣе, хотя эти животныя и не водятся въ нашихъ странахъ, чѣмъ описаніе мѣстныхъ инфузорныхъ животныхъ.

Понятія «близкое» и «отдаленное», «простое» и «сложное» при обученіи слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ близости или отдаленности по пространству и времени, и не въ смыслѣ простоты или сложности вещественной, а въ смыслѣ доступности или недоступности духу ребенка, разумѣнію его.

Такъ какъ конкретное обыкновенно болѣе доступно ученикамъ, болѣе «просто» для ихъ пониманія, чѣмъ отвлеченное, то потому и приходится въ большинствѣ случаевъ переходить при обученіи отъ предметовъ, примѣровъ, явленій—къ понятіямъ, общимъ правиламъ, выводамъ.

9) Обученіе должно состоять не въ механическомъ заучиваніи непонятнаго содержанія изъ учебнаго предмета, а въ сознательномъ, съ возможнымъ пони-

маніемъ, усвоеніи его. Если обученіе ведется послѣдовательно, наглядно и съ возбужденіемъ самодѣятельности учениковъ, то оно обыкновенно удовлетворяетъ и требованію сознательности, такъ какъ при означенныхъ условіяхъ ученики понимаютъ усвоиваемое и имъ не приходится механически, безсознательно запоминать то, что имъ непонятно, что не представляетъ для нихъ никакого значенія.

Обученіе грамотѣ ведется сознательно, если ученики сознаютъ, что звуки входятъ въ составъ словъ и что изъ сочетаній данныхъ звуковъ получаются слоги и слова. Обученіе чтенію ведется сознательно, если ученики понимаютъ читаемое, даютъ себѣ отчетъ въ немъ; обученіе грамматикѣ ведется сознательно, если ученики ознакомливаются съ грамматическими формами и законами путемъ наблюденія надъ примѣрами и т. д.

Требованіе сознательности при обученіи имѣетъ силу и тогда, когда ученику приходится заучивать что-нибудь наизусть. При правильномъ обученіи ученикъ сначала уразумѣваетъ подлежащее заучиванію, а потомъ уже заучиваетъ его. Такъ ученикъ прежде знакомится съ мыслями стихотворенія, а потомъ уже заучиваетъ его наизусть; прежде уразумѣваетъ смыслъ текста или изреченія, а потомъ уже заучиваетъ его, прежде уясняетъ себѣ, сколько получится въ произведеніи отъ умноженія данныхъ чиселъ перваго десятка одного на другое, а потомъ уже заучиваетъ таблицу умноженія. Даже при заучиваніи словъ иностраннаго языка или географическихъ названій необходимо, чтобы ученикъ сознавалъ тѣ понятія или представленія, названія которыхъ онъ заучиваетъ.

Не основательно было бы полагать, что при требованіи сознательности при обученіи неумѣстно заучи-

ваніе наизусть. Нѣтъ, что слѣдуетъ заучить наизусть, то и должно быть заучено учениками; но заучено, какъ сказано, сознательно, съ пониманіемъ. Только безсознательное, чисто механическое заучиваніе того, что можетъ и должно быть понято, неумѣстно. Такое заучиваніе не только безполезно, но даже и вредно.

10) Такъ какъ одни знанія строятся на другихъ, часто вытекаютъ изъ нихъ и къ нимъ примыкаютъ, то необходимо, чтобы знанія, служащія основой для другихъ, были усваиваемы учениками возможно основательно. На первыхъ порахъ при обученіи нечего особенно заботиться о сообщеніи ученикамъ какъ можно большаго количества знаній какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ, а слѣдуетъ стремиться, чтобы ученики сначала усвоили существенное, болѣе необходимое для дальнѣйшаго обученія—и усвоили хорошо, основательно. «Не многое но основательно (много)», говоритъ древнее педагогическое изреченіе. Если основаніе будетъ заложено твердо, то и дальнѣйшее обученіе пойдетъ легче и сознательнѣе.

Противъ требованія «основательности» при обученіи поступаютъ тѣ учителя, которые, обучая, слишкомъ спѣшатъ и, такимъ образомъ, не даютъ возможности ученикамъ надлежащимъ образомъ, разумно и твердо усвоить сообщаемое имъ. Такое обученіе называется поверхностнымъ. Оно не можетъ быть плодотворнымъ.

Но не слѣдуетъ переходить и въ крайность при выполненіи требованія основательности при обученіи. Останавливаться болѣе, чѣмъ нужно, на одномъ и томъже, или стараться исчерпать всѣ стороны сообщаемаго предмета, какъ доступныя, такъ и недоступныя ученикамъ—было бы крайностью. Такъ, неосновательно было

бы, если бы учитель, знакомя учениковъ съ какимъ-нибудь ариѳметическимъ дѣйствіемъ, захотѣлъ рѣшить съ ними всевозможныя задачи на это дѣйствіе;—или, если бы онъ, объясняя ученикамъ стихотвореніе, захотѣлъ разсматривать его со всевозможныхъ сторонъ, какъ доступныхъ наблюденію учениковъ, такъ и недоступныхъ для нихъ. Такая основательность, конечно, неумѣстна. Она охладила бы у учениковъ охоту къ занятію.

11) Въ связи съ основательностью обученія находится прочность обученія.

Прочность обученія состоитъ въ томъ, что ученикъ настолько овладѣваетъ учебнымъ матеріаломъ, что можетъ при надобности вызвать его въ своемъ сознаніи. Для такого усвоенія нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ, напр., географическія названія, нѣкоторые тексты священнаго писанія, иностранныя слова заучиваются наизусть. Но заучиваніе это, какъ сказано выше, должно быть сознательно. Безсознательнаго заучиванія не слѣдуетъ допускать.

Для облегченія ученикамъ заучиванія наизусть полезно пользоватся тѣми естественными средствами, которыя, будучи согласны съ законами памяти, облегчаютъ запоминаніе. Къ такимъ средствамъ относятся: а) приведеніе учениковъ къ пониманію заучиваемаго. Заучиваніе сознаннаго, достаточно понятаго, дается легче и скорѣе, чѣмъ заучиваніе непонятнаго, несознаннаго. б) Связываніе новыхъ представленій и понятій съ прежде усвоенными по какой-нибудь ассоціаціи: или по сходству, или по противоположности, или по единству мѣста, времени, или по логической ассоціаціи, напр., какъ причина съ слѣдствіемъ, основаніе съ выводомъ и т. п. в) Указаніе плана, по которому расположены мысли, подлежащія усвоенію. г) Сравненіе новаго съ из

вѣстнымъ уже, при чемъ рѣзче выдѣляются новыя черты, подлежащія усвоенію, а слѣдовательно и скорѣе усвоиваются. д) Повтореніе раньше пройденнаго При повтореніи раньше усвоенное прочнѣе усвоивается и яснѣе сознается. е) Выполненіе подходящихъ задачъ и упражненій. при чемъ раньше усвоенныя свѣдѣнія такъ или иначе воспроизводятся.

12) При обученіи необходимо стремиться, чтобы ученики не только сознательно и основательно усвоивали содержаніе сообщенныхъ имъ знаній, но чтобы и умѣли выражать словами усвоенное.

Словесная передача воспринятаго служитъ однимъ изъ средствъ къ выясненію его себѣ. Кромѣ того, такая передача ведетъ къ развитію рѣчи учениковъ и къ выработкѣ у нихъ привычки воспроизводить свои знанія мысли и облекать ихъ въ понятную форму, что очень важно въ образовательномъ отношеніи. Конечно, изложеніе учениковъ, обусловливаясь ихъ умственнымъ развитіемъ и навыкомъ къ словесной передачѣ своихъ мыслей, не можетъ быть, на первыхъ порахъ, совершенно самостоятельнымъ и безукоризненно хорошимъ. Учитель послѣдовательно подводитъ учениковъ къ хорошему и самостоятельному изложенію, заставляя ихъ передавать усвоенное и требуя при томъ, по возможности, точности, ясности и послѣдовательности въ изложеніи. Учитель оказываетъ ученику надлежащую помощь при его изложеніи, говоритъ ему тѣ слова, которыя необходимы для выраженія его понятій, но, во всякомъ случаѣ, не принимаетъ такой отговорки: «я знаю, но не могу выразить». Что ученикъ знаетъ, понимаетъ, то долженъ стараться умѣть и выразить, такъ какъ путемъ выраженія онъ можетъ выказать свое знаніе и тѣмъ дать

учителю возможность судить, дѣйствительно ли онъ усвоилъ сообщенное ему и насколько усвоилъ.

Если учебный предметъ по своему характеру требуетъ, вмѣсто словеснаго, другого какого-либо способа выраженія, то этого способа выраженія учитель и долженъ требовать отъ учениковъ (это относится къ нѣкоторымъ умѣніямъ и внѣшнимъ дѣйствіямъ).

13) Обогащеніе учениковъ знаніями должно сопровождаться выработкой у нихъ умѣнья пользоваться этими знаніями; пріобрѣтаемыя свѣдѣнія должны примѣняться къ соотвѣтствующимъ практическимъ упражненіямъ, задачамъ.

Недостаточно, если ученикъ только уразумѣетъ то или другое свѣдѣніе: необходимо еще, чтобы онъ умѣлъ примѣнять его, при надобности, къ дѣлу. Недостаточно, напр., если ученикъ только понялъ сообщенное ему грамматическое правило, уразумѣлъ производство извѣстнаго ариѳметическаго дѣйствія, узналъ, какъ слѣдуетъ каллиграфически—правильно писать ту или другую букву,—необходимо еще, чтобы онъ пріучился примѣнять пріобрѣтенное свѣдѣніе на практикѣ: грамматическое правило—къ своей устной или письменной рѣчи, ариѳметическое дѣйствіе—къ рѣшенію задачъ, правило каллиграфіи—къ умѣнью писать четко и скоро.

Нѣкоторыя знанія и имѣютъ, между прочимъ, свое значеніе потому, что при помощи ихъ легко вырабатывается нужное умѣнье. Такъ, объясненіе написанія буквъ облегчаетъ ученику выработку навыка писать каллиграфически правильно; орѳографическія правила помогаютъ выработкѣ навыка писать орѳографически—правильно и т. д.

Примѣненіе знаній къ практическимъ упражненіямъ, кромѣ выработки умѣнья, закрѣпляетъ и освѣща-

етъ въ сознаніи учениковъ самыя знанія, придаетъ этимъ знаніямъ значеніе, жизненность, и тѣмъ вызываетъ въ ученикахъ охоту къ ученію. Кромѣ того, примѣненіе пріобрѣтенныхъ знаній къ практическимъ упражненіямъ возбуждаетъ дѣятельность умственныхъ силъ учениковъ, что и способствуетъ къ умственному развитію ихъ.

Нельзя сказать, что всѣ учебные предметы требуютъ одинаковаго количества практическихъ упражненій. Одни, какъ, напр., ариѳметика, грамматика отечественнаго и иностраннаго языковъ, требуютъ ихъ больше, другіе, какъ, напр., исторія—меньше. Но ни одинъ предметъ не долженъ, собственно, оставаться безъ соотвѣтствующихъ практическихъ упражненій, понимая послѣднія въ болѣе широкомъ смыслѣ, т.-е. не только въ смыслѣ выработки навыковъ, но и въ смыслѣ примѣненія усвоенныхъ свѣдѣній къ рѣшенію задачъ и вопросовъ. При обученіи, напр., исторіи учитель предлагаетъ ученикамъ тѣ или иные вопросы или задачи, а ученики, при рѣшеніи этихъ вопросовъ или задачъ, пользуются своими историческими знаніями.

Кромѣ того, вслѣдствіе взаимодѣйствія учебныхъ предметовъ, свѣдѣнія изъ однихъ предметовъ могутъ примѣняться при практическихъ работахъ по другимъ предметамъ; такъ, напр., географическія или историческія свѣдѣнія могутъ примѣняться учениками при исполненіи письменной работы по русскому языку.

14) Различныя учебныя занятія, помогающія одно другому въ достиженіи ихъ цѣли, должны быть по возможности сближаемы между собою. Такъ, напр., при обученіи грамотѣ ученики совмѣстно обучаются и чтенію и письму, при чемъ разложеніе словъ на звуки помогаетъ сліянію звуковъ, и обратно. При усвоеніи по грамматикѣ орѳографическихъ правилъ ученики выпол-

ваютъ и соотвѣтственныя ореографическія письменныя работы, при чемъ ореографическія правила тверже запоминаются и вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе вырабатывается умѣнье писать ореографически-правильно. Объяснительное чтеніе статей и стихотвореній связывается съ выполненіемъ учениками письменныхъ работъ, при чемъ достигнется болѣе глубокое пониманіе статей и стихотвореній и вмѣстѣ съ тѣмъ письменныя работы становятся болѣе содержательными, дѣльными. Не только различныя занятія по одному и тому же учебному предмету, но также и различные учебные предметы, могущіе оказывать помощь другъ другу, должны быть сближаемы между собою. Свѣдѣнія изъ одного учебнаго предмета могутъ облегчать ученикамъ усвоеніе свѣдѣній изъ другого учебнаго предмета и слѣдуетъ пользоваться первыми при усвоеніи вторыхъ. При обученіи, напр., грамматикѣ иностраннаго языка встрѣчается много такого, что извѣстно ученику изъ грамматики языка отечественнаго. И учитель иностраннаго языка, конечно, воспользуется знаніемъ учениковъ по отечественной грамматикѣ. Онъ не станетъ долго останавливаться на объясненіи общей обоимъ языкамъ грамматической формы, а укажетъ лишь на сходство ея въ обоихъ языкахъ и поупражняетъ учениковъ въ примѣненіи понятной имъ грамматической категоріи въ иностранномъ языкѣ. Точно также при обученіи исторіи могутъ оказать помощь географическія свѣдѣнія, и обратно—при изученіи географіи пригодятся нѣкоторыя историческія свѣдѣнія. Естественная исторія можетъ оказывать нѣкоторое вліяніе на обученіе географіи, а эта послѣдняя, въ свою очередь, на обученіе естественной исторіи. Обученіе чистописанію можетъ содѣйствовать выработкѣ навыка писать ореографически правильно, а при ореографиче-

скихъ упражненіяхъ могутъ преслѣдоваться, кромѣ своихъ цѣлей, и цѣли каллиграфическія.

Вообще учебные предметы не должны чуждаться другъ друга. Напротивъ, между ними должна быть связь, взаимодѣйствіе. Всѣ они, имѣя одну общую цѣль—гармоническое развитіе и образованіе учениковъ, должны помогать одинъ другому и совмѣстно вести къ достиженію этой цѣли.

Но сказанное не значитъ, что слѣдуетъ смѣшивать учебные предметы, составляя изъ нихъ какой то одинъ общій.

Такое смѣшеніе если и допускается иногда, то только при начальномъ обученіи; при дальнѣйшемъ же, систематическомъ обученіи оно оказалось бы не вполнѣ цѣлесообразнымъ; оно повело бы къ сбивчивости понятій, и ученики ничего основательно, отчетливо не изучили бы. Каждый учебный предметъ, кромѣ цѣли, общей съ другими предметами, имѣетъ и свою особую цѣль или задачу, а потому и не долженъ быть смѣшиваемъ съ другими учебными предметами. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда задача одного изъ нихъ легче достигается при помощи другого, умѣстно, какъ сказано, прибѣгать къ сближенію ихъ, къ взаимной ихъ помощи.

15) Обученіе должно отличаться истинностью, т. е. слѣдуетъ сообщать ученикамъ только такія знанія, которыя признаются достовѣрными, истинность которыхъ очевидна или доказана. Только такія знанія, составляя лучшее достояніе души, способны служить матеріаломъ для дальнѣйшей производительной умственной дѣятельности. Свѣдѣнія же невѣрныя составляютъ безполезный, а часто и вредный грузъ, мѣшающій успѣшной душевной дѣятельности. Такими свѣдѣніями не слѣдуетъ обогащать учениковъ.

Если иногда и находятъ нужнымъ сообщать достаточно врѣлымъ ученикамъ (въ высшихъ, напр., учебныхъ заведеніяхъ) проблематическія свѣдѣнія, то только потому, что развитіе учащихся даетъ основаніе полагать, что они отнесутся къ такимъ свѣдѣніямъ, какъ къ предположенію, что они отнесутся даже критически и станутъ самодѣятельно работать надъ сообщеннымъ имъ. Разсчитывать, что такъ отнесутся къ сомнительнымъ свѣдѣніямъ малоразвитые ученики, конечно, неосновательно.

Если неумѣстно сообщать ученикамъ недостовѣрныя свѣдѣнія, то тѣмъ болѣе неумѣстно сообщать имъ свѣдѣнія несогласныя между собою, противорѣчащія одно другому. Такія свѣдѣнія сбиваютъ учениковъ, подрываютъ уваженіе ихъ къ знанію, къ истинѣ и лишаютъ образованіе ихъ единства, твердости и цѣльности. Свѣдѣнія, сообщаемыя ученикамъ, не должны противорѣчить одно другому, а, напротивъ, должны гармонировать другъ съ другомъ и разъяснять другъ друга.

Неумѣстно также предлагать ученикамъ разнохарактерные образцы для подражанія и упражненій.

Предложеніе разнохарактерныхъ образцовъ для подражанія и упражненій мѣшаетъ выработкѣ необходимыхъ навыковъ. Такъ, напр., затрудняется выработка навыка къ скорописанію, если учитель одинъ день упражняетъ учениковъ въ такомъ начертаніи буквы, а въ слѣдующій день упражняетъ ихъ въ иномъ начертаніи той же буквы; затрудняется выработка навыка въ ороографическомъ письмѣ, если при выработкѣ этого навыка не придерживаются однихъ и тѣхъ же ороографическихъ правилъ.

16) Успѣшность обученія обусловливается, кромѣ удовлетворенія изложеннымъ выше требованіямъ, также

возбужденіемъ и поддерживаніемъ въ ученикахъ охоты къ ученію. При охотѣ дѣло спорится, легче преодолѣваются трудности и самое занятіе доставляетъ внутреннее удовлетвореніе; при отсутствіи же охоты дѣло идетъ медленнѣе и трудъ становится тяжелѣе. Если ученики съ охотой, съ интересомъ занимаются учебнымъ предметомъ, въ нихъ возбуждается и надлежащее вниманіе и самодѣятельность, необходимыя для восpріятія и внутренней переработки учебнаго матеріала.

Охота, интересъ къ ученію возбуждается и поддерживается главнымъ образомъ самимъ же обученіемъ, если оно ведется правильно, т.-е. согласно съ изложенными выше требованіями. Въ дѣтяхъ, какъ и во взрослыхъ, есть естественное стремленіе къ душевной дѣятельности, есть стремленіе къ знанію. Если обученіе удовлетворяетъ этому стремленію и ведется притомъ послѣдовательно, посильно, съ возбужденіемъ самодѣятельности учениковъ, согласно съ законами душевной природы учениковъ и съ законами образованія въ душѣ представленій и понятій,—оно возбуждаетъ и охоту къ занятію учебнымъ предметомъ.

По мѣрѣ того, какъ ученики входятъ въ область учебнаго предмета, обогащаются свѣдѣніями изъ него, въ нихъ естественно растетъ и интересъ къ нему. Занятіе учебнымъ предметомъ дѣлается для нихъ своего рода удовольствіемъ, потребностью. Къ тому же, попутно съ увеличеніемъ количества свѣдѣній, является въ ученикахъ и сознаніе своего успѣха, что, радуя ихъ, возбуждаетъ въ нихъ тоже охоту къ дальнѣйшему обученію.

Неосновательно было бы думать, что, при требованіи возбуждать въ ученикахъ охоту къ обученію, самое обученіе слѣдуетъ обратить въ пріятную забаву,

въ игру для нихъ. Нѣтъ, ученіе—хотя и посильный, но серьезный трудъ, и должно носить этотъ характеръ, что, однако, не мѣшаетъ ему возбуждать въ ученикахъ охоту къ этому труду и вызывать въ нихъ чувство внутренняго довольства при исполненіи этого труда.

Выработка въ учащихся навыка къ умственному труду, къ терпѣливому преодолѣнію трудностей составляетъ одну изъ формальныхъ цѣлей обученія, а игра или забава не выработаетъ этого навыка. Для такой выработки необходимъ серьезный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбуждающій и укрѣпляющій, а не подавляющій душевныя силы трудъ.

К. Ельницкій.

Теорія словесности

съ присоединеніемъ хрестоматіи.

(Опытъ аналитико-историческаго курса).

3) Драматическая поэзія. Сущность драматической поэзіи.

Третій и наивысшій родъ поэтическаго творчества составляютъ произведенія **драматическія.** *Предъ нами превосходное созданіе Пушкина*—**«Скупой рыцарь»**.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Въ башнѣ).

Альберъ и Иванъ.

Альберъ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Являюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
(Иванъ подаетъ ему шлемъ).
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! Проклятый графъ Делоржъ!

Иванъ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ ли
Оправился.

Альберъ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ:
Его нагрудникъ цѣлъ венеціанскій
А грудь своя гроша ему не стоитъ—
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А ныньче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала
И славили герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей, и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было?—Скупость.
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдого.
Недорого и просятъ за него.

Иванъ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

Альберъ.

Что жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

Иванъ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Взаймы давать вамъ денегъ безъ заклада.

Альберъ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ!

Иванъ.

Я сказывалъ.

Альберъ.

Что жъ онъ?

Иванъ.

Кряхтитъ да жмется.

Альберъ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всему наслѣдую.

Иванъ.

Я говорилъ.

Альберъ.

Что жъ?

Иванъ.

Жмется да кряхтитъ.

Альберъ.

Какое горе!

Иванъ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

Альберъ.

Ну, слава Богу.
Безъ выкупа не выпущу его.
(Стучатъ въ дверь).
Кто тамъ?
(Входитъ жидъ).

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

Альберъ.

А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ?

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ бы . . право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать....

Альберъ.

Разбойникъ!
Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!
Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ.

Слушай;
Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Ж и д ъ.

Клянусь вамъ...

А л ь б е р ъ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ?—свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Ж и д ъ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ.
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

А л ь б е р ъ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

Ж и д ъ.

Какъ знать? Дни наши сечтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а ныньче умеръ,
И вотъ, его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ, лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

А л ь б е р ъ.

Ты врешь, еврей. Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
На что мнѣ пригодятся?

Ж и д ъ.

Деньги?—деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;

Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ
И, не жалѣя, шлетъ туда-сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ;
И какъ же служитъ? какъ алжирскій рабъ.
Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной конурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда-нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ.

Amen

Жидъ.

А можно-бъ...,

Альберъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть..,

Альберъ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ—
Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекарь бѣдный...

Альберъ.

Ростовщикъ

Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рыцарь. Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли ... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ.

Жидъ.

Да—
И ядомъ.

Альберъ.

Что жъ? Взаймы, на мѣсто денегъ,
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду—
За стклянку по червонцу. Такъ ли, что ли?

Жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!..
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

Жидъ.

Виноватъ!
Простите, я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку.

Жидъ.

Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песъ!

(Жидъ уходитъ).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца родного скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу... Иванъ, однакожъ деньги
Мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого... Иль нѣтъ, постой—
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его...
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

Альберъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ.

Да, помню, знаю...
Такъ дай воды. Проклятое житье!

Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Подвалъ).

Баронъ.

. . . . Я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не полный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много, кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,—
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда, въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу - воздвинутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,

И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья..

(Смотритъ на свое золото).

Кажется, не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,—
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему, лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ..
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отперетъ сундукъ).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.

Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.

(Отпираетъ сундукъ).

Вотъ мое блаженство!

(Всыпаетъ деньги).

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!...
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ,
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ,
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ—
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,

Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!... о, если бъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

Альберъ, Герцогъ.

Альберъ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности: Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

Герцогъ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,

Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ.—

(Смотритъ въ окно).

Это кто?
Не онъ ли?

Альберъ.

Такъ—онъ, государь.

Герцогъ.

Подите жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(Альберъ уходитъ; входитъ баронъ).
Баронъ,
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться,

Герцогъ.

Давно, баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Предъ вами, то есть ..

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой.

Баронъ.

Старъ, государь, я нынче: при дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дасть войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣсть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьѣ быть при насъ.

Баронъ

Мой сынъ не любитъ шумной свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Нехорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье....
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

Баронъ.

Государь, я не усталъ!
Но вы меня смутили. Передъ вами

Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, государь, къ несчастью недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ....

Герцогъ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, государь,
Я согласиться не могу на это...

Герцогъ.

Но почему жъ?

Баронъ.

Увольте старика...

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я
Сердитъ.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, герцогъ...

Герцогъ.

Это очень странно!
Иль вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да... стыдно...

Герцогъ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня....

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (сыну).

Какъ смѣли вы?...

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!..,

Я лгу? и передъ нашимъ государемъ!...
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?

А л ь б е р ъ.

Вы лжецъ!

Б а р о н ъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поднимаетъ).

А л ь б е р ъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

Г е р ц о г ъ.

Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ!—полно. (Сыну). Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее).

А л ь б е р ъ, (a parte).

Жаль!

Г е р ц о г ъ.

Такъ я впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ.
(Альберъ выходитъ).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ....

Б а р о н ъ.

Простите, государь...
Стоять я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!... душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Г е р ц о г ъ.

Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

Въ самомъ началѣ поэтъ изображаетъ тяжелое положеніе молодого рыцаря Альбера, крайне стѣсненнаго въ средствахъ, несмотря на огромное богатство своего отца. Послѣ неудачной попытки занять денегъ у жида Соломона, Альберъ, выведенный изъ терпѣнія нуждою и особенно взволнованный дерзкимъ намёкомъ ростовщика—отравить отца, рѣшается искать управы у герцога противъ возмутительной скупости старика барона. Между тѣмъ послѣдній съ накопленною вновь горстью золота спускается въ потаённый подвалъ и тамъ, предъ своими несмѣтными сокровищами переживаетъ разнообразныя душевныя волненія. Съ одной стороны, при видѣ грудъ золота, онъ чувствуетъ себя какимъ-то властелиномъ міра, которому рѣшительно все подвластно, но который самъ свободенъ отъ всего и выше всѣхъ желаній, съ другой,—при воспоминаніи, чего все это стоило, приходитъ къ ужасающему выводу:

«Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ».

Отпирая шестой сундукъ, еще не полный, и всыпая въ него принесенныя деньги, а затѣмъ открывъ одинъ за другимъ всѣ остальные сундуки и поставивъ предъ каждымъ зажженную свѣчу, баронъ испытываетъ неописанный восторгъ: «Я царствую!»... восклицаетъ онъ. «Какой волшебный блескъ! Послушна мнѣ, сильна моя держава; въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава. Я царствую!»... но мысль, что всѣ эти богатства, доставшись послѣ его смерти наслѣднику—сыну, получатъ иное назначеніе, снова повергаетъ его въ холодный ужасъ, и опять, только съ большею силою, пробуждаются въ немъ мучительныя угрызенія совѣсти за все прошлое. Душевная борьба скупца заканчивается желаніемъ невозможнаго:

«О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!... о, если бъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью

Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!»...

Жалоба Альбера герцогу вызываетъ непосредственное столкновеніе отца съ сыномъ: убѣждаемый государемъ назначить сыну «приличное по званью содержанье» и въ то же время вовсе не желая расходовать денегъ, баронъ всячески старается отклонить отъ себя эту непріятную необходимость и даже не смущается обвинить Альбера въ небывалыхъ преступленіяхъ—въ намѣреніи убить и обокрасть его—старика. Рыцарь не выноситъ столь гнусной клеветы и называетъ отца лжецомъ. Оскорбленный баронъ, бросая по рыцарскому обычаю перчатку, вызываетъ обидчика на поединокъ; тотъ, поспѣшно поднимая перчатку, принимаетъ вызовъ, но потрясенный старикъ не выдерживаетъ сильныхъ волненій и умираетъ, произнося: «Гдѣ ключи? ключи, ключи мои!» Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи излагается внутренняя душевная борьба Скупого рыцаря съ совѣстью и внѣшнее столкновеніе его съ сыномъ, которые мѣшаютъ барону копить всѣми правдами и неправдами золото. Борьба лицъ со всевозможными стоящими наперекоръ ихъ стремленіямъ препятствіями служитъ первою главнѣйшею принадлежностію драматической поэзіи со стороны содержанія.

Изъ разговора Альбера съ слугою Иваномъ и жидомъ Соломономъ, а главное—изъ откровенныхъ размышленій самого барона наединѣ въ подвалѣ и потомъ изъ бесѣды его съ герцогомъ и сыномъ во дворцѣ мы легко узнаемъ, что за человѣкъ былъ Скупой рыцарь, къ чему стремился онъ всѣми силами и какъ достигалъ своихъ цѣлей, т. е. близко знакомимся съ личностью и характеромъ барона. Подобнымъ образомъ обнаруживаются предъ нами и выдающіяся свойства другихъ лицъ—Альбера и Соломона. Выясненіе въ рѣчахъ и поступкахъ дѣйствующихъ личностей ихъ душевныхъ особенностей, иначе—раскрытіе въ борбѣ съ препятствіями харак-

теровъ драматическихъ лицъ—вторая отличительная черта драмы въ отношеніи содержанія.

Чтобы представить столкновеніе скупого барона изъ-за денегъ съ совѣстью и сыномъ, Пушкинъ вывелъ нѣсколько личностей: самого барона, сына его Альбера, слугу Альбера Ивана, ростовщика Соломона и герцога. Послѣдніе то бесѣдуютъ другъ съ другомъ, какъ Альберъ съ слугой Иваномъ и жидомъ Соломономъ у себя въ башнѣ, съ государемъ во дворцѣ, или старикъ баронъ съ герцогомъ и сыномъ во дворцѣ же, то иногда разговариваютъ вслухъ сами съ собою, какъ Скупой рыцарь въ потаённомъ подвалѣ, то наконецъ прибѣгаютъ во взаимныхъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ поступкамъ, такъ Альберъ выгоняетъ вонъ ростовщика, баронъ бросаетъ перчатку сыну, которую тотъ поспѣшно поднимаетъ, герцогъ дважды удаляетъ Альбера, словомъ, всѣ такъ или иначе дѣйствуютъ Въ этихъ-то дѣйствіяхъ выведенныя поэтомъ лица и раскрываютъ свою внутреннюю и внѣшнюю борьбу. Отсюда та и другая выступаютъ предъ нами не какъ что-то прошедшее, но какъ совершающіяся въ настоящемъ времени, какъ происходящія въ дѣйствіи. Изображеніе борьбы героевъ съ препятствіями совершающеюся, въ дѣйствіи—третья основная особенность содержанія драматическихъ произведеній, отъ чего они получили и самое своё названіе—греческое δρᾶμα по-русски—дѣйствіе.

Молодой рыцарь Альберъ ведетъ бесѣду сначала съ слугою Иваномъ и ростовщикомъ Соломономъ у себя въ башнѣ, а потомъ съ герцогомъ и отцемъ во дворцѣ; старикъ баронъ разговариваетъ самъ съ собою въ потаённомъ подвалѣ и затѣмъ съ государемъ и сыномъ во дворцѣ. Посредствомъ взаимныхъ разговоровъ дѣйствующихъ личностей (діалоговъ), по временамъ смѣняемыхъ разсужденіемъ вслухъ кого-либо изъ нихъ съ самимъ собою (монологъ), и передаетъ Пушкинъ содержаніе своего даннаго творенія. Слѣдовательно, со стороны формы рѣчи, или изложенія существеннымъ

свойствомъ драмы является діалогъ, по мѣстамъ прерываемый монологами.

Въ основу своего произведенія «Скупой рыцарь» Пушкинъ положилъ вымышленное обстоятельство смерти барона вслѣдствіе столкновенія съ сыномъ изъ-за золота. Такія событія, которыя составляютъ основу или матеріалъ драмы, будутъ-ли они, какъ въ разбираемомъ примѣрѣ, выдуманы поэтомъ, или взяты изъ миѳовъ, преданій, исторіи и современной жизни, называются фабулою драмы (лат. fabula—сказаніе, повѣствованіе, сюжетъ-предметъ поэтическаго произведенія). Придуманная Пушкинымъ фабула «Скупого рыцаря» развивается слѣдующимъ образомъ: Альберъ, желая во что-бы-то-ни-стало блеснуть на предстоящемъ турнирѣ, но въ то же время не имѣя на то должныхъ средствъ, принужденъ жаловаться на скупость своего отца герцогу—это поводъ къ столкновенію скупого барона съ сыномъ, или начало изображаемой въ драмѣ борьбы, именуемое обыкновенно конфликтомъ (лат. conflictus, столкновеніе, отъ confligo сталкивать, сталкиваться)—завязкою. Потребности Альбера, какъ рыцаря, и его жалоба на отца государю вызываютъ самую коллизію (лат. coisio, onis, f. столкновеніе, борьба)—борьбу скупого рыцаря съ совѣстью и сыномъ; столкновеніе заканчивается внезапною смертью старика-барона, что образуетъ катастрофу (греч., *καταστροφή*—поворотъ, исходъ, конецъ) развязку, или исходъ, конецъ борьбы. Конфликтъ—завязка, коллизія—борьба и катастрофа—развязка, представляя естественное раскрытіе драматической фабулы, указываютъ на необходимые пріемы построенія драмы съ внутренней стороны, но драматическія творенія отличаются и особымъ составомъ по внѣшности. Въ огромномъ большинствѣ они раздѣляются на акты (лат. actus, us m. дѣйствіе, исполненіе, часть) или дѣйствія—крупные отдѣлы, обнимающіе цѣльную и важную часть драматическаго содержанія и обусловливаемые промежуткомъ времени между извѣстными драматическими происшествіями, или же какимъ-либо измѣненіемъ въ изображаемой борьбѣ; дѣйствія распадаются на сцены (лат. scena—

театральныя подмостки, театръ; все разсчитанное на внѣшній блескъ, показной блескъ, показъ), или картины меньшей величины, сопровождаемыя перемѣной окружающей обстановки, сцены же состоятъ изъ явленій, зависящихъ отъ прихода (явленія) и удаленія одного или нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ вліяніе на ходъ борьбы; впрочемъ, сцены и явленія чаще всего не различаются между собой, но обозначаютъ одно и то же въ составѣ акта или дѣйствія. Иногда въ началѣ драмы помѣщается прологъ (греч. πρόλογος—вступленіе), объясняющій въ сценахъ или явленіяхъ взаимныя отношенія выведенныхъ личностей ещё до начала передаваемой въ сочиненіи ихъ борьбы; точно также къ концу драмы иногда присоединяется эпилогъ (греч. ἐπίλογος доводъ, разсужденіе, заключеніе), представляющій дальнѣйшую судьбу нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ послѣ изображеннаго въ произведеніи столкновенія ихъ другъ съ другомъ и вобще послѣ вынесенной ими борьбы. Сценамъ и явленіямъ предшествуютъ самыя общія указанія, касающіяся мѣста совершенія дѣйствія, окружающей обстановки, перечня дѣйствующихъ лицъ и ихъ поступковъ; таковы, напр. предъ первой сценой «Скупого рыцаря» (въ башнѣ). «Альберъ и Иванъ», предъ второй—(подвалъ), предъ третьей—(Во дворцѣ). «Альберъ, Герцогъ», краткіе намёки на дѣйствія героевъ по мѣрѣ нужды приводятся и въ самыхъ сценахъ и явленіяхъ, напр. въ первой сценѣ «Скупого рыцаря» «Иванъ подаетъ ему шлемъ; стучатъ въ дверь; входитъ жидъ; жидъ уходитъ», во второй: «смотритъ на свое золото; хочетъ отпереть сундукъ» и проч.

Разговаривая и вообще вступая другъ съ другомъ въ живое, непосредственное соприкосновеніе, а по временамъ, какъ старый баронъ, отъ избытка чувствъ разсуждая вслухъ съ собою, дѣйствующія лица въ своихъ рѣчахъ и поступкахъ и передаютъ содержаніе разбираемаго творенія; самъ Пушкинъ остается совершенно въ сторонѣ: онъ не вставляетъ отъ себя ни одного размышленія о дѣятельности своихъ героевъ, ни одного замѣчанія объ ихъ характерахъ. Полнѣйшая

объективность въ отношеніи къ содержанію—послѣднее выдающееся качество драматической поэзіи.

Такимъ образомъ, драматическая поэзія или драма обнимаетъ собою такія поэтическія произведенія, которыя совершенно объективно, въ актахъ, сценахъ и явленіяхъ, путемъ завязки, борьбы и развязки и при томъ въ діалогической—разговорной формѣ, изрѣдка прерываемой монологами, изображаютъ въ дѣйствіи характеры выведенныхъ поэтомъ личностей въ ихъ столкновеніяхъ при достиженіи своихъ цѣлей со всевозможными препятствіями.

Отношеніе драматической поэзіи къ эпической и лирической.

Приведенное нами опредѣленіе драматической поэзіи, указывая основные ея признаки, вмѣстѣ съ тѣмъ даётъ полнѣйшую возможность установить и отношеніе ея къ эпосу и лирикѣ. Подобно поэзіи эпической, и драма затрогиваетъ своимъ содержаніемъ какія-либо происшествія изъ міра внѣшняго, но, тогда какъ въ эпосѣ послѣднія передаются во всей своей широтѣ и, по возможности, со всѣми подробностями, въ драмѣ берется лишь то, что заключаетъ въ себѣ внутреннюю и внѣшнюю борьбу лицъ съ различными преградами при достиженіи своихъ цѣлей. Вслѣдствіе этого все вниманіе эпика сосредоточивается на художественномъ изложеніи событія, всѣ старанія драматурга клонятся къ таковому же изображенію борьбы. И въ эпосѣ, какъ и въ поэзіи драматической, выводятся дѣйствующія личности, но тамъ онѣ выступаютъ большею частію какъ представители извѣстнаго слоя общества и характеризуются поэтомъ, часто начиная съ самаго дѣтства и кончая смертію, здѣсь же онѣ являются съ своими личными, имъ только свойственными и притомъ уже сложившимися особенностями, которыя и обнаружива-

ютъ сами въ своихъ всевозможныхъ столкновеніяхъ съ препятствіями. Отсюда, лица эпоса—постепенно развивающіеся типы, герои драмы—окончательно установившіеся характеры. Какъ и въ поэзіи лирической, въ драматическихъ діалогахъ и особенно монологахъ высказывается внутренній душевный міръ, но только не поэта—составителя, а выведенныхъ имъ героевъ—дѣятелей. Діалогическая форма рѣчи употребляется и въ произведеніяхъ эпическихъ, а иногда и въ лирическихъ, но въ нихъ она необязательна, встрѣчается по мѣстамъ и служитъ скорѣе для оживленія разсказа автора, между тѣмъ какъ въ драмѣ она составляетъ неотъемлимую собственность, безъ которой рѣшительно не возможны этого рода поэтическія творенія; наоборотъ, монологическій способъ передачи мыслей, всецѣло присущій эпосу и особенно лирикѣ, въ драмѣ допускается по временамъ и въ небольшихъ размѣрахъ. Вотъ почему содержаніе драмы представляется совершающимся, происходящимъ въ настоящемъ времени, событія же эпоса излагаются уже какъ прошедшія, законченныя дѣйствія. И поэзія эпическая сама по себѣ объективна, но въ ней все же время отъ времени отражается личность поэта въ его взглядахъ на изображаемыя обстоятельства, въ сужденіяхъ о поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, въ размышленіяхъ объ окружающемъ ихъ обществѣ и проч., между тѣмъ какъ въ драмѣ вовсе не допускается ничего подобнаго, а потому и объективизмъ ея несравненно полнѣе и совершеннѣе объективизма эпоса. Итакъ, совмѣщая въ себѣ элементы и формы эпоса и лирики, драматическая поэзія тѣмъ не менѣе существенно отличается отъ того и другой, совершенно законно образуя собою вполнѣ отдѣльную и самостоятельную область поэтическаго творчества.

Условія художественности драматической поэзіи.

Въ произведеніи «Скупой рыцарь» Пушкинъ представилъ столкновеніе скупого барона съ совѣстью и

сыномъ, которые мѣшали старику копить всѣми способами золото и одному только владѣть и распоряжаться несмѣтными сокровищами. Такое положеніе, когда человѣкъ, изъ-за намѣченныхъ имъ цѣлей, вынужденъ бываетъ переживать душевныя тревоги, и служитъ единственнымъ предметомъ драмы; оно и называется, обыкновенно, положеніемъ драматическимъ. Значитъ, не всякая борьба можетъ составить содержаніе драматической поэзіи, но лишь такая, которая вызвана тѣми или иными препятствіями при выполненіи кѣмъ-либо своихъ намѣреній; сраженія, напр., или еще борьба съ силами природы сами по себѣ не дадутъ драмы, если не будутъ противорѣчить убѣжденіямъ и стремленіямъ участвующихъ въ нихъ лицъ. Драматичность изображаемой борьбы, проявляющаяся въ тревожномъ, взволнованномъ состояніи человѣческаго духа, во всевозможныхъ душевныхъ треволненіяхъ, будутъ-ли они слѣдствіемъ противорѣчій внутреннихъ, напр. страсти съ сознаніемъ долга, или внѣшнихъ—столкновеніе съ окружающею дѣйствительностію, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, какъ въ Скупомъ рыцарѣ,—первое условіе художественности драматической поэзіи со стороны содержанія.

Создавши поэтическій образъ Скупого рыцаря, Пушкинъ надѣлилъ его сильною страстью къ золоту; ради нея баронъ жертвуетъ и собственнымъ душевнымъ спокойствіемъ и любовію къ своему единственному сыну; онъ самъ такимъ образомъ даетъ полнѣйшій ходъ всѣмъ обстоятельствамъ своей жизни; но, будучи виновникомъ всѣхъ своихъ житейскихъ невзгодъ и радостей, скупой старикъ вмѣстѣ съ тѣмъ до конца остается вѣрнымъ основной чертѣ своего характера: онъ и умирая не въ силахъ разстаться съ своими несмѣтными сокровищами и восклицаетъ—«Гдѣ ключи? ключи, ключи мои!...» Сила и выдержанность характеровъ—второе обязательное требованіе отъ драмы въ отношеніи художественности. Въ

данномъ случаѣ къ драматической поэзіи вполнѣ примѣнимы слова нашей пословицы: «Всякъ самъ своего счастія кузнецъ,» а также древнее мудрое правило: «Servetur ad imum, qualis ab incepto processerit et sibi constet».

Неодолимая скупость барона вынудила Альбера на разговоръ съ слугою Иваномъ и ростовщикомъ Соломономъ и заставила его пожаловаться на отца герцогу (сцена первая); она же была виновницей всѣхъ сердечныхъ наслажденій, страшныхъ угрызеній совѣсти и задушевныхъ желаній скупого рыцаря (вторая сцена); ею же, во дворцѣ наконецъ, вызваны столкновеніе стараго барона съ государемъ и Альберомъ и самая внезапная смерть скупца, никакъ не могшаго помириться съ неизбѣжною необходимостью давать сыну «приличное по званью содержанье» (сцена третья). Такая сосредоточенность драматическаго дѣйствія на одномъ главномъ предметѣ называется единствомъ дѣйствія, что составляетъ третью существенную принадлежность драмы со стороны художественности.

Разговоръ Альбера со слугою Иваномъ, отражая въ себѣ нѣкоторыя свойства собесѣдниковъ, наглядно показываетъ, какъ Альберъ, благодаря возмутительной скупости своего отца, принужденъ былъ искать необходимыя для себя средства на сторонѣ. Дальнѣйшая попытка молодого рыцаря занять денегъ у Соломона и его объясненіе съ евреемъ на счетъ этого займа, еще болѣе оттѣняя благородный характеръ юноши, а равно страсть къ деньгамъ, хитрость и трусливость ростовщика-жида, шагъ-за-шагомъ приводятъ Альбера къ рѣшимости пожаловаться на отца герцогу. Сцена въ подвалѣ, изображая душевное состояніе скупого рыцаря, опредѣляя его убѣжденія и желанія, дѣлаетъ вполнѣ сообразнымъ всё остальное содержаніе драмы. Альберъ проситъ защиты противъ скупости отца у государя и тѣмъ вызываетъ герцога на бесѣду съ барономъ; старикъ же, всячески стараясь отклонить отъ себя противорѣчащіе его стремленіямъ расходы, клевещетъ на Альбе-

ря, что и производитъ между отцемъ и сыномъ окончательное столкновеніе. Словомъ, всѣ діологи и монологи выведенныхъ поэтомъ личностей, выясняя характеры и положенія послѣднихъ, прямо вытекаютъ изъ ихъ борьбы съ различными препятствіями и постепенно подвигаютъ драматическое дѣйствіе впередъ, къ развязкѣ. Непрерывное развитіе въ монологахъ и діалогахъ характеровъ и борьбы дѣйствующихъ лицъ, отсутствіе какихъ-бы-то-нибыло эпическихъ разсказовъ о разныхъ, особенно постороннихъ предметахъ и длинныхъ лирическихъ изліяній, задерживающихъ дѣйствіе, короче—драматичность формы, состоящая въ непрерывности дѣйствія, четвёртый основной признакъ художественности драматической поэзіи.

Рыцарское званіе, сопряженное съ блестящими внѣшними подвигами, и личныя свойства Альбера—юноши пылкаго и честолюбиваго—пробудили въ немъ пламенное желаніе блеснуть на предстоявшемъ турнирѣ, но недостатокъ въ соотвѣтствовавшихъ средствахъ и невозможность достать ихъ путемъ займа заставили его пожаловаться на скупость своего отца герцогу, т. е. завязка или начало драматической борьбы въ «Скупомъ рыцарѣ» прямо вытекаетъ изъ характера и положенія Альбера. Монологъ барона въ потаённомъ подвалѣ, выясняя силу привязанности его къ золоту, даётъ понять, насколько тяжела была для старика послѣдующая бесѣда во дворцѣ съ государемъ и сыномъ, и какъ поэтому онъ не смогъ вынести и мысли о расходахъ по содержанію Альбера, т. е. сообщаетъ несомнѣнную правдоподобность самой борьбѣ и печальному концу ея. Совершенное согласіе завязки, борьбы и развязки съ характерами и положеніями дѣйствующихъ лицъ, или полнѣйшая естественность въ раскрытіи драматической фабулы—пятое свойство драмы въ смыслѣ художественности. На этотъ разъ слѣдуетъ твёрдо помнить правило, высказанное еще Аристотелемъ· «Раз-

вязка вымысла должна вытекать изъ самаго вымысла, а не такъ, какъ въ Медеѣ, «отъ машины», гдѣ героиня, не имѣя силъ иначе уйти изъ Коринеа, спасается на колесницѣ бога солнца, несомой крылатыми драконами. Тоже самое выражается и латинской поговоркой «Deus ex machina»—богъ изъ машины -- развязка при помощи сверхъестественной силы, безъ внутренней связи съ самымъ содержаніемъ. Вообще, говоря шире и точнѣе, въ развитіи драматической фабулы должно избѣгать всего произвольнаго, случайнаго и чудеснаго. Что касается наконецъ наружнаго состава драмы, въ этомъ случаѣ нужно соблюдать строгую по возможности соразмѣрность, внутреннюю связь и необходимость и надлежащую, правильную послѣдовательность между актами, сценами и явленіями. а также краткость и драматичность прологовъ и эпилоговъ.

Итакъ, отъ художественнаго драматическаго произведенія требуется: драматичность изображаемой борьбы, сила и выдержанность характеровъ, единство и непрерывность дѣйствія, полнѣйшая естественность въ раскрытіи драматической фабулы, совершенная гармонія во внѣшнемъ построеніи и безусловный объективизмъ въ отношеніи поэта къ излагаемому содержанію.

Происхожденіе драматической поэзіи.

Происхожденіе драматической поэзіи коренится въ древне-греческихъ религіозныхъ празднествахъ въ честь Діониса или Вакха, служившаго олицетвореніемъ перемѣнъ въ природѣ при исходѣ и наступленіи солнечнаго года. Праздники эти, или такъ называемыя Діонисіи, сопровождались вдохновенными хоровыми пѣснопѣніями, то торжественными и важными—диеирамбами—во время осеннихъ діонисій, то восторженными и радостными фаллическими—преимущественно на діонисіяхъ весеннихъ. Диеирамбы повѣствовали о подвигахъ и благодѣяніяхъ Вакха и воспѣвались хоромъ, перерываемымъ иногда пѣніемъ одного

запѣвалы, вокругъ Діонисова жертвенника, на которомъ тутъ же совершалось закланіе козла, при чемъ пѣвцы, изображая собою спутниковъ Вакха, наряжались сатирами—съ козлиными бородами и ногами. Отъ имени жертвы—козла и самые диѳирамбы назывались трагедіями (греческое τραγωδία—τράγος—козелъ и ᾠδή—пѣснь—козлопѣніе, пѣсня козла). «Nam incensis jam altaribus et admoto hirco, id genus carminis, quod sacer chorus reddebat Libero patri, tragoedia dicebatur» *). Пѣсни фаллическія, изображавшія смѣшныя похожденія Діониса, игрались на заключительныхъ праздничныхъ пиршествахъ, соединяясь со всевозможными изступлёнными продѣлками, когда подгулявшіе соучастники торжествъ позволяли себѣ споры, драку, переряживанье, представленіе фантастическихъ существъ и проч. Все это обозначалось словомъ «χωμωδία—комедія» отъ χῶμος—торжественное шествіе въ честь Діониса, первоначально производившееся въ деревняхъ (ἐν χώμαις—χώμη—село, деревня), веселый пиръ, пирушка, гулянье и ᾠδή—пѣснь—пѣснь пира, деревенская разгульная праздничная пѣснь. «Comoedia fere vetus, ut ipsa quoque olim tragoedia, simpex carmen fuit, quod chorus circa aras fumantes nunc spatiatus nunc consistens nunc revolvens gyros cum tibicine, cancinebat» **). (Evanthlus de tragoedia et comoedia c. 2). Диѳирамбы и пѣсни фаллическія и были тою первичною почвою, на которой создалась древне-греческая драма, почти съ самаго начала распавшаяся, соотвѣтственно двоякому характеру своего первоисточника, на два крупные вида—**трагедію и комедію**. Первый

---

*) «Когда на жертвенникѣ горѣлъ уже огонь и возлѣ стоялъ (жертвенный) козелъ, священный хоръ начиналъ пѣснь въ честь отца Либера (Вакха); эта-то пѣснь и называлась трагедіей».

**) «Комедія почти съ самаго начала такъ же, какъ и самая нѣкогда трагедія, была простою (по составу) пѣснью, которую хоръ подъ звуки флейты воспѣвалъ вокругъ пылающихъ жертвенниковъ, то двигаясь прямо, то останавливаясь, то образуя круги».

шагъ въ данномъ направленіи былъ сдѣланъ въ области трагедіи и принадлежитъ Ѳеспису, жившему во второй половинѣ шестого столѣтія до Р. Хр. Въ промежуткахъ между диѳирамбами Ѳеспись началъ выводить дѣйствующее лицо или по нашему актёра, который, сопровождая свою рѣчь тѣми или иными движеніями, вызывалъ хоръ на соотвѣтствующія пѣснопѣнія. Завязывался обмѣнъ впечатлѣній и мыслей, діалогъ, разговоръ и совершалось нѣчто въ родѣ театральнаго представленія, чему много помогали и полотняныя маски, введенныя въ употребленіе поэтомъ. Для выполненія своихъ произведеній Ѳеспись устроилъ особыя деревянныя подмостки и тѣмъ положилъ основаніе греческому театру. Продолжателемъ Ѳесписа былъ Фринихъ, родомъ аѳинянинъ, славившійся драматическимъ творчествомъ съ 512-го года до Р. Хр. Ему приписываютъ введеніе женскихъ лицъ въ трагедію, дѣйствія которыхъ однако, согласно съ нравами древнихъ грековъ, исполнялись мужчинами. Содержаніе для своихъ твореній Фринихъ заимствовалъ изъ миѳологіи вообще и даже изъ современныхъ событій. Таковы его сочиненія—«Покореніе Милета», выставляющее картину бѣдствій при завоеваніи Милета персами, и «Финикіянки», изображающія подвиги Аѳинъ во время Персидскихъ войнъ. Два другіе древнѣйшіе трагика—современникъ Фриниха аѳинянинъ Хэрилъ (съ 524 г. до Р. Хр.) и уроженецъ пелопоннесскаго города Флія Пратинъ (около 500 г. до Р. Хр.) извѣстны главнымъ образомъ драмами сатирическими. Такъ назывались трагедіи, совмѣщавшія въ одно цѣлое дѣйствія торжественныя и важныя съ явленіями веселыми, шутливыми. Драматическія созданія Ѳесписа, Фриниха, Хэрила и Пратина не дошли до насъ. Мы имѣемъ лишь трагедіи послѣдующихъ выдающихся греческихъ писателей—Эсхила, Софокла и Эврипида.

Трагедіи Эсхила.

Эсхилъ (родился въ Элевзинѣ, вблизи Аѳинъ въ 525-мъ году до Р. Хр., умеръ въ Гелѣ въ Сициліи въ

456 г.) по всей справедливости можетъ быть названъ творцомъ греческой трагедіи. Прибавивъ къ дотолѣ единственному дѣйствовавшему лицу другое, онъ положилъ начало настоящему драматическому діалогу, а усовершенствовавъ маски, увеличивъ посредствомъ котурновъ—высокихъ сандалій—ростъ актеровъ, облачивъ ихъ въ длинныя, доходившія до полу, роскошныя одежды, украсивъ при помощи живописи и нѣкоторыхъ машинъ театральную обстановку, много способствовалъ и широкому развитію и процвѣтанію драматическихъ представленій. Самъ непосредственно принимая во всемъ дѣятельное участіе, поэтъ не щадилъ своихъ силъ и не жалѣлъ трудовъ и времени на созданіе драматическихъ памятниковъ; шестьдесятъ несомнѣнно ему принадлежащихъ драмъ служатъ лучшимъ доказательствомъ этому. Впрочемъ, до насъ сохранилось только семь полныхъ трагедій Эсхила: «Молящія о защитѣ (Ἱκέτιδες), Персы (Πέρσαι), Семеро противъ Θивъ (Ἑπτὰ ἐπὶ Θήβας), Орестія (Ὀρέστεια)», состоящая изъ трехъ произведеній—«Агамемнонъ» (Ἀγαμέμνων), «Хоэфоры» (Χοηφόροι) и «Эвмениды» (Εὐμενίδες) и «Прикованный Прометей» (Προμηθεύς δεσμώτης)».

Трагедія «Молящія о защитѣ» развиваетъ мысль о гостепріимствѣ къ гонимымъ судьбою. Пятьдесятъ дочерей Даная—хоръ трагедіи, желая избѣжать насильственнаго брака съ двоюродными братьями—сыновьями Египта, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Данаемъ ищутъ себѣ пріюта въ Арголидѣ. Въ длинныхъ хоровыхъ пѣсняхъ выражаютъ онѣ жалобы на притѣсненія со стороны сыновъ Египта, изображаютъ нечестивый характеръ предлагаемаго имъ брака и свои личныя тревоги. Аргивскій царь Пелазгъ, узнавъ въ просительницахъ потомковъ Іо, съ согласія народа великодушно принимаетъ ихъ подъ свое покровительство и мужественно отказываетъ Египетскому вѣстнику въ его грозномъ требованіи выдачи бѣглянокъ; послѣ этого Данай съ дочерьми окончательно поселяются въ Аргосѣ.

Предметъ второй трагедіи—«Персы»—паденіе персидскаго могущества въ Греціи. Дѣйствіе происходитъ

въ Сузѣ, столицѣ персидскихъ царей. Хоръ вѣрныхъ, состоящій изъ избранныхъ мужей Персіи, управляющихъ за отсутствіемъ Ксеркса обширной монархіей, прославляетъ силу и мужество персидскаго войска, но, припоминая коварство непобѣдимой судьбы, завистливой ко всему великому или слишкомъ сильному. въ то же время высказываетъ и опасеніе, какъ-бы Персамъ не пришлось потерпѣть пораженіе. Приходитъ Атосса, мать Ксеркса, жена Дарія, и своими разсказами и распросами еще болѣе усиливаетъ предчувствіе возможной опасности. «Страшныя вещи» сбываются: прибѣжавшій вѣстникъ подробно передаетъ всѣ обстоятельства Саламинской битвы и несчастнаго похода Персидской пѣхоты.

Вѣстникъ.

«Владычица, начало всѣмъ бѣдамъ
Богъ-мститель далъ, иль демонъ злой, явившись
Откуда то: изъ войска аѳинянъ
Пришелъ какой-то еллинъ къ намъ и Ксерксу
Сказалъ, что, только ночи мракъ настанетъ,
Какъ еллины, за весла ухватившись,
Спасая жизнь, всѣ въ бѣгство устремятся
И тайно всѣ разъѣдутся оттуда.
А онъ. едва услышалъ эту рѣчь,
Коварства еллина не заподозривъ,
О зависти боговъ совсѣмъ забывъ,
Такой приказъ начальникамъ даетъ:
Какъ перестанетъ солнце землю жечь,
Небесное-жъ пространство мгла объемлетъ,
То пусть суда поставятъ въ три ряда
Стеречь проходы и пути морскіе,
Другими-жъ окружатъ Эанта островъ.
Коль еллины злой участи избѣгнутъ,
Нашедши путь для бѣгства—на судахъ,
То всѣ вожди должны лишиться жизни!
Сказалъ онъ такъ, въ душѣ надежды полный,
Не зная, что ему судили боги. .
Безропотно приказу повинуясь,

Вожди судовъ устраивали ужинъ,
Гребцы же весла къ кольямъ прикрѣпляли.
Но вотъ угасъ послѣдній солнца лучъ,
И ночи мракъ насталъ. Тогда гребцы
Съ солдатами взошли на корабли.
И съ строемъ строй судовъ перекликался...
Плывутъ они, храня порядокъ свой.
Всю ночь вожди въ порядокъ разставляли
Войска на мореходныхъ корабляхъ.
Кончалась ночь, а еллинское войско
Нигдѣ тайкомъ бѣжать и не пыталось...
И ѣдущій на бѣлыхъ лошадяхъ
Ужъ ясный день объялъ собой всю землю.
Вдругъ шумный крикъ отъ еллиновъ пронесся,
Какъ пѣсни звукъ, и громко въ то же время
Имъ эхо скалъ откликнулось въ отвѣтъ.
И страхъ тогда всѣхъ варваровъ объялъ,
Въ надеждѣ обманувшихся: не къ бѣгству
Готовясь, пѣли еллины пэанъ
Священный, но стремясь отважно въ бой!...
Труба у нихъ все къ битвѣ побудила,
И дружно вдругъ они морскія волны
Ударомъ веселъ вспѣнили своихъ
И скоро всѣхъ ихъ видѣть мы могли.
Ихъ правое крыло шло впереди,
Порядокъ соблюдая, а за нимъ
Весь флотъ спѣшилъ, и слышенъ въ то же время
Былъ громкій крикъ: «Впередъ, сыны Еллады,
Спасайте родину, спасайте женъ,
Дѣтей своихъ, боговъ отцовскихъ храмы,
Гробницы предковъ: бой теперь—за все!»
Навстрѣчу имъ неслись и персовъ крики
И медлить дольше было невозможно:
Одинъ корабль ударилъ мѣднымъ носомъ
Въ другой, и началъ—еллинскій корабль
Сраженье, сбивши съ судна финикійцевъ
Всѣ украшенья... Всюду бой кипѣлъ.
Сперва стояло твердо войско персовъ,
Когда же скучились суда въ проливѣ

Дать помощи другъ другу не могли
И мѣдными носами поражали
Своихъ же,—всѣ тогда они погибли,
А еллины искусно поражали
Кругомъ ихъ... И тонули корабли,
И подъ обломками судовъ разбитыхъ,
Подъ кровью мертвыхъ скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитыхъ скалы
И берега, и варварское войско,
Въ нестройномъ бѣгствѣ, все отплыть спѣшило.
И какъ тунцовъ или другую рыбу
Ихъ еллины остатками снастей,
Обломками отъ веселъ били. Стонъ
Съ рыданьями стоялъ надъ гладью моря,
Пока всего не кончилъ мракъ ночной.
Но, еслибъ даже цѣлыхъ десять дней
О бѣдахъ я разсказывалъ, не могъ бы
Я перечислить всѣхъ тебѣ. Но знай,
Что никогда еще не умирало
Въ одинъ лишь день число людей такое!

Атосса.

Увы, увы, какое море бѣдъ
На персовъ и всѣхъ варваровъ напало!

Вѣстникъ

Но знай, тутъ нѣтъ и половины бѣдствій:
Постигла ихъ столь горькая судьба,
Что вдвое эти бѣды превосходитъ!

Атосса.

Какая-жъ участь этой тяжелѣе?—
Скажи, что съ войскомъ нашимъ приключилось
Еще ужаснѣй сказаннаго прежде?

Вѣстникъ.

Всѣ сильные и доблестные духомъ
И родомъ знаменитые, всегда
Хранившіе владыкѣ вѣрность персы
Позорно сгибли смертію безславной.

Атосса.

О горе мнѣ, несчастная судьба!
Но, какъ они погибли, разскажи.

Вѣстникъ.

Предъ Саламиномъ островъ есть одинъ,
Для пристани негодный, небольшой,
Гдѣ вдоль морского берега гуляетъ
Веселый Панъ, любитель хороводовъ.
Сюда послалъ онъ ихъ, чтобъ, еслибъ врагъ,
Судовъ лишившись, здѣсь искалъ спасенья,
Легко побить все еллинское войско.
Но плохо онъ грядущее предвидѣлъ!—
Вѣдь только богъ въ морскомъ сраженьѣ далъ
Побѣду еллинамъ, какъ въ тотъ же день
Они, облекшись въ мѣдные доспѣхи,
Сошли съ судовъ и островъ окружили,
Лишивши тѣхъ возможности бѣжать.
На еллиновъ летѣли, правда, камни
И тучи стрѣлъ изъ луковъ ихъ губили;
Но, наконецъ, всѣ сразу устремившись,
Они несчастныхъ били и рубили,
Пока не истребили всѣхъ. А Ксерксъ,
Увидѣвъ бездну бѣдствій, зарыдалъ:
Близъ берега морского, на холмѣ,
Сидѣлъ онъ такъ, что видѣлъ войско все
Одежды разорвавши на себѣ
И громко возопивъ, онъ приказалъ
Пѣхотѣ всей немедленно бѣжать...
Оплакивай еще несчастье это!

Атосса.

О демонъ злой, смутилъ ты разумъ персовъ!
Жестокое нашелъ мой сынъ отмщенье
Отъ славныхъ аѳинянъ, какъ будто мало
Погибло варваровъ при Мараѳонѣ!
За нихъ отмстить разсчитывая, сынъ мой
Столь много бѣдствій на себя навлекъ!
Скажи же, гдѣ оставилъ ты суда,
Избѣгшія бѣды? Ты знаешь точно?

Вѣстникъ.

Вожди судовъ оставшихся стремятся
Съ попутнымъ вѣтромъ, въ дикомъ безпорядкѣ,
А прочіе въ Бэотіи погибли;
Одни изъ жажды, въ поискахъ за свѣжей
Водой погибли, мы же, остальные,
Едва дыша, въ Фокиду пробрались,
Въ Дориду и къ Мелійскому заливу
Затѣмъ пришли, гдѣ влагой благодатной
Рѣка Сперхей долину орошаетъ
Отсюда насъ, безъ жизненныхъ припасовъ,
Ахейская земля и города
Ѳессаліи приняли. Тутъ погибло
Насъ множество отъ голода и жажды,—
Вѣдь все пришлось въ пути переносить!
Въ страну магнетовъ, въ землю македонянъ
Потомъ пришли мы, къ Аксію рѣкѣ,
Затѣмъ, къ болотнымъ Болбы камышамъ,
Къ горѣ Пангею, въ землю едонянъ.
Но, въ эту ночь, безвременную стужу
Послало божество, и ледъ покрылъ
Теченье все священнаго Стримона.
И прежде кто боговъ не признавалъ,
Теперь съ мольбой взывалъ къ нимъ, поклоняясь
Землѣ и небу. И, мольбы окончивъ,
Черезъ рѣку, закованную льдомъ,
Стремится войско. Всякій, кто прошелъ,
Пока лучи божественнаго солнца
Еще земли холодной не коснулись,
Тотъ былъ спасенъ; вѣдь солнца кругъ блестящій,
Паля лучами, рѣку растопилъ
По самой серединѣ. Другъ за другомъ
Тонули люди, и счастливъ, кто скоро
Послѣднее дыханье испустилъ.
А спасшіеся всѣ, съ большимъ трудомъ,
Едва пройдя чрезъ Ѳракію, достигли,
Хоть въ небольшомъ числѣ, спасаясь бѣгствомъ,
Родной земли. Пусть плачетъ царство персовъ,
Жалѣя цвѣтъ любезнѣйшей страны!

Все это правда; но въ своемъ разсказѣ
Я многія изъ бѣдствій пропустилъ,
Ниспосланныхъ на персовъ божествомъ.

В. Аппельротъ.

Пораженные горемъ, вѣрные оплакиваютъ ниспосланное судьбою бѣдствіе и потомъ, по приказанію Атоссы, приносящей жертвы на могилѣ Дарія, вызываютъ тѣнь послѣдняго.—

Тѣнь Дарія

(появляясь надъ могилой).

Изъ «вѣрныхъ» вѣрные, вы, старцы персовъ,
Товарищи поры моей младой!
Какое зло постигло государство?
Терзается земля, стенаетъ въ горѣ.
Свою супругу близъ могилы видя,
Боюсь предчувствій злыхъ, а возліянья
Я принялъ благосклонно. Вы же, стоя
Близъ гроба моего, рыдая громко
И жалобно, меня на свѣтъ зовете.
Но нелегко оттуда выйти: боги
Подземные охотнѣй принимаютъ,
Чѣмъ отпускаютъ. Лишь своимъ значеньемъ
Добился я возможности придти.
Но поспѣши: за медленность свою
Я не хочу упрековъ получать.
Что за бѣда опять постигла персовъ?

Хоръ.

Боюсь я взглянуть,
Боюсь отвѣчать,
Привыкнувъ бояться тебя!

Тѣнь Дарія.

Но, когда изъ царства мертвыхъ я на вопль явился твой,
Не тяни своей ты рѣчи, вкратцѣ все повѣдай мнѣ;
Рѣчь окончи поскорѣе, страхъ оставивъ предо мной!

Хоръ.

Боюсь угодить,
Боюсь говорить
Другимъ непріятную рѣчь.

Тѣнь Дарія

Такъ какъ страхъ тебѣ мѣшаетъ говорить передо мной,
Ты, почтенная супруга, родомъ знатная жена,
Плачъ и вопли прекративши, слово ясное скажи.
Всѣ несчастія людскія не бываютъ свыше силъ:
Много бѣдъ вѣдь происходитъ отъ земли и отъ воды
Для людей, коль слишкомъ долго затянулася ихъ жизнь.

Атосса.

О счастливою судьбою превзошедшій счастье всѣхъ!—
Вѣдь, еще пока ты видѣлъ солнца яркіе лучи,
Жизнь счастливо проводилъ ты, ублажаемъ словно богъ.
И теперь тебя я славлю, что ты умеръ, не видавъ
Бездны бѣдъ. Сейчасъ ты, Дарій, все услышишь отъ меня:
Все могущество погибло персовъ, кратко говоря.

Тѣнь Дарія.

Какъ?—Заразы ль вихрь, мятежъ ли государство обуялъ?

Атосса.

Нѣтъ, но войско все погибло наше около Аѳинъ.

Тѣнь Дарія.

Изъ сыновъ моихъ который въ брань повелъ войска? Скажи!

Атосса.

Ярый Ксерксъ, всю нашу землю обезлюдивши въ конецъ.

Тѣнь Дарія.

Съ пѣшимъ войскомъ иль судами онъ попытку совершилъ?

Атосса.

Шелъ онъ моремъ и землею, видъ двойной придавъ войскамъ.

Тѣнь Дарія.

Какъ же войско столь большое переправиться могло?

Атосса.

Берега пролива Геллы мостомъ онъ соединилъ.

Тѣнь Дарія.

И достигъ того, что заперъ онъ великій тѣмъ Боспоръ?

Атосса.

Такъ; но въ этомъ, вѣроятно, демонъ Ксерксу помогалъ.

Тѣнь Дарія.

Горе, богъ какой-то сильный разумъ отнялъ у него!

Атосса.

Да, конецъ даетъ намъ видѣть совершенное имъ зло.

Тѣнь Дарія.

Что же съ ними приключилось, что вы плачете о нихъ?

Атосса.

Пораженіе морское погубило всѣ войска.

Тѣнь Дарія.

Неужели жъ совершенно весь народъ палъ отъ копья!

Атосса.

Потому и въ горѣ Сузы, что потеря велика.

Тѣнь Дарія.

Горе, вѣрная помога и опора нашихъ войскъ!

Атосса.

И бактрійцы всѣ погибли,—а никто изъ нихъ не старъ.

Тѣнь Дарія

О злосчастный, скольких юныхъ онъ союзниковъ сгубилъ!

Атосса.

Ксерксъ одинъ, покинутъ всѣми и безъ свиты, говорятъ....

Тѣнь Дарія.

Чѣмъ и какъ окончилъ? Есть ли хоть надежда на него?

Атосса.

Съ удовольствіемъ достигнулъ до моста черезъ Боспоръ....

Тѣнь Дарія

И на землю эту спасся? Правда ль это, или нѣтъ?

Атосса.

Да, молва идетъ такая: въ этомъ вѣсти сходны всѣ

Тѣнь Дарія.

Горе, скоро-жъ прорицаній исполненіе пришло,
И исходъ ихъ всѣхъ обрушилъ Зевсъ на сына моего·
Я же думалъ, что нескоро ихъ исполнятъ божества.
Но тому, кто самъ не медлитъ, божество помочь спѣшитъ!
Нынѣ, кажется, источникъ бѣдъ открылся для друзей.
По невѣдѣнью все это сынъ мой юный совершилъ:
Мнилъ онъ воды Геллеспонта въ ихъ теченьи задержать
И Боспоръ, потокъ священный, въ цѣпи рабства заковать.
И проливъ онъ передѣлалъ, и, оковы наложивъ
Изъ желѣза, путь широкій проложилъ своимъ войскамъ.

Смертнымъ будучи, онъ думалъ, въ неразуміи своемъ,
Превзойти боговъ и даже Посидона самаго.
Какъ же умъ не помутится тутъ у сына моего?
Я боюсь, что все богатство, для котораго трудовъ
Не жалѣлъ, теперь, пожалуй, въ руки хищниковъ
пойдетъ

Атосса.

Ксерксу ярому подали злые люди эту мысль:
Говорили, что богатство ты большое пріобрѣлъ
Для дѣтей своихъ оружьемъ, онъ же мужества ли-
шенъ
И, воюя только дома, средствъ твоихъ не умножалъ.
Вотъ такія упреканья часто слушая отъ нихъ,
Онъ задумалъ на Елладу этотъ бѣдственный походъ.

Тѣнь Дарія.

Великое и памятное вѣчно,
Такое дѣло ими свершено,
Какое Сузъ еще не постигало
Своимъ опустошеніемъ, съ тѣхъ поръ
Какъ царь Зевесъ сей самъ установилъ,
Чтобъ мужъ одинъ всей Азіей владѣлъ,
Страною стадъ, имѣя скиптръ державный.
Вѣдь первымъ былъ владыкой войска—Медъ,
А сынъ его упрочилъ это дѣло;
Онъ разумомъ высокимъ отличался.
За нимъ былъ третій—Киръ, счастливый мужъ:
Друзьямъ своимъ всѣмъ миръ онъ даровалъ,
Лидійцевъ и фригійцевъ одолѣлъ
И силой іонійцевъ покорилъ.
За разумъ, былъ въ любви онъ у боговъ.
Четвертымъ—правилъ войскомъ Кира сынъ;
Былъ пятымъ—мардъ для родины и трона
Позоръ; но благородный Артафренъ,
При помощи друзей, которымъ въ этомъ
Была нужда, его убилъ въ покояхъ.
Шестымъ—Марафъ былъ, Артафренъ—седьмымъ.
И я потомъ желанный жребій взялъ
И съ войскомъ часто я въ походъ ходилъ,

Но государству бѣдъ такихъ не дѣлалъ.
А юный сынъ мой, Ксерксъ, и мыслитъ юно,
И всѣ мои завѣты забываетъ.
Вѣдь вамъ извѣстно, сверстники мои,
Что всѣ мы вмѣстѣ—Персіи владыки—
Столь многихъ бѣдъ странѣ не причинили.

Хоръ.

Куда, владыка Дарій, клонишь рѣчь?...
Какъ, послѣ бѣдъ такихъ—народъ персидскій
Могъ счастіемъ еще бы наслаждаться?

Тѣнь Дарія.

На еллиновъ въ походъ не выступая,
Хотя бъ и больше было войско персовъ:
Сама земля всегда въ союзѣ съ ними.

Хоръ.

Что ты сказалъ? И какъ земля «въ союзѣ»?

Тѣнь Дарія.

Въ ней—тьмы враговъ голодной смертью мрутъ.

Хоръ.

Такъ мы пошлемъ немногихъ, но отборныхъ...

Тѣнь Дарія.

И нынѣ тамъ оставшійся народъ
Счастливаго возврата не увидитъ.

Хоръ.

Какъ ты сказалъ?... Уже ль чрезъ Геллеспонтъ
Не все вернется варварское войско?

Тѣнь Дарія.

Не многіе—изъ многихъ возвратятся,
Коль вѣрить можно божескимъ словамъ,
Судя по совершившемуся нынѣ:
Сбылось одно,—такъ сбудется другое!
А если такъ, отборнѣйшее войско
Оставилъ онъ,—пустымъ надеждамъ вѣря.

Тамъ войско остается, гдѣ Азопъ
Поля кропитъ живительной струей,
Бэотіи источникъ удобренья.
Тамъ суждено имъ крайнія несчастья
Перенести за ихъ высокомѣрье
И замыслы безбожные,—за то,
Что, вторгшись въ землю еллиновъ, они
Безстыдно грабили боговъ кумиры
И предавали храмы ихъ огню.
Разбиты алтари и въ безпорядкѣ
Низвергнуты кумиры съ основаній.
Зло совершивъ,—и терпятъ зло они
И потерпѣть еще имъ суждено.
Еще не видно дна въ потокѣ бѣдъ:
Но бьетъ ключемъ пока источникъ тотъ.
Столь велико число убитыхъ будетъ
Въ землѣ платэйской, отъ копья дорянъ:
Курганы ихъ и въ третьемъ поколѣньи
Безмолвными свидѣтелями будутъ,
Что смертному нельзя превозноситься.
Вѣдь колосъ гибели отъ гордости родится,
Откуда жатву плача пожинаютъ.
Такую казнь за эту гордость видя,
Еллады и Аѳинъ не забывайте,
И пусть никто, презрѣвъ свою судьбу
И пожелавъ чужой, не расточаетъ
Великаго богатства своего:
Вѣдь есть Зевесъ, каратель гордецовъ
Чрезмѣрныхъ и судья неумолимый!
Благоразумье Ксеркса важно вамъ,
Поэтому его вы увѣщайте,
Чтобъ гнѣвъ боговъ безумною отвагой
Онъ переставъ на персовъ навлекать.
А ты, о мать любезнѣйшая Ксеркса,
Вернувшись въ домъ, возьми нарядъ приличный
И съ нимъ ступай на встрѣчу сыну: всѣ
Одежды разноцвѣтныя на тѣлѣ
Его въ клочки изорваны отъ скорби.
Но ты его утѣшь привѣтной рѣчью:

Тебя лишь онъ, я знаю, станетъ слушать
А я во мракъ подземный удалюсь.
Прощайте жъ, старцы, но среди несчастій
Душѣ своей отраду доставляйте
Вы каждый день: въ богатствѣ пользы нѣтъ
Для тѣхъ, кто съ жизнью здѣшнею простился.

(Исчезаетъ).

Х о р ъ.

О нынѣшнихъ и будущихъ несчастьяхъ
Для варваровъ прискорбно мнѣ услышать!

А т о с с а.

О божество, сколь много злыхъ печалей
Меня терзаетъ! Но всего ужаснѣй
Услышать мнѣ, что сына моего
Позорная одежда облекаетъ.
Но во дворецъ пойду и, взявъ нарядъ,
Навстрѣчу сына выйти попытаюсь! —
Тому, что мило, въ бѣдахъ не измѣнимъ.

(Уходитъ).

В. Аппельротъ.

Появляется Ксерксъ, совершенно подавленный постигшимъ его несчастіемъ; между царёмъ и хоромъ поднимается попеременный плачь.

Основу трагедіи «Семеро противъ Ѳивъ» составляетъ изображеніе взаимной ненависти и борьбы двухъ братьевъ Этеокла и Полиника изъ-за обладанія Ѳивами. Семь непріятельскихъ вождей во главѣ съ Полиникомъ даютъ при жертвоприношеніи клятвенное обѣщаніе скорѣе умереть, чѣмъ отступить отъ осажденныхъ ими Ѳивъ. Хоръ ѳиванскихъ дѣвушекъ выражаетъ страшное волненіе. Этеоклъ рѣзко обличаетъ ихъ въ томъ, что своими жалобами и мольбою къ богамъ онѣ только смущаютъ согражданъ; онъ убѣждаетъ ихъ начать пэанъ къ богамъ и ободрить народъ, но хоръ по-

прежнему продолжаетъ рѣчь о своихъ опасеніяхъ, о бѣдствіяхъ войны и о несчастіяхъ сдающихся городовъ. Прибывшій вѣстникъ подробно характеризуетъ осаждающихъ предводителей. При его разсказѣ о Полиникѣ, Этеоклъ приходитъ въ бѣшенство: сознательно побуждаемый тяготѣвшимъ надъ родомъ Лая проклятіемъ, онъ готовъ лично сразиться съ братомъ и, несмотря на всѣ убѣжденія хора, остаётся при своемъ роковомъ рѣшеніи. Скоро получается вѣсть о побѣдѣ ѳиванцевъ и о смерти обоихъ братьевъ, послѣ чего приносятъ ихъ трупы въ сопровожденіи Антигоны и Исмены, оплакивающихъ дорогихъ имъ родичей. Вѣстникъ возстаетъ противъ погребенія Полиника, что сильно возмущаетъ Антигону; хоръ раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна берётъ сторону сестеръ.

«Орестейя», знакомящая насъ съ судьбою дома Атрея, представляетъ собою единственный уцѣлѣвшій образецъ греческой трилогіи (греч. τρεῖς три и λόγος—произведеніе)—трёхъ отдѣльныхъ трагедій, излагающихъ одну общую легенду и служащихъ другъ другу продолженіемъ. Въ первый изъ нихъ, «Агамемнонъ», самой обширной и величайшей изъ всѣхъ оставленныхъ Эсхиломъ произведеній изображается торжественное возвращеніе Агамемнона изъ—подъ Трои и его неожиданная, трагическая гибель въ собственномъ дворцѣ отъ руки своей супруги Клитемнестры. Неумолимый рокъ съ характеромъ неподкупнаго карателя высокомѣрія и преступленія отъ начала и до конца видимо господствуетъ въ твореніи. Дѣйствіе открывается ночью: предъ нами площадь въ Аргосѣ и царскій дворецъ. Стоящій на вершинѣ кровли невольникъ, уже давно ожидающій условленнаго знака о взятіи Трои, простодушно говоритъ объ утомительности своего наблюденія и нѣсколькими неясными намёками указываетъ на двусмысленное поведеніе Клитемнестры. Внезапно вспыхнувшій свѣтъ маяка заставляетъ его прервать своё размышленіе, и онъ весело бѣжитъ объявить о паденіи Трои спящей царицѣ. Съ разсвѣтомъ показывается хоръ старцевъ, правящихъ Аргосомъ въ отсутствіе Агамемнона.

Пришедши привѣтствовать пробужденіе Клитемнестры, они, въ ожиданіи ея выхода, грустно обозрѣваютъ весь ходъ Троянской войны, припоминая и кровавую жертву Ифигеніи, могущую повлечь за собою отмщеніе. Тѣмъ временемъ на жертвенникахъ воскуряется ѳиміамъ, а изъ дворца выносятъ благодарственныя жертвы богамъ. Выходитъ и сама царица и сообщаетъ хору радостную вѣсть. Притворно прославляя побѣду супруга, она какъ-бы пророчитъ предстоящее ему божественное наказаніе. Обрадованные старцы видятъ въ побѣдѣ грековъ справедливое возмездіе за преступленіе Париса, но они хорошо понимаютъ, какъ дорого обошлась Эллинамъ эта горделивая месть Атридовъ за Елену и какое всеобщее неудовольствіе тяготѣетъ надъ виновниками злополучной войны; въ свѣтлое настроеніе хора мало-по-малу вкрадывается тревога, а за нею и недовѣріе къ полученному извѣстію. Скоро однако обстоятельства уясняются: вѣстникъ подтверждаетъ справедливость завоеванія Трои, говоритъ о возвращеніи Агамемнона, а наединѣ съ хоромъ на его вопросы разсказываетъ, хотя и неохотно, о несчастіяхъ грековъ подъ Троей и ихъ бѣдствіяхъ на возвратномъ пути. Грустная повѣсть погружаетъ старцевъ въ глубокую печаль: они проклинаютъ Елену, осуждаютъ ея похитителя, обвиняютъ грековъ и троянъ. Наконецъ на колесницѣ, въ сопровожденіи богатой добычи, окружённый блестящею свитой, показывается самъ побѣдитель. Просто и серьёзно встрѣчаетъ его хоръ,—напротивъ, отношеніе къ нему Клитемнестры дышитъ какою-то загадочностію и до того полно преувеличенно восторженною нѣжностью, что поражаетъ даже супруга—царя. Благодаря боговъ за дарованную ими побѣду, Агамемнонъ скромно отказывается отъ упорно расточаемыхъ предъ нимъ почестей коварной супруги и быстро вступаетъ во дворецъ. Что-то недоброе чуется старцамъ: имъ отчего-то страшно за государя, а дочь Пріама пророчица Кассандра своимъ молчаливымъ отказомъ на приглашеніе царицы войти во дворецъ и дальнѣйшими странными словами и дѣйствіями только усиливаетъ зловѣщія предчувствія.—

Х о р ъ.

Намъ жаль тебя, несчастная! Послушай.
Спустися съ колесницы, покорись
И свой удѣлъ безропотно прими.

(Пауза).

К а с с а н д р а.

(Воздѣвъ очи къ небу).

О горе! о матерь—земля!
О Аполлонъ, Аполлонъ!

Х о р ъ.

Зачѣмъ же ты взываешь къ Аполлону?—
Вѣдь съ жалобой къ нему не прибѣгаютъ.

К а с с а н д р а.

О Аполлонъ, Аполлонъ!

Х о р ъ

Опять она взываетъ къ Аполлону,
Который слезъ не любитъ, не пріемлетъ!

К а с с а н д р а.

Аполлонъ, Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня, мой погубитель,
Какой еще новый готовишь ударъ?!..

Х о р ъ (тихо).

Свою судьбу пророчитъ... Не покинулъ
И въ рабствѣ духъ пророческій ее!

К а с с а н д р а.

О Аполлонъ, Аполлонъ!
Куда привелъ ты меня, въ какой привелъ домъ?

Х о р ъ (съ участіемъ).

Не знаешь развѣ?—Это домъ Атридовъ.

Кассандра
(внѣ себя, обступаемая видѣніями,
съ возрастающимъ ужасомъ).

Домъ, ненавистный богамъ!... Злодѣяній вертепъ!
Удушье! Убійство! Стѣны и полъ
Человѣческой политы кровью!

Хоръ.

Какъ добрая ищейка—тотъ же часъ
Послышала давнишній запахъ крови!

Кассандра.

Словно въ кровавый туманъ я гляжу...
Вонъ—душатъ дѣтей...
Жарятъ—отцу подаютъ на обѣдъ..

Хоръ.

Охъ, это мы давно и вдосталь знаемъ.
Да не къ добру о томъ напоминанье!

Кассандра.

Она... Что она замышляетъ?
Что тамъ готовитъ еще?
Новое горе! Горе ужасное!
Неотвратимое,
Непоправимое!..
И нѣтъ спасенья кругомъ!

Хоръ.

Что видится еще ей?.. Непонятно!--
Иль новое пророчествуетъ горе?

Кассандра.

Несчастная, ты приступила ужъ къ дѣлу!..
Въ баню ведешь его, мужа—владыку...
Не успѣваю и говорить..
Такъ все быстро вершится... вотъ она, вся дрожа...
Протянула ужъ руки къ нему...

Хоръ.

Для насъ все это темныя загадки...

М. Соколовъ

Продолженіе будетъ.

Недостатки современнаго женскаго образованія и основы его раціональной организаціи въ связи съ рѣшеніемъ женскаго вопроса въ Россіи *).

VI.

Главнымъ мѣриломъ человѣческаго достоинства и пригодности индивидуума къ общественной дѣятельности считается въ наше время въ интеллигентныхъ классахъ общества образованіе. Послѣднее оцѣнивается въ учебныхъ заведеніяхъ преимущественно по количеству знаній.

Обыкновенно забываютъ, что истинная жизнь души лежитъ глубже умственныхъ способностей—въ чувствованіи и волѣ, что даже способность правильно мыслить, вѣрно оцѣнивать факты, здраво смотрѣть на вещи, независитъ отъ количества знаній [41]). Даже г. Яновскій, который по справедливости ставитъ въ

---

*) Продолж. См. V—VI в.в. 1905 г. и I в. 1906 г.

[41]) «Послѣдніе критеріи истины и лжи лежатъ въ чувствѣ истины и лжи». «Для людей возможны чувства общія, достовѣрныя, имѣющія такую же степень необходимости и обязательности, какими обладаютъ понятія нашего ума. Интуитивное или ирраціональное познаніе чувствомъ можно назвать постиженіемъ, въ противоположность раціональному познанію умомъ, которое выражается терминомъ пониманія». (Н. Я. Гротъ. «Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка» М. 1889 г.).

большую вину нашимъ школамъ отсутствіе воспитательнаго воздѣйствія на учащихся, ставитъ такое положеніе: «Уровень знаній учащихся можетъ служить и мѣриломъ духовнаго развитія, достигнутаго ими въ теченіе извѣстнаго времени [42]).

На такой точкѣ зрѣнія стоитъ все учебное вѣдомство. Вслѣдствіе этого взгляда, котораго держится, конечно, и ближайшее начальство, и ревизоры, преподаватель думаетъ исключительно о томъ, чтобы напитать учащихся наибольшимъ количествомъ знаній. Средства, ведущія къ этой цѣли, совсѣмъ не тѣ, которыми достигается прочность и осмысленность усвоенныхъ знаній и вліяніе ихъ на чувство и характеръ.

Самый способъ веденія учебныхъ занятій, практикующійся нынѣ въ средней школѣ, не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть предъявляемы въ цѣляхъ правильнаго роста. Занятія эти состоятъ въ выслушиваніи учителемъ заданнаго и объясненіи новаго урока. Такимъ образомъ, веденіе урока построено, главнымъ образомъ, на силѣ памяти учащихся. Самодѣятельность ученика при этомъ крайне ограничена: преподаватель направляетъ мысль учащагося по заранѣе намѣченному пути, не признавая нужнымъ для себя считаться съ тѣми размышленіями, вопросами, недоумѣніями и догадками, которые попутно возникаютъ у воспитанника. Учитель навязываетъ классу, посредствомъ наводящихъ вопросовъ, подчасъ мастерски и ловко (что зависитъ отъ искусства преподавателя), свою точку зрѣнія на предметъ. При этомъ у учениковъ не происходитъ обмѣна мыслей ни другъ съ другомъ, ни

---

[42]) «Русская школа», 1898 г., № 5—6, стр. 133.

съ преподавателемъ [43]. А вѣдь только въ такомъ обмѣнѣ мысли и могла бы проявиться самодѣятельность ума и чувства воспитанниковъ: «Важно, чтобы работа, требуемая отъ ребенка, была насколько возможно болѣе его собственной работой, чтобы имъ испытывалось удовольствіе, доставляемое упражненіемъ собственныхъ силъ [44]).

Конечно, при нынѣшней многочисленности классовъ, при строго офиціальныхъ отношеніяхъ между учащимися и преподавателемъ, при недостаткѣ дружественно—откровеннаго общенія въ средѣ самихъ учениковъ, такой обмѣнъ и невозможенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможна, слѣдовательно, иная форма веденія школьныхъ занятій.

Но, если бы учебно-воспитательное дѣло было организовано соотвѣтственно съ истинными задачами обученія и воспитанія, въ цѣляхъ не столько обремененія памяти, сколько развитія ума, чувства и воли, то учебныя занятія приняли бы видъ свободной, дружественной бесѣды руководителя съ младшими его сотрудниками.

Въ то время, какъ теперь классъ въ урочный часъ представляетъ два строго различающихся по своимъ правамъ элемента: преподаватель съ одной стороны,

---

[43]) Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ каждая школа учреждается на образецъ другой, учрежденной на образецъ прежде бывшей, и въ каждой изъ этихъ школъ непремѣннымъ условіемъ поставлена дисциплина, воспрещающая дѣтямъ говорить, спрашивать, выбирать тотъ или другой предметъ ученія,—однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры для лишенія учителя возможности дѣлать выводы о потребностяхъ учениковъ» (Л. Толстой. «О народномъ образованіи». Изд. X, т. IV, стр. 21).

[44]) Гефдингъ, Этика, стр. 189.

ученики съ другой,—при нормальномъ способѣ обученія и преподователь, и ученики составили бы одинъ цѣльный организмъ, члены котораго проникнуты были бы взаимнымъ уваженіемъ и дружественнымъ расположеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользовались бы и одинаковыми правами.

Первенство и превосходство руководителя надъ группирующимися вокругъ него подростками и юношами основывается не столько на возможности съ его стороны принудительныхъ мѣръ, не на перевѣсѣ его внѣшнихъ правъ и привиллегій, сколько на его умственомъ и нравственномъ авторитетѣ, завоеванномъ среди нихъ имъ самимъ.

Школа должна коренным образомъ измѣнить нынѣшній обликъ, отбросивъ казарменный видъ, упразднивъ мертвящій формализмъ, при которомъ ребенокъ является въ глазахъ воспитателя не особенной личностью съ опредѣленнымъ характеромъ, съ только ей свойственнымъ складомъ чувствъ, мыслей и желаній, а лишь единицей, равною и тожественною со всѣми остальными единицами въ математической группѣ,—школа обязана приблизиться по своему внутреннему типу къ семьѣ. Строй школы долженъ опираться не на требованіи отвлеченной справедливости, которая имѣетъ въ виду охранить лишь общій принципъ, юридическое, для всѣхъ одинаковое и ко всѣмъ безразличное правило, которая держится девиза: «fiat justitia, pereat mundus», нѣтъ, школа, воспитывающая матерей будущихъ поколѣній, должна имѣть въ виду душу каждой ученицы въ отдѣльности, считаться съ особенностями ея психическаго склада.

Въ нормально поставленной семьѣ всѣ дѣти для матери равны, всѣ они одинаково дороги, какъ паль-

цы на рукѣ, но въ отношеніи къ каждому изъ нихъ любовь подсказываетъ матери, во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, особый, приноровленный исключительно къ даннымъ обстоятельствамъ способъ дѣйствій и отношеній. При равенствѣ материнской любви къ дѣтямъ эта особенность отношеній не вызываетъ въ ребенкѣ ни чувства недовольства, ни протеста возмущенной справедливости. Такъ должно быть поставлено и дѣло общественнаго воспитанія: не соревнованіемъ, не страхомъ, завистію или задѣтымъ самолюбіемъ нужно побуждать ученицу къ изученію школьныхъ предметовъ: послѣднее должно вытекать изъ естественной у каждаго нормальнаго ребенка любознательности и самодѣятельности, изъ любви къ родителямъ и довѣрія къ воспитателю. Такъ въ семьѣ ребенокъ дѣлаетъ многое единственно для того, чтобы не огорчить своей матери. «Важнѣе всего—дозволить дѣтямъ (а, если понадобится, то и помочь имъ) быть дѣтьми, т. е. пережить дѣтство, отдаваясь ему вполнѣ, безъ нарушенія его заботами, лишеніями и затрудненіями. Благодаря этому накопляется тѣлесная и душевная сила и для будущаго развитія [45]).

Всякій членъ классной группы, собравшейся вокругъ учителя, имѣетъ право высказывать свои мысли, свои чувства, свои желанія [46]). Руководитель занятій

---

[45]) Гефдингъ «Этика» стр. 189.

[46]) Вотъ прекрасныя слова Дюринга, которыя намъ слѣдовало бы почаще вспоминать: «Было бы большою ошибкою признать въ дѣтскомъ существованіи лишь средство для достиженія болѣе зрѣлой жизни. Міръ ребенка представляетъ самостоятельную сферу страданій и радостей и, какъ таковая, она особенно достойна нашего вниманія. Воспитаніе справедливо имѣетъ въ виду лишь цѣли позднѣйшей жизни, но, быть можетъ, наступитъ время, когда

внимательно прислушивается ко всѣмъ проявленіямъ душевной дѣятельности сконцентрировавшагося около него немногочисленнаго кружка его друзей и сотрудниковъ. Они совмѣстно обсуждаютъ правильность своихъ мыслей, выясняютъ достоинство чувствъ, подвергаютъ оцѣнкѣ законность желаній. Голосъ руководителя беретъ перевѣсъ главнымъ образомъ въ силу своей внутренней убѣдительности и нравственной авторитетности.

VII.

Такой способъ обученія, исходящій изъ самодѣятельныхъ стремленій дѣтской души, открываетъ педагогу широкій просторъ для воспитательнаго воздѣйствія на питомцевъ школы. Личность ребенка не сдавливается предписаніями и требованіями, значенія которыхъ онъ часто не понимаетъ. Душа его развивается свободно, сообразно съ тѣми индивидуальными особенностями и дарами, которые заложены въ нее наслѣдственностью. Отдѣльные элементы ея нахо-

---

взглядъ, что ребенокъ есть нѣчто большее, чѣмъ простой объектъ воспитанія, сдѣлается общепризнаннымъ. Отсюда становятся совершенно понятно существованіе нѣкоторой вражды между точкою зрѣнія педагоговъ и дѣтскимъ пониманіемъ. Первый всегда думаетъ лишь о томъ, что ему предстоитъ сдѣлать изъ своего объекта (уже самое это слово характерно), второй заботится только о настоящемъ. Въ пониманіи ребенка кроется большая доля правды; онъ чувствуетъ, что никакой болѣе зрѣлый возрастъ не возвратитъ ему тѣхъ минутъ, которыя будутъ отняты изъ его дѣтской жизни». («Цѣнность жизни», стр. 96).

дятся постоянно въ гармоническомъ сочетаніи, такъ какъ ростъ ихъ опредѣляется ихъ внутренней жизнеспособностью, а не силою внѣшняго давленія. Постепенно, шагъ за шагомъ, выработывается въ воспитанникѣ внутренняя свобода, цѣльный характеръ, способность располагать собою такъ, какъ этого требуютъ прочно сложившіяся, много разъ продуманныя и прочувствованныя, убѣжденія. Уже Янъ-Амосъ Коменскій доказывалъ, что учитель—не господинъ, а слуга природы; его дѣятельность должна быть умѣлой поддержкой, руководствомъ, мягкимъ толчкомъ для скрытаго въ человѣкѣ природнаго влеченія; только въ этомъ случаѣ возможенъ органическій ростъ, соотвѣтствующій всей органически устроенной природѣ человѣка [47]). Каждый поступокъ воспитаннаго при такихъ условіяхъ человѣка будетъ вытекать изъ сознанныхъ имъ причинъ и направляться къ опредѣленно поставленнымъ имъ цѣлямъ. Это люди инициативы, личнаго почина и самодѣятельности. Это не тѣ юноши и дѣвушки, которыхъ выпускаетъ теперь изъ своихъ стѣнъ наша средняя школа.

У нашихъ воспитанниковъ постоянныя противорѣчія между мыслью, чувствомъ и дѣйствіемъ, нерѣшительность и растерянность.

Лица, прошедшія школу, не привыкли сами ставить себѣ цѣль и выбирать средства къ ея осуществленію. Они дѣйствуютъ сколько-нибудь увѣренно только до тѣхъ поръ, пока надъ ихъ сознаніемъ лежитъ гнетъ обязательныхъ предписаній и извнѣ навязанныхъ правилъ,—и тотчасъ же оказываются безпомощными, совершенно теряются и дѣлаютъ непростительныя, гибельныя ошибки, лишь только имъ приходится въ жизни

[47]) «Opera didactica».

дѣйствовать самостоятельно, на свой страхъ и отвѣтственность.

Для подготовки чиновника, быть-можетъ, нынѣшнее воспитаніе и необходимо: на службѣ обыкновенно требуется возможно точное соблюденіе законовъ, правилъ и распоряженій начальства, безпрекословное повиновеніе старшему: чиновнику часто «не должно смѣть свое сужденіе имѣть». Воспитаніе безличной дѣвушки удобно было, пожалуй, въ періодъ господства въ семьѣ принциповъ «Домостроя». Но, если нужно подготовить женщину не для чиновничьей службы, а для того, чтобы она могла быть другомъ и сотрудницей мужа, хорошей воспитательницей своихъ дѣтей, опорой собственной семьи или поддержкой семьи родителей, наконецъ, человѣкомъ, способнымъ къ самостоятельной дѣятельности,—то въ ней необходимо развить характеръ соотвѣтственно ея природнымъ наклонностямъ и наслѣдственнымъ особенностямъ, выработать разумную личность, умѣющую поступать сознательно и цѣлесообразно.

Изложенныя нами условія дѣятельности преподавателя и методъ обученія должны, по нашему убѣжденію, способствовать подготовкѣ образованной дѣвушки къ самостоятельной жизни и къ надлежащему выполненію отвѣтственныхъ обязанностей жены и матери.

Б. Связь образованія съ жизнію.

Прежде, чѣмъ дѣлать выборъ учебнаго матеріала для средняго женскаго образованія, мы постараемся установить еще одно положеніе: все, чему обучаютъ въ школѣ, должно имѣть непосредственное отношеніе къ жизни.

I.

Практическій принципъ: «Не для школы,—для жизни учимся мы», долгое время совершенно былъ забытъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ началъ завоевывать себѣ вниманіе правительства только въ послѣднее десятилѣтіе, съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Александръ III своимъ проницательнымъ умомъ понялъ всю его важность, открывъ ему приложеніе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ же принципъ примѣнимости къ жизни того, чему обучаетъ школа, долженъ лечь въ основу какъ мужскихъ общеобразовательныхъ зоведеній, такъ и средняго женскаго образованія.

Знаніе, не находящее поддержки въ жизни, быстро исчезаетъ. Это мы видимъ на своихъ ученикахъ, у которыхъ, по окончаніи ими курса въ учебномъ заведеніи, не остается ничего, кромѣ безполезныхъ обрывковъ знанія, и которые и въ годы ученія поражаютъ учителя своимъ невѣжествомъ, рецидивизмомъ незнанія послѣ лѣтняго перерыва въ учебныхъ занятіяхъ. Дѣло въ томъ, что между свѣдѣніями, залегающими въ головѣ ученика, какъ въ мірѣ растеній и животныхъ, происходитъ борьба за существованіе, изъ которой побѣдителемъ выходитъ то, что болѣе приспособлено къ условіямъ жизни, что находитъ въ послѣдней поддержку. Объ этомъ педагогъ долженъ постоянно помнить, чтобы не угнетать дѣтей ненужными знаніями.

Надъ ухомъ организаторовъ и руководителей учебно-воспитательнаго дѣла должны немолчно раздаваться слова одного изъ глубочайшихъ современныхъ знатоковъ

законовъ человѣческаго духа, психолога Гефдинга: Только знаніе, вытекающее изъ самой дѣйствительности, можетъ руководить нами по отношенію къ этой самой дѣйствительности. Жалобы на одностороннее просвѣщеніе, т. е. на просвѣщеніе только одного разсудка,— жалобы на безполезность или вредъ такого просвѣщенія, могутъ происходить только отъ того и сводиться только къ тому, что современное просвѣщеніе какъ по своему источнику, такъ и по своему примѣненію оторвано отъ дѣйствительной жизни, т.-е. стоитъ отъ нея далеко [48]).

Связь школьнаго обученія съ жизнью должна если не совсѣмъ устранить, то по крайней мѣрѣ въ значительной мѣрѣ ослабить это омертвѣніе души

II.

Программы для учебныхъ заведеній у насъ составляются исключительно людьми науки, имѣющими дѣло только съ своей спеціальностью. Для составителей учебныхъ программъ все дѣло сводится къ тому, чтобы преподованіе предмета выиграло въ своей научности. Насколько же изученіе этого предмета соотвѣтствуетъ пониманію, любознательности и вообще душевному складу того возраста, для котораго онъ предназначенъ; въ какой мѣрѣ обученіе даетъ возможность ученику оріентироваться въ окружающихъ его явленіяхъ жизни, до какой степени изученіе требуемаго подготовляетъ подростка къ жизни,— заботы объ этихъ

48) «Этика», стр. 259.

первой важности вопросахъ незамѣтно въ школьныхъ программахъ.

Сторонники нынѣшней постановки учебнаго дѣла убѣждены, что, чѣмъ больше научнаго элемента вложить въ школьное преподаваніе, тѣмъ выше образовательное и воспитательное значеніе предмета. На самомъ же дѣлѣ отвлеченность и схематичность научныхъ обобщеній, не встрѣчая въ жизненномъ опытѣ учениковъ необходимой опоры въ видѣ конкретныхъ фактовъ, приводитъ къ тому, что учащіеся запоминаютъ безъ всякаго интереса слова и формулы, не отдавая себѣ яснаго отчета въ ихъ дѣйствительномъ значеніи, а туманъ невѣдѣнія, скрывающій отъ ихъ взоровъ окружающій міръ, несмотря на долгіе годы ученія, нисколько не рѣдѣетъ вокругъ нихъ. Многовѣковой человѣческій опытъ и практическая мудрость роднаго народа проходятъ безслѣдно для учащихся.

Ребенокъ, не обучающійся въ школѣ, имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что онъ учится жизни путемъ личнаго опыта и наблюденія. Школьникъ же удаленъ отъ жизни: послѣднюю ему показываютъ преломленною чрезъ призму книжной учености. Но міръ явленій, сконцентрированный въ учебникѣ, не понятенъ дѣтскому уму: дитя съ пеленокъ привыкло всматриваться въ реальную жизнь, въ конкретную дѣйствительность, преподаватель же все это подмѣняетъ отвлеченными словами.

III.

Школа должна научать не только пониманію жизни, будетъ ли то жизнь природы, человѣческаго общества, или отдѣльной души, но и умѣ-

нію цѣлесообразно дѣйствовать въ житейской обстановкѣ. Нужно помнить, что придутъ годы, когда находящійся на школьной скамьѣ ребенокъ вступитъ въ жизнь равноправнымъ членомъ общества. Учебное заведеніе съ первыхъ же дней пребыванія учащагося въ его стѣнахъ должно начать подготовленіе питомца къ этому важному шагу. Не выпуская изъ виду того, что годы обученія должны дать воспитываемому жизнь полную и разностороннюю, соотвѣтственно его возрасту, истинный воспитатель обязанъ позаботиться о томъ, чтобы его воспитанникъ оказался впослѣдствіи нужнымъ человѣкомъ въ обществѣ, не былъ бы въ тягость себѣ и другимъ; чтобы онъ всегда сумѣлъ найти среду, гдѣ онъ можетъ быть счастливъ, и дѣло, которое достовляло бы ему нравственное удовлетвореніе.

Наука важное значеніе имѣетъ въ школѣ лишь настолько, насколько она можетъ способствовать воспитанникамъ сдѣлаться полезными и счастливыми дѣятелями въ жизни. А для этого учащіеся должны получать въ годы ученія дѣйствительную, а не фиктивную подготовку къ жизни. Въ противномъ случаѣ воспитательная система губитъ молодыя поколѣнія.

Исходя изъ этого положенія, мы постораемся указать тѣ средства, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ поднять женское образованіе въ интересахъ какъ самой женщины, такъ общества и семьи.

Глава 5-я.

Спеціальная часть женскаго образованія.

«Женщину нужно обучать тому, что составляетъ задачу жизни. Ей придется наблюдать за воспитаніемъ дѣтей, за работой прислуги, за всѣмъ ходомъ хозяйства, за расходами и т. д. Въ этомъ заключается ея обязанность, и по этимъ предметамъ она должна обладать свѣдѣніями».

Фенелонъ («О воспитаніи дѣвицъ»).

А., Обученіе домовѣдѣнію.

I. Вредъ отъ неумѣнія вести хозяйство.

II. Преимущества для женщины отъ обученія домовѣдѣнію.

Б., Педагогика.

А. Обученіе домовѣдѣнію.

Такъ какъ прямое назначеніе женщины быть женою и матерью, а это непосредственно связано съ обязанностями хозяйки, то, слѣдовательно, на школѣ лежитъ долгъ научать дѣвицъ вести раціональнымъ образомъ хозяйство.

Наши женскія учебныя заведенія какъ низшія, такъ и гимназіи, совершенно упустили изъ виду эту сторону. Только въ послѣднее время кое-гдѣ въ большихъ городахъ заводятся профессіональныя школы.

I.

Вредъ отъ того, что воспитанницы не научаются въ гимназіи домовѣдѣнію, огромный. Гимназія, сама не обучая хозяйству, не даетъ возможности и семьѣ родителей пріучить къ этому свою дочь, такъ какъ поглощаетъ всѣ усилія ученицы умственнымъ трудомъ и книжными занятіями. Это ведетъ, прежде всего, къ недовольству ею въ семьѣ. Въ свободное время мать, на рукахъ которой нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей и подростковъ, требуетъ отъ старшей дочери помощи. Но дочь чувствуетъ естественное отвращеніе ко всякому физическому труду: для нея составляетъ пытку зашить прорѣху въ своемъ костюмѣ, она не въ силахъ заставить себя пособить матери на кухнѣ, прибрать въ комнатахъ, обмыть маленькую сестренку, нашить бѣлья и проч. Съ своей стороны и дѣвушка ожесточается противъ семьи, такъ какъ она чувствуетъ себя невиновной въ томъ, что ее своевременно не пріучали къ хозяйству; вмѣстѣ съ тѣмъ она мало-помалу черствѣетъ сердцемъ, принужденная безпомощно глядѣть на тяжелую картину домашней неурядицы.

Эти отношенія взаимнаго недовольства сильно обостряются, когда дочь оканчиваетъ курсъ гимназіи. Подходящаго для себя дѣла окончившія курсъ гимназіи, какъ мы уже говорили раньше, обыкновенно не находятъ, а особенно въ маленькихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, куда онѣ возвращаются по окончаніи ученія. И вотъ молодая, полная жизни, энергіи, жаждущая дѣла, желающая быть полезной, дѣвица сидя дома—скучаетъ,—сидитъ сложа руки, почитываетъ романы, до-

бывая ихъ, откуда только придется, и ждетъ—не дождется перемѣны своей жизни. Ждетъ этого и семья, которой приходится кормить, наряжать и вывозить въ люди совершенно безполезную имъ дочь. Въ семьѣ, думаютъ и говорятъ о томъ, какъ бы выискался женихъ для нея. Можно себѣ представить, сколько на этой почвѣ совершается по всей Россіи семейныхъ драмъ изо дня въ день и—только потому, что родители имѣли неосторожность довѣрить воспитаніе своей дочери гимназіи, которая развивъ въ воспитанницѣ деликатность чувствъ, выпустила въ жизнь человѣка, совершенно къ ней не подготовленнаго. Излишне говорить, какого рода обыкновенно совершаются браки подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ и каковою потомъ оказывается семейная жизнь.

Но представимъ себѣ даже, что тажелое для обѣихъ сторонъ состояніе напряженнаго ожиданія сколько-нибудь подходящаго жениха разрѣшается самымъ счастливымъ образомъ: получившая въ гимназія образованіе дѣвица выходитъ по любви замужъ за хорошаго человѣка. Кто же этотъ хорошій человѣкъ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это — чиновникъ съ высшимъ образованіемъ: юристъ, врачъ, учитель гимназіи, служащій по акцизу, въ контрольной палатѣ и т. д. Жалованье молодой мужъ получаетъ сравнительно съ другими чиновниками, не окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, довольно хорошее, однако требующее большой экономіи въ расходахъ, чтобы жить съ семьей прилично. Пока нѣтъ дѣтей, этого содержанія кое какъ хватаетъ молодымъ супругамъ, но когда пойдутъ дѣти, расходы семьи сильно возрастаютъ, особенно вслѣдствіе того, что образованная мать семейства, не пріученная ни къ какому физическому труду и ве-

денію хозяйства, должна въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ прибѣгать къ услугамъ другихъ. Жалованья на все это не хватаетъ; повышеніе по службѣ и прибавка жалованья идутъ медленно и достаются не такъ-то легко. Между мужемъ и женой возникаютъ часто неудовольствія и ссоры вслѣдствіе того, что значительная часть жалованья уходитъ на плату лицамъ, дѣлающимъ то, что могла бы сдѣлать сама жена, если бы она была пріучена къ веденію хозяйства; въ домѣ чувствуется недостатокъ, нѣтъ уютности, чистоты и порядка; нравъ жены, не умѣющей помочь горю и незнающей, куда ей дома дѣвать свою силу и время, портится. Такая обстановка семейной жизни обыкновенно приводитъ къ тому, что мужъ и жена охладѣваютъ другъ къ другу и къ дѣтямъ и стараются, особенно первый, какъ можно меньше быть дома. Счастье семейной жизни, внѣ которой женщина является ненужнымъ существомъ въ мірѣ, а мужъ лишенъ истиннаго отдыха, рушится безвозвратно.

II.

Всего этого не было бы, если бы въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ пріучали воспитанницъ къ домовѣдѣнію. Дочь, обучаясь въ гимназіи лучшимъ способамъ веденія хозяйства, помагала бы ежедневно въ свободные часы матери; взаимныя отношенія между ней и ея семейными были бы ближе и сердечнѣе. По окончаніи курса въ учебномъ заведеніи она не была бы лишнимъ ртомъ и бременемъ для родителей. Словомъ, это былъ бы въ семьѣ родителей нужный человѣкъ, выходъ котораго изъ семьи могъ бы даже неблагопріятно отразиться на ея благосостояніи.

Ставъ женой и матерью семейства, такая женщина сумѣетъ устроить мирное и уютное гнѣздо, въ которое мужъ, если это нравственно порядочный человѣкъ, будетъ спѣшить со службы, увѣренный, что найдетъ въ обществѣ труженицы-жены опрятныхъ, здоровыхъ дѣтей, нужный покой и обновленіе силъ.

Итакъ, насущные интересы русской семьи требуютъ, чтобы въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ обучали домовѣдѣнію которое обнимаетъ собою кулинарное искусство, комнатное хозяйство, кройку, шитье, различныя рукодѣлія и дворовое хозяйство (послѣднему обучать по желанію родителей). При нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ должны быть устроены также курсы по сельскому хозяйству (садоводство, огородничество, молочное дѣло и пр.).

Обученіемъ въ нормально организованной школѣ домовѣдѣнію просто и цѣлесообразно разрѣшается женскій вопросъ, принявшій у насъ въ Россіи острую форму главнымъ образомъ вслѣдствіе неправильной постановки женскаго образованія.

Молодая дѣвушка, пріобрѣтшая въ учебномъ заведеніи опытность въ веденіи хозяйства и не лишившаяся на школьной скамьѣ инстинкта семейной жизни, не будетъ стремиться къ чиновничьей службѣ, не соотвѣтствующей ни ея душевному складу, ни назначенію. У нея будетъ всегда въ рукахъ дѣло, которое въ большинствѣ случаевъ не отвлекаетъ ея отъ семьи. Если родителямъ нужна будетъ не помощь дочери по хозяйству, а денежная поддержка, то она всегда будетъ въ состояніи заработать своими профессіональными знаніями, часто даже не покидая роднаго крова (напр.: открыть мастерскую женскихъ и дѣтскихъ нарядовъ, заготовлять на продажу хозяйственные продукты и пр.).

Въ крайнемъ случаѣ она можетъ имѣть хорошій заработокъ, въ качествѣ экономки въ чужой семьѣ. Трудъ этотъ всегда будетъ оплачиваться не хуже, чѣмъ трудъ гувернантки, сельской учительницы, преподавательницы новыхъ языковъ или музыки въ частныхъ домахъ и пр. Напротивъ, въ настоящее время, вслѣдствіе накопленія интеллигентнаго пролетаріата, та работа, на которую способна нынѣшняя женщина, получившая среднее образованіе, цѣнится очень низко, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ и совсѣмъ не находитъ себѣ спроса; искусство же интеллигентной хозяйки всегда найдетъ себѣ приложеніе, такъ какъ въ немъ нуждается почти всякая семья изъ средняго круга, даже въ томъ случаѣ, если мать семейства сама умѣетъ вести хозяйство. Къ тому же такихъ интеллигентныхъ хозяекъ, присутствіе которыхъ не нужно было бы въ семьѣ родителей, замужней сестры или женатаго брата, будетъ значительно меньше, чѣмъ теперь образованныхъ барышень, не знающихъ, что съ собою дѣлать.

Посмотрите: въ настоящее время въ большихъ городахъ хорошая кухарка или горничная заработываетъ обыкновенно больше, чѣмъ гувернантка и учительница. Порядочная женская прислуга получаетъ на всемъ готовомъ рублей 10 и болѣе въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ классная дама въ женскихъ гимназіяхъ имѣетъ всего-на-всего 25—30 р. Отдѣлите изъ этого жалованья на пищу, квартиру, освѣщеніе, мойку бѣлья, что всякая прислуга имѣетъ отъ хозяевъ, и вы придете къ выводу, что у классной дамы не только не останется 10 рублей, но даже едва ли хватитъ жалованья только на эти нужды. А вѣдь добиться должности классной дамы не такъ-то легко.

Мы чувствуемъ, что намъ могутъ возразять: трудъ

портнихи, модистки, хозяйки неблагороденъ, унизителенъ. Но, пора взглянуть на физическій трудъ правильно, отбросивъ устарѣлую уже точку зрѣнія, унаслѣдованную отъ временъ крѣпостнаго права [49]). Неужели положеніе телеграфистки, кассирши, гувернантки почетнѣе положенія портнихи, модистки, завѣдующей хозяйствомъ? Мы, правда, привыкли первыхъ ставить выше послѣднихъ, но это не потому, чтобы работа и положеніе первыхъ были полезнѣе и почетнѣе, чѣмъ работа и положеніе послѣднихъ, только по тому, что до сихъ поръ телеграфистками, кассиршами, гувернантками были дѣвушки съ образованіемъ, дѣло же портнихи, модистки, завѣдующей хозяйствомъ, было въ рукахъ женщинъ необразованныхъ. Если же этимъ дѣломъ займутся лица съ образованіемъ, то оно станетъ, конечно, почетнѣе, чѣмъ служба женщины въ такихъ непригляд- ныхъ мѣстахъ, какъ ломбардъ, казенная винная лавка и пр., куда однако теперь весьма охотно идутъ дѣвушки изъ семействъ, занимающихъ видное общественное положеніе.

И такъ, женскія учебныя заведенія должны вы-

---

[49]) Вотъ какъ смотрятъ на физическій трудъ въ англійской школѣ: «Дѣтамъ постоянно стараются внушать мысль, что никакая работа, сколь низкой она ни казалась бы, не можетъ унижать человѣка, и что всегда можно выполнять ее, оставаясь джентельменомъ... Въ Бедальской (частной образцовой) школѣ ученики сами дѣлаютъ то, что называется въ полкахъ «очисткой нечистотъ». Мало того, чтобы показать, какое важное значеніе имѣетъ эта низкая работа, самъ директоръ взялъ ее на себя и работаетъ наравнѣ съ учениками». (Э. Демоленъ. «Новое воспитаніе». Пер. Ланда 1900 г., стр. 126).

пускать не кисейныхъ барышень, а дѣвушекъ, нужныхъ въ семьѣ, знающихъ домовѣдѣніе.

Такая женщина и по выходѣ замужъ, въ случаѣ несчастной жизни, напр.: смерти мужа, потери имъ должности и т. п., ни сама не умретъ отъ голода, ни дѣти ея.

Другая хорошая сторона введенія въ курсъ женскихъ учебныхъ заведеній домовѣдѣнія (въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ мы выяснили выше), заключается въ томъ, что будетъ устраненъ важный недостатокъ всей нашей учебной системы—отсутствіе физическаго труда, который такъ необходимъ для счастья человѣка (вспомнимъ проповѣдь гр. Л. Толстого). Чрезъ обученіе домоводству здоровье ученицъ будетъ значительно лучше, что весьма важно и для нихъ самихъ, въ виду ожидающихъ ихъ въ будущемъ тяжелыхъ болѣзней при дѣторожденіи, и для ихъ потомства.

Наконецъ, укажемъ и на то, что изученіе домовѣдѣнія внесетъ въ жизнь заведенія разнообразіе, благодаря которому устранится монотонность и скука нынѣшнихъ учебныхъ занятій, будетъ способствовать сближенію учащихъ и воспитывающихъ съ воспитанницами за общимъ практически-полезнымъ дѣломъ, дастъ возможность ученицамъ проявлять разносторонность своихъ дарованій и способностей. Послѣднее обстоятельство должно повести вообще къ подъему энергіи въ учащихся, что благотворнымъ образомъ отразится и на другихъ предметахъ школьнаго обученія.

Вотъ сколько жизненыхъ, ясныхъ, какъ день, выгодъ принесетъ предлагаемое нами обновленіе учебныхъ программъ въ средней женской школѣ чрезъ введеніе въ ея курсъ профессіональныхъ занятій въ видѣ домовѣдѣнія.

Б. Педагогика.

Въ неменьшей мѣрѣ необходимо для будущей матери обученіе въ стѣнахъ заведенія воспитанію дѣтей. Въ этихъ видахъ должно найти мѣсто въ гимназическомъ образованіи изученіе семейной гигіены, физическаго и духовнаго воспитанія дѣтей.

Эти предметы должны быть поставлены въ женскихъ гимназіяхъ основательно и широко, а не съ тою щепетильною боязливостью, какая замѣчается теперь при преподаваніи физическихъ отдѣловъ перечисленныхъ научныхъ дисциплинъ. Напримѣръ, теперь преподаватель педагогики не можетъ свободно и обстоятельно выяснить даже такого невиннаго отдѣла, какъ отдѣлъ о кормленіи и пищевареніи ребенка, такъ какъ онъ оскорбитъ чувство деликатной стыдливости дѣвицъ, если будетъ говорить о «грудныхъ желѣзахъ» у женщины, о «разстройствѣ желудка» у ребенка и пр. Не рискуя навлечь на себя самыхъ страшныхъ обвиненій и со стороны общества, и со стороны начальства, онъ можетъ выражаться только самыми общими словами и намеками на то, что какъ будто должно быть всѣмъ извѣстно, но о чемъ однако не дозволительно говорить прямо. Вслѣдствіе этого онъ долженъ употреблять только такія неопредѣленныя выраженія: «кормленіе материнскимъ молокомъ», разстройство пищеварительныхъ органовъ» и пр., не входя ни въ какія дальнѣйшія подробности и детали, требующія уже разсмотрѣнія реальныхъ предметовъ, а не игры въ слова. Такое преподаваніе, дѣйствительно, оскорбляетъ скромность и наставника, и его слушательницъ; оно противорѣчитъ и

чувству ихъ взаимнаго уваженія, и серьезности дѣла. Въ классѣ устанавливается тонъ невысказаннаго, но всѣми принятаго соглашенія, что о такихъ вещахъ говорить порядочнымъ людямъ стыдно, и однако же о нихъ говорятъ, ихъ разъясняютъ, спрашиваютъ, знакомство съ ними провѣряютъ на экзаменѣ предъ цѣлой комиссіей!

Эта двухсмысленная постановка преподаванія свѣдѣній по физіологіи и анатоміи человѣческаго организма должна быть устранена: лучше ученицамъ ничего не знать изъ этихъ отдѣловъ.

Но такъ какъ нельзя же выпускать въ жизнь 17—20-лѣтнюю дѣвушку безъ необходимыхъ для нея свѣдѣній, то остается другой выходъ изъ этого неестественнаго положенія. Серьезное преподаваніе анатоміи и физіологіи въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ это необходимо для жены, матери и воспитательницы дѣтей, нужно поручить женщинѣ—врачу; ей должно быть вмѣнено въ обязанность обстоятельное разъясненіе также воспроизводительныхъ функцій человѣческаго организма.

Мы оказываемся очень наивными, когда дѣлаемъ видъ, будто бы убѣждены, что взрослая дѣвушка вовсе ничего не знаетъ и не слыхала объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной. Она ходитъ въ театръ, читаетъ романы (напр., «Воскресенье»—Л. Толстого), слышитъ вокругъ себя разсказы о любви, иной разъ наталкивается на бытовыя сценки интимнаго свойства; ей говорятъ о необходимости вскорѣ выйти замужъ; за ней ухаживаютъ молодые люди, она видитъ свою подругу или старшую сестру матерью семейства, и всего этого она, по нашему мнѣнію, не можетъ понимать. Сколько въ этомъ взглядѣ фальши и притворства!

А разъ мы должны будемъ согласиться, что взро-

слая дѣвушка, выростая среди людского общества, развѣ какимъ-либо волшебствомъ могла бы не знать и не подозрѣвать о чувствѣ любви между мужчиной и женщиной и вытекающихъ изъ этого чувства физіологическихъ отношеніяхъ, то на обязанности школы, подготовляющей дѣвушку къ жизни, дать правильное, ясное и полное освѣщеніе какъ съ физіологической, такъ въ особенности съ психологической стороны тѣмъ часто извращеннымъ, ложно понятымъ и отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя накопляются въ памяти и воображеніи дѣвушки.

Психологія отношеній между мужчиной и женщиной должна быть раскрываема и уясняема преподавателемъ поэзіи; разъясненіе же физіологической стороны принадлежитъ въ школѣ, какъ мы сказали, женщинѣ—врачу. Школа не имѣетъ нравственнаго права освобождать себя ни отъ той, ни отъ другой задачи.

Вотъ мнѣніе двухъ авторитетныхъ ученыхъ и педагоговъ-француза и русскаго о преподаваніи дѣвушкамъ физіологіи.

«Идея материнства чужда уму дѣвушекъ, получающихъ образованіе. Когда онѣ были дѣтьми и играли въ куклы, тогда онѣ изображали изъ себя маменекъ, а куклы были дѣтьми, тогда онѣ нянчились съ куклами, какъ матери съ дѣтьми. Но какъ только дѣвочекъ начинаютъ учить, какъ только онѣ начинаютъ посѣщать школу, то сейчасъ же принимаются всѣ мѣры къ тому, чтобы изгнать изъ ихъ ума всякую мысль о материнствѣ, изъ учебнаго курса устранить все, что могло бы быть имъ полезно, какъ будущимъ матерямъ, какъ будто идея материнства есть какая-то противоестественная и позорная для дѣвушекъ.—Ничего неприличнаго въ наукѣ нѣтъ. Отдѣлъ о воспроизводительныхъ функціяхъ

такъ же мало можетъ представлять опасность для добрыхъ нравовъ, какъ и другіе отдѣлы физіологіи и другія науки. Напротивъ, та таинственность, которою окружаютъ процессъ воспроизведенія, то обстоятельство, что о немъ говорятъ шопотомъ, полусловами, краснѣя, стараясь скрыть дѣло, возбуждаетъ нездоровое любопытство и фантазію дѣвушекъ, создаетъ призраки, вызываетъ въ юношествѣ странную мечтательность. Серьёзное изученіе естественныхъ явленій никому повредить не можетъ. Физіологическій анализъ материнства, описаніе сопровождающихъ роды болей, картина вытекающей крови, глубокихъ разрывовъ могутъ вызвать въ молодой дѣвушкѣ только чувство ужаса. Когда будетъ удалена вся таинственность, окутывающая обыкновенно процессъ воспроизведенія, когда дѣвушка обстоятельно ознакомится съ половыми функціями, тогда она будетъ видѣть въ половомъ сношеніи обязанность, которую нужно исполнить, а не удовольствіе, которымъ нужно насладиться. Наука съ своей грубостью и своимъ реализмомъ окажется болѣе цѣломудренною, чѣмъ какою можетъ быть сама мать дѣвушки, трактующая съ нею о подобныхъ матеріяхъ. Исторія развитія яйца можетъ вдохнуть лишь удивленіе къ явленіямъ природы и столько же не способна смутить духъ возбужденіемъ чувственныхъ желаній, сколько и исторія развитія міровъ» [50]).

«Таинственные разговоры о любви и рожденіи, шушуканье, усмѣшки по поводу извѣстныхъ вопросовъ, дѣйствительно раздражаютъ любопытство молодежи, заставляютъ ее всякими правдами и неправдами добиваться проникновенія въ тайну и полуправильное, полуфантастическое представленіе о ней глубоко затаивать

---

[50]) Тюлье.

въ себѣ. Такой порядокъ не удобенъ, не здоровъ, не желателенъ и въ гигіеническихъ и въ педагогическихъ видахъ» [51]).

Этотъ взглядъ долженъ быть встрѣченъ, несомнѣнно, самымъ сильнымъ протестомъ со стороны родителей и общества, поведеніе большинства которыхъ по отношенію къ юношеству можетъ быть охарактеризовано словами Дюринга: «Къ обманной системѣ, такъ сказать, офиціальнаго утаиванья примѣшивается добрая доля фактической безцеремонности какъ внутри семьи, такъ и въ общественныхъ мѣстахъ» [52]).

Подготовка дѣвушки къ воспитанію дѣтей не можетъ ограничиваться въ школѣ теоретическимъ изученіемъ педагогики, гигіены, физіологіи, анатоміи. Теорія должна сопровождаться практикой воспитанія, чего теперь нигдѣ не встрѣчается въ Россіи, хоть средство къ осуществленію этой мысли было указано 35 лѣтъ тому назадъ нѣмецкимъ проф Вирховымъ: «Для того, чтобы большинство молодыхъ дѣвушекъ могло изучить практическую часть педагогики, надо воспользоваться тѣми учрежденіями, которыя могутъ быть созданы повсемѣстно. Я подразумѣваю здѣсь заведенія для маленькихъ дѣтей, такъ называемыя ясли и дѣтскіе сады. Они совершенно приспособлены къ тому, чтобы играть въ развитіи созрѣвающаго женскаго поколѣнія ту роль, которую играютъ больница и клиника въ образованіи молодого медика. Они могутъ сдѣлаться образовательными заведеніями, въ которыхъ будетъ изучаться на практикѣ воспитаніе дѣтей какъ съ физической,

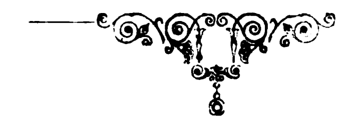
---

[51]) Каптеревъ.

[52]) «Цѣнность жизни» переводъ Ю. М. Антоновскаго. Изданіе 2-е 1906 г., стр. 156.

такъ и съ моральной стороны. Можно пользоваться и другими заведеніями тамъ, гдѣ они существуютъ, напримѣръ воспитательными домами и сиротскими пріютами, но ужъ дѣтскіе сады и заведенія для храненія маленькихъ дѣтей можно устроить повсемѣстно».

Уходъ за дѣтьми въ «ясляхъ» и дѣтскихъ садахъ заставитъ молодую дѣвушку вникнуть въ жизнь бѣдныхъ слоевъ общества, чернорабочаго люда, которая обыкновенно чужда для нея въ годы ученія и остается такой въ теченіе всей послѣдующей жизни. А между тѣмъ въ знакомствѣ съ этой трудовой средой есть много поучительнаго и воспитывающаго для юной души.— Такимъ путемъ педагогическая практика разносторонне подготовитъ дѣвушку къ жизни.

Глава 6-я.

Общеобразовательные предметы.

«Женскій общеобразовательный курсъ долженъ быть энциклопедичнѣе, нагляднѣе, жизненнѣе мужского учебнаго курса».

Каптеревъ.

I. Необходимость серьёзной постановки общаго образованія въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

II. Общія замѣчанія объ этой части женскаго образованія.

III. Преподаваніе закона Божія.

IV. Постановка русскаго языка и поэзіи.

V. Обученіе географіи и исторіи.

VI. Необходимость введенія курса законовѣдѣнія.

VII. Изученіе естествознанія.

I.

Такъ же серьёзно, какъ домовѣдѣніе и педагогическое образованіе, должно быть организовано и общее женское образованіе. При этомъ необходимо принять во вниманіе, конечно, особенности душевнаго склада женщины.

У насъ во многихъ семьяхъ, особенно въ принадлежащихъ къ высшему кругу и матеріально обезпеченныхъ, проводится въ женскомъ воспитаніи, по многовѣковой традиціи, ошибочный взглядъ, что женщинѣ не нужно серьёзное образованіе: «Способности и ка-

чества, которыя особенно здѣсь культивируются, не имѣютъ, какъ извѣстно, ничего общаго съ серьёзнымъ образованіемъ. Нравиться—такова цѣль внутренняго туалета подобной куклы, и ради этой цѣли на нее надѣваютъ костюмъ изъ какихъ-то музыкальныхъ и литературныхъ обрывковъ» [53]).

Основательность общаго женскаго образованія требуется высотою того соціальнаго положенія, на которое женщина имѣетъ неотъемлемое право въ качествѣ жены и матери. Лишивъ дѣвушку серьёзнаго общаго образованія, мы бы унизили человѣческое достоинство женщины, сведя ея роль въ брачной жизни исключительно на функціи хозяйки и супруги въ тѣсномъ смыслѣ слова, что не могло бы не повесть къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ какъ для супружеской жизни, такъ и въ дѣлѣ воспитанія дѣтей.

Не надо однако смѣшивать серьёзности общаго образованія, которое должно уяснить предъ молодой душой главнѣйшіе законы и явленія въ жизни человѣческаго духа и природы, съ обиліемъ фактическихъ знаній, отличающимъ современную школу, которая никакого общаго образованія не даетъ, ни мало не научая пониманію окружающаго міра. Задача общаго образованія сводится къ тому, чтобы сдѣлались достояніемъ для учащихся духовная культура, гуманная сторона современной цивилизаціи, но никакъ не усвоеніе науки, какъ таковой; изученіе послѣдней служитъ лишь средствомъ въ общемъ образованіи и потому настолько должно находить себѣ мѣсто въ средней школѣ, насколько это необходимо для пониманія жизненыхъ, практическихъ идей и реальныхъ явленій. Усвоеніе же науки, какъ цѣль, опредѣляетъ курсъ спеціальнаго образованія.

---

[53]) Дюрингъ. Тамъ-же, стр. 262.

II.

Раньше, чѣмъ устанавливать кругъ предметовъ, необходимыхъ для общаго женскаго образованія, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

а) Необходимо прежде всего уменьшить количество времени, употребляемаго ученицами женскихъ гимназій какъ на пребываніе въ стѣнахъ учебнаго заведенія, такъ въ особенности на приготовленіе уроковъ дома. Является неотложная нужда поставить дѣло обученія такъ, чтобы ученица, пробывъ положенное количество часовъ въ школѣ, возвращалась въ семью совершенно свободная отъ учебныхъ занятій. Идеальную иллюстрацію къ нашему требованію даетъ Л. Толстой: «Съ собой никто (изъ учениковъ Ясно-полянской школы) ничего не несетъ: ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ. Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье, и никогда не опаздываютъ, нешто старшіе, которыхъ отцы другой разъ задержатъ дома какою-нибудь работой. И тогда этотъ большой рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу» [54]).

[54]) Ч. IV, стр. 240.

Придя домой, ученица должна всецѣло отдаться потоку семейной жизни, — охваченная ея волнами, развивать и воспитывать въ себѣ тѣ чувства, которыя для нея будутъ необходимы, когда она сама сдѣлается руководительницей семьи. Дома она найдетъ и практическое примѣненіе тѣмъ знаніямъ, навыкамъ, которымъ обучаетъ ее школа.

б) Въ то время какъ задачей мужскихъ гимназій является, кромѣ общаго образованія, подготовка къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, среднее женское образованіе должно отличаться полною законченностью. Этимъ мы не отрицаемъ необходимости высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, а лишь говоримъ, что въ цѣли нормальной женской гимназіи не можетъ входить стремленіе сдѣлать дѣвушекъ способными къ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ.

У огромнаго большинства дѣвушекъ прежде всего не достало бы времени для высшаго образованія: начинать послѣднее дѣвушка не можетъ раньше 18-ти лѣтъ, а къ этому времени она обыкновенно почти уже окончательно сформирована физически и для нея наступаетъ пора супружеской жизни. Кромѣ того, область отвлеченной науки менѣе соотвѣтствуетъ душевному складу женщины, въ которомъ замѣчается преобладаніе чувствованій.

Такимъ образомъ высшее образованіе можетъ быть доступно сравнительно немногимъ, прошедшихъ среднюю школу. Продолжать свое образованіе могутъ только тѣ изъ нихъ, которыя во время почему-либо не выходятъ замужъ и чувствуютъ къ наукѣ особенное призваніе.

в) При выборѣ общеобразовательнаго матеріала для женскихъ гимназій нельзя упускать изъ вида особенностей женской натуры: богатства сердечной жизни

въ женщинѣ, столь важного для семейныхъ отношеній, и конкретнаго склада ума.

Вотъ какъ характеризуетъ особенности душевнаго строя женщины и мужчины русскій психологъ: «Женскій типъ отличается, прежде всего, значительнымъ развитіемъ чувствительности, нѣкоторыми сильными и глубокими волненіями (напр., любовь составляетъ неотъемлемую потребность женщины; религіозность въ ней больше развита), способностью быстро доходить до высшихъ ступеней чувства и быстро падать Это придаетъ всему женскому психическому типу особенный видъ— преобладанія господства чувствованій въ сознаніи. У мужчинъ же, вслѣдствіе болѣе слабаго развитія чувствительности, естественно больше выдается умственная дѣятельность»[55]). «Геній ума—мужской геній, геній сердца— женскій. Первый есть мысль, обнимающая вселенную, мысль творческая, освѣщающая міръ, раскрывающая его тайны. Геній сердца—это сочувствіе каждому страданію, каждой слезинкѣ, проливаемой въ ночной тиши, каждому вздоху, гдѣ бы онъ ни раздался,—это радость съ каждымъ радующимся честному благородному дѣлу»[56]).

Чѣмъ значительнѣе роль, которую играетъ чувство въ душевномъ складѣ и жизни женщины, тѣмъ заботливѣе должна относиться средняя школа къ правильному росту и развитію этой стороны духа, не давая ей заглохнуть; въ противномъ случаѣ наше воспитаніе рискуетъ весьма легко внести душевный разладъ въ жизнь личности. Вотъ мысль, которая теперь совершенно за-

[55]) Каптеревъ. «Душевныя свойства женщины», стр. 112.

[56]) Тамъ же стр. 114.

быта въ нашемъ учебномъ мірѣ: «Довольно часто результатомъ преждевременнаго умственнаго развитія является въ сознаніи дисгармонія и раздвоенность. Расширяющіеся горизонты, создаваемые мыслію, не могутъ наполняться соотвѣтствующими чувствованіями и желаніями. И та инстинктивная увѣренность, съ какой велась жизнь раньше при болѣе узкихъ горизонтахъ, теперь смѣняется чувствомъ сомнѣнія и безпокойства. Тамъ же, гдѣ не встрѣчается такой дисгармоніи, можно замѣтить часто другой недостатокъ—ослабленіе или притупленіе въ области чувствованій. Возникаетъ нѣкоторая вялость; жизнь, выигрывая въ ясности, теряетъ въ теплотѣ» [57]).

г) Вмѣстѣ съ тѣмъ при распредѣленіи учебнаго матеріала по каждому предмету и выборѣ методовъ преподаванія нужно имѣть въ виду конкретность мышленія, составляющую отличительную черту дѣтей и женщинъ.

Современная школа не стремится къ наглядности обученія, забывая, что сами по себѣ слова не представляютъ знанія, а являются обобщающими знаками для конкретныхъ образовъ, скрытно мыслимыхъ нами подъ отвлеченными словами (потенціальное знаніе). Не имѣя опоры въ реальныхъ представленіяхъ, слова для учениковъ часто сводятся къ пустымъ звукамъ, безъ опредѣленнаго и яснаго значенія.

Чтобы ученицы могли избѣжать умственнаго банкротства, преподаваніе каждаго предмета должно исходить изъ конкретныхъ образовъ, а такъ какъ большинство общеобразовательныхъ предметовъ необходимыхъ для средней женской школы опирается не на такія представленія, которыя добываются изъ наблюденій надъ

---

[57]) Гефдингъ «Этика». СПБ. 1898, стр. 257—258.

дѣйствительною жизнью, а на книжную рѣчь,—то обученіе этимъ предметамъ обязательно начинается съ накопленія въ памяти учащихся картинныхъ описаній, живописныхъ повѣствованій, словомъ: облекается въ форму рѣчи, доступную не только уму, но и чувству и фантазіи ученицы. И только постепенно, послѣ образованія значительнаго запаса такого конкретнаго матеріала, можно направить умъ учащихся къ обобщеніямъ въ степени, доступной ихъ мыслительной способности.

Вообще же въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ приходится и въ старшихъ классахъ заботиться главнымъ образомъ о томъ, чтобы отвлеченныя положенія никогда не теряли тѣсной связи съ единичными образами, фактами и явленіями, изъ которыхъ они добыты путемъ абстракціи и чтобы единичное могло возникнуть въ умѣ по первому требованію для подтвержденія обобщенной мысли.

д) Наконецъ, нужно принять во вниманіе, что въ 13—14 лѣтъ наступаетъ для организма дѣвушки критическій періодъ, требующій временнаго ослабленія и даже перерыва учебныхъ занятій.

Итакъ, не слѣдуетъ увлекаться обиліемъ фактическаго матеріала при изученіи общеобразовательныхъ предметовъ. Принципъ сосредоточенія вниманія ученицъ на немногомъ и предпочтенія качественной стороны труда количеству знаній долженъ быть руководящимъ при выработкѣ учебныхъ программъ, несмотря на то, что наше время отличается особенно склонностью превышать оцѣнку знанія надъ его настоящей стоимостью.

Въ курсъ общаго женскаго образованія должны, по нашему мнѣнію, войти слѣдующіе предметы: 1) законъ Божій, 2) русскій языкъ и поэзія, 3) географія,

4) исторія, 5) законовѣдѣніе, 6) естествознаніе, 7) математика.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности.

III.

При преподаваніи закона Божія наставникъ долженъ стремиться къ развитію религіознаго чувства въ воспитанницахъ, но никакъ не къ формальному усвоенію именъ и фактовъ.

Религіозное чувство составляетъ вмѣстѣ съ чувствомъ любви основу жизни женскаго сердца. Въ исторіи міровой цивилизаціи женщина всегда являлась носительницей чувства благочестія и съ особеннымъ увлеченіемъ пропагандировала новыя религіозныя ученія; католическая церковь справедливо называетъ женщинъ «благочестивымъ поломъ» (sexus devotus).

Преданность Богу опирается въ женщинѣ на чувство ея зависимости внѣшней и внутренней. Перваго рода зависимость вытекаетъ изъ ея многовѣковаго подчиненнаго положенія въ человѣческомъ обществѣ, вторая коренится въ особенностяхъ ея организма.

Въ нынѣшнихъ женскихъ гимназіяхъ допускается погрѣшность огромной важности вслѣдствіе того, что изученіе закона Божія, будучи обставлено формализмомъ подобно другимъ предметамъ, не можетъ истинно укрѣплять и развивать христіанское благочестіе. Гдѣ, какъ не въ религіи, мать семьи найдетъ опору для душевнаго равновѣсія среди самыхъ тяжелыхъ испытаній, съ которыми связана семейная жизнь? Болѣзни, смерть

и житейскія невзгоды дѣтей и мужа являются переносимымъ бременемъ лишь въ томъ случаѣ, когда есть вѣра, что это не результатъ слѣпаго стеченія обстоятельствъ, а выраженіе Высшей Воли, ведущей человѣка по неисповѣдимымъ путямъ «къ прекрасной, возвышенной цѣли».

Различнаго рода учебники (по ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи, по богослуженію, исторіи церкви и пр.) должны быть совершенно устранены при преподаваніи закона Божія.

Намъ кажется страннымъ стремленіе преподавателя подмѣнить учебникомъ книгу, дававшую нравственную отраду и религіозное успокоеніе передовымъ историческимъ народамъ въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій,—книгу, доступную наивному пониманію ребенка и поражающую глубиной своей мысли величайшихъ философовъ. Слово Христа въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ евангеліи, напаяетъ жаждущихъ истины «живою водою».

Боговдохновенность евангелія сокрыта и чувствуется не столько въ силуэтахъ лицъ и общихъ очертаніяхъ событій, только и схватываемыхъ въ учебникѣ, сколько въ малѣйшихъ подробностяхъ, въ каждой черточкѣ подлинныхъ словъ повѣствованія, живорисующихъ лица и событія.

Живое слово Св. писанія, въ особенности евангелія, и прочувствованная бесѣда законоучителя, разъясняющаго истины Христовой вѣры,—вотъ простыя и вѣрныя средства къ запечатлѣнію божественнаго ученія въ сердцахъ воспитанницъ. Евангеліе должно лечь въ въ основу курса закона Божія. Изученіе евангелія должно проходить чрезъ всѣ классы, разнообразясь при-

мѣнительно къ пониманію ученицъ и въ цѣляхъ постепеннаго углубленія въ сущность христіанства.

Ученицамъ низшихъ классовъ нужно дать въ руки не цѣльное евангеліе, но лишь избранные, доступные этому возрасту и систематически расположенные отрывки.

Ученицы старшихъ классовъ изучаютъ евангеліе въ полномъ объемѣ вмѣстѣ съ апостольскими посланіями; на конкретныхъ образахъ и фактахъ, на примыкающихъ къ нимъ непосредственно словахъ Спасителя, онѣ усвоиваютъ умомъ и сердцемъ какъ догматическое, такъ и нравственное богословіе.

При разъясненіи евангелія законоучитель долженъ стремиться къ тому, чтобы образъ Богочеловѣка, около котораго группируются всѣ евангельскія событія, запечатлѣлся въ воображеніи и сердцѣ воспитанницъ глубокими, неизгладимыми чертами живой, строго опредѣленной и реально обставленной личности. Въ успѣшности этой задачи лежитъ главное условіе могучаго воздѣйствія христіанскаго ученія на юную душу: кто съ дѣтства вникнетъ и пойметъ личность Спасителя, изображенную въ евангеліи съ необыкновенной доступностью и отчетливостью, тотъ никогда ужъ не будетъ въ силахъ оторваться отъ Него сердцемъ.

А для того, чтобы образъ Сына Божія сталъ близокъ пониманію молодого ума и доступенъ сердечному чувству, необходимо въ бесѣдахъ съ классомъ раскрывать въ особенности человѣческую сторону существа Христа, которой далъ намъ ясный идеалъ человѣческихъ стремленій [58]).

---

[58]) См. объ этомъ у Фр. Іодль: «Исторія этики въ новой философіи», Т. 1, стр. 39. См. также подробно изло-

Этотъ идеалъ теряетъ для нашей мысли и нравственнаго чувства гнетущую силу непостижимисти, когда мы устремляемъ свое вниманіе на черты живой человѣческой личности въ Спасителѣ, который жилъ, проповѣдывалъ и, согласно своему ученію, дѣйствовалъ въ опредѣленной земной обстановкѣ. Послѣднее обстоятельство—первостепенной важности: «Идеалъ, который можетъ служить нравственному самоусовершенствованію человѣка, долженъ въ то же время имѣть связь (пункты соприкосновенія) съ данной дѣйствительностью, такъ чтобы по меньшей мѣрѣ было возможно нѣкоторое приближеніе идеала къ дѣйствительности [59]).

Законоучитель обязанъ выяснить Богочеловѣка во всей наглядности тѣхъ конкретныхъ условій дѣйствительности, среди которыхъ является Спаситель въ евангеліи и для разъясненія коихъ располагаетъ изобильными данными современная богословская наука. Особенно важны съ этой точки зрѣнія работы англійскаго богослова Фаррара, который въ своей книгѣ: «Жизнь Іисуса Христа», раскрываетъ предъ нами человѣческую сторону Искупителя и рисуетъ евангельскія событія въ точныхъ чертахъ мѣста и времени [60]).

Такое направленіе бесѣдъ законоучителя нисколько не умаляетъ и не затемняетъ высоты божественной стороны въ природѣ Спасителя, скорѣе наоборотъ: при-

---

женные выводы науки о роли евангельскаго ученія и личности Іисуса въ религіозномъ прогрессѣ человѣчества въ «Исторія религіи»—Мензиса, послѣдн. гл.

[59]) «Этика» Гефдинга, стр. 42.

[60]) Православный законоучитель руководствоваться Фарраромъ не можетъ въ виду его явнаго уклоненія отъ ученія о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ. *Ред.*

водитъ къ непоколебимой увѣренности въ правдивости евангельскаго изображенія и въ божественности Спасителя.

Изученіе евангелія, этого первоисточника Христіанскаго ученія, будучи проведено чрезъ весь курсъ средней школы, имѣетъ, на нашъ взглядъ, еще одно преимущество: на первый планъ въ преподаваніи закона Божія выступитъ принципъ евангельской любви, въ расширеніи и углубленіи которой заключается главнѣйшее значеніе христіанской нравственности. Этотъ принципъ, при современной постановкѣ преподаванія закона Божія, обращаетъ на себя вниманія значительно меньше, чѣмъ, намъ кажется, слѣдовало бы.

IV.

Родной языкъ и поэзія представляютъ сокровищницу знаній и жизненнаго опыта, накоплявшихся въ народномъ сознаніи въ теченіе многихъ вѣковъ существованія народа. Современная наука, все глубже всматриваясь въ жизнь языка и тщательно изучая генетическую связь выдающихся творцовъ литературы съ почвой, ихъ произведшей (малоизвѣстные писатели, общество, народъ), приходитъ къ выводу, что великіе труженики слова, родоначальники новыхъ теченій въ поэзіи, являются только талантливыми выразителями того самосознанія, которое таилось уже въ умахъ современниковъ. Аполлонъ Григорьевъ сказалъ: «Поэты суть голоса массъ, народностей, мѣстностей, глашатаи великихъ тайнъ жизни, носители словъ, которыя служатъ ключами къ уразумѣнію эпохъ и народовъ»

(1858 г.). Такимъ образомъ въ произведеніяхъ корифеевъ русской литературы собрано самосознаніе русскаго человѣка вообще и въ особенности самосознаніе образованнаго класса русскаго общества.

Вотъ та исходная точка зрѣнія, которая должна лечь въ основу учебныхъ занятій по русскому языку и которой совсѣмъ не знаетъ современная школа.

Въ нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ самаго разнообразнаго типа, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, главное чуть не исключительное вниманіе при преподаваніи русскаго языка устремлено на изученіе грамматики и усвоеніе ороографіи. Эти занятія начинаются съ младшихъ классовъ и всею своею тяжестью обрушиваются на дѣтскія души. Живого интереса въ ученикахъ такія занятія никоимъ образомъ не могутъ возбуждать, такъ какъ они ничего не даютъ ни чувству, ни воображенію. Этотъ интересъ можно вызвать лишь искусственными средствами, дѣйствуя на самолюбіе ребенка, главнымъ образомъ при помощи отмѣтокъ. Защитники грамматики указываютъ обыкновенно на пользу ея для гимнастики ума. Здѣсь мы видимъ, какъ интересы ученаго спеціалиста навязываются дѣтямъ, т. е. допускается крайнее пренебреженіе къ строю душевной жизни ребенка и къ естественнымъ путямъ его умственнаго развитія [61]).

На изученіе грамматики и на ороографическія упражненія уходитъ почти все время, отводимое въ низшихъ классахъ подъ уроки русскаго языка. Чтеніе разсказовъ и разучиваніе стихотвореній, представляющихъ для дитяти живой интересъ и оказывающихъ на него воспитательное вліяніе, является въ классѣ дѣломъ вто-

---

[61]) Гефдингъ: «Этика», стр. 190.

ростепеннымъ, на него смотрятъ скорѣе какъ на развлеченіе, чѣмъ на серіозное занятіе.

Грамматическій режимъ въ видѣ запутанной ореографіи академическаго руководства («гротографія») держитъ подъ дамокловымъ мечомъ и учениковъ старшихъ классовъ. При оцѣнкѣ письменныхъ работъ безукоризненно правильное начертаніе словъ представляетъ condicio sine qua non удовлетворительной отмѣтки; другими словами: сколько бы ученикъ ни проявилъ въ сочиненіи способность здраво разсуждать, глубоко чувствовать и правильно оцѣнивать вещи; все это «идетъ на смарку», если допущено нѣсколько грубыхъ ореографическихъ ошибокъ.

Въ старшихъ классахъ нынѣшнихъ мужскихъ гимназій основную цѣль всѣхъ занятій составляетъ теоретическое изученіе русскаго языка: «окончившій курсъ въ гимназіи долженъ получить, съ одной стороны основательное грамматическое и стилистическое знаніе своего, отечественнаго языка, а съ другой—правильное понятіе объ его литературномъ развитіи» («Учебный планъ русскаго языка съ церковнославянскимъ и словесности»).

Правда, здѣсь читаются и разбираются произведенія русской словесности въ хронологическомъ порядкѣ, но вотъ въ чемъ состоятъ задачи этого разбора: «При изученіи каждаго произведенія ученики знакомятся съ содержаніемъ произведенія настолько, чтобы могли безъ затрудненія подробно изложить его въ пересказѣ или письменно; вмѣстѣ съ тѣмъ обращается вниманіе на построеніе сочиненія; тутъ же изучается произведеніе со стороны языка, слога и литературной формы» («Объяснительная записка къ учебному плану русскаго языка»).

Такова же постановка русскаго языка и въ стар-

шихъ классахъ большинства женскихъ гимназій; не то изучается исторія русской словесности прямо по учебнику.

Такимъ образомъ, уроки русскаго языка какъ въ младшихъ, такъ и въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній не имѣютъ никакого отношенія къ жизни. Поэзія, задача которой схватить и выяснить въ образахъ преходящія формы общественной жизни и незыблемые законы человѣческаго духа, теряетъ при такомъ преподаваніи всякій смыслъ.

А между тѣмъ поэзія представляетъ могучее и, можно сказать, незамѣнимое средство для истиннаго воспитанія женщины. «Чтобы слѣдить съ пониманіемъ и симпатіей за дѣятельностію мужа и имѣть возможность быть его совѣтницей, а также и для того, чтобы руководить воспитаніемъ своихъ дѣтей, она должна какъ можно лучше быть оріентирована въ области психологической и соціальной» [62]).

Поэзія въ своихъ образахъ открываетъ предъ ученицами міръ интересныхъ, поучительныхъ и разнообразныхъ явленій человѣческой жизни. Существеннѣйшіе вопросы, затрогивающіе духовное бытіе человѣка и общественныя отношенія, находятъ въ поэтическомъ изображеніи ясный и доступный отвѣтъ. Поэзія способна поучать и тѣхъ, для которыхъ отвлеченныя истины науки не доступны [63]).

Преподаватель русскаго языка въ женскомъ учебномъ заведеніи долженъ имѣть въ виду, какъ при вы-

---

[62]) Гефдингъ. «Этика», стр. 179.

[63]) См. объ этомъ подробно въ моей статьѣ «Польза и вредъ поэзіи для учащейся молодежи» («Педагогическій Сборникъ», 1899 г. № 5).

борѣ поэтическихъ произведеній, такъ и при разъясненіи по нимъ дѣйствительности тѣ вопросы, которые наиболѣе интересны, доступны и поучительны для воспитанницъ.

Это—вопросы, проливающіе свѣтъ 1) на человѣческую личность, ея достоинства и недостатки, на проявленія и взаимныя отношенія различныхъ сторонъ человѣческаго духа; 2) на жизнь семьи, на взаимныя отношенія, нравственныя права и обязанности отдѣльныхъ ея членовъ, въ частности—на цѣль брака, выборъ мужа, условія счастливой супружеской жизни, на миръ дѣтской души и отношенія родителей къ дѣтямъ; 3) на сущность общественной жизни, обязанности гражданина и на разграниченіе правъ общества и отдѣльной личности.

Послѣднее необходимо для того, чтобы женщина руководилась прочными нравственными принципами общественной жизни въ своемъ вліяніи на мужа и при воспитаніи дѣтей.

Подобно тому, какъ наше требованіе относительно изученія ученицами, подъ руководствомъ женщины-врача, воспроизводительныхъ функцій человѣческаго организма идетъ въ разрѣзъ съ установившимися взглядами на неприкосновенность мнимой дѣвичьей наивности такъ и предлагаемая нами небывалая программа «прикладной поэзіи» (не только русской, но и иностранной) едва ли можетъ встрѣтить сочувствіе въ обществѣ.

Между тѣмъ знаніе психологіи любви для молодой дѣвушки является въ высшей степени важнымъ,—до того важнымъ, что значительнѣе этого знанія едва ли можно что-нибудь указать. Ученицѣ, по окончаніи ею курса въ среднемъ учебномъ заведеніи, предстоитъ въ самомъ непродолжительномъ времени совершить шагъ,

отъ котораго зависитъ счастіе всего ея послѣдующаго существованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благополучіе другихъ лицъ, связанныхъ съ нею совмѣстною жизнію. Чтобы отнестись къ выходу замужъ сознательно, дѣвушка должна имѣть правильное понятіе о тѣхъ чувствахъ, которыя даютъ основу для счастливой семейной жизни, и руководиться высокой, ясно сознанной цѣлью.

Кому же по силамъ эта многотрудная задача—дать истинное понятіе о психологіи брака и воспитать въ дѣвушкѣ правильныя стремленія? Предоставить это на долю случая, оставивъ молодому уму самому разбираться въ невѣдомомъ для него лабиринтѣ, было бы величайшей, жестокостью со стороны воспитателей.

Семья умѣло взяться за это дѣло обыкновенно не можетъ, такъ какъ она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обладаетъ нужнымъ для того знаніемъ, здравымъ взглядомъ на вещи и возвышеннымъ образомъ мыслей. Въ нынѣшнее время большинство браковъ совершается подъ давленіемъ родителей, по расчетамъ, несовмѣстимымъ съ сущностью брачной жизни: принимаются главнымъ образомъ во вниманіе внѣшніе признаки—матеріальное и общественное положеніе вступающихъ въ бракъ, смотрятъ прежде всего на то, чтобы составилась «партія»; интимная же сторона, взаимныя чувства брачущихся и оцѣнка прочности душевныхъ узъ, ихъ связывающихъ, составляетъ вещь второстепенную: [64]). Одного этого обстоятельства довольно для того, чтобы понять исключительность счастливыхъ супружествъ въ наше время [65]).

---

[64]) Дюрингъ. «Цѣнность жизни», стр. 179—180).

[65]) У героя одной изъ послѣднихъ повѣстей Боборыкина «Дома» (Русская Мысль 1899 г. № 1) есть то-

Остается только школѣ подготовить дѣвицу къ совершенію неизбѣжнаго для огромнаго большинства шага, и школа можетъ выполнить свою задачу, предоставивъ разъясненіе психологіи брака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психологію семейныхъ отношеній, преподавателю поэзіи.

Поэтическое творчество, дающее отвѣты на вопросы жизни, не разрѣшаемые точной наукой, удѣляетъ особенное вниманіе психологіи отношеній между мужчиной и женщиной. На этомъ построены почти всѣ романы, большинство повѣстей и драмматическихъ произведеній. Въ этомъ заключается ясное указаніе, что существеннѣйшая сторона современной жизни находится въ зависимости отъ этихъ отношеній. Располагая такимъ богатствомъ человѣческаго опыта и мудрой прозорливости сокровенныхъ тайниковъ духа, школа не должна оставлять безъ утилизаціи эту сокровищницу истинныхъ знаній и глубокихъ откровеній.

Но къ лицу ли преподавателю прикладной поэзіи разъяснять взрослымъ дѣвицамъ психологію интимныхъ отношеній между мужчиной и женщиной? Не будетъ ли на такихъ урокахъ шокироваться чувство дѣвичьей стыдливости?.

Въ нашемъ обществѣ смотрятъ на отношенія ме-

варищъ, не нашедшій счастья въ супружеской жизни и ведущій подсчетъ несчастнымъ бракамъ. Такихъ браковъ онъ насчиталъ среди своихъ знакомыхъ уже 257; изъ нихъ только два сомнительныхъ; единственно же казавшееся ему удачнымъ супружество героя повѣсти на самомъ дѣлѣ также потерпѣло крушеніе. Такимъ образомъ, по свидѣтельству художника на 257 браковъ нѣтъ ни одного счастливаго.

жду мужчиной и женщиной крайне односторонне и низменно: обращается вниманіе главнымъ образомъ на плотскую страсть, игнорируются высокіе душевные моменты, дающіе совершенно иное освѣщеніе физіологическимъ актамъ. Пошлость взглядовъ отражается на самомъ языкѣ: даже такія слова, какъ «любовь», «безнравственность», имѣющія чисто психологическое значеніе и примѣняемыя къ обширной области душевныхъ явленій («любовь къ ближнему». «безнравственность принциповъ»), получаютъ въ обыденной рѣчи толпы пошлый оттѣнокъ. Справедливо сказалъ Страховъ: «Пушкинъ возвелъ въ нашей литературѣ чувство любви до его совершенной чистоты; онъ умѣлъ смотрѣть на женщину,

«Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты».

Между тѣмъ теперь мы дошли до того, что не понимаемъ этой святыни и этого цѣломудрія. «Тутъ иногда обнаруживается только превратное понятіе о любви; любовь считается вещію совершенно дозволительною, простою, ежедневною, поговорить о ней нельзя, такъ какъ въ сущности она все-таки только клубничка, и на большее значеніе претендовать не должна» [66]).

Вслѣдствіе такой пошлости взглядовъ преподаватель русскаго языка въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій, выясняя предъ слушательницами поэтическія произведенія, въ большинствѣ случаевъ прямо-таки стѣсняется говорить о любви героевъ, составляющей осно-

---

[66]) Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Т. II, стр. 58—59.

вное содержаніе разбираемыхъ произведеній. Можно себѣ представить, во что обращаются уроки разбора романовъ и драмъ при такомъ настроеніи учителя: дѣло сводится не къ тому, чтобы глубже проникнуть въ духовный міръ дѣйствующихъ героевъ и, путемъ выясненія изображенной личности, понять жизнь въ прошломъ и настоящемъ а къ искусству изворачиваться, обходя «щекотливыя» мѣста, прочесть которыя обязываютъ ученицъ, но разбирать въ классной бесѣдѣ признаютъ неприличнымъ.

Ученица, говоря о такомъ невинномъ и въ сущности возвышенномъ предметѣ, какъ влюбленность героевъ, обыкновенно смущается и краснѣетъ, стараясь подбирать выраженія какъ можно неопредѣленнѣе и выражаться намеками.

Такова, ужъ манера говорить въ женской школѣ. Насколько офиціально обязательна такая манера, указываетъ слѣдующій примѣръ.

Я зналъ преподавателя, который позволялъ себѣ, встрѣчаясь съ своими ученицами въ обществѣ и посѣщая ихъ семьи, ухаживать за ними, говорить двусмысленности, разыгрывать изъ себя влюбленнаго, словомъ «флиртовать». И этотъ самый наставникъ, являясь въ классъ, считалъ нужнымъ краснѣть на каѳедрѣ и потуплять свои глаза «долу», какъ только ученица, при передачѣ содержанія романа, неосторожно употребляла слово «любовь»; при этомъ онъ поспѣшно, въ смущеніи, прерывалъ разсказъ ученицы и, задавая вопросъ, перескакивалъ через тѣ мѣста романа, въ которыхъ говорится о чувствахъ выводимыхъ персонажей; для домашнихъ же сочиненій задавалъ темы въ такомъ родѣ: «скромность—есть лучшее украшеніе молодой дѣвушки».

Такая профанація одного изъ самыхъ благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ настроеній человѣческой души, оставляющаго глубокій, животворный слѣдъ на всей послѣдующей жизни индивидуума, несомнѣнно только развращаетъ дѣвичье воображеніе, внушая ученицѣ пошлые взгляды на любовь. И вотъ этотъ профанирующій характеръ преподаванія поэзіи въ старшихъ классахъ какъ разъ вмѣняется въ обязанность учителю, и, если послѣдній, исходя изъ того взгляда, что въ чувствѣ любви, какъ таковомъ, нѣтъ ничего постыднаго и срамнаго, позволитъ себѣ на урокахъ разбирать душевныя отношенія героевъ романа, указаннаго въ министерской программѣ и, слѣдовательно, по содержанію безукоризненнаго, то на него поднимается цѣлая клика старыхъ дѣвъ, въ лицѣ классныхъ дамъ, во главѣ съ начальницей заведенія.

Такая точка зрѣнія на любовь должна быть оставлена и гимназическимъ начальствомъ, и преподавателями русскаго языка. Послѣдніе обязаны усвоить себѣ возвышенный взглядъ на психологическую основу любви между мужчиной и женщиной.

Природа этого чувства прекрасно раскрыта въ обширномъ изслѣдованіи Владиміра Соловьева: «Смыслъ любви». Этотъ мыслитель доказываетъ, что любовь между мужчиной и женщиной является самымъ могучимъ средствомъ освобожденія человѣка отъ оковъ эгоизма.

Понимая такъ значеніе любви въ мірѣ, преподаватель сумѣетъ воспользоваться воспитательнымъ значеніемъ сценъ любви, изображенныхъ въ поэтическомъ произведеніи. «Поэзія одухотворяетъ это чувство, возвышаетъ и истолковываетъ лучшее его значеніе и та-

кимъ образомъ противодѣйствуетъ всякаго рода разврату» [67]).

Проникнувшись этимъ единственно правильнымъ взглядомъ на «симпатію душъ», учитель можетъ быть увѣренъ, что его объясненія чувствъ влюбленныхъ героевъ не будетъ шокировать скромности воспитанницъ. Если даже имъ привитъ уже раньше, домашнимъ воспитаніемъ или классными дамами, неправильный взглядъ на любовь, какъ на такой предметъ, о которомъ громко говорить не прилично, то и въ этомъ случаѣ классъ скоро перестанетъ смущаться при разъясненіяхъ преподавателемъ психологіи влюбленныхъ, какъ только замѣтитъ, что этотъ вопросъ трактуется въ серьезномъ и возвышенномъ тонѣ.

Правильное отношеніе преподавателя къ сценамъ любви въ романахъ открываетъ ему возможность внести въ сознаніе ученицъ благодѣтельный свѣтъ мысли и знанія, который, подобно маяку, будетъ руководить молодой дѣвушкой въ отношеніяхъ ея къ мужчинамъ, составляющихъ главное содержаніе ея душевной жизни до замужества.

Разработка поэтическихъ произведеній съ этою цѣлію должна пасть на классы, въ которыхъ обучаются уже взрослыя дѣвицы. Другія же задачи изученія поэзіи съ цѣлію уясненія жизни, указанныя нами выше, отходятъ на низшіе и средніе классы, при чемъ, само собой разумѣется, преподаватель постоянно долженъ сообразоваться съ умственнымъ кругозоромъ, духовнымъ развитіемъ и потребностями своихъ ученицъ.

---

[67]) Н. Страховъ. «Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ» Т. II, стр. 58.

На преподаваніе поэзіи въ старшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній должно быть отведено возможно большее количество уроковъ. При всемъ томъ многосложность и разнообразіе жизненныхъ явленій, схваченныхъ и уясненныхъ поэзіей, настолько велико, что невозможно исчерпать его на школьныхъ урокахъ въ мѣрѣ, необходимой для того, чтобы воспитанница по выходѣ изъ стѣнъ учебнаго заведенія, могла свободно оріентироваться въ житейскихъ отношеніяхъ. Поэтому ближайшая цѣль, которую обязанъ поставить преподаватель поэзіи, должна заключаться въ умѣніи ученицъ понимать внутреннюю сторону художественныхъ образовъ, идейное содержаніе поэтическихъ произведеній и въ навыкѣ связывать явленія обыденной жизни съ творческими типами, находя въ послѣднихъ разъясненіе и оцѣнку первыхъ. Если эта цѣль будетъ достигнута, то преподаватель поэзіи можетъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія быть увѣреннымъ, что его трудъ не пропалъ даромъ, что молодежь, съ помощію лучшихъ произведеній художественнаго творчества, ознакомленіе съ которыми она будетъ продолжать и по оставленіи учебной скамьи, скорѣе научится ознакомливаться и въ будничной сутолокѣ жизни и при важныхъ, поворотныхъ моментахъ своего существованія, не упуская изъ виду высокихъ цѣлей бытія.

Намѣченными здѣсь задачами мы прокладываемъ въ школу путь совершенно новому учебному предмету—преподаванію прикладной поэзіи. Цѣли и средства этого предмета отличны отъ цѣли и средствъ преподаванія собственно роднаго языка, которое требуетъ въ свою очередь значительной реформы.

Первоначальное изученіе грамматики русскаго языка должно быть упрощено и ограничено до минимума,

да и въ такомъ сокращенномъ видѣ грамматическій курсъ проходится лишь въ среднихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ отчетливо—ясное пониманіе логическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ грамматическаго строя языка, требуетъ способности мыслить отвлеченно, чего нѣтъ еще въ дѣтскомъ мышленіи. А для того, чтобы взрослая дѣвица могла сознательно относиться къ орудію своей мысли и отдавать себѣ ясный отчетъ въ оттѣнкахъ родной рѣчи, стоящихъ въ зависимости отъ грамматической формы и конструкціи, въ высшемъ классѣ обстоятельно изучается отсутствующій теперь научный курсъ русской грамматики, поставленный въ связь съ древне-церковно-славянской грамматикой, исторіей рускаго языка и мѣстными нарѣчіями.

Въ низшихъ же классахъ уроки русскаго языка должны быть посвящаемы главнымъ образомъ объяснительному чтенію. Преподаватель обязанъ позаботиться прежде всего о томъ, чтобы ребенокъ умѣлъ понимать книгу, вникать въ оттѣнки литературной рѣчи, улавливать ея логическій ходъ и постепенность въ развитіи мысли. Необходимо уже въ низшихъ классахъ пріучать ученицу понимать поэтическій, образный языкъ, подмѣчать чувства поэта и сливаться сердцемъ съ душею художника. Нужно, чтобы она на практикѣ устной рѣчи выработывала ясный, точный и правильный языкъ, постепенно пріучалась къ сложности и разнообразію литературныхъ оборотовъ и построеній.

Орѳографическій навыкъ преобрѣтается въ низшихъ классахъ постепенно и не спѣша, путемъ практическихъ упражненій съ помощію небольшаго количества правилъ, по своей формулировкѣ по возможности свободныхъ отъ грамматической терминологіи. Нынѣшняя

же ореографическая педантичность, на выработку которой уходитъ почти все время, отведенное подъ уроки русскаго языка, должна быть признана стѣснительнымъ наслѣдіемъ старой схоластики и неудобоносимымъ для «малыхъ сихъ» бременемъ.

Въ подтвержденіе своей мысли ссылаюсь на авторитетъ извѣстнаго русскаго педагога и ученаго, обличающаго неумѣстность нынѣшняго грамматическаго режима: «На первомъ планѣ должна всегда стоять личность учащагося», говорилъ профессоръ Буслаевъ: «развитіе этой личности и составляетъ важнѣйшую цѣль обученія; предметъ обученія только средство къ духовному развитію ученика. Не грамматика въ ея схоластической системѣ должна быть предметомъ изученія для дѣтей; прежде чѣмъ приступить къ грамматическимъ объясненіямъ, нужно ввести дѣтей въ пониманіе самого языка. На разговорѣ, на чтеніи дѣти должны привыкнуть всматриваться и въ строй рѣчи и въ измѣненія словъ. Только на высшей ступени обученія грамматика можетъ быть предлагаема въ системѣ. Главное занятіе съ дѣтьми — объяснительное чтеніе. Путемъ постояннаго чтенія и разбора ученики потомъ знакомятся и съ литературой».

О томъ же говоритъ и академикъ Срезневскій въ своихъ статьяхъ [68]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, средняя школа обязана научить взрослую дѣвушку читать научно-литературныя сочиненія, изложеніе которыхъ отличается отвлеченностью, обиліемъ спеціальныхъ терминовъ и сложностью синтак-

---

[68]) Изд. въ Изв. Им. Ак. Наукъ, а потомъ переизданы отдѣльной книгой.

сическихъ построеній. Этого не даютъ теперь ни мужскія, ни женскія средне-учебныя заведенія, хотя это крайне необходимо для самообразованія. Занятіе последнимъ, конечно, въ высшей степени важно для будущей жены и матери, которая въ научной книгѣ можетъ найти разрѣшеніе многихъ вопросовъ обыденной жизни.

Алексѣй Флёровъ.

Продолженіе будетъ.

Грамматика древне-церковно-славянскаго языка

(для средне-учебныхъ заведеній).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мало оригинальнаго представляетъ древнѣйшая славянская письменность. Долго не приходилось славянамъ принимать участія въ общеевропейскомъ развитіи. У славянъ не было того богатаго наслѣдія античнаго міра, которое получили другія племена, когда, озаренныя свѣтомъ христіанства, принялись за разработку своей культуры. Христіанство явилось первоначальнымъ и главнымъ источникомъ умственнаго развитія славянъ. Оно знакомило ихъ съ новымъ, прежде чуждымъ имъ міромъ понятій, доставляло неизсякаемый источникъ духовныхъ наслажденій. Живя еще исключительно чувствомъ и не вдаваясь въ непонятныя для него научныя отвлеченности, славянинъ стремился здѣсь болѣе инстинктомъ найти отвѣты на требованія и запросы своей жизни. Возбужденная мысль сильно работала, многое воспринимала, хотя, въ то же время, была черезчуръ слаба, чтобы вполнѣ уяснить себѣ или сдѣлать самостоятельные выводы изъ всего воспринимаемаго и дать новый вкладъ въ умственный капиталъ человѣчества: для нея еще много предстояло труда надъ чужимъ, заимствованнымъ матеріаломъ, который взяла она средствомъ для своего развитія.

Много неясныхъ страницъ представляетъ исторія этого времени, исторія первоначальной церковно-славянской пись-

менности. Много вопросовъ создается здѣсь для изслѣдователя: здѣсь находится почва для историка церкви и политическихъ отношеній, здѣсь же возникаютъ вопросы чисто этнографическаго характера и узко-лингвистическіе.

Предъ изслѣдователемъ, правда, находятся нѣкоторые историческіе памятники, свидѣтельствующіе объ этой эпохѣ, но памятники эти сравнительно уже поздняго времени, освѣщаютъ они при томъ различные вопросы односторонне, не безъ извѣстныхъ вымысловъ, преданій, а иногда даже противорѣчиво. А затѣмъ—предъ изслѣдователемъ, какъ загадка, находятся древнѣйшіе церковно-славянскіе памятники; это переводы или отрывки изъ переводовъ книгъ св. Писанія, книгъ богослужебныхъ, не относящіеся ко времени первоначальной церковно-славянской письменности, хотя и тѣсно съ ней связанные и представляющіе, повидимому, копіи съ оригиналовъ этой эпохи.

Прежде всего поражаетъ то, что древнѣйшіе церковно-славянскіе памятники писаны двумя азбуками, на первый взглядъ совершенно различными, такъ называемой глаголицей и кириллицей. И памятники эти не уступаютъ другъ другу въ древности, говорятъ они также о близкомъ родствѣ относительно мѣста своего происхожденія. Зачѣмъ же, спрашивается, понадобились славянамъ двѣ азбуки, особенно если эти азбуки возникли почти въ одно и то же время или на одной и той же почвѣ? Если одна изъ азбукъ была составлена св. Кирилломъ, какъ указываютъ на то главнѣйшіе историческіе памятники, упоминающіе при томъ объ одной только азбукѣ (неизвѣстно, однакожъ, какой), то кому принадлежитъ составленіе другой? Какъ вообще примѣнять личное начало въ вопросѣ о составленіи азбукъ, принимая во вниманіе новѣйшія теоріи о постепенности ихъ образованія? Гдѣ источники особенно загадочной славянской азбуки, глаголицы, древность которой все болѣе и бо

лѣе становится несомнѣнной, гдѣ источники нѣкоторыхъ буквъ и кириллицы, поражающихъ сходствомъ съ соотвѣтствующими буквенными начертаніями глаголицы?

Вопросъ о происхожденіи и взаимоотношеніи древн. церк.-славян. азбукъ—вопросъ ужъ очень и очень давній. Онъ имѣетъ огромную научную литературу и все же остается вопросомъ неразрѣшеннымъ вполнѣ, загадкой, стоящей на пути у каждаго, всматривающагося въ ранніе вѣка славянской цивилизаціи.

Затѣмъ, —ни одно изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій не подходитъ всецѣло къ типу языка, создаваемаго на основаніи древнѣйшихъ церк.-славян.-памятниковъ, отличающихся другъ отъ друга, при томъ, уже извѣстными діалектическими особенностями Спрашивается опять, какому изъ славянскихъ нарѣчій выпало на долю быть священнымъ языкомъ большинства славянъ?

И если на два такихъ главныхъ вопроса, какъ вопросъ объ азбукахъ и роданѣ древ.-ц.-сл. языка, давались и даются разнообразные отвѣты, если эти вопросы не могутъ считаться вполнѣ разрѣшенными и теперь, то нечего говорить о другихъ многочисленныхъ вопросахъ, вызываемыхъ такъ называемымъ кирилло-меѳодіевскимъ временемъ.

Много уже трудовъ посвящено разработкѣ ихъ. Начало церк.-слав. письменности, ея первые шаги и развитіе въ Моравіи и Паннонія, ея трагическая судьба въ этихъ странахъ и, затѣмъ расцвѣтъ въ иной странѣ, родственной, хотя и инославянской, неотразимо влекутъ къ себѣ вниманіе ученыхъ-славистовъ. И все же часто приходится здѣсь витать въ области предположеній, иногда очень сомнительныхъ и очень часто противорѣчивыхъ.

Уже изъ сказаннаго ясно, что древ.-ц.-сл. языкъ, какъ школьный предметъ, долженъ имѣть много недостатковъ. Но въ средней школѣ мы должны не задаваться цѣлью изученія др.-ц. сл. языка какъ извѣстной самостоятельной системы, а должны выдвинуть ея служебное значеніе. Какъ извѣстно, древне-церк.-слав. языкъ имѣлъ огромное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ долго былъ нашимъ литературнымъ языкомъ: недаромъ древне-русскіе грамотеи говаривали, что церковно-слав. и русскій языкъ „единъ есть". Благодаря такой своей роли древ.-ц.-сл. языкъ оказалъ огромное вліяніе и на выработку нашей литературной рѣчи, распространилъ даже вліяніе на отдѣльныя факты русскихъ народныхъ говоровъ. Такимъ образомъ, безъ знанія формъ и законовъ др.-ц.-сл. языка мы не будемъ въ состояніи понять и освѣтить многое въ нашемъ языкѣ. Для знакомства же съ древней русской литературой, для пониманія языка нашей Церкви (ново-церковно-славянскаго) знаніе древне-церк.-слав. языка во многомъ совершенно необходимо.

Но признавая огромную историческую важность для насъ др.-ц.-слав. языка, не нужно также забывать, что нашъ школьникъ не изслѣдователь, не ученый филологъ, что древне-ц.-слав. языкъ хотя и священный языкъ, но все же мертвый, изучать формы котораго является совершенно нецѣлесообразнымъ. Забвеніе этого и повело къ тому невозможному положенію, которое создалось въ средней школѣ для грамматики древне-ц.-слав. языка, и было причиной нареканій, жалобъ, которыя несправедливо пали на самый древне-ц.-сл. языкъ.

Стоитъ только просмотрѣть рядъ учебниковъ по др.-ц.-слав. языку и убѣдиться вполнѣ, сознать, не изучая ихъ, сколько горя, озлобленія могло вызвать изученіе ихъ въ сердцѣ школьника. Память, одна только память требовалась для часто механическаго изученія того, что, часто не

отдавая себѣ отчета, а лишь въ силу традиціи принималъ составитель учебника; затѣмъ—совершенно ненужныя детали, мелочи, которыя могли быть только полезны при практическомъ изученіи языка

Почти 30 изданий выдержала извѣстная грамматика Колосова. Она продолжаетъ держаться, несмотря на дальнѣйшія попытки другихъ составителей дать болѣе научныя грамматики, продолжаетъ держаться несмотря и на то, что въ большинствѣ своихъ изданій печаталась безъ перемѣнъ, так. обр. являлась устарѣвшей. Происходило это оттого, что позднѣйшіе учебники, улучшая дѣло въ частностяхъ, въ общемъ не измѣняли ничего, выполняя выработавшуюся ранѣе крайне сухую систему, и результаты въ дѣлѣ преподованія получались тожественными. Иногда даже введеніе новаго сравнительнаго матеріала являлось только еще большимъ тормазомъ для работы памяти.

Итакъ мы должны прійти къ тому заключенію, что др.-ц.-сл. языкъ въ средней школѣ долженъ преподаваться: 1) или попутно, когда потребуетъ того изученіе главнымъ образомъ русскаго языка; 2) или, если будемъ стремиться давать по прежнему систематическое изложеніе грамматики др.-ц.-слав. языка, то эта система должна быть иная, чѣмъ та, какую находимъ въ нашихъ учебникахъ.

Учебная грамматика др.-ц.-сл. языка должна давать только главное, минуя различныя мелочи. Это главное должно быть связано съ хорошо извѣстнымъ матеріаломъ для школьника, т. е. съ данными русскаго языка, но не путемъ только сопоставленія, а путемъ уясненія, уловленія различныхъ причинъ, законовъ языка, насколько то, конечно, возможно; ничто не должно быть взято только памятью. Оставляя центръ тяжести за древне-ц.-сл. языкомъ, на

учебную грамматику все же нужно смотрѣть какъ на введеніе къ болѣе научному знакомству съ русскимъ языкомъ, потому также въ ней не должно быть полнаго догматизма, дабы не пришлось потомъ переучивать и сознавать съ прискорбіемъ, что средняя школа ведетъ совсѣмъ не по тому пути, какъ указываетъ современная наука. Нужно помнить твердо также то, насколько несовершенны наши грамматическія познанія вообще и потому не забивать головы учащихся схоластической ученостью.

Введеніе и грамматика.

§ 1. Начало письменности у славянъ относится ко времени принятія ими христіанства. У славянъ-язычниковъ могли быть, конечно, попытки писать, но попытки эти были крайне несовершенны, это были тѣ „черты и рѣзы", о которыхъ упоминаетъ одно древнее сказаніе и въ которыхъ совершенно нельзя видѣть какое-то особое славянское письмо.

Христіанство начало проникать къ западнымъ и южнымъ славянамъ еще до дѣятельности св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Оно проникало къ нимъ сначала на чуждыхъ для славянъ языкахъ: латинскомъ (черезъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ) и греческомъ. Немудрено, что и принятіе христіанства ограничивалось главнымъ образомъ частными случаями. Вмѣстѣ съ знакомствомъ съ греческой и латинской азбукой у славянъ-христіанъ могла сказываться потребность передачи этими азбуками своей рѣчи. И эти попытки первоначально могли быть очень несовершенны, такъ какъ въ греческой и латинской азбукахъ не доставало нѣкоторыхъ буквенныхъ знаковъ для выраженія звуковъ славянской рѣчи (напр., для ж, ч, ц и пр.). Попытки эти могли первоначально обнаруживаться въ обиходной жизни и быть также частичны, какъ само принятіе христіанства.

Въ IX вѣкѣ уже ярко высказывается у части славянъ сознаніе необходимости принятія христіанства и желаніе притомъ имѣть изложеніе этой новой вѣры на понятномъ, родномъ имъ языкѣ. Въ 863 г. Ростиславъ, князь моравскій, обращается съ просьбой къ императору греческому Михаилу прислать въ Моравію проповѣдника вѣры Христовой, знающаго славянскій языкъ. Михаилъ созываетъ совѣтъ. На этомъ совѣтѣ присутствуетъ уже прославившійся

своими миссіонерскими подвигами философъ Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ). И Михаилъ здѣсь указываетъ Константину, что ему надлежитъ теперь новый трудъ уже среди славянъ. Константинъ прежде всего задаетъ вопросъ императору: имѣютъ ли жители Моравіи свою азбуку, такъ какъ въ иномъ случаѣ, по его выраженію, пришлось бы писать „на водѣ". Получивъ отрицательный отвѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣщанье Михаила не отказываться отъ труднаго подвига, Константинъ прежде всего принялся за составленіе азбуки для славянъ. Свѣдѣнія эти мы черпаемъ изъ житій св. Кирилла и Меѳодія, которыя являются главными источниками для знакомства съ исторіей первоначальнаго просвѣщенія славянъ. Но въ изложеніи событій житія Кирилла и Меѳодія на многіе вопросы не отвѣчаютъ. Мы не знаемъ, напр., греки или славяне были св. Кириллъ и Меѳодій. Мы не можемъ съ увѣренностью опредѣлить, гдѣ началась дѣятельность св. Кирилла и Меѳодія: сразу ли у моравянъ или она началась еще раньше у славянъ, жившихъ въ окрестностяхъ города Солуня, уроженцами котораго были Константинъ и Меѳодій. Такимъ образомъ неясно также и то, какой славянскій языкъ взяли они въ основу своей переводческой дѣятельности, такъ какъ мы можемъ объ этомъ судить уже только по рукописямъ X—XI в.в., слѣдовательно, по трудамъ позднѣйшаго времени, а непосредственные труды св. братьевъ до насъ не дошли. Эти дошедшія до насъ рукописи X—XI в. указываютъ, что въ основу было положено одно изъ болгарскихъ нарѣчій или говоровъ *). И вполнѣ возможно, что Константинъ

*) Нарѣчія образуютъ языкъ, сами же распадаются на говоры. Иногда употребляется выраженіе: славянскія нарѣчія, вмѣсто языки, при этомъ подразумѣвается какъ бы общій славянскій языкъ, который образовали когда то эти

и Меѳодій перевели еще передъ отъѣздомъ въ Моравію у себя, на родинѣ, нѣкоторыя важныя для своего дѣла церковно-богослужебныя книги; тѣмъ болѣе это возможно, что въ IX вѣкѣ языкъ солунскихъ славянъ былъ совершенно понятенъ для славянъ Моравіи.

Дѣятельность Константина и Меѳодія протекла въ Моравіи, а также небольшемъ сосѣднемъ славянскомъ княжествѣ Блатенскомъ (прежняя обл. Паннонія, населенная словенцами) у князя Коцела. Тяжело приходилось славянскимъ учителямъ благодаря тѣмъ сильнымъ гоненіямъ которыя воздвигло на нихъ нѣмецкое духовенство, ранѣе проникшее въ Моравію и считавшее послѣднюю своимъ удѣломъ. Благодаря вліянію этого духовенства, употреблявшаго латинскую литургію, послѣ смерти Меѳодія (+885, Константинъ-Кириллъ умеръ ранѣе, въ 869 г.), ученики св. братьевъ были изгнаны изъ Моравіи и бѣжали на югъ, глав. обр. въ Болгарію. Къ тому времени болгарское государство достигаетъ большого могущества (въ составъ болгарскаго государства входила тогда даже горная часть нынѣшней Венгріи). Вслѣдствіе дѣятельности учениковъ св. братьевъ въ Болгаріи наступаетъ расцвѣтъ письменности. На сѣверозападѣ отъ Болгаріи было тогда Хорватское государство, гдѣ также обнаружились слѣды дѣятельности св. братьевъ.

Дѣлу Константина Кирилла и Меѳодія во многомъ содѣйствовало то обстоятельство, что выдающіеся изъ славянскихъ правителей того времени понимали, что для политической самостоятельности ихъ государствъ важно имѣть независимую національную церковь. И если мы видимъ вскорѣ гоненія на славянское богослуженіе и стремленіе уни-

---

нарѣчія. Въ послѣднее время начали чаще употреблять вм. славянскій—словянскій, возобновляя древнюю книжную форму „словѣнскій“.

чтожить всякіе слѣды дѣятельности Кирилла и Меѳодія, то это объясняется главнымъ образомъ политической слабостью предъ сосѣдями-нѣмцами *).

§ 2. Въ X вѣкѣ Русь принимаетъ христіанство. Проникаетъ сюда уже славянская письменность изъ Болгаріи. Древне-русскіе книжники, занимавшіеся перепиской, стремились точно передавать подлинники, такъ какъ не считали возможнымъ измѣнять хотя бы въ мелочахъ формы священнаго нарѣчія. Впрочемъ, совершенно невольно, подъ вліяніемъ родныхъ нарѣчій, они дѣлали отступленія отъ этихъ подлинниковъ. И вообще, церковно славянскія рукописи, будучи переписываемы въ различныхъ славянскихъ земляхъ, воспринимали особенности различныхъ нарѣчій. Въ рукописяхъ XI—XIII вв. и дальнѣйшаго времени, переписанныхъ въ Болгаріи, Сербіи и на Руси, замѣчаются отличія, которыя заставляютъ различать такъ называемые изводы, или редакціи,—болгарскую, сербскую, русскую. Путемъ дальнѣйшаго измѣненія у насъ образовался ново-церковно-славянскій языкъ, который употребляется теперь въ нашей церкви.

Въ нашихъ монастыряхъ, различныхъ библіотекахъ сохраняется масса рукописей др.-ц.-славянскихъ, переписанныхъ нашими грамотеями. Древне-русскій книжникъ проникался церковно-славянской рѣчью: онъ зналъ наизусть огромные отрывки, иногда цѣлыя книги. Немудрено, что древне-

*) Тогда же начали западные славяне прибѣгать къ латинской азбукѣ, приспособлять ее къ передачѣ своей рѣчи. Нѣсколько разъ приходилось реформировать, улучшать заимствованный алфавитъ, прежде чѣмъ достигнуть того состоянія, въ которомъ видимъ теперь его (при томъ, такъ какъ реформа эта производилась у различныхъ славянъ особо, то и теперь способы передачи нѣкоторыхъ звуковъ не одинаковы).

церк.-сл. языкъ сдѣлался нашимъ книжнымъ литературнымъ языкомъ. Такъ было до XVIII ст. (хотя уже начиная съ XII—XIII ст. выступаютъ иногда мѣстныя нарѣчія въ качествѣ письменнаго языка, но только это было въ дѣловыхъ сношеніяхъ). Только со времени Петра Великаго начинаетъ сказываться довольно сильно стремленіе дать русскому языку литературную обработку, что обнаруживается особенно дальше—въ трудахъ Тредьяковскаго, Ломоносова. Трудами представителей этого движенія въ основу литературнаго русскаго языка положенъ былъ московскій говоръ. Господство у насъ древне ц. сл. языка, его близость къ русскому языку обусловили и сильное вліяніе его на создававшуюся русскую литературную рѣчь. И какъ древне-церковно-сл. языкъ на первыхъ же порахъ своего образованія отклонился отъ того болгарскаго говора или нарѣчія, которое было положено въ его основаніе, отклонился въ силу вліянія особенно греческаго языка, такъ было и съ русскимъ литературнымъ языкомъ—только здѣсь предыдущая жизнь создала возможность бóльшихъ вліяній.

§ 3. Древне-церковно-славянскому языку, такимъ образомъ, суждено было выйти изъ рамокъ языка церковнаго. Для насъ и для южныхъ славянъ онъ имѣлъ въ свое время такое же значеніе, какъ латинскій языкъ въ средніе вѣка для Западной Европы.

Изъ сказаннаго ранѣе мы видимъ также, что знакомство съ древне-церковно славянскимъ языкомъ важно для насъ не потому только, что въ немъ для насъ дорогое, священное наслѣдіе, а и потому что многое, безъ знакомства съ нимъ, можетъ остаться непонятнымъ въ нашемъ языкѣ. Конечно, для полнаго пониманія книгъ, написанныхъ древне-церковно-славянскимъ языкомъ (какъ и богослужебнаго языка нашей церкви—ново-церковно-славянскаго), далеко недостаточно знакомства съ грамматикой или даже изученія

ея: необходимо знакомство съ самими книгами, такъ какъ тамъ мы найдемъ часто слова, которыхъ не знаетъ русскій языкъ.

§ 4. Находящіяся въ Россіи разнообразныя древне-церковно-славянскія рукописи писаны такъ называемой „кириллицей", т. е. азбукой, составленіе которой приписывалось св. Кириллу. Когда у насъ было введено книгопечатаніе, кириллица легла въ основу печатнаго шрифта. Скоро, впрочемъ, благодаря реформамъ Петра Великаго, шрифтъ свѣтской нашей литературы былъ измѣненъ, приближенъ нѣсколько къ латинской азбукѣ. Такимъ образомъ, кирилловская азбука отличается отъ теперешней нашей азбуки нѣкоторыми знаками, а также отчасти общимъ обликомъ начертаній.

Долгое время нисколько не сомнѣвались, что кириллица, дѣйствительно, принадлежитъ св. Кириллу и даже сомнѣніе въ этомъ могло показаться страшной ересью. Но со второй $^1/_2$ XIX ст. увѣренность эта сильно поколебалась, такъ какъ бо́льшую древность начали видѣть нѣкоторые ученые въ другой славянской азбукѣ, такъ называемой „глаголицѣ" *).

Съ глаголицей познакомились сначала по рукописямъ, сохранившимся у хорватовъ (и теперь отчасти удержавшимъ славянское богослуженіе и глаголическую письменность). Эта азбука поражала вычурностью своихъ начертаній. Первоначально и создалось предположеніе, что азбука эта была изобрѣтена хорватскимъ духовенствомъ, потому что кирилловское письмо подвергалось гоненію со стороны латинскаго духовенства. И изобрѣтеніе этой азбуки относили къ XIII в. Но постепенно (со второй $^1/_2$ XIX в.) начали открывать глаголическія рукописи, не уступающія по древнимъ чертамъ древнѣйшимъ кирилловскимъ рукописямъ, и поло-

*) Отъ глаголати (говорить, произносить).

женіе вопроса о возникновеніи глаголицы должно быть коренным образом измѣниться. Создавались и создаются различныя предположенія о древности той или другой азбуки, объ их взаимном отношеніи. Высказывались, напр., взгляды, что составленіе глаголицы принадлежит св. Кириллу, а кириллица (названію нельзя придавать значенія, так как это названіе позднѣйшаго происхожденія) была создана уже по перенесеніи церковно славянской письменности в Болгарію и составленіе ея вызвано было желаніем приблизить славянскій алфавит к хорошо извѣстному болгарам греческому алфавиту.

Но если бы составленіе глаголицы и принадлежало св. Кириллу, а кириллица есть результат дѣятельности послѣдующих поколѣній, то тѣм самым нисколько не умаляется значеніе дѣятельности св. братьев. Значеніе этой дѣятельности в созданіи первой славянской азбуки, в первом переводѣ на славянскій язык греческих книг, слѣдовательно, в созданіи литературнаго языка славян. И потому они вполнѣ могут быть названы славянскими первоучателями и величію их дѣла нисколько не повредит признаніе, что послѣдующія поколѣнія стремились внести измѣненія, нѣкоторыя реформы в этом дѣлѣ.

Между нѣкоторыми начертаніями кириллицы и глаголицы есть какое то сходство, которое указывает, что одна азбука составлялась уже под вліяніем другой (это—в передачѣ тѣх звуков, которых не имѣлось в греческом языкѣ, напр., ч, ц, ш, ж, и др). Кирилловское письмо представляет в большинствѣ своих начертаній копію с греческаго уставнаго *) письма. Если мы посмотрим на

---

*) Устав—буквы большія, угловатыя, полуустав—буквы болѣе мелкія, но также угловатыя. Дальнѣйшее письмо—скоропись. В др. ц. сл. рукописях только устав и полуустав.

греческія рукописи, писанныя уставомъ, то иной разъ прямо таки можетъ показаться, что это наше церковное письмо. Первоисточники начертаній глаголицы далеко не такъ ясны, этимъ и объясняется то различіе, которое господствуетъ въ мнѣніяхъ ученыхъ относительно источниковъ этой азбуки. Большинство ученыхъ въ настоящее время придерживается того взгляда, что и глаголица возникла изъ греческаго письма, только скорописнаго. Невозможность вывести нѣкоторыхъ буквъ глаголицы изъ греческой скорописи заставляетъ другихъ ученыхъ склоняться къ ранѣе еще проводимой теоріи о возникновеніи глаголицы изъ различныхъ источниковъ (между прочимъ, указывается вліяніе восточныхъ алфавитовъ).

§ 5. Древнѣйшія церковно-славянскія рукописи написаны на пергаментѣ *). Странной можетъ для нашего глаза казаться система писанія въ этихъ памятникахъ—это слитное, нераздѣльное письмо, съ рѣдкимъ сравнительно и непохожимъ на нашъ способомъ употребленія знаковъ препинанія (главнымъ образомъ точекъ), съ рѣдкимъ употребленіемъ большихъ буквъ и особыми надстрочными значками. Подобное слитное письмо, перенятое также и нашей письменностью, долго у насъ удерживалось; оно пережило даже время книгопечатанія, найдя себѣ отклики въ нашихъ старопечатныхъ книгахъ. Наша графика была заимствована. Она была создана для другого народа, очень близкаго, родственнаго намъ, но все же инославянскаго. Немудрено поэтому, что несмотря на дальнѣйшія измѣненія въ этой графикѣ остались у насъ буквенныя начертанія, сознательно отнестись къ которымъ не всѣ могутъ, другимъ

*) Пергаменъ или пергаментъ—особо выдѣланная телячья кожа. Названіе получилось отъ малоазіатскаго города Пергама, гдѣ первоначально выдѣлывалась эта кожа.

же начертаніямъ жизнь заставила придать не то значеніе, какое они имѣли первоначально.

§ 6. Если мы возьмемъ наши написанія: доска, сонъ, дождь, то въ др.-ц.-сл. рукописяхъ найдемъ соотвѣтственно этимъ написанія: дъска, сънъ, дъждь, рус написаніямъ: день, теменъ соотвѣтствуютъ также дьнь, тьмьнъ.

Намъ должны показаться странными слова, въ которыхъ нѣтъ, по нашему, ни одного гласнаго звука, такъ какъ ъ и ь у насъ не имѣютъ значенія гласныхъ звуковъ. Между тѣмъ приведенныя для примѣра др.-ц.-сл. написанія вполнѣ правильны, если принять во вниманіе, что первоначально ъ и ь передавали на письмѣ гласные звуки.

Трудно съ опредѣленностью сказать, какъ произносились составителями азбуки ъ и ь. Предполагаютъ, что ъ былъ близокъ къ о, ь — е, но это предположеніе основано, въ сущности, на данныхъ позднѣйшаго времени и говоровъ другихъ славянскихъ мѣстностей, гдѣ были переписаны дошедшія до насъ рукописи.

Для лучшаго опредѣленія, какъ произносился тотъ или иной звукъ въ древне-церк.-сл. языкѣ, обращаются къ сравненію съ данными другихъ славянскихъ языковъ, потому что всѣ они ранѣе составляли одинъ языкъ и остатки старины, удерживающіеся то въ одномъ, то въ другомъ, можно находить путемъ сравненія. Такъ точно, если мы хотимъ узнать какъ, приблизительно хотя, произносился извѣстный звукъ въ словѣ еще ранѣе, когда пра-славянскій языкъ составлялъ съ другими родственными языками — германскимъ, литовскимъ, греческимъ и др. одно цѣлое, то нужно обращаться къ сравненію родственныхъ корней въ этихъ языкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ сравненіе затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ славянскихъ языкахъ, съ одной стороны, и въ языкахъ имъ родственныхъ, съ другой, сохра-

нилось уже очень мало остатковъ отъ времени ихъ общей жизни.

Но сравненіе здѣсь не даетъ намъ вполнѣ положительныхъ результатовъ. Въ тѣхъ словахъ, гдѣ въ др.-ц.-сл. языкѣ стоятъ ъ и ь, въ другихъ славянскихъ языкахъ мы находимъ: въ однихъ о и е, въ другихъ е и ie (или также e), въ третьихъ одно a и пр. (въ болг. нарѣчіяхъ сон, ден, въ чешскомъ sen, den, серб. сан, дан. и пр.).

Въ немногихъ словахъ съ ъ и ь, сохранившихъ остатки общаго корня съ другими языками (неславянскими), мы находимъ такія соотвѣтствія:

дъштн (изъ дъштер =рус. дочь), греч. θυγάτηρ, санскр. (древне-индус.) duhitar; медъ—гр. μέθυ, санскр. madhu,

огнь (рус. огонь) латин. ignis, санскр. agni; мьгла литов. migla.

При чемъ u и i другихъ языковъ краткія.

Данныя родственныхъ, но неславянскихъ языковъ, указывая на то, что тамъ, гдѣ находились краткія u или i возникали ъ и ь древ.-ц.-слав. языка проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на особенности этихъ загадочныхъ звуковъ. ъ и ь также были краткими гласными звуками. Наши русскіе, такъ называемыя *бѣглые* о и е стоятъ именно на мѣстѣ древнихъ ъ и ь (сонъ—сна, день—дня). Самый переходъ ъ и ь въ гласные некраткіе объясняется измѣненіемъ произношенія конца слова. Первоначально на концѣ ъ и ь безусловно произносились и такимъ образомъ съиъ, дьиь были словами двухсложными. Затѣмъ, когда конечный ъ и ь потемнялись, предыдущіе ъ и ь усиливались и переходили въ болѣе сильные звуки, получалось сон, sen, ден, den, dzień (польск.) и пр., а въ родит. падежѣ, напр., когда на концѣ были полныя гласныя, ъ и ь въ серединѣ съ теченіемъ времени, ослабѣвая, исчезали. Въ русскомъ языкѣ

мы во многихъ случаяхъ уже не видимъ ни глухихъ, ни ихъ замѣнъ, напр., слова: мъногъ, къто и пр.

Итакъ, мы не можемъ съ опредѣленностью сказать, какъ звучали ъ и ь. Послѣдній знакъ, можетъ быть, означалъ звукъ средній между краткимъ і и е; первый—можетъ быть—средній между краткимъ у и о. Краткость этихъ звуковъ и то обстоятельство, что ъ произносилось твердо, ь—мягко, обусловили ихъ измѣненія подъ вліяніемъ послѣдующихъ слоговъ; такъ мы находимъ: тъма (рус. тьма) но о тьмѣ, вънъ (рус. вонъ), но вьнѣ и пр.

Слѣдовательно, въ настоящее время, въ нашемъ алфавитѣ, ъ и ь уже не имѣютъ прежняго своего значенія: теперь они показатели лишь твердости или мягкости согласныхъ. Мы можемъ, напр., сплошь и рядомъ обходиться безъ ъ, въ др.-ц.-сл. языкѣ это было бы невозможно (для насъ очень страннымъ было бы др.-ц.-сл. написаніе тъ=нашему тотъ).

§ 7. Вмѣсто нашихъ написаній: рука, веду и многихъ другихъ, гдѣ выступаетъ у, въ др.-ц.-сл. языкѣ находимъ: ржка, ведж и пр., т. е. особый знакь ж; въ то время, какъ въ древн. ц. сл. графикѣ есть начертаніе оу, соотвѣтствующее русскому у: оумыти, доухъ и пр.

Равнымъ образомъ вмѣсто русск. написаній: пять, племя и др., мы видимъ пать, племa, хотя опять-таки въ др.-ц.-сл. языкѣ есть начертаніе и для нашего я.

Долгое время звуковое значеніе ж и а опредѣлялось совершенно невѣрно: эти буквы считались равнозначащими съ указанными соотвѣтствіями въ русскомъ языкѣ, т. е. съ у и я. Только русскому ученому Востокову удалось пролить свѣтъ на эти загадочныя начертанія. Онъ первый обратилъ вниманіе на то, что ж и а въ польскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ такъ называемые *носовые* гласные звуки (произносимые какъ о и е съ призвуками н и м— $о^{н}$, $о^{м}$, $е^{н}$, $е^{м}$; изображаются на письмѣ ą, ę, ią, ię), такъ ржка—ręka

(реⁿка), пжть—pięc и пр. Дальнѣйшія изысканія подтвердили догадку Востокова. Оказалось, что и въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ имѣются носовые гласные звуки вмѣсто др. ц.-сл. ж и ѧ (напр., около Солуня, т. е. тамъ, гдѣ предполагается родина др. ц.-сл. языка: гъмба=гжба, дъмбъ=джбъ, свенто=свѧто, месенцъ=мѣсѧцъ и пр.). И въ другихъ языкахъ мы находимъ подобныя соотвѣтствія: гжсь, латин. anser, нѣм. gans, десѧть, литов. dešimtis, санскр. daçan.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ гласный+носовой звукъ выражался особыми начертаніями, а не прямо: он, ом, ен... На это можно сказать, что въ ж и ѧ носовой звукъ былъ болѣе слабый; это былъ лишь призвукъ, благодаря чему получалась возможность его полнаго исчезновенія, при чемъ гласный оставался или подвергался нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ какъ и здѣсь мы съ полной увѣренностью не можемъ сказать, что—за гласный звукъ былъ въ ж и ѧ, (могъ звучать, напр., ж не только какъ он, ом, но и какъ ъм, ън, ѧ—какъ ьм, ьн и пр.) и такъ какъ возможно предположить, что носовой призвукъ могли получать въ славянскомъ праязыкѣ разныя гласныя, то и трудно провести связующую линію между ж и ѧ и русскими замѣнами.

Отъ глаголовъ жѧ-ти (жать), дж-ти (дуть) 1 л. ед. ч. наст. врем. жьн ж, дъм-ж; такимъ образомъ здѣсь видимъ чередованіе двухъ формъ корней жѧ—жьн, дж—дъм, при чемъ послѣднія передъ гласными. Если видѣть въ послѣднихъ формахъ первоначальныя, то формы жѧ, дж явятся ослабленіемъ благодаря послѣдующей согласной Такимъ же образомъ ѧ въ племѧ явится ослабленіемъ племен (намъ понятно станетъ теперь появленіе н и в нашемъ склоненіи подобныхъ словъ).

Уже въ древнѣйшемъ церк. слав. памятникѣ русской

редакціи—Остромировомъ Евангеліи встрѣчаются примѣры гдѣ ж и ѧ замѣняются у и я (оу, ѹ и ꙗ). Очевидно, и въ дальнѣйшихъ памятникахъ у насъ этимъ начертаніямъ придавалось значеніе у и я. Въ новоцерковно-славянскихъ книгахъ ж—нѣтъ, но ѧ—сохранено, при чемъ и здѣсь значеніе этого начертанія тожественно значенію нашего я.

§ 8. Въ нашемъ литературномъ произношеніи мы не отличаемъ ѣ отъ е. Какъ произносилось ѣ въ др.-ц.-сл. языкѣ, съ точностью опять-таки трудно сказать. Судя по нѣкоторымъ древнѣйшимъ памятникамъ, звукъ ѣ былъ близокъ къ нашему я, по другимъ—ближе къ е. Мы видимъ такія, напр., написанія: вьсѣкъ, (=всякій) каплѣ (им. п.) и пр. Весьма возможно, что иногда, въ различныхъ формахъ слова, колебался и оттѣнокъ произношенія этого звука, такъ напр., въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ имѣемъ: хляб (=хлѣбъ), но хлеби (хлѣбы).

Мы унаслѣдовали ѣ, но въ произношеніи нашего литературнаго языка ѣ не отличается отъ е; въ народныхъ же русскихъ говорахъ, вмѣсто ѣ, мы видимъ звуки: е, и, я, йе, ие (напр., белъ, симяной, гняздо, хлйебъ хлиебъ и пр.).

§ 9. Хотя мы теперь и пишемъ: его, ему, моего, есть и пр., но произносимъ: йего йему..., т. е. съ призвукомъ йота. Собственно, для йота (или іота) мы не имѣемъ особаго начертанія (какъ въ латин. азбукѣ j), й—употреблено нами только условно, такъ какъ й и звукъ j различны: й возникаетъ изъ и, сдѣлавшагося краткимъ по произношенію (изъ краи—край), а j звукъ согласный.

Въ кириллицѣ для обозначенія такъ называемыхъ йотированныхъ гласныхъ употреблялись: ꙗ, ѥ, ѭ, ѩ, такимъ образомъ: ѥсмь, ѩзыкъ, ѩсти (=рус. ѣсть). Въ глаголицѣ не было подобныхъ сочетаній.

§ 10. Для о имѣлись два начертанія: о и ѡ, при чемъ второе, совершенно ненужное и употреблявшееся лишь

изъ подражанія греческому алфавиту, сначала употреблялось въ очень рѣдкихъ случаяхъ, а затѣмъ сравнительно болѣе часто. Въ кириллицѣ, также изъ подражанія греческому алфавиту, были внесены буквы ѯ (кси) и ѱ (пси), а также ѵ (ижица, замѣнявшая иногда и, иногда ѹ; послѣднее было въ глаголицѣ близко по начертанію къ ижицѣ). Различіе въ греческомъ между двумя звуками—φ и ϑ заставило ввести два начертанія ф и ѳ.

Для и употреблялось двоякое (и, і) и троякое (особенно въ глаголицѣ) начертаніе. Трудно вывести орѳографическія правила употребленія различныхъ начертаній и, можно лишь сказать, что употребленіе это было не таково, какъ теперь у насъ (у насъ искусственно установлены правила извѣстнымъ грамматикомъ XVII ст. Мелетіемъ Смотрицкимъ). Въ др.-ц.-сл рукописяхъ сплошь и рядомъ такія соединенія:—иє, иѣ, иа, иі и пр., только избѣгали ставить два одинаковыхъ начертанія, какъ ии, іі.

Кромѣ ꙁ, было еще особое начертаніе для звука близкаго къ ꙁ, но звучавшаго, какъ дз (такъ наз. ѕѣло). Этотъ звукъ являлся тамъ, гдѣ первоначально было г (напр , мъноѕи изъ мъног—, кънаѕь изъ кънаг—и пр.). И теперь въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ слышно произношеніе дзвѣзда=рус. звѣзда и пр.

§ 11. Трудно сказать, вообще, съ увѣреностью, какъ произносились многіе звуки др.-ц.-слав. языка Мы можемъ судить только по даннымъ болгарскихъ нарѣчій и другихъ славянскихъ языковъ, но вполнѣ реальнаго представленія все же быть не можетъ.

Можно сказать только, что произношеніе звуковъ въ др.-ц -сл. яз. и передача ихъ на письмѣ были гораздо болѣе тѣсно связаны между собою, чѣмъ, напр., у насъ. Алфавитъ создавался для извѣстнаго нарѣчія и немудрено, что составители стремились передать на письмѣ всѣ звуки, а

иной разъ и оттѣнки звуковъ. Мы, въ большинствѣ случаевъ, смѣшиваемъ буквы со звуками, не отдаемъ себѣ отчета подъ вліяніемъ письменной рѣчи о звукахъ рѣчи произносимой. Интересно въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія данныхъ др.-ц.-сл. и русской графики: звукъ е въ формахъ *краемъ* и *село* у насъ произносится разно, но обозначеніе одно, въ др.-ц. сл.: село, но краѥмь. Наше ж изображалось въ кириллицѣ: ж. Относительно ю думаютъ, что оно составлено изъ юѵ (съ отпаденіемъ ѵ), но здѣсь трудно вполнѣ согласиться; можетъ быть, звукъ казался одинарнымъ.

§ 12. Какъ въ греческомъ алфавитѣ каждая буква имѣла свое названіе, такъ и буквы др.-ц.-сл. азбуки: азъ, буки... Каждое изъ этихъ названій имѣло (отчасти и теперь сохраняетъ) какой-либо смыслъ, обозначаетъ извѣстнаго рода понятіе. Можно думать, что первоначально, напр., въ еврейской азбукѣ, послужившей въ этомъ случаѣ образцомъ для греческой, названія были придуманы съ цѣлью скорѣйшаго изученія азбуки: каждой буквѣ давалось названіе, начинавшееся съ этой буквы, при чемъ названія соединялись по смыслу въ одну картину, въ одинъ разсказъ.

Названія буквъ др.-ц.-сл. азбуки, нужно думать, съ теченіемъ времени видоизмѣнились, исказились нѣсколько, и теперь трудно возстановить ихъ.

По первымъ буквамъ получили и названія *алфавитъ* (алфа-вита), *азбука* (азъ—буки).

Буквы служили также для выраженія чиселъ, ставились только поверху буквъ черточки.

Кириллица.

А азъ, Б боукы, В вѣдѣ, Г глаголи, Д добро, Є ѥсть, Ж живѣтє, Ѕ ѕѣло, Ꙁ ꙁємлꙗ, И иже, І і, Ї ї, К како, Л людиѥ, М мыслитє, Н нашь, О онъ, П покой, Р рьци,

С слово. Т тврьдо, Оу, Ꙋ оукъ, Ф фрьтъ, Х хѣръ, Ѡ ѡтъ, Ц ци, Ч чрьвь, Ш ша, Щ шта, Ъ ѥръ, Ы ѥры, Ь ѥрь, Ѣ ꙗть, Ѫ, Ѧ, Ѭ, Ѩ юсы, Ѯ кси, Ѱ пси, Ѳ ѳита, Ѵ ижица.

Глаголица (и образцы глаголич. и кирилл. графики).

Славатебѣг҃н цр҃ю нб҃сьнꙁін ꙗкосъподобнмꙗнапнсатн еу҃глнѥсе·почахъ жеѥ пнсатн· въ лѣ҃· ѕ҃·ф҃·ѯ҃д· еу҃ ѡнол·

Въ приведенныхъ образцахъ письма мы видимъ употребленіе титлъ; это значки, говорящіе о сокращеніи слова. Обыкновено, подъ титлами употреблялись такія слова, какъ б҃ъ, бж҃є, гм҃ь, г҃н, нс҃ъ, хм҃ь и нб҃к, др. Иногда подъ титло выносились буквы, какъ лѣ҃ и пр.

Кромѣ титлъ, употреблялись другіе еще надстрочные знаки*), которые въ большинствѣ были заимствованы изъ

*) Иногда значекъ вродѣ точки, кавычки или полукругл. значка обозначалъ йотацію, напр.: є́ єго и пр.

Вообще же нужно замѣтить, что въ различныхъ памятникахъ мы встрѣчаемся то съ обозначеніемъ йотаціи посредствомъ значковъ или соединеній гласныхъ съ і, то съ отсутствіемъ йотаціи: азъ и ꙗзъ. акнти и ꙗкнти. оужє и южє. Очевидно, здѣсь отражались различные говоры.

греческаго языка и иногда не имѣли важнаго значенія въ славян. рукописяхъ.

Междустрочные значки главнымъ образомъ состояли изъ точекъ: одной или нѣсколькихъ. Рѣдко можно встрѣтить точку съ запятой (но этотъ знакъ имѣлъ значеніе вопросительнаго знака, какъ и въ греческомъ).

Относительно числовыхъ значеній буквъ нужно замѣтить, что глаголица не совпадала вполнѣ съ кириллицей. Кириллица слѣдовала въ этомъ случаѣ вполнѣ за численнымъ значеніемъ греческихъ буквъ, такимъ образомъ буквы кириллицы, которымъ не было соотвѣтственныхъ буквенныхъ начертаній въ греч. алфавитѣ, не обозначали числовой величины (за небольшими исключеніями): а҃=1, в҃=2, г҃=3, д҃=4, є҃=5, ѕ҃=6, з҃=7, и҃=8, ѳ҃=9, і҃=10 (б пропускалось, какъ и ж). До двадцати составлялось такъ: сначала обозначеніе единицъ, затѣмъ десятка: аі, ві...; к҃=20, ка҃=21... л҃=30, м҃=40, н҃=50, ѯ҃=60, о҃=70, п҃=80, ч҃=90, р҃=100, с҃=200, т҃=300, оу҃=400, ф҃=500, х҃=600, ѱ҃=700, ѡ҃=800 ц҃=900. Для обозначенія тысячъ употребляли при единицахъ особую черточку ҂а=1000, ҂в=2000...

Въ глаголицѣ б значило 2, такимъ образомъ измѣнялось дальнѣйшее обозначеніе; ж=7, і=10, и=20, особый знакъ буквенный, который обозначенъ нами какъ дј (употреблявшійся первоначально въ греческихъ словахъ, какъ: евандјелие и пр), обозначалъ 30, к=40, л=50, м=60, н=70, о=80 п=90, р=100; далѣе соотвѣтствіе съ кириллицей.

§ 13. Въ др.-ц.-сл. языкѣ не находимъ сочетаній: ки, ги, хи, напр., русскія формы: кинуть, гибнуть, хищникъ, должны были передавать: кынѫти, гыбнѫти, хыщьникъ. Отсюда ясно, что произношеніе въ др.-ц. сл. языкѣ к г, х было иное, чѣмъ въ русскомъ. Произношеніе было тверже и образова-

ніе этихъ звуковъ происходило въ заднемъ нёбѣ, помощью задней части языка (отсюда названіе этихъ звуковъ: задненёбные или заднеязычные).

Звукъ ы образуется также въ задней части нёба, а звукъ и въ средней или передней. Поэтому звуки г, к и х не могли соединяться съ и, а должны были или измѣнить мѣсто своего произношенія (какъ произошло это отчасти въ русскомъ) или перейти въ другіе звуки, родственные себѣ, и болѣе близкіе по мѣсту образованія съ и.

Вотъ мы и видимъ, въ зависимости оттого, какое и— средне нёбное или передне нёбное, двоякій переходъ прежде бывшихъ задне-язычными:

1. г - ж: богъ — божіи
к - ч: пророкъ—пророчіи
х—ш: оүхо —оүши

То же самое бываетъ и передъ є, ѧ (напр., божє, пророчє, доүшє) и йотированными гласными.

2. г—ѕ: богъ—боѕи (множ. ч. имен. п.)
к—ц: пророкъ—пророци „
х—с: доүхъ—доүси „

Ѕ, ц, с—уже передне-нёбные (передне-язычные) и нужно предполагать, что и въ этомъ случаѣ отличалось по произношенію отъ предыдущ. и.

Передъ ѣ двоякое измѣненіе.

§ 14. Отъ корня *вид* (вид-ѣ-ти)—рус. *вижу*, въ др.-ц.-сл. языкѣ виждѫ (собств. окончаніе здѣсь ѭ), отъ кор.— свѣт—въ рус. *свѣча* въ др.-ц.-сл. свѣшта (собств. оконч. ꙗ).

Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ также переходы согласныхъ, вызванные передвиженіемъ произношенія въ силу извѣстнаго соединенія звуковъ. Только здѣсь переходъ вызванъ йотированностью гласной

Мы и теперь говоримъ *свѣча* и въ написаніи свѣшта

мягкость произношенія шт не нуждалась уже въ лишнемъ обозначеніи ѫ (йотированности).

Зубные не переходили въ другіе звуки, какъ задненёбные, передъ є, ѣ, и, ѧ: текѫ, дѣти, дньнь, тѧгота.

На приведенныхъ примѣрахъ мы могли уже видѣть разницу въ переходахъ д и т передъ йотированными гласными въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкахъ: въ др. ц.-сл. д+j=жд, въ рус. ж; т+j=шт, въ рус. ч. Но есть въ русскомъ языкѣ случаи заимствованія изъ др.-ц.-сл. яз.: *рожденъ*, *рожденіе*, *рождество*, *хожденіе*, *вождь*, *освобожденіе*, *возбуждать*. Иногда др.-ц.-сл. форма не вполнѣ вытѣснила русскую, тогда эти двѣ формы начинаютъ употребляться съ различными оттѣнками значенія: прич. наст. врем. на—щій (щ изъ шт): *ходящій*, *лежащій*, *текущій*, *могущій*—формы др.-ц.-сл., рус. ф.: *ходячій*, *лежачій*, *текучій*, *могучій* уже имѣютъ значеніе прилагательныхъ.

Тѣмъ же передвиженіемъ звуковъ объясняются переходы въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкѣ:

вѧѕати —вѧжѫ, отьць— отьчь, пьсати —пишѫ
вязати--вяжу, *отецъ—отеческій*, *писать—пишу*.
Изрѣдка бываютъ такіе переходы: мыслити—мышлѭ (ср. рус. мышленіе), влъхвъ--влъсви (рус. волхвъ - ы).

§ 15. Мы пишемъ: на*шъ*, но*жъ*, ме*чъ*, т.-е послѣ ш, ж, ч ставимъ ъ иногда дѣлаемъ искуственное разграниченіе, напр. мечъ, но ночь; идя велѣдъ за произношеніемъ, мы должны были бы написать: мечь, такъ какъ ч произносится у насъ мягко.

Въ др. ц. сл. языкѣ мы находимъ обыкновенно написанія:— шь, жь, чь, шѧ, чѧ и пр., иногда мы видимъ и соединенія ча, ша, но здѣсь было, вѣроятно, мягкое произношеніе.

§ 16. Какъ въ русскомъ яз. отъ люб-ить--любл-ю, такъ и въ др.-ц.-сл.: люблѭ, затѣмъ: коуплѭ, ловлѭ, ломлѭ,

т. е. если б, п, в, м (такъ наз. губные согласные) встрѣчаются съ йотомъ или йотированной гласной, то образуется новый звукъ л между этими согласными и йотомъ или йотированной гласной.

Впрочемъ, въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ мы видимъ какое-то здѣсь колебаніе: наряду съ корабль встрѣчается корабь, ꙁемлꙗ—ꙁемꙗ и пр.; также въ русскомъ: рубль—рупь, на-земь и пр; очевидно, здѣсь было уже отвердѣніе и хотя писался ь, но въ произношеніи было ъ, такъ, напр., отъ *клеймить* у насъ благодаря отвердѣнію—*клеймю*, а не *клеймлю*.

§ 17. Мы говоримъ: сла*т*кій, но пишемъ: сла*д*кій; въ правописаніи стремимся здѣсь выдержать начало слова, въ произношеніи же характеръ одного изъ согласныхъ измѣняется благодаря сосѣдству другого согласнаго. *Д* и *к* отличаются въ произношеніи тѣмъ, что *д* произносится звучно, *к*—глухо; первый будетъ звучнымъ, второй незвучнымъ, глухимъ. И вотъ звучный передъ глухимъ переходитъ въ родственный себѣ глухой *т* (родственный к—звучный г).

Иногда, впрочемъ, и на письмѣ мы отмѣчаемъ подобные переходы, именно въ приставкахъ: воз, из, низ, раз. Подобнымъ образомъ объясняются и въ др.-ц.-сл. языкѣ написанія: растоущти, въсхотѣти, въсходити, бесконьчьнъ, бестого (безъ того), исцѣлити.

Обратное явленіе, т. е. переходъ глухого передъ звучнымъ въ звучный, мы замѣчаемъ въ рус. языкѣ, напр, въ такихъ случаяхъ: *гдѣ* (др.-ц.-сл. кѫдє), *здравъ* (др.-ц.-сл. съдравъ), *здѣсь* (сьдє).

§ 18. Въ такихъ случаяхъ, какъ палъ при корнѣ пад, плєлъ при корнѣ плєт, мы видимъ выпаденіе согласныхъ. Обратное явленіе—вставка согласныхъ, опять таки вызванная удобствомъ произношенія. Особенно часто между двумя гласными появлялись звуки: йотъ или в: по-да-ати; подаяти,

подавати; ржковать, ржковать (ржка+ати—брать). Болѣе рѣдки такіе примѣры, какъ **раз-д-рѣшити** (ср. рус. народ. *страмъ*).

Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ рус. и др.-ц.-сл. *къ нему*, *до него* (**къ немоу, до него**) находится вставочное **н**. Нѣкоторые ученые объясняютъ это **н** вліяніемъ такихъ случаевъ, какъ **съ нимь, въ немь** (при чемъ послѣднія сочетанія разлагаютъ такъ **сън-нимь, вън-емь, сън** и **вън** соотвѣтствуютъ греч. συν, εν, лат. cum, in, т. е. здѣсь какъ бы возстановляется первоначальная форма), но при такомъ объясненіи многое остается неяснымъ; въ русскихъ же нарѣчіяхъ мы находимъ непосредственные переходы йота въ **н**, напр. въ малор. *мнясо* (а также *мъясо*) изъ *мьясо*, отсюда могло бы быть объяснено и **н** въ приведенныхъ случаяхъ.

§ 19. Русскимъ словамъ *борода*, *солома*, *берегъ*, *веледа* въ др.-ц.-сл. языкѣ соотвѣтствуютъ: **брада, слама, брѣгъ, плѣна.** И вообще тамъ, гдѣ въ русск. мы видимъ сочетаніе *оро*, *оло*, *ере*, *еле* между двумя согласными (б-орода), въ др.-ц.-сл. будетъ **ра, ла, рѣ, лѣ.** Въ другихъ славян. языкахъ мы находимъ бо́льшее сходство съ др.-ц.-слав.: передъ *р* и *л* въ нихъ также нѣтъ гласной (серб. бриjег, блато, болг. брег, блато, чешск. břeh, blato, польск. brzeg, błoto). Русскія формы принято называть *полногласными*.

Рѣдко указанныхъ соотвѣтствій нѣтъ, напр.: рус. *молоко*, др.-ц.-сл. **млѣко.**

Въ русскомъ языкѣ попадаются слова несомнѣнно др.-ц.-сл. происхожденія: *время* (только правописаніе не выдержано: въ др.-ц.-сл. **врѣмѧ**), *среда* (др.-ц.-сл. **срѣда**), *владыка*, *стражъ*, *здравіе*, *согласіе* и пр.

Иногда наряду съ русскими формами подобныхъ словъ существуютъ и заимствованныя: страна—сторона, гражда-

нинъ—горожанинъ, власть—волость, вредъ—вередъ, нравъ—норовъ. Значеніе же этихъ словъ нѣсколько разное, при чемъ первыя слова съ болѣе общимъ значеніемъ, вторыя съ болѣе частнымъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ заимствованіе можетъ вести къ обогащенію русскаго языка.

Такимъ же русскимъ словамъ, какъ *смерть*, *молнія*, т. е. гдѣ *ер* и *ол* находятся между двумя согласными (м-ол-нія), въ древне-рус. памятникахъ мы находимъ соотвѣтствія: съмьрть, мълниꙗ, (или иногда: съмьрьть, млънъниꙗ, ср. рус. областныя выраженія: сомеретушка, молонья), т.-е. съ постановкой ъ, ь передъ р и л, а въ др.-ц.-сл. видимъ постановку этихъ ъ и ь послѣ р и л: **смрьть**, **млънии**. Очевидно, здѣсь также была разница въ произношеніи.

§ 20. Если сравнимъ склоненія въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкахъ, то увидимъ, что у насъ склоненій меньше, меньше т. обр. и падежныхъ окончаній. У насъ, напр., слова *сынъ*, *домъ* склоняются, какъ *рабъ*: сын-а, раб-а, а въ др.-ц.-сл. было особое здѣсь склоненіе: род. п. **сын-оу**, дат.: **сынови** и т. д. Нашимъ словамъ: *кровь церковь*, *свекровь* имѣлись соотвѣтствія: **кры**, **цркы**, **свекры**, род. п. былъ: **кръве**, **црькъве**, **свекръве** и пр.

Въ др.-ц.-сл. яз. насчитываютъ пять или шесть склоненій именъ существительныхъ, у насъ -три. Уменьшеніе склоненій зависѣло оттого, что такихъ словъ, какъ **сынъ**, **домъ**, **кры** и пр. было сравнительно гораздо меньше, чѣмъ словъ, имѣвшихъ другія склоненія, и подобныя слова переходили въ другія склоненія. Въ языкѣ происходила борьба: болѣе сильныя формы побѣждали, слабыя исчезали. Такъ называемые „разносклоняемыя"—ничто иное, какъ остатки прежде существовавшихъ формъ.

Можетъ показаться страннымъ, на первый взглядъ, что съ теченіемъ времени языкъ идетъ впередъ, развивается и вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ многія свои бывшія фор-

мы. Но нужно имѣть въ виду: чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ болѣе у него грамматическихъ формъ. Было время даже, когда окончанія говорили болѣе, чѣмъ они говорятъ намъ теперь. Когда мы произносимъ слово: *вода* и затѣмъ соединяемъ съ прилагательнымъ *хорошая*, то соединеніе это мы дѣлаемъ безсознательно; мы не обдумываемъ при этомъ, что *вода* женскаго рода, потому и прилагательное нужно поставить въ женскомъ родѣ. Соединеніе происходитъ механически, въ силу привычки, усвояемой съ дѣтств . Но если мы будемъ изучать какой-либо иностранный языкъ, то намъ придется постоянно задавать себѣ вопросы при согласованіи, какого рода имя существительное. И мысль наша на первыхъ порахъ будетъ затруднена. Это сравненіе приведено для того, чтобы пояснить нѣсколько, что и языкъ того человѣка, въ которомъ грамматическія формы требовали извѣстнаго напряженія мысли, гдѣ эти формы не имѣли только служебнаго значенія, былъ гораздо менѣе совершененъ, чѣмъ нашъ. При словѣ *вода* думали первоначально не только о томъ, что обозначаетъ это слово, но что обозначаемое принадлежитъ къ предметамъ женскаго рода.

Если мы сравнимъ данныя относительно склоненій въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкѣ съ данными другихъ родственныхъ намъ языковъ, то увидимъ, что и въ исторіи склоненій романскихъ и германскихъ языковъ происходило то же самое. Въ латинскомъ, напр., языкѣ было пять склоненій, въ итальянскомъ теперь три, падежныхъ окончаній въ нѣмецкомъ пять—шесть, а въ др. готскомъ—нѣсколько десятковъ.

§ 21. Въ склоненіи различались въ др.-ц.-сл. языкѣ, какъ и русскомъ, семь падежей, три рода (для такъ называемаго „средняго“ рода въ греческихъ грамматикахъ существовало болѣе удачное названіе: οὐδέτερον, т. е. никакой—ни му-

жескій, ни женскій) *) и три числа: кромѣ единственнаго и множественнаго, было еще двойственное. Двойственное число образовалось отъ названій парныхъ предметовъ: оуши, очи и пр. и затѣмъ уже начало употребляться для обозначенія вообще двухъ предметовъ. Такъ, отъ рабъ им. пад. двойст ч. раба — т. е. два раба, но отъ село—селѣ—два селѣ, двѣ рыбѣ, нозѣ. Въ русскомъ языкѣ не только *два раба*, но *три*, *четыре раба*. Думаютъ что здѣсь остатки прежняго двойственнаго числа (хотя онъ и совпалъ здѣсь и особенно въ села, рыбы. ноги съ род пад. ед. ч.), на что указываютъ отчасти сочетанія съ прилагательными: *двѣ гордыя* (или—ыхъ) *дѣвы*.

§ 22. Уже сказано, что такія слова, какъ рабъ и сынъ, въ др.-ц.-сл. языкѣ склонялись разно. Хотя въ именит. пад. окончанія этихъ словъ одинаковы, но основы ихъ различны **), почему и получалась разница въ склоненіи:

---

*) Раздѣленіе словъ по родамъ находится въ связи съ древнимъ міровоззрѣніемъ. Неодушев енные предметы представлялись такими же, какъ одушевленные, и имъ придавались свойства послѣднихъ. Въ настоящее время почти невозможно опредѣлить, почему въ одномъ языкѣ приписывался извѣстному предмету одинъ родъ, въ другомъ другой. Особенно странны такіе примѣры, какъ мужчина (по оконч. жен рода), das Weib, Mädchen (сред рода).

**) Основой, или темой, называется обыкновенно корень + особая связочная часть, къ которой приставляется (невсегда, впрочемъ) окончаніе. Такъ отъ рабъ твор. пад. рабомь, при чемъ нужно раздѣлить слово такъ: рабо-мь. Окончаніе ъ въ рабъ восходитъ къ первоначальному о, а ъ въ сынъ къ оу.

При опредѣленіи основъ и корня (корнемъ, какъ извѣстно, называется та часть, въ которой заключается словарное значеніе; эта часть образуетъ цѣлую семью другихъ

	Единств.	число.
Им. п.	рабъ	сынъ
Род.	раба	сыноү
Дат.	—оү	—ови
Вин.	—ъ	—ъ
Твор.	—омь	—ъмь
Мѣстный (рус. предложный)	—ѣ	—оү
Зват.	—є	—оү

Въ склоненіи образца рабъ мы замѣчаемъ мало отличій сравнительно съ русскимъ. Поражаетъ только винит. падежъ, по окончанію сходный съ именительнымъ, но то же и у насъ, если возьмемъ обозначеніе неодушевленнаго предмета, напр. *столъ*. Наше окончаніе въ вин. а, представляющее совпаденіе съ родит. пад.—явленіе болѣе позднее, но и теперь существуютъ такія выраженія: выйти замужъ (изъ за мужъ).

Въ нашемъ литературномъ языкѣ уже нѣтъ образцовъ, склоняемыхъ какъ сынъ, но зато находятся остатки этого склоненія. Мы говоримъ: много сахару, песку и бѣлѣе сахара... Слѣдовательно, здѣсь языкъ воспользовался имѣвшимся окончаніемъ для показанія оттѣнковъ значенія (въ количественномъ отношеніи—у, качеств.—а). Примѣры употребленія въ род. п. а и ү мы находимъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ др.-ц.-сл. яз. дательн. п. отъ такихъ образцовъ, какъ рабъ, имѣлъ иногда вм. оү—ови. Въ древне-рус. памятни-

словъ, подобныхъ по значенію) должно быть очень осторожнымъ; корни многихъ словъ сдѣлались уже неясными, первоначальная основа, так. обр., сама производная, съ теченіемъ времени дѣлается для насъ непроизводной, т. е. корнемъ (т. к. корень именно и есть непроизводная основа).

вахъ мы видимъ такія формы: Богови, Давидови и пр. То же наблюдаемъ въ малорусскомъ, а также другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ русскомъ языкѣ предложный падежъ имѣетъ не только *ѣ* но и *у* (напр., *въ лѣсу*, но *о лѣсѣ*).

Множеств. число.

Им. п.	рабн	сынове
Род.	рабъ	—овъ
Дат.	—омъ	—ъмъ
Вин.	—ы	—ы
Твор.	—ы	—ъмн
Мѣст.	—ѣхъ	—ъхъ
Зват.	—н	—ове

Здѣсь уже болѣе отличій и въ склоненіи перваго образца сравнительно съ нашимъ литературнымъ языкомъ. У насъ въ им. п. окончанія ы—рабы, которое является какъ бы заимствованнымъ изъ винит. падежа. Род. пад. заимствуетъ окончаніе овъ: *рабовъ*. Для насъ теперь было бы очень страннымъ выраженіе: мъного рабъ и совсѣмъ непонятнымъ такое: народъ (въ смыслѣ толпа) оучєникъ. Въ то же время и у насъ имѣются род. пад.: *человѣкъ*, *солдатъ*. Въ твор. и предл. въ рус. языкѣ слова какъ рабъ измѣняются по склоненію образца *жена*.

Ви сынове—*сыновья* и въ дальнѣйшемъ склоненіе иначе, чѣмъ въ др.-ц.-сл.; сохраняется, впрочемъ, показатель прежней основы (ов передъ согласной, какъ коупоуа-ти: коупов-а-ти).

Уже на приведенныхъ примѣрахъ можно представить себѣ исторію образованія различныхъ падежныхъ формъ и ихъ исчезновенія. Такъ какъ такихъ основъ, какъ въ образцѣ *сынъ*, было мало, то при склоненіи они перешли въ другой разрядъ (это было тѣмъ болѣе легко, что именительные падежи совпадали по окончаніямъ); но, вмѣстѣ съ

тѣмъ, такъ какъ нѣкоторыя формы ихъ склоненія были, очевидно, удобны для произношенія или необходимы для показанія извѣстной разницы, то мы видимъ, что эти формы сохранились, а иной разъ даже вытѣснили соотвѣтствующія формы склоненія примѣра *рабъ*.

Въ двойственномъ числѣ существовали только три формы для различныхъ падежей:

Имен., вин. зват.:	раба	сыны
род., мѣстн.:	—оу	—оу
дат., твор.:	—ома	—ъма

§ 23 Если склоненіе образца *рабъ* будемъ считать первымъ, то къ нему мы отнесемъ также и нѣкоторыя другія существительныя, прежде всего имена средняго рода на о, напр. село, иго и пр. Разница въ склоненіи только въ имен., вин. и зват. пад. всѣхъ чиселъ: един село, множ. села, двойств. селѣ.

Примѣры рабъ, село образуютъ такъ называемое твердое склоненіе, а такія слова, какъ краи, конь, поле такъ называемое мягкое. Въ сущности, окончанія послѣднихъ образцовъ въ различныхъ падежахъ будутъ тѣ же, что у предыдущихъ, только съ присоединеніемъ йота или измѣненіемъ подъ вліяніемъ послѣдняго конечной гласной *)

	Един. ч.	Мн. ч.
Им. п.	краи, конь	—и
Род.	—ꙗ	—и
Дат.	—ю (т. е. крају, кон'у)	—юмъ
Вин.	—и, —ь	—ꙗ
Твор.	—юмь (изъ юмь)	—и
Мѣст.	—и (изъ іѣ)	—ихъ
Зват.	—ю	—и

*) Подъ вліяніемъ йота о переходитъ въ є (село—поле, полјо), ъ—ь (рабъ—конь), ъ—и (рабъ—краи), ѣ—и (о рабѣ, о кони).

Особенннымъ отличіемъ отъ русскихъ формъ является форма вин. п. мн. ч. на—ꙑ.

Двойст. ч	Им., вин., зв.	краꙗ
	род., мѣст.	—ю
	дат., твор.	—юма

Въ среднемъ родѣ имен., зв. ед. ч.—є множ:—ꙗ двойств.: и *).

Всѣ перечисленные образцы отнесемъ къ первому склоненію, а образецъ сынъ ко второму. При этомъ замѣтимъ, что ко второму относятся имена существительныя только мужескаго рода, въ количествѣ менѣе десяти (волъ врьхъ, долъ, домъ, кратъ, медъ, полъ, чинъ).

§ 24. Къ третьему склоненію отнесемъ такія слова, какъ жена.

	Ед. ч.	Мн. ч.	
Им. п.	жена	—ы	Дв. ч.—ѣ,—оу, —ама
Род.	—ы	—ъ	
Дат.	—ѣ	—амъ	
Вин.	—ж	—ы	
Твор.	—о-ж	—ами	
Мѣст.	—ѣ	—ахъ	
Зв.	—о	—ы	

Здѣсь мы видимъ большое сходство съ нашимъ склоненіемъ, особенно если замѣнимъ ж—у.

Если передъ окончаніемъ будетъ йотъ, то образуется опять такъ называемое мягкое склоненіе: здѣсь замѣчаемъ болѣе разницы съ русскимъ языкомъ.

---

*) Въ рус. яз. *очи*, *плечи*, *колѣни*—суть остатки двойств. числа. Интересно въ этомъ случаѣ различеніе: колѣни и колѣна (послѣднее множ. число). Далѣе: *во-очію*, *двѣсти* (изъ дьвѣ—сътѣ)—также формы двойств. числа.

	Ед. ч.	Мн. ч.				
И.	змиꙗ	змиꙗ				
Р.	—ꙗ	—и				
Д.	—и	—ꙗмъ	Двойств. Им.,	В.,	З.	змии
В.	—ѭ	—ꙗ		Р.,	М.	—ю
Тв.	—еѭ	—ꙗми		Д.,	Т.	—ꙗми
М.	—и	—ꙗхъ				
З.	—е	—ꙗ				

Въ рус. яз. род. един. змі*и*, дат.—*ѣ* (изъ твердаго скл.), звательный пад. кое-гдѣ сохранился въ народномъ языкѣ, напр., въ малорус.: сестрице (или тверд.: жонко, матко). Въ имен., вин. мн. у насъ—*и*.

Къ этому склоненію относятся и имена мужескаго рода съ окончаніемъ а: владыка, слоуга, собират.: господа, братиꙗ (такимъ образомъ отъ господа род. п. господы и пр.).

И такія слова, какъ *молнія* и пр., должны принадлежать къ этому склоненію. Нужно замѣтить, что въ подобныхъ словахъ др.-ц.-сл. яз. имѣлъ окончаніе и: мльнии, рабыни. Такихъ словъ, впрочемъ, было немного и они подвергались вліянію им. п. на ꙗ (сюда относился даже муж. р., напр. балии—врачъ).

§ 25. Къ четвертому склоненію отнесемъ такіе образцы какъ пѧть и кость, т. е. оканчивающіеся на ь муж. и женск. рода (на ь оканчиваются и существительныя перваго склоненія, но разница въ основахъ, пѧть основа на и; напр. слову огнь соотвѣтствуетъ лат. ignis, санскр. agnis и пр.).

Склоненіе это особенно въ единств. числѣ мало чѣмъ отличается отъ склоненія подобныхъ же словъ въ русскомъ языкѣ:

	Един. ч.		Мн. ч.	
И.	пѫть.	кость	пѫтье (ніе)	кости
Р.	—и	—и	—ии	—ии
Д.	—и	—и	—ьмъ	—ьмъ
В.	—ь	—ь	—и	—и
Т.	—ьмь	—ьѭ (ніѭ)	—ьми	—ьми
М.	—и	—и	—ьхъ	—ьхъ
З.	—и	—и	—и	—и

Дв. ч. И. в. зв. пѫти кости
—ью
—ьма

Въ др.-ц.-сл. яз. къ этому же склоненію принадлежали имена муж. р., какъ: гость, господь, голѫбь и нѣк. др., переходившія постепенно въ первое склоненіе; такъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ мы уже отмѣчаемъ род. п.: гї и га, дат. гн и гѣ (т. е. господи, господа, господѣ) и пр. Въ русскомъ языкѣ изъ этихъ словъ теперь только одно слово *путь* сохраняетъ древнія окончанія.

§ 26. Къ пятому склоненію отнесемъ такія существительныя, какъ тѣло, род. п. тѣлесе, мати матере, камы (рус. камень)—камене, цръкы (р. церковь)—цръкъве, жрѣба (р. жеребенокъ)—жрѣбяте. Тѣлес, камен, цръкъв будутъ основами и такъ какъ основы здѣсь оканчиваются на согласныя, то и называется это склоненіе—склоненіемъ на согласныя (иногда, впрочемъ, выдѣляютъ изъ этого склоненія цръкы, кры и пр., считая, что ъв есть разложеніе ы передъ гласными: цръкы+е—цръкъве, какъ ӡакы-ти—ӡакъкенъ).

Въ склоненіи приведенныхъ образцовъ и въ др.-ц.-сл. яз. не выдержаны формы, и являются онѣ въ смѣшеніи съ окончаніями, заимствованными изъ другихъ склоненій:

	Един. ч.		Множ. ч.	
И.	камы	брѣмѧ	камене	брѣмена
Р.	—ене		—ъ	
Д.	—ени		—ьмъ	
В.	камень	брѣмѧ	камени	брѣмена
Т.	—ьмь		каменьми	брѣменꙑ
М.	—е		—ьхъ	
З.	камы	брѣмѧ	какъ имен.	

Двойств. ч. камени, брѣменѣ
—оу
—ьма

Въ русскомъ языкѣ согласная основа удерживается въ нѣкоторыхъ только существительныхъ, напр., *чудо*, *небо*— во мн. ч. *чудеса*, *небеса*..., *дитя* въ ед. числѣ: *дитяти*..., *мать* *дочь*: *матери*, *дочери* .. (хотя падежныя окончанія во всѣхъ этихъ словахъ изъ другихъ склоненій.)

Примѣры согласныхъ основъ:

на м: a) пламы, наряду съ этимъ уже въ др.-ц.-сл. яз.: пламень, послѣднее окончаніе постоянно въ словахъ ремень корень и др.
b) писмѧ, имѧ, сѣмѧ и др.;

на р: мати, дъшти

„ с: дѣло, чрѣво, слово, дико, оухо и др.

„ т: отроча, осьлѧ, жрѣбѧ (названія молодыхъ животныхъ, у насъ: *енокъ*)

„ в: свекры, смокы, хоругы, любы (любовь).

Въ нѣкоторыхъ словахъ, не имѣвшихъ согласной основы, отдѣльные падежи заимствовали окончанія изъ склоненія именъ съ основой на согласную, такъ гражданинъ, христіанинъ въ множ. числѣ склонялись, какъ камы.

§ 27. Склоненія мѣстоименій личныхъ въ др.-ц.-сл. и рус. языкахъ во многомъ сходятся (при чемъ большинство пад. окончаній относятся къ третьему склоненію).

	Един. ч.			Множ. ч.	
И.	азъ,	ты		мы,	вы
Р.	мене,	тебе,	себе	насъ,	васъ
Д.	мънѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си	намъ,	вамъ
В.	мя, мене,	тя, тебе,	ся, себе	ны, насъ,	вы, васъ
Т.	мъноѭ,	тобоѭ,	собоѭ	нами,	вами
М.	мънѣ,	тебѣ,	себѣ	насъ,	васъ

Двойст. ч.			
	И.	вѣ,	ва
	В.	на	ва
	Р М.	наю,	ваю
	Д. Тв.	нама	вама

Наша форма *я* образовалась, надо думать, путемъ азъ—язъ—я. Формы *мене*, *тебе*, *себе* существуютъ и теперь въ малорусскомъ нарѣчіи. У насъ формъ мя, тя, ся — нѣтъ; послѣдняя форма сохраняется въ такомъ соединеніи: *трудиться*, *возвращаться*.

§ 28. Прилагательныя неопредѣленныя склоняются также, какъ имена существительныя: муж. и ср. род.: добръ,—о по первому склоненію, женскаго—добра по третьему. Разница только въ звательномъ падежѣ, который въ прилагательныхъ, за рѣдкими исключеніями сходенъ съ именительнымъ.

Прилагательныя неопредѣленныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ склонялись также, какъ имена существительныя.

Сравнительная степень въ русскомъ языкѣ не измѣняется ни по падежамъ, ни по родамъ: *добрѣе*. Въ др.-ц.-сл. же мы видимъ измѣненія и по падежамъ и по родамъ, при чемъ окончанія двухъ видовъ: болѣе употребительное - ѣи, ж. р. ѣиши ср. ѣе: добрѣи, добрѣиши, добрѣе, менѣе употребительное: ии, ьши, е: дражии (отъ драгъ), дражьши, драже. Таковы же окончанія и въ превосходной степени,

только къ началу слова прибавляется наи—: наидобрѣи. У насъ, вмѣсто склоняемыхъ и измѣняемыхъ по родамъ прилагательныхъ въ сравнительной степени, имѣются обороты: болѣе добрый, -ая, -ое.

Един. ч.

Р. *)	добрѣиша	добрѣиша	
Д.	—оу	—и	
В.	добрѣишь	—ѫ	—є
Т.	—ємь	—єѭ	
М.	—и	—и	

Множ. ч.

И.	добрѣишє	—а	—а
Р.	—ь	—ь	
Д.	—ємъ	—амъ	
В.	—ша	—ша	—а
Т.	—и	—ами	
М.	—ихъ	—ахъ	

Двойств. ч.

И. В. добрѣиша	—и	—и
	—оу	—оу
	—єма	—ама

§ 29. Какъ неопредѣленныя прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ, измѣнялись и неопредѣленныя причастія.

Формы причастій др.-ц.-сл. языка также отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ русскихъ.

Причастіе настоящаго времени имѣетъ для именительнаго падежа такія окончанія:

отъ глаг. ведѫ —м. и ср. род. веды, ж. веджшти,

" " люблѭ — " люба, " любашти,

---

*) Средній родъ, если не указаны окончанія, какъ въ мужескомъ.

такимъ образомъ вторая форма напоминаетъ наше дѣепричастіе (въ др.-ц.-сл. дѣепричастія не было, это уже позднѣйшее образованіе).

Р. ведѫшти, ведѫшта и т. д.

Причастіе прошедшаго времени имѣло слѣдующія формы:

М. и ср. р. ведъ, ж. ведъши
„ ʒнавъ, „ ʒнавъши
„ хвалъ, „ хвальши

Род. п. ведъши и т. д.

(Было еще 2-е причастіе, несклоняемое, измѣнявшееся только по родамъ и числамъ, на лъ: велъ — а, — о мн. ч. вели, — ы, — а, дв. ч. вела, — ѣ, — ѣ).

§ 30. По склоненію именъ существительныхъ измѣняются числительныя количественныя, только юдинъ и дъва измѣняются по образцу склоненія мѣстоименія тъ (ср. дальше). Неопредѣленныя порядковыя числительныя, всѣ безъ исключенія, измѣняются по первому и третьему склоненіамъ.

Числительныя количественныя отъ 11—19 образуются такъ: юдинъ*) на десате, дъва на десате... отъ 20—90 дъвадесате, тридесате, но пятьдесятъ. Форма десате въ первыхъ случаяхъ мѣстный падежъ, во второмъ родительный.

§ 31. Если мы возьмемъ любой изъ приведенныхъ примѣровъ склоненій и сравнимъ его съ склоненіемъ мѣстоименій (неличныхъ), то увидимъ въ падежныхъ окончаніяхъ большую разницу. Поэтому и установлено предыдущія склоненія называть именными, а—слѣдующее мѣстоименнымъ:

---

*) Начальному рус. о обыкновенновъ др.-ц.-сл. яз. соотвѣтствуетъ ю: *олень* - юлень, *озеро*—юʒеро.

	Един. ч.			Множ. ч.
	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	
И.	тъ (рус. тотъ),	та,	то	ти, ты, та
Р.	того	тоѩ		тѣхъ
Д.	томоу	тои		тѣмъ
В.	тъ	тѫ	то	ты, ты, та
Т.	тѣмь	тоѭ		тѣми
М.	томь	тои		тѣхъ

Двойст. ч. И. В. та тѣ тѣ
Р. М. тою
Д. Т. тѣма

Какъ тъ, склонялись мѣстоименія: овъ – а, — о, онъ, къто, коликъ, толикъ и нѣк. др., числительныя ѥдинъ, оба, дъва (послѣднія только въ двойств.).

Мѣстоименія же: мои, твои, вашь, нашь, вьсь и нѣког. др образовали такъ называемое мягкое мѣстоименное склоненіе. Образцомъ здѣсь можетъ быть приведено мѣстоименіе и, котораго нѣтъ уже у насъ.

	Един. ч.			Множ. ч.
И.	и,	ѩ,	ѥ	и, ѩ, ꙗ
Р.	ѥго	ѥѩ		ихъ
Д.	ѥмоу	ѥи		имъ
В.	и,	ѭ	ѥ	ѩ, ѩ. ꙗ
Т.	имь	ѥѭ		ими
М.	ѥмь	ѥи		ихъ

Дв. ꙗ, и, и
ѥю
има

Мѣстоименіе и замѣняется у насъ онъ. Такимъ образомъ въложи и въ гробъ: и здѣсь = *его*. Иже — нашему *который*. Отъ мѣстоименія чьто род. п. чесо, дат. чьсомоу и чесомоу.

§ 32. Мѣстоименіе — и въ разныхъ своихъ формахъ

присоединялось къ формамъ склоненія прилагательныхъ, напр. добръ-и, добра-ꙗ, добро-ѥ и получались такимъ образомъ прилагательныя опредѣленныя. Изъ формы добръи постепенно, благодаря уподобленію ъ - и, выработалась форма добрыи. Склоняя первую и вторую части слова. мы должны бы получать такія формы:

Р. п. добра-ѥго, добры-ѥꙗ,

но добраѥго еще встрѣчается, добры-ѥꙗ уже нѣтъ, а только добрꙑꙗ, вм. добраѥго чаще добрааго, добраго, т. е. формы, образовавшіяся путемъ уподобленія и стяженія. Слѣдовательно, уже въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ отмѣчаются колебанія въ формахъ, показывающія, можетъ быть, путь постепеннаго ихъ образованія (нѣкоторые ученые, впрочемъ, считаютъ форму добраѥго не первоначальной, а возникшей позже путемъ подражанія мѣстоименной).

Д.	доброуѥмоу,—оуоумоу,—оумоу	ѣи
В.	какъ имен.	ѫѭ
Тв.	—ꙑимь	оѭ и ѫѭ
М.	—ѣѥмь	ѣи

Въ твор. п. мы ожидали бы добромь-имь, а приведенная форма: добрꙑимь показываетъ, что въ склоненіи этомъ непослѣдовательно проводится законъ—склонять обѣ части соотвѣтственно именному и мѣстоименному склоненіямъ. То же мы видимъ въ множ. и двойств. числахъ.

Множ. ч.

	М. р.	Ср. р.		Ж. р.
И.	добрии	—аꙗ		—ꙑѩ
Р.			—ꙑихъ	
Д.			—ꙑимъ	
В.	—ꙑѩ	—аꙗ		—ꙑѩ
Т.			—ꙑими	
М.			—ꙑихъ	

Двойств. ч. И. В. добрѣи, —ѣи, —ѣи
Р. М. —оую
Д. Т. —ыима

Мы ожидали бы въ твор. множ. ж. р. добрами-ными, въ двойств. добрама-нима и пр. Очевидно, здѣсь измѣненіе формъ вызвано было неудобствомъ произношенія.

Склоненіе прилагательныхъ опредѣленныхъ въ нашемъ литературномъ языкѣ уже во многомъ отличается отъ приведенныхъ образцовъ. Мы пишемъ, правда, также: *добраго*, но произносимъ *добраво доброво*, *доброго*, а ѧго заимствовано изъ др.-ц.-слав. яз. Такое же заимствованіе—окончаніе множ. числа, ж. и ср. р., такъ какъ въ языкѣ нашемъ нѣтъ подобнаго различія. Въ нашихъ народныхъ говорахъ имѣются такія окончанія, какъ: *глубокіихъ*, *торговыимъ*.

Въ мягкомъ склоненіи мы видимъ соотвѣтствующія измѣненія: искрьньи (ии),—ꙗ-ꙗ, ѥ-ѥ и т. д.; въ мѣст. пад. ви. искрьнии—ѥмь, искрьниимь.

§ 33. По примѣру прилагательныхъ опредѣленныхъ измѣняются опредѣленныя прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ, опредѣл. причастія, опред. порядковыя числительныя (и даже нѣкоторыя мѣстоименія, напр. отъ къ—кыи):

дражии—дражьшии, добрѣи—добрѣишии несыи—несѫштии, любаи—люблѩштии, прьвыи....

§ 34. Спряженіе др.-ц.-сл. глаголовъ во многомъ отличается отъ спряженія глаголовъ въ русскомъ языкѣ. Въ др.-ц.-сл. яз. есть такія формы, которыхъ совершенно не знаетъ русскій языкъ, разница есть и въ существующихъ тамъ и тамъ формахъ.

Прежде всего обращаетъ вниманіе разница въ выраженіи прошедшаго времени. Мы имѣемъ только одно прошедшее время: я пѣлъ, ты пѣлъ..., при чемъ измѣненіе формъ этого времени отличается отъ измѣненія въ формахъ настоя-

щаго времени, къ которымъ даже можно не прибавлять *я*, *ты*...: *несу*, *несешь*...

Въ др.-ц.-сл. яз. цѣлый рядъ прошедшихъ временъ: здѣсь есть нѣсколько видовъ т. н. аористовъ, преходящее (imperfect.), прошедшее, давнопрошедшее.

Соотвѣтственная форма нашему прошедшему выражается такъ: азъ юсмь пѣлъ, ты юси пѣлъ... Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ отсутствуетъ вспомогательный глаголъ: юсмь, юси, юстъ. юсмъ, юсте, сѫтъ (въ др.-ц.-сл. были, конечно, и здѣсь формы двойств. числа: юсвѣ, т. е. мы оба, юста (вы оба) юсте—юста, они оба). Сама же форма пѣлъ—2-е причастіе прошедшаго времени. Выходитъ такимъ образомъ, что сказанная фраза значила первоначально какъ бы: я есмь пѣвшій. Теперь мы ей не придаемъ такого значенія и причастныя формы *пѣлъ* уравниваются у насъ по значенію съ другими глагольными формами.

Если вмѣсто юсмь .. возьмемъ прошедшее отъ глагола быти—бѣахъ или бѣхъ, то въ соединеніи съ указаннымъ причастіемъ получается такъ называемое давнопрошедшее (plusquamperfectum). Это прошедшее показывало, что дѣйствіе или состояніе было ранѣе другого дѣйствія или состоянія, уже прошедшихъ.

Формы прошедшаго и давнопрошедшаго употреблялись сравнительно рѣдко, несравненно чаще были употребляемы аористы и преходящее.

Напр., отъ гл. несѫ:

так называем. простой аористъ:

	Един. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
1 л.	несъ	несомъ	несовѣ
2 л.	несе	несете	несета
3 л.	несе	несѫ	несете (та)

И у насъ есть ф. *нёсъ* въ качествѣ прошедшаго, но эта форма образовалась изъ причастной.

Сложный аористъ.

1	несохъ	несохомъ	несоховѣ
2	несе	несосте	несоста
3	несе	несошѧ	несосте (та)

Былъ второй видъ этого сложнаго аориста: нѣсъ, несе, несе (т. е. замѣна аор. простымъ), нѣсомъ, нѣсте, нѣсѧ, нѣсоховѣ,—сте,—сте.

Не отъ всѣхъ глаголовъ образовались троякія формы аориста. Главнымъ образомъ употреблялся аористъ на хъ, при чемъ если глагольная основа оканчивалась на гласную, то хъ приставлялись къ этой гласной: глаголахъ, видѣхъ, хвалихъ.

Преходящее (прошедшее несовершенное) образовывалось посредствомъ окончанія ѣахъ или ѣхъ:

1 несѣахъ,	несѣхъ,	несѣахомъ,	-ѣхомъ,	несѣаховѣ—ѣховѣ
2 несѣаше,	несѣше,	несѣашете,	—ѣшете,	—ашете—ѣшете
3 несѣаше	—ѣше,	несѣахѫ,	—ѣхѫ,	—ашете—ѣшете

Трудно подыскать правила, которыми руководились, ставя прошедшее время или тотъ или другой аористъ. Такъ какъ древнѣйшіе памятники переводные, то много зависѣло отъ греческаго текста, греческаго языка, въ которомъ, впрочемъ, употребленіе различныхъ формъ аористовъ также трудно поддается опредѣленію.

Если языкъ различалъ оттѣнки въ прошедшемъ (прошедшее и давнопрош.), то, очевидно, стремился къ выраженію большей точности. То же, напр., есть въ другихъ родственныхъ языкахъ, но также постепенно начинаетъ исчезать давнопрошедшее. Выраженіе дѣлается болѣе неопредѣленнымъ, но отъ этой неопредѣленности выигрываетъ наше мышленіе. Здѣсь происходитъ то же, что при образованіи понятія изъ представленій. Чѣмъ отвлеченнѣе понятіе, тѣмъ скорѣе орудуетъ имъ наше мышленіе.

§ 35. Были и двѣ формы для выраженія будущаго времени. Одна форма выражалась такъ: хоштѫ дати, или ви хоштѫ—имѣѭ, начьнѫ, вторая форма: бѫдѫ пришьлъ, т. е. сочетаніе гл. бѫдѫ (по формѣ бѫдѫ—настоящее время, какъ хоштѫ...) съ причастіемъ прошедшаго времени. 2-е будущее имѣло значеніе будущаго совершеннаго, т. е показывало фактъ, который долженъ былъ совершиться непремѣнно.

§ 36. Въ соединеніи съ аористомъ отъ глагола быти—быхъ образуется условное наклоненіе, при чемъ измѣняется такимъ образомъ:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
1	быхъ	въꙁалъ,-а.-о	быхомъ	въꙁали -ы -а
2	бы		бысте	
3	бы		быша	

	Дв. ч.	
1	быховѣ	въꙁала,-ѣ,-ѣ
2	быста	
3	бысте (а)	

У насъ остатокъ въ частицѣ *бы*. Кромѣ быхъ употреблялась еще другая форма, считаемая даже болѣе древней—бимь, би би, бимъ, бисте.

§ 37. Какъ приходилось намъ уже видѣть, неопредѣленное наклоненіе оканчивалось на ти И у насъ сохраняется эта форма если на ти находится удареніе: *нести́*, *вести́*. Тоже въ повелительномъ наклоненіи: въ др.-ц.-сл.—и и рус. (при удареніи) *неси́*, *веди́* (но *встань*, др.-ц.-сл. въстани). Въ повелительномъ наклоненіи мы видимъ такія формы:

1		несѣмъ	несѣвѣ
2	неси	несѣте	несѣта
3	неси		

Если не принимать во вниманіе несуществующихъ въ русскомъ языкѣ формъ, то окажется, что разница между др.-ц.-сл. и рус. несѧте—*несите* рус. *и* позднѣйшаго происхожденія подъ вліяніемъ несй, какъ *встаньте* подъ вліяніемъ *встань* (а ь изъ и). Отъ такихъ глаголовъ, какъ пекѫ, могѫ повел пеци, мози (а въ рус. уже *пеки*).

Въ др.-ц.-сл. яз. существовала еще форма, близкая къ неопредѣленному наклоненію, оканчивавшаяся на тъ: датъ, ловитъ и пр., это такъ называемое наклоненіе достигательное.

Употреблялась эта форма послѣ глаголовъ движенія: идѫ рыбѫ ловитъ (называлась она еще—супинъ по образцу соотвѣтствующей латинской формы).

§ 38. Спряженіе настоящаго времени представляетъ меньше отличій сравнительно съ русскимъ:

	Ед.	Мн.	Дв.
1	несѫ	несемъ	—евѣ
2	несеши	несете	—ета
3	несетъ	несѫтъ	—ете

Кромѣ этихъ окончаній, въ др.-ц.-сл. яз. сохранились другія, считаемыя болѣе древними, но лишь въ нѣсколькихъ глаголахъ: упомянутое уже юсмь, дамь, ѣмь (рус. ѣмъ), вѣмь. Вѣмь, вѣси, вѣстъ, вѣмъ, вѣсте, вѣдатъ, вѣвѣ, вѣста, вѣсте (а). И въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣются дамъ, ѣмъ, но спряженіе уже иное. Въ малорусскомъ языкѣ имѣется форма 2-го лица дасй. Въ выраженіи: *Богъ вѣсть* сохраняется 3-лицо, только окончаніе русское ь (а въ др.-ц.-сл. ъ).

§ 39. Страдательный залогъ образовывался прибавленіемъ мѣстоименія сѧ: нарєчєтъ сѧ (при при чемъ сѧ ставилось и передъ глаголами, часто раздѣлялось однимъ или нѣсколькими словами) или соединеніемъ причастій страдательнаго залога съ вспомогательнымъ глаголомъ: гонимъ юсмь, съпасенъ бѫдетъ.

§ 40. Такіе синтаксическіе обороты:

Исоусоу рождьшоуся влъсви придоша,

Къшьдъшоу исоусоу и приде сътникъ

мы должны перевести: когда родился Іисусъ, пришли волхвы. Когда вошелъ Іисусъ... пришелъ сотникъ. Такимъ образомъ наши придаточныя предложенія времени (а также причины, при разныхъ подлежащихъ въ придаточномъ и главномъ) передавались иногда оборотомъ, поставленнымъ въ дательномъ падежѣ (при чемъ сказуемое было въ причастной формѣ). Это такъ называемый дательный самостоятельный. Что оборотъ этотъ могъ казаться вполнѣ самостоятельнымъ, показываетъ второе предложеніе, въ которомъ дательный самостоятельный соединяется съ послѣдующимъ предложеніемъ союзомъ и. Подобныя соединенія возможны были въ силу того, что въ др.-ц.-сл. языкѣ причастіе иногда выступало въ качествѣ сказуемаго второстепеннаго (въ „зависимыхъ" предложеніяхъ). Русской рѣчи несвойственъ дательный самостоятельный. Лишь путемъ подражанія возникло частое употребленіе дательнаго самостоятельнаго въ древне-рус. письменности. Отголоски этого употребленія мы находимъ и въ дальнѣйшемъ времени, напр., у Жуковскаго: и кругомъ взгроможденному морю, видитъ...

§ 41. Въ такихъ оборотахъ русской рѣчи, какъ: *я вижу его умывшимся*, *онъ казался умывшимся*, въ др.-ц.-сл. языкѣ найдемъ вн. умывшися—въ первомъ случаѣ винительный падежъ, во второмъ именительный, т. е. согласованіе съ *его* и *онъ*, и мы говоримъ: *онъ былъ начальникъ* и *онъ былъ начальникомъ*, но уже здѣсь разница въ оттѣнкахъ значенія.

Изъ др.-рус. лѣтописей: *хочемъ тя имѣти собѣ отца и игумена* (т. е. хотимъ имѣть тебя отцомъ и игуменомъ)

Подобныя согласованія болѣе древни, чѣмъ наши.

Странныя теперь для нас, они были вполнѣ свойственных славянской рѣчи. Но были обороты, о которых можно с нѣкоторой увѣренностью сказать, что они были заимствованы из греческаго: кого глаголѭтъ мѧ члѣци бытн, это т. н: винительный съ неопредѣленным.

§ 42. Упомянем еще о нѣкоторых синтаксических особенностях.

Прилагательное неопредѣленное очень часто употреблялось въ значенiи опредѣленiя: добръ чловѣкъ, добра жена (у нас опредѣленное: добрый, -ая).

Изъ форм настоящаго времени глагола вспомогательнаго: ѥсмь у нас употребляется лишь *есть* (*суть* почти совсѣм не употребляется). Въ др.-ц.-сл. языкѣ сильно развито было употребленiе всѣх форм: ѥсмь, ѥсн...: азъ ѥсмь свѣтъ, иже єсн оуготовалъ. Съ отрицанiем не + ѥсмь получалась форма нѣсмь.

Согласованiе иногда было по смыслу (как часто и у нас:) мъногъ народъ идоша, глаголаахѫ дроугъ къ дроугоу.

Нѣкоторые глаголы требовали иного падежа, чѣм въ русском языкѣ: хоштѫ жрьтвѣ, сѫждѫ мироу.

Мѣстный падеж употреблялся без предлога не только для обозначенiя мѣста, но и времени: семь мѣстѣ, томь часѣ.

Дательный употреблялся иногда вмѣсто родительнаго: дроугъ мытаремъ, родительный иногда без предлога: которааго васъ (т. е. изъ васъ). Въ случаях, подобных послѣднему, часто могло быть подражанiе греческому, как и въ таких выраженiях: беꙁ него ничьтоже бысть, ѥже бысть (перед бысть пропущено не, въ виду существованiя уже отрицанiя словѣ: ничьто).

§ 43. Приводим два небольших отрывка из древнѣйших цер.-сл. Евангелiй—Зографскаго (глаголическаго, относимаго къ X—XI в.) и Остромiрова (кирилловскаго, русской редакцiи, переписаннаго въ 1056—7 г.).

Зогр. Ев. (Мат. III, 13—17):

Тогдаприде ис҃отъгалилеѩ наіорданъ къіоа҃ноу крьстити сѧотънего · іоанъжевъзбранѣшеемоу г҃лѧ · азътрѣбоуѭотътебе крьститисѧ · алитыкъмнѣградеши · отъвѣщавъжеис҃речекъне҃моу · останиꙑнѣ · такобоподобьно намъ естъсъкончатиксѣкѫ правъдѫ · тогдаоставиегокрьштьсѧ ис҃ · ꙇвъзидеотъводы ꙇсеот връзошѧсѧемоу ꙇвидѣ дхъ бж҃исъходѧшть · ѣкоголѫбь · ꙇгрѧдѫштьнань · ꙇсегласъ съ н҃бесе г҃лѧ · сьестъ с҃нъмои · възлюблєны · онемьжеблаговолихъ ·

Остром. Ев. (Лука VIII, 5—15):

Речег҃ьпритъчѫсиѭ изидесѣ-аисѣѩтъсѣменесвоѥго иѥгда сѣѩше · овопадепри пѫти и попьранобысть · и пътица н҃бсьныѩпозобашаѥ адроугоѥ паде накамене · ипрозабъоусъше · занѥнеимѣашевлагы · а дроугоѥпадепосрѣдѣтрьниѩ · ивъздрастетрьниѥ иподавиѥ а дроугоѥпаде наземлидобрѣ ипрозабъсътвориплодъсъторицеѭ въпрошаахѫжеоучениціѥгоглѭще · чьтоѥсть · притъчасиѩ онъжеречеимъ вамъданоѥстьвѣдѣтитаиныцесарьствиѩбж҃иѩапрочимъвъпритъчахъ давидѧще · невидѧть · ислышащенеразоумѣѭть ѥстьжепритъчасисѣмѧ ѥстьсловобж҃иѥ аижеприпѫтисѫть · слышащеи потомьжепридетьдиѣволъ · ивъзьметьсловоотъср҃дцаихъданевѣрынимъше сп҃сенибѫдѫть аиженакамени · иже ѥгда оуслышать · сърадостиѭприимѫтьслово · исиикорененеимѫть · ижевъврѣмѧвѣрѫѥмлѭть · ивъврѣмѧнапастностѫпадѫть аиадъшеѥвътрьнии · сисѫтьслышавъшеи · нотъпечалиибогатьствиѩ исластьми житиискымиходѧщеподавлѣѭтьсѧ инедоврьхаплодатворѧть аиже наземлидобрѣ · сиисѫть · ижедобрѣмьср҃дцьмьиблагъмь слышащесловодрьжать · иплодътворѧтьвътрьпѣнии сиг҃лѩвъзглѧ сиимѣѩоушислышатида слышить ·

Н. К. Грунскій.

Историческая драма въ древнемъ Римѣ.

(Fabula praetexta).

ВВЕДЕНІЕ.

Историческая драма въ древней Греціи. Ея матеріалы, обработка ихъ. Причина малочисленности этого рода произведеній.

Историческая драма возникла впервые въ древней Греціи приблизительно за два съ половиной столѣтія до ея появленія въ Римѣ. Здѣсь, въ этой колыбели драматической поэзіи, возникъ и этотъ родъ драмы и получилъ впервые литературную обработку. Уже одинъ изъ первыхъ по времени греческихъ трагиковъ Фринихъ, сынъ Полифрадмона, выступилъ со своей исторической драмой, носившей, вѣроятно, заглавіе «Взятіе Милета» [1]) (Μιλήτου ἅλωσις), содержаніе которой составляло современное событіе—взятіе Милета Персами.

[1]) Геродотъ (VI, 21: „δρᾶμα Μιλήτου ἅλωσις") и Страбонъ (XIV p. 635, 4: „δρᾶμα Μιλήτου ἅλωσις ὑπὸ Δαρείου"), а также слова Схоліи къ комедіи Аристофана „Σφῆκες" (къ 1490 ст. ed. Dübner.): „Ὑποκρινόμενον γὰρ αὐτὸν τὴν Μιλήτου ἅλωσιν, и Эліана (Varia historia ed. Hercher XIII, 17: „Ὑποκρινομένου γὰρ Φρυνίχου τοῦ τραγικοῦ τὴν Μιλήτου ἅλωσιν") указываютъ, что „Μιλήτου ἅλωσις" было заглавіе пьесы; но изъ словъ Іоанна Тцетцеса (Chiliades, VII, ст. 997—98: „Τὴν ἅλωσιν Μιλήτου δὲ Φρύνιχος.... ἐδίδαξεν οἰκτρᾷ τῇ τραγῳδίᾳ" и Плутарха (Moralia, ed. Bernardakis, Praec. ger. rei publ. p. 17, 814: „τραγῳδίᾳ διδάξαντα τὴν Μιλήτου ἅλωσιν") можно заключить, что „Μιλήτου ἅλωσις" есть только содержаніе пьесы.

Вскорѣ послѣ этой пьесы Фринихъ написалъ новую, озаглавленную «Финикіянки» (Φοίνισσαι), представленную, по словамъ Плутарха [1]), въ архонтство Адеймнанта (Olymp. 75, 4=477—476 г. до Р. Хр), при чемъ Θемистоклъ былъ хорегомъ [2]). Содержаніе ея составляло сраженіе при Саламинѣ, увѣнчавшееся столь блестящей побѣдой Эллиновъ подъ предводительствомъ Θемистокла, а названіе, повидимому, пьеса получила отъ хора, составленнаго изъ Финикіянокъ, мужья которыхъ, составлявшіе экипажи военныхъ судовъ большей части персидскаго флота, ушли въ походъ съ Ксерксомъ.

Примѣру Фриниха послѣдовалъ его младшій современникъ, знаменитый трагикъ Эсхилъ. Будучи самъ участникомъ великой борьбы Эллиновъ съ Персами, сражаясь въ рядахъ соотечественниковъ при Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеяхъ, Эсхилъ изобразилъ событія своего времени въ исторической драмѣ «Персы» (Πέρσαι), представленной впервые въ 473—472 г. до Р. Хр. [3]), являющейся однимъ изъ лучшихъ его произведеній.

Въ этой пьесѣ Эсхилъ изобразилъ славное Саламинское сраженіе, окончившееся блестящей побѣдой Эллиновъ, и то впечатлѣніе, которое она произвела на Персовъ, а также коснулся битвъ при Пситталеѣ и Платеяхъ. Драма «Персы» входила въ составъ драматической тетралогіи: «Φινεύς, Πέρσαι, Γλαῦκος и сатириче-

[1]) Themist. V.

[2]) Предположеніе Bentley. De Phalaridis Epist., p. 286 слѣд. ed Ribbeck (см. A. Nauck. Tragicorum. Graec. fr. стр. 722).

[3]) Ὑπόθεσις къ пьесѣ сообщаетъ, что Эсхилъ побѣдилъ тетралогіей, въ которую входили „Персы“ при архонтѣ Менонѣ, который, по Діодору (XI, 52), исправлялъ должность Olymp. 76, 4.

ской драмы Προμηθεύς». Какая связь была между этими пьесами и каково было содержаніе остальныхъ, довольно трудно установить, но весьма вѣроятно, что въ первой пьесѣ «Φινεύς», названной по имени древняго царя Θракіи, шла рѣчь о походѣ Аргонавтовъ, который представлялся какъ бы прототипомъ борьбы Европы и Азіи [1]), и затрогивался проходъ Персовъ черезъ Θракію, въ третьей—«Γλαῦκος Ποτνιεύς» поэтъ касался битвы при Платеяхъ, какъ заключаютъ по названію деревни Потнія, находящейся по пути изъ Платей въ Θивы [2]), а опредѣлить, какое отношеніе имѣетъ сатирическая драма «Προμηθεύς» (вѣроятно—πυρκαεύς), невозможно [3]).

Послѣ «Персовъ» Эсхила долгое время новыхъ историческихъ драмъ мы не встрѣчаемъ. Только въ концѣ классическаго періода греческой литературы Мосхі-

---

[1]) Karl. Otfried. Müller. Geschichte der Griechischen Litteratur т. II (изданіе 2-ое) стр. 85 говоритъ: „der Argonautenzug als, ein Vorspiel der grösseren Kämpfe zwischen Asien und Europa gefasst war".

[2]) Welcker. Aeschyl. Tril. 470 стр. и Rhein. Mus., a. F. V 236 (см. Christ. Gesch. der Griech. Litter. стр. 161, примѣч. 1) полагаетъ, что заглавіе пьесы было „Γλαῦκος Πόντιος", а содержаніе составляла побѣда Гелона надъ Карθагенянами при Гимерѣ. См. также Teuffel. Aeschylos Perser (1866 г.). Einleitung стр. 16.

[3]) Welcker. Aeschyl. Tril., стр. 120 (см. Teuffel. ук. соч. стр. 17) полагалъ, что содержаніе его составляло учрежденіе празднества „Прометеи", а Droysen. Uebersetzung des Aeschylos, II стр. 51 (Teuffel, ук. соч стр. 17) думалъ, что смыслъ этой пьесы былъ тотъ, что побѣда надъ варварами для Эллиновъ составляла такое же обновленіе жизни, какъ для человѣчества открытіе огня Прометеемъ.

онъ и, вѣроятно, Θеодектъ возродили созданный Фриникомъ видъ драмы [1]). Пьеса Θеодекта носила заглавіе «Мавсолъ» (Μαύσωλος) и содержаніе ея составляло прославленіе властителя Каріи Мавсола. Что касается драмъ Мосхіона, то одна изъ нихъ называлась «Θемистоклъ» (Θεμιστοκλῆς), а другая «Ферейне» (Φεραῖοι), но, что служило ихъ содержаніемъ, опредѣлить не такъ легко. Meineke [2]) и Welcker [3]) полагали, что содержаніемъ «Θемистокла» была Саламинская битва, въ которой герой пьесы игралъ выдающуюся роль Другое предположеніе и, какъ кажется, болѣе вѣрное, высказалъ Otto Ribbeck [4]); онъ думаетъ, что Мосхіонъ изобразилъ въ этой драмѣ кончину и погребеніе Θемистокла, основываясь на томъ, что эти событія представляли благодар-

[1]) Otto Ribbeck. Die Römische Tragödie im Zeitalter der Republik., Einleitung, стр. 7 и примѣч. 31; см Rhein. Mus. XXX (1875): Ueber einige historische Dramen der Griechen, стр. 146. Существованіе трагедіи „Мавсолъ" доказываетъ и E. Egger, Journal des Savants (1881 г.), стр. 507. Welcker. Griech. Trag. стр. 1080. (Ribbeck. Rhein. Mus. стр. 146, примѣч. 2) полагаетъ, что Θеодектъ произнесъ рѣчь, которая не имѣла успѣха, и поэтому онъ написалъ трагедію, удостоившуюся высшей награды; K. O. Müller II т. ук. соч. стр. 191 думаетъ, что поэтъ произнесъ похвальную рѣчь и кромѣ того составилъ трагедію, но не указываетъ приведенной Welcker'омъ причины.

[2]) Historia critica, стр. 522 (въ изданіи Comicorum Graec. Fr. т. I)

[3]) Griech. Trag. 1049 (Ribbeck. Rhein. Mus. ук. соч стр. 147).

[4]) Ueber einige historische Dramen der Griechen стр. 155 (Rhein. Mus XXX (1875 г.)).

ный матеріалъ для драмы, нося трагическій характеръ [1]).

Содержаніе второй пьесы «Ферeяне» составляли ужасныя событія, происходившія въ семьѣ Θессалійской династіи, какъ это вѣрно указалъ уже Meineke [2]). Но вопросъ, какую часть этихъ событій обработалъ Мосхіонъ въ своей драмѣ. Между тѣмъ какъ Meineke предполагалъ, что содержаніе драмы составляла смерть правителя Θессаліи Полифрона отъ руки Александра, женатаго на его сестрѣ Θебѣ, и возвышеніе послѣдняго; Otto Ribbeck [3]) считаетъ сюжетомъ ея убіеніе самого Александра женой и ея братьями, а также и его погребеніе.

Нѣсколько историческихъ драмъ встрѣчаемъ мы и въ Александрійскій періодъ греческой литературы. За этотъ видъ драмы принялись двое представителей Александрійской плеяды: Ликофронъ (изъ Халкиды на островѣ Эвбеѣ) и Филискъ (изъ Корциры). Первый изъ этихъ поэтовъ написалъ драмы «Кассандрейцы» (Κασσανδρεῖς), «Мараθонцы» (Μαραθώνιοι) и «Союзники» (Σύμμαχοι).

Уже Niebuhr [4]) указалъ, что содержаніе пьесы «Кассандрейцы» составляла «судьба несчастныхъ Кассандрейцевъ подъ тираніей ужаснаго Аполлодора», который былъ низвергнутъ въ 274 году до Р. Хр.

Содержаніе двухъ другихъ пьесъ опредѣлить едва ли возможно, такъ какъ намъ неизвѣстно ничего кромѣ

---

[1]) Такова его добровольная смерть, чтобы избавиться отъ обязанности выступить въ войнѣ противъ своего отечества, и тайное погребеніе праха его на родинѣ.

[2]) См. Ribbeck. ук. соч. ibidem.

[3]) Rhein. Mus. ук. соч. стр. 155 и слѣд. гдѣ подробно разсказывается убіеніе и погребеніе Александра.

[4]) Kleine historische und philologieche Schriften, I стр. 449, (Bonn, 1826).

заглавій. Otto Ribbeck предполагаетъ, что сюжетъ «Мараѳонцевъ» составляло не Мараѳонское сраженіе, а добровольная смерть мараѳонскаго эпонима Мараѳона, при чемъ въ пьесѣ могла предсказываться мараѳонская побѣда, «какъ награда за кровь Мараѳона» [1]). Филискъ для своей драмы [2]) избралъ героемъ опять Ѳемистокла, по имени котораго она и называлась «Ѳемистоклъ». Meineke [3]) и Welcker [4]) полагали, что въ этой пьесѣ Филискъ, какъ и Мосхіонъ, прославилъ Саламинскую побѣду Эллиновъ надъ Персами, но Otto Ribbeck [5]) высказалъ весьма вѣроятное предположеніе, что Филискъ обработалъ въ ней бѣгство Ѳемистокла въ Эпиръ и его пребываніе у царя Адмета. Онъ указываетъ, что событія эти, какъ видно изъ историковъ и особенно изъ Ѳукидида (I, 136 сл.), носятъ трагическій характеръ и даже сами собою дѣлятся для драматическаго дѣйствія [6]). Таковы матеріалы, которыми воспользова-

[1]) Ук. соч. стр. 160.

[2]) Meineke. Historia Critica, стр. 424.

[3]) Meineke. Sitzungsberichte der Berlin. Akademie, 1855 г. стр. 5; Ribbeck. ук. соч. стр. 147).

[4]) Ук. соч. ibidem.

[5]) Ук. соч. стр. 155.

[6]) Ribbeck (стр. 148) указываетъ слѣдующую схему: I. Прологъ: Ѳемистоклъ является въ качествѣ бѣглеца и излагаетъ свое прошлое и теперешнее положеніе. II. Встрѣча его съ женой царя, которая подъ вліяніемъ его просьбъ даетъ ему совѣтъ, какъ искать защиты III. Прибытіе царя и его разговоръ съ Ѳемистокломъ, заканчивающійся примиреніемъ этихъ прежнихъ враговъ. IV. Прибытіе лакедемон скихъ и аѳинскихъ пословъ съ предложеніемъ выдать Ѳемистокла, отказъ царя. V. Принятіе Ѳемистокла какъ гостя въ царскомъ дворцѣ. При этомъ названный ученый обра-

лась историческая драма въ древней Греціи [1]). Какъ же поэты ихъ обработывали и въ какую форму облекали? Судя по «Персамъ» Эсхила, единственной дошедшей до насъ исторической драмѣ, можно полагать, что, выбирая для своей драмы то или иное историческое событіе, греческіе поэты укладывали его въ рамки трагедіи, другими словами дѣлали изъ него историческую трагедію Великую борьбу Эллиновъ съ Персами изобразилъ Эсхилъ не непосредственно, но, окутавъ какой-то дымкой мистицизма, какой то идеальной пеленой: онъ изобразилъ побѣду Эллиновъ надъ Персами, какъ торжество культуры надъ невѣжествомъ, какъ наказаніе персидскаго царя, перешедшаго предѣлы данной ему богами власти, какъ возмездіе за оскорбленіе эллин-

щаетъ вниманіе на то обстоятельство, что при этомъ содержаніи пьеса является сходной съ трагедіями аттическихъ трагиковъ какъ „Просящими защиты“ Эсхила, „Эдипа въ Колонѣ“ Софокла, „Просящихъ защиты“ и „Гераклидовъ“ Эврипида

[1]) „Этнянки“ Эсхила не является исторической драмой, а пьесой на случай; болѣе вѣроятно отнесеніе къ исторической драмѣ „Архелая“ Еврипида, написаннаго имъ при дворѣ македонскаго царя Архелая для прославленія династіи. Весьма сомнительнымъ является изображеніе битвы при Артемизіи въ отдѣльной драмѣ, какъ предполагалъ Meineke (Hist. crit, стр. 523 на основаніи словъ Страбона: „ἡ μέντοι Σηπιὰς ἀκτὴ καὶ τετραγῴδηται μετὰ ταῦτα καὶ ἐξύμνηται διὰ τὸν ἐνταῦθα ἀφανισμὸν τοῦ Περσικοῦ στόλου“, такъ какъ глаголъ τραγῳδεῖν даже въ буквальномъ смыслѣ означаетъ эпизодическое описаніе въ трагедіи, которое могло быть вставлено въ трагедіи „Ориѳійя“ (Эсхила и Софокла), какъ думаетъ Ribbeck (ук. соч стр. 161) на основаніи словъ Геродота (IX, 189).

скихъ святынь, а Эллины были лишь исполнителями божественнаго гнѣва. Словомъ, таже идея рока и идея возмездія, что и въ миѳологической трагедіи, является здѣсь главнымъ трагическимъ мотивомъ. Вообще можно съ увѣренностью сказать, что общія черты греческой миѳологической трагедіи нашли себѣ выраженіе и въ исторической драмѣ, въ виду большой близости этихъ двухъ видовъ драматической поэзіи. И въ исторической драмѣ, по мѣрѣ ея развитія, должны были произойти тѣ измѣненія, которыя выработала практика греческой трагедіи. Сначала, подобно трагедіи, историческая драма носила больше лирико-эпическій, чѣмъ драматическій характеръ: хоры и донесенія вѣстниковъ играли первенствующую роль, а драматическому дѣйствію было отведено самое скромное мѣсто. «Персы» Эсхила являются яркимъ примѣромъ этого начальнаго фазиса развитія драмы.

Главная часть сюжета—Саламинская битва—изображается въ видѣ донесенія гонца, прибывшаго отъ Ксеркса въ столицу персидскаго царства. Другую часть пьесы составляютъ почти исключительно хоры, которые сначала высказываютъ свои опасенія по поводу смѣлаго похода Ксеркса въ далекую невѣдомую страну, потомъ, по полученіи страшной вѣсти о пораженіи при Саламинѣ, выражаютъ свое безпредѣльное горе и, наконецъ, по прибытіи самого царя, вмѣстѣ съ нимъ дѣлятъ его скорбь.

Ни Софоклъ, ни Еврипидъ, ни прочіе драматурги классическаго періода не писали историческихъ драмъ, а когда этотъ родъ драмы возродился уже въ концѣ этого періода, то, подобно трагедіи, она должна была значительно измѣниться. Теперь уже не лирико-эпическая часть занимаетъ главное мѣсто, а драматическое

дѣйствіе, теперь (со времени Еврипида) поэты увлекаются запутанностью дѣйствія (πεπλεγμένη), теперь играютъ важную роль перипетіи (внезапныя измѣненія судьбы) и анагноризисъ (внезапное открытіе какого-нибудь факта), хоръ все болѣе и болѣе отодвигается на задній планъ, составляя наконецъ музыкальныя антракты (ἐμβόλιμα) Затѣмъ поэты начинаютъ обращать вниманіе на реторическую отдѣлку пьесъ и, наконецъ, предназначаютъ свои драмы уже не для представленій, а для публичныхъ чтеній, декламацій. Уже Ѳеодектъ свою историческую драму «Мавсолъ» рецитировалъ, а не ставилъ на сценѣ театра.

Историческая драма такимъ образомъ не была любимымъ жанромъ греческихъ поэтовъ даже въ эпоху процвѣтанія драматической поэзіи. Въ чемъ же заключается причина этого явленія? Прежде всего греческая трагедія, развившиesь изъ культа боговъ, носила религіозный характеръ и потому должна была по преимуществу ограничиваться міромъ боговъ и героевъ; затѣмъ идеальная оболочка, окутывавшая эти миѳы, болѣе пригодна была для этическихъ цѣлей, такъ какъ драма историческая, слишкомъ связанная съ событіями и воззрѣніями изображаемой эпохи, менѣе пригодна для проведенія этическихъ воззрѣній и идеаловъ автора.

Наконецъ, трагики болѣе поздніе стремились сдѣлать дѣйствіе запутаннымъ и внезапной развязкой произвести болѣе сильное впечатлѣніе, а для этихъ цѣлей миѳологія представляла болѣе благодарный матеріалъ, чѣмъ событія реальной дѣйствительности [1]): миѳы позволяли поэту больше углубляться въ область фантазіи

[1]) Theodor. Bergk Griechische Litteraturgeschichte, III, стр. 186 (изданный Heinrichs'омъ 1883 г.).

и давали больше свободы творчеству, такъ какъ отпадало требованіе исторической вѣрности. Но была еще одна не менѣе важная причина. Эллада не представляла единаго цѣлаго, а дѣлилась на множество отдѣльныхъ государствъ [1]), интересы которыхъ часто бывали совершенно противоположны, и потому трудно было найти сюжеты общеэллинскіе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна драма Эсхила «Персы». Поэтъ выбралъ для драмы событіе, въ которомъ играли выдающуюся роль Аѳиняне, но въ тоже время чрезвычайно важное для всей Эллады, и затѣмъ, опасаясь обидѣть кого-либо, говорилъ лишь объ Эллинахъ вообще, не называя по именамъ главныхъ дѣятелей этого славнаго времени. Но даже въ границахъ исторіи отдѣльнаго государства поэтъ долженъ былъ выбирать такіе сюжеты, которые были бы лишены всякой партійности и тенденціозности, какъ это показываетъ столь извѣстный скандалъ, вызванный первымъ представленіемъ драмы Фриниха «Взятіе Милета». Задѣвъ своей пьесой высшій правящій кругъ Аѳинянъ, оставившій безъ помощи Милетянъ въ борьбѣ съ Персами, Фринихъ жестоко поплатился за это. Какъ передаетъ Геродотъ (VI, 21), поэтъ былъ наказанъ штрафомъ въ 1000 драхмъ и постановка его драмы была запрещена навсегда.

Въ силу всего этого историческая драма въ древней Греціи достигла очень незначительнаго развитія и не выдѣлилась въ особый видъ драмы. Болѣе благодарную почву нашла историческая драма въ древнемъ Римѣ.

---

[1]) Karl Meiser. Ueber historische Dramen der Römer Festrede. (München 1881 г.) стр. 22.

I.

Произведенія, относящіяся къ римской исторической драмѣ. Время ея возникновенія. Невій—создатель исторической драмы. Причины возникновенія этого рода драматической поэзіи.

Въ области серьезной драмы въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемъ пьесы, которыя рѣзко выдѣляются своимъ историческимъ содержаніемъ. Эти пьесы, такъ называемыя претексты (praetextae или praetextatae sc. fabulae), и представляютъ собою историческую драму въ Римѣ. Дѣйствительно, даже тѣ немногочисленныя и краткія свѣдѣнія, которыя сообщаютъ древніе писатели объ этихъ пьесахъ, несомнѣнно доказываютъ, что претексты были серьезными драматическими произведеніями, содержаніе которыхъ было заимствовано изъ исторіи,—произведеніями, подходящими подъ понятіе исторической драмы. Такъ, грамматикъ Діомедъ, перечисляя въ третьей книгѣ своего сочиненія «Ars grammatica» различные виды драмы, существовавшіе въ Римѣ, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ сущность претекстъ: «Nam prima species est togatarum quae praetextatae dicuntur, in quibus imperatorum negotia agebantur et publica et reges Romani vel duces inducuntur, personarum dignitate et (personarum) sublimitate tragoediis similes. Praetextatae autem dicuntur, quia fere regum vel magistratuum, qui praetexta utuntur, in eius modi fabulis acta comprehenduntur» [1]).

Содержаніе этихъ пьесъ («imperatorum negotia et

[1]) I, p. 489 (въ изданіи Keil'я Grammatici Latini Vol. I Lps. 1857 г.).

publica» и затѣмъ «acta regum vel magistratuum») и главныя дѣйствующія лица («reges Romani vel duces» и «magistratus») безусловно указываютъ на историческій характеръ ихъ. Но еще яснѣе это вытекаетъ изъ словъ грамматика Эвантія, комментатора знаменитаго римскаго комика Теренція, и Павла Дьякона въ его сокращеніи словаря Феста. Первый прямо говоритъ, что содержаніе свое претексты заимствовали изъ исторіи и, именно римской («praetextatas, a dignitate personarum tragicarum ex latina historiâ») [1]), а Павелъ Дьяконъ указываетъ, что претекстами называются пьесы, излагающія исторію римскаго народа («Praetextae appellantur, quae res gestas Romanorum continent scriptas») [2]).

Но кромѣ этихъ указаній позднѣйшаго времени мы имѣемъ еще краткую замѣтку Азинія Полліона, указывающую также, что содержаніе претекстъ составляли историческія событія, и притомъ даже современныя. Азиній Полліонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [3]) къ Цицерону сообщаетъ ему, что квесторъ Бальбъ поставилъ претексту, содержаніемъ которой служила его поѣздка къ проконсулу Луцію Лентулу съ цѣлью склонить его перейти на сторону Цезаря и что во время представленія онъ плакалъ при воспоминаніи о своихъ дѣлахъ. И заглавія носятъ эти пьесы большею частью по именамъ знаменитыхъ историческихъ лицъ. Въ видѣ примѣра Діомедъ приводитъ заглавія «Brutus», «De-

---

[1]) Euanthius. De Fabula. IV, 1 (Ael. Donati Comm. Terenti ed. P. Wessner. Lips. 1902).

[2]) Paulus Diaconus p. 279. ed. Thewrewk de Ponor, vol. I, Budapest. 1899 = Müller. p. 223. (изд. Феста).

[3]) Cicero. ad fam. X, 32, 3.

cius», «Marcellus» [1]), и въ числѣ пьесъ, отрывки которыхъ дошли до насъ, мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ претексты «Брутъ», «Децій» и т. п. Такимъ образомъ претексты, изображая событія современной исторіи и событія далекаго прошлаго (acta regum), изображая знаменитыхъ историческихъ лицъ, вполнѣ подходятъ подъ понятіе исторической драмы. Но, такъ какъ содержаніе и дѣйствующія лица претексты заимствовались изъ національной, чисто римской исторіи, или изъ отечественныхъ преданій, такъ какъ, слѣдовательно, эти пьесы носили національный характеръ, то историческая драма въ древнемъ Римѣ являлась въ то же время и національной.

Пьесы, составлявшія въ Римѣ историческую драму, какъ мы уже указали раньше, носили особое названіе: «praetextae», или «praetextatae» (sc. fabulae). Это названіе онѣ получили отъ той тоги (toga praetexta), обшитой пурпуровой каймой, которая составляла одѣяніе изображавшихся на сценѣ римскихъ царей, полководцевъ и высшихъ должностныхъ лицъ государства [2]). Обозначеніе того или другого вида драматическихъ представленій по костюму изображавшихся въ нихъ лицъ было въ Римѣ весьма распространено: такъ, національная римская комедія именовалась togata отъ toga--національной одежды римлянъ, греческая трагедія называлась palliata отъ pallium—національной греческой одежды и т. п. По нашему мнѣнію въ этомъ нѣтъ ни-

---

[1]) I, p. 490: „.... . in praetextata autem quae inscribitur Brutus vel Decius, item Marcellus“.

[2]) Diomed. I, p. 489: „Praetextatae autem dicuntur, quia fere regum vel magistratuum, qui praetexta utuntur, in eius modi fabulis acta comprehenduntur“.

чего удивительнаго такъ какъ народу легче всего было различать многочисленные виды сценическихъ представленій по одеждѣ, въ которой являлись на сцену актеры: по одеждѣ всякій могъ распознать, къ какому классу общества, къ какой національности принадлежитъ то или другое дѣйствующее лицо, и по этому заключить, какая представляется пьеса: съ греческимъ или римскимъ сюжетомъ, серьезная или веселая. Къ тому же самыя названія: «tragoedia» и «comoedia» были иностранныя, мало понятныя простому народу того времени, когда возникла драматическая поэзія. Что касается двоякой формы названія (praetexta или praetextata) [1]), то первая, встрѣчающаяся во времена Цицерона и Горація [2]), уже поэтому заслуживаетъ бóльшаго довѣрія, напротивъ вторая форма, употребляемая позднѣйшими грамматиками [3]), является, повидимому, болѣе поздня-

---

[1]) Иногда употребляется также названіе togata praetextata напр. у Діомеда I, p. 490 (G. Lat), такъ какъ togata было названіемъ вообще національной драмы какъ серьезной, такъ и комедіи; прилагательное togatus значитъ въ переносномъ смыслѣ вообще національный „римскій", напр. Vergil. Aen 1 ст. 282: „gentemque togatam". Diomed. I, 489: „hominum togatorum. i. e. Romanorum".

[2]) Напр : у Азинія Полліона (Cicero. ad fam. X, 32, 3) и у самого Горація (Ars Poët. ст. 288); изъ позднѣйшихъ авторовъ эту форму употребляютъ: Probus. Vita Persii (у Reifferscheid'a Suetonius стр. 74) и Paulus Diaconus p. 279 (Festus. ed. Thewrewk de Ponor=223 ed Müller), а также попадается и у Доната, Excerpta de comoedia. VI, 1 ed. Wessner

[3]) Diomed. I, p. 489 и 490; Euanthius. De Fab. p. IV, 1. ed. Wessner; Caesius Bassus VI, p. 312 (Gram. Lat. ed. Keil.; Ioan. Lydus. de magistratibus p. R. I, 40 (ed. Wuensch. 1903 г.) называетъ ее πραιτεξτᾶτα.

го происхожденія и, можетъ быть, даже придумана этими же грамматиками по образцу названій togata и palliata, какъ полагалъ уже Neukirch [1]).

Историческая драма возникла въ Римѣ очень рано: въ то время, когда римская поэзія едва лишь зарождалась. Дѣло въ томъ, что вся вообще драма возникла въ Римѣ раньше прочихъ видовъ поэзіи. Между тѣмъ какъ въ Греціи драматическая поэзія возникла и стала развиваться, когда эпосъ и лирика достигли уже кульминаціоннаго пункта своего развитія, между тѣмъ какъ тамъ Гомеръ, Гезіодъ, а также цѣлый рядъ выдающихся лириковъ давно уже обогатили своими замѣчательными произведеніями греческую поэзію, когда выступили на сцену Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ и Аристофанъ, въ Римѣ развитіе поэзіи шло какъ разъ наоборотъ. Здѣсь драма возникла прежде всего и достигла высшаго развитія, когда въ области эпической поэзіи еще не было создано ничего замѣчательнѣе «Bellum Punicum» Невія и «Annales» Эннія, а лирика не пошла дальше религіозныхъ гимновъ, составлявшихся по поводу какого-нибудь торжества.

Смѣлая попытка Ливія Андроника познакомить римскую публику съ греческими драматическими произведеніями, переведенными и передѣланными имъ для римскаго театра, увѣнчавшись успѣхомъ, увлекла цѣлый рядъ талантливыхъ людей къ занятію литературой и прежде всего драматической поэзіей, начало которой, какъ и всей римской изящной литературы, поэтому датируется 240 годомъ до Р. Хр., когда въ Римѣ состоялось первое драматическое представленіе Ливія Андро-

[1]) De fabula togata Romanorum. Accedunt fabularum togatarum reliquiae (Lps. 1833 г.) стр. 26.

ника. Римляне, не имѣвшіе до сихъ поръ понятія о художественной литературѣ, принялись изучать греческіе образцы и подражать имъ, заимствуя и содержаніе и форму. Такимъ образомъ начался въ Римѣ періодъ полнаго подчиненія литературы греческому вліянію, періодъ, который можно сравнить съ ложно-классицизмомъ въ западно-европейской и русской литературахъ. Характерной чертой римской поэзіи въ теченіе этого періода является именно преобладаніе надъ другими видами поэзіи драмы, которая уже насчитывала цѣлый рядъ поэтовъ, завоевавшихъ себѣ почетное мѣсто въ римской литературѣ, какъ Невій, Энній, Пакувій и Аттій (или Акцій) въ области серьезной драмы, Плавтъ, Теренцій, Цецилій, Афраній въ области комедіи.

Въ началѣ этой эпохи и возникла въ Римѣ историческая драма, творцомъ которой считается второй по времени драматическій поэтъ римскій Гней Невій, жившій въ 3 вѣкѣ до Р. Хр. Въ возникновеніи исторической драмы на первой стадіи развитія драматической поэзіи римская литература представляетъ удивительную аналогію съ греческой. Какъ въ Греціи еще до Эсхила выступилъ на сцену со своими историческими драмами: «Взятіе Милета» и «Финикіянки» Фринихъ, такъ въ Римѣ Невій представилъ свои претексты въ самомъ началѣ римской драматической поэзіи.

Что же вызвало къ жизни этотъ видъ драматической поэзіи уже въ столь раннюю пору? На этотъ вопросъ наиболѣе распространенное мнѣніе отвѣчаетъ, что созданіе исторической драмы—претекстъ—являлось протестомъ противъ трагедій (съ греческими сюжетами и по греческимъ образцамъ), «fabula palliata» или «crepidata», что римляне желали освободить римскую поэзію отъ рабскаго подражанія греческой, создать національ-

ную драму, показать, что они еще помнятъ изреченіе civis Romanus sum, какъ образно выражается по этому поводу Karl Meiser [1]). Извѣстный французскій филологъ Gaston Boissier въ своей статьѣ, посвященной претекстамъ [2]), высказываетъ другое мнѣніе, что при созданіи этого рода драмы римляне преслѣдовали не литературныя цѣли, не имѣли въ виду создать національную драму, но руководствовались другими цѣлями: они желали угодить народу, заинтересовать его, дать ему что-нибудь новое. Намъ кажется, что первое мнѣніе уже потому заслуживаетъ предпочтенія, это весьма просто объясняетъ также и тотъ фактъ, почему историческая драма въ Римѣ уже съ самого начала была національной, въ то время какъ вся остальная драматическая поэзія еще всецѣло сохраняла антинаціональный характеръ. Къ тому же Горацій прямо подтверждаетъ этотъ взглядъ. Восхваляя римскихъ поэтовъ за стремленіе къ самостоятельности, за ихъ желаніе создать національную поэзію, онъ указываетъ на претексты, какъ на одинъ изъ видовъ поэзіи, который именно является выраженіемъ этого направленія. Мы разумѣемъ знаменитые стихи изъ посланія Горація къ Пизонамъ [3]):

«Nil intemptatum nostri liquere poëtae;
Nec minimum meruere decus vestigia Graeca
Ausi deserere et celebrare domestica facta
Vel qui praetextas, vel qui docuere togatas».

Дѣйствительно, не узкія практическія цѣли, о которыхъ говоритъ Gaston Boissier, дали толчокъ къ со-

[1]) Ук. соч. стр. 4.

[2]) Les fabulae praetextae въ Revue de philologie XVII (1893 г.), стр. 104.

[3]) Epist II, 3, 285 -288 (=Ars poet. 285—288).

зданію претекстъ; нѣтъ, историческая драма явилась продуктомъ своего времени.

Эпоха, въ которую возникла историческая драма, эпоха славныхъ Пуническихъ войнъ отличалась необычайнымъ подъемомъ національной гордости и патріотизма. Естественно, это настроеніе должно было оказать вліяніе и на литературу и дѣйствительно оказало. Не только въ области серьезной драмы, но и въ области эпоса происходитъ національизація: какъ въ драмѣ создаются претексты, такъ и эпосъ въ «Bellum Punicum» Невія и «Annales» Эннія пріобрѣтаетъ національно-историческій характеръ [1]). Если это стремленіе не коснулось тогда комедіи, то причина этого была исключительно политическая: правительство не желало, чтобы публично осмѣивались недостатки римской общественной жизни [2]). Такимъ образомъ становится яснымъ, что возникновеніе исторической драмы вызвано было стремленіемъ къ созданію національной драмы.

Но почему римляне обратились при этомъ къ исторической драмѣ, почему выбрали они именно этотъ родъ драмы? Развѣ у нихъ не было другого матеріала для національной драмы, кромѣ исторіи? Разсматривая тотъ матеріалъ, которымъ могла бы воспользоваться серьезная драма въ Римѣ, мы приходимъ къ тому заключенію, что, дѣйствительно, только одна исторія была пригодна для этого. Вѣдь, драмы въ новѣйшемъ смыслѣ слова античный міръ незналъ, а такую національную миѳологическую трагедію, какъ греческая, римляне не

---

[1]) Alfred Schöne. Das historische Nationaldrama der Römer Die Fabula praetexta (Kiel 1893 г.) стр. 6.

[2]) Модестовъ. Лекціи по исторіи римской литературы (Спб. 1888 г.), стр. 108.

могли создать, такъ какъ ихъ отечественная миѳологія была для этого слишкомъ бѣдна. Зато ихъ отечественная исторія какъ древнѣйшая (періодъ царей и первыя времена существованія республики), такъ и современная изобиловала примѣрами геройства, той римской virtus, которой такъ гордился и славился римскій народъ, изобиловала чисто-драматическими лицами и событіями. Вотъ здѣсь драматическій поэтъ могъ найти для себя богатѣйшій матеріалъ, могъ отсюда заимствовать сюжеты и дѣйствующихъ лицъ для своихъ произведеній. Такимъ образомъ для драмы національной единственнымъ источникомъ, откуда можно было черпать для нея сюжеты, была исторія; къ ней и обратились римляне.

II.

Историческая драма въ періодъ республики: претексты Невія: «Clastidium», «Romulus» и «Lupus»; претексты Эннія: «Ambracia» и «Sabinae»; претекста Пакувія: «Paulus»; претексты Акція: «Aeneadae sive Decius» и «Brutus»; претекста Вальба: «Iter» и Кассія Пармскаго: «Brutus».

Отъ всей древне-римской исторической драмы сохранилась, къ сожалѣнію, лишь одна претекста «Октавія», но и эта пьеса относится къ позднѣйшему времени. Отъ остальныхъ произведеній этого рода драматической поэзіи дошли до насъ только фрагменты, весьма незначительные и нерѣдко въ очень испорченномъ видѣ. Сохранились эти фрагменты главнымъ образомъ у древнихъ грамматиковъ, которые въ данномъ случаѣ не преслѣдовали историко-литературныхъ цѣлей, но имѣли въ виду интересы учебные, интересы школы: они

цитировали тотъ или иной отрывокъ потому, что въ немъ встрѣчались какія-нибудь рѣдкія слова, выраженія, грамматическія формы или-же какія-нибудь архаизмы. Несмотря на ограниченность свѣдѣній о римской исторической драмѣ, несмотря на малочисленность и краткость сохранившихся отрывковъ, все же можно выяснить содержаніе той или другой претексты, можно составить понятіе объ ихъ формѣ, композиціи, языкѣ, метрикѣ, словомъ, можно дать болѣе или менѣе точное и ясное представленіе объ этого рода драмѣ и начертать ходъ ея развитія. Къ этой нелегкой задачѣ мы и обратимся и прежде всего разсмотримъ претексты республиканскаго періода.

Первый поэтъ, выступившій со своими претекстами предъ римской публикой, какъ мы уже сказали, былъ Гней Невій, стяжавшій себѣ еще болѣе громкую славу въ другой области поэзіи—эпосѣ своей поэмой «Bellum Punicum», въ которой онъ вначалѣ кратко передавалъ въ поэтической формѣ исторію Рима съ древнѣйшихъ временъ до первой Пунической войны, а потомъ изображалъ эту славную эпоху борьбы съ грознымъ внѣшнимъ врагомъ. Относительно того, какія претексты написалъ этотъ поэтъ, новые ученые обнаруживаютъ большое разногласіе.

Пьесы, которыя тѣ или иные ученые по какимъ-либо соображеніямъ относятъ къ претекстамъ,—слѣдующія: «Clastidium» и «Romulus», цитируемыя Варрономъ въ его столь извѣстномъ сочиненіи «De lingua latina» [1]), «Alimonium Remi et Romuli», упоминаемая комментаторомъ Теренція Эліемъ Донатомъ [2]), а также

---

[1]) VII, 107; IX, 78; VII, 54.

[2]) Donatus. in Terentii Adelphos. IV 1, 21;

пьеса, озаглавленная «Lupus», отрывки которой приводятъ Цицеронъ и Фестъ [1]).

Уже относительно первой изъ названныхъ пьесъ «Clastidium» существуетъ контроверза между новѣйшей и болѣе старой научной литературой. Въ то время какъ новѣйшіе ученые единогласно считаютъ эту пьесу претекстой, болѣе ранніе относятъ ее къ комедіи: такъ, Neukirch [2]) считаетъ пьесу: «Clastidium» комедіей и относитъ къ тому роду, который въ Римѣ носилъ названіе «togata tabernaria», т.-е. комедіи съ содержаніемъ и дѣйствующими лицами, заимствованными изъ быта низшихъ слоевъ общества, при чемъ основывалъ этотъ взглядъ на томъ, что Clastidium названье галльскаго городка. Такого же взгляда придерживаются Friedr. Heinr. Bothe [3]), Klussmann [4]) и G. Boissier [5]), причемъ Klussmann высказалъ даже предположеніе, что содержаніемъ ея служило слѣдующее событіе, которое разсказываетъ Титъ Ливій въ XXI книгѣ, 48 гл., 8. Во время второй Пунической войны, вскорѣ послѣ битвы при Требіи Ганнибалъ, не имѣя достаточно провіанта, отправилъ отрядъ къ городку Кластидіуму, гдѣ

[1]) Cicero. Cato. maior VII, 20; Festus p. 270.

[2]) Ук. соч. стр. 66 и 96.

[3]) Poetae scenici Latinorum (=Poetarum Latii scenicorum fragmenta). Volumen. posterius (frg. comicorum) Lps. 1834 г., стр. 13.

[4]) Gn. Naevii vitam descripsit, carminum reliquias collegit стр. 131 (какъ указываютъ Bähr. Geschichte der Römischen Litteratur (Carlsruhe 1868 г.) I, стр. 207 примѣч. 11; Berchem. De Gn. Naevii poetae vita et scriptis (Monasterii 1861 г.) стр. 71; Haupt. Philologus, I, стр. 375 и Grauert, ibidem II, стр. 119).

[5]) Le poete Attius. стр. 93 (Paris 1857 г.).

Римляне сложили большое количество припасовъ, съ порученіемъ овладѣть ими Начальникъ гарнизона нѣкто Дазій, родомъ изъ Брундизіума, подкупленный Карѳагенянами сдаетъ городъ Вотъ это событіе, по мнѣнію Klussmann'а, могло служить сюжетомъ для комедіи Невія [1]). Взглядъ этихъ ученыхъ однако вскорѣ уже былъ опровергнутъ Haupt'омъ [2]) и затѣмъ Grauert'омъ [3]), которые указали всю его неосновательность и впервые признали «Clastidium» претекстой, а также указали и ея истинное содержаніе. Оба они совершенно правильно замѣчаютъ, что указанное Klussmann'омъ содержаніе совсѣмъ не подходитъ къ комедіи, и отрывки пьесы не носятъ комическаго характера. Кромѣ того, весьма вѣскимъ кажется намъ еще и тотъ аргументъ Grauert'а [4]), что историческія сюжеты никогда не избирались римскими поэтами для комедіи. Что «Clastidium»—претекста, содержаніе которой составляла знаменитая побѣда римскаго полководца М. Клавдія Марцелла надъ предводителемъ Галатовъ Вирдумаромъ, одержанная при Кластидіумѣ, высказалъ впервые Haupt [5]). Эту мысль развилъ далѣе Grauert. Онъ полагаетъ, что грамматикъ Діомедъ въ уже цитированномъ нами мѣстѣ: «....in praetextata autem quae inscribitur Brutus vel Decius item Marcellus» разумѣлъ подъ Марцелломъ претексту Кластидіумъ, такъ какъ возможно, что эта пьеса, подобно другимъ, (напр. «Decius» или «Aeneadae») имѣла двойное названіе, или же Діомедъ

---

1) L. c..
2) Ук. соч. стр. 375.
3) Ук. соч. стр. 119.
4) Ук. соч. стр. 119.
5) Ук. соч. стр. 375.

приводитъ заглавіе неточно по главному дѣйствующему лицу. Далѣе въ доказательство того, что пьеса эта, дѣйствительно, имѣла такое содержаніе; Grauert подробно излагаетъ войну съ Галлами и битву Марцелла съ Вирдумаромъ, указываетъ, что послѣдняя часть галльской войны и эта битва содержитъ много моментовъ драматическаго характера, прекрасно подходящихъ къ претекстѣ, что слава этого римскаго героя гремѣла еще во времена Вергилія (Aen. VI, 855 и слѣд.) и Проперція (IV, 10), что, вѣроятно, также и въ искусствѣ было изображено это сраженіе, какъ полагалъ H. Schreiber (Die Marcellusschlacht bei Clastidium. Freib. 1843 г.), а также и на монетахъ.

Наконецъ, онъ высказываетъ даже предположеніе, что поэтическій колоритъ, который господствуетъ въ изображеніи этого событія у Плутарха, является слѣдствіемъ первоначальной обработки въ поэзіи и, можетъ быть, у Невія.

Вслѣдъ за Haupt'омъ и Grauert'омъ новѣйшіе ученые единогласно признали «Clastidium» претекстой, изображающей указанную побѣду Марцелла [1]). Отъ этой претексты сохранились лишь два фрагмента, на-

---

[1]) Otto Ribbeck. Scenicae Romanorum poesis fragmenta Vol. I: „Tragicorum Latinorum reliquiae" Lps. (1852 г.) стр. 235 и 348, и въ двухъ послѣдующихъ изданіяхъ Vol. I: Trag. Roman. fr. стр. 277 (изд второе 1871 г.) и 321 (изд. 3-е 1897 г.); его же Die römische Tragödie im Zeitalter der Republik стр. 72 и слѣд. и Geschichte der Römischen Dichtung I, стр. 21 (Stuttgart 1887 г.), Teuffel-Schwabe: Geschichte der Röm. Literat. I, стр. 21, § 14 и 147 примѣч. 6. и другіе курсы: Bähr, 188 стр. примѣч. 15, Bernhardy Grundriss der Röm. Litt. (Braunschweig 1865 г.) стр. 389, примѣч. 280: Schanz I, стр. 41, Модестовъ, стр. 80; кромѣ того, Berchem.

столько незначительные, что возстановить ходъ драматическаго дѣйствія совершенно невозможно, какъ призналъ даже Otto Ribbeck [1]), отличающійся удивительнымъ талантомъ въ этомъ отношеніи. Фрагментъ первый: «vitulantes» говоритъ, по мнѣнію только что названнаго ученаго, о ликованіи солдатъ во время тріумфа [2]), а фрагментъ второй: «Vita insepulta laetus in patriam redux» о радостномъ возвращеніи побѣдителя на родину [3]). Дѣлать такое заключеніе изъ фрагмента перваго, по нашему мнѣнію, слишкомъ рискованно [4]), такъ какъ по одному слову трудно судить о томъ, что говорилось въ цѣлой фразѣ и о чьемъ именно ликованіи шла рѣчь. Вѣдь, могла быть рѣчь и о ликованіи враговъ (до побѣды надъ ними), такъ какъ они съ презрѣніемъ относились къ малочисленному отряду римскаго вождя и уже заранѣе могли радоваться, полагая, что имъ побѣда обезпечена [5]). Что касается

ук. соч. стр. 71—72, Meiser, ук. соч. стр. 5, Schöne, ук. соч. 7. G. Boissier. Revue de phil XXII (1893 г.) стр. 103 Lucian. Mueller. Q. Ennius (Спб. 1884 г.) стр. 101; Th. Mommsen. Röm. Gesch. I стр. 896.

[1]) Die Römische Tragoedie стр. 73.

[2]) Die Römische Tragoedie стр. 75; фрагменты мы цитируемъ по послѣднему изданію Scenicae Rom. poes. fr. Vol. I: Trag. Rom. Fr.

[3]) Klussmann, по словамъ Grauert'a (ук соч. стр. 125 примѣч. 18), предполагалъ, что здѣсь говорится о Сципіонѣ, спасенномъ своимъ сыномъ при Тичино, но, какъ справедливо замѣтилъ Grauert, Сципіонъ не имѣетъ никакого отношенія къ событію при Кластидіумѣ

[4]) Уже Haupt (ук. соч. стр. 375 замѣтилъ, что фрагментъ этотъ не позволяетъ сдѣлать никакихъ выводовъ.

[5]) Plutarch. Marcellus, VI.

фрагмента второго, то смыслъ его вполнѣ ясенъ, такъ что не можетъ быть спора.

Этимъ исчерпывается наше знакомство съ претекстой. Когда была представлена эта пьеса, намъ въ точности неизвѣстно. Она могла быть представлена [1]) или на тріумфальныхъ представленіяхъ въ честь Марцелла, въ 222 году до Р. Хр. (532 a. U. c.), или послѣ его смерти, во время погребальныхъ представленій въ 208 (546 a. U. c.) году, или наконецъ на представленіяхъ, устроенныхъ при освященіи храма Virtus, сооруженнаго по обѣту, данному покойнымъ во время битвы при Кластидіумѣ, сыномъ его, какъ сообщаетъ Титъ Ливій [2]). Berchem находитъ [3]), что скорѣе всего годомъ представленія слѣдуетъ считать 208 (=546), такъ какъ такимъ образомъ творческая дѣятельность Невія представляетъ постепенный переходъ отъ греческихъ пьесъ къ римскимъ и затѣмъ къ національной поэмѣ «Bellum Punicum». За недостаткомъ свѣдѣній рѣшить этотъ вопросъ кажется намъ невозможнымъ и приходится довольствоваться приблизительными датами.

Вопросъ о прочихъ указанныхъ претекстахъ Невія вызвалъ еще болѣе споровъ среди ученыхъ.

Уже въ старой научной литературѣ существовало большое разногласіе: такъ, Welcker (Die Griechische Tragoedie. стр. 1346) относилъ «Romulus» къ комедіи [4]), какъ и «Alimonium Remi et Romuli» (ук. соч. стр. 1370), что касается «Lupus», то онъ не рѣшаетъ

---

[1]) Otto Ribbeck. Die Römische Tragoedie стр. 75.

[2]) XXIX, 11, 13.

[3]) Ук. соч. стр. 72.

[4]) См. Berchem ук. соч. стр. 66 примѣч. 4.

является ли она претекстой, (ук. соч. стр. 1345) [1]. Hertz (стр. 231) [2]) подобно Welcker'у считаетъ «Alimonium Remi et Romuli» комедіей, вопросъ о «Lupus» также оставляетъ открытымъ, но «Romulus» считаетъ претекстой. Adolf. Gottl. Lange [3]) думалъ, что «Romulus» комедія или сатира, Bothe относилъ къ комедіи и «Romulus» [4]) и «Lupus» [5]), Regel (Diversa virorum doctorum de re tragica Rom. indicia sub examen vocata стр. 40) [6]), Winkelmann (стр. 512) [7]), Signorelli (Storia critica dei teatri. II стр. 21 [8]), Neukirch [9]), и G. Boissier [10]) считаютъ «Romulus» претекстой. Haupt и Grauert придерживаются того же мнѣнія. при чемъ они оба считаютъ «Romulus» и «Alimonium Remi et Romuli» одной пьесой [11]). И въ новѣйшей научной литературѣ господствуетъ большое раз-

---

[1]) L. c.

[2]) L. c.

[3]) „Vindiciae Tragoediae Romanae" въ Vermischte Schriften und Reden (herausgegeben von Karl Geerd, Iacob Lps. 1832) стр. 35, прим. 23.

[4]) Ук. соч. стр. 16.

[5]) Ук. соч. стр. 26.

[6]) Berchem. ук. соч. стр. 66, примѣч. 7; Bähr. ук. соч. стр. 207 примѣч. 11.

[7]) Berchem. ibidem.

[8]) Berchem. ibidem.

[9]) Ук. соч. стр. 62.

[10]) Le poéte Attius стр. 93, при чемъ изъ его ссылки на Варрона VII, 54 и 107 и Доната in Terent. Adelp. IV, 1; вытекаетъ, что онъ отожествляетъ „Romulus" и „Alimonium Remi et Romuli".

[11]) Haupt ук. соч. стр. 374; Grauert 118 стр. и примѣч. 6; ср. стр. 129.

вообразіе мнѣній. Одни считають претекстой только пьесу «Romulus» какъ Teuffel-Schwabe [1]), Bernhardy [2]), Schanz [3]); Lucian Mueller указываетъ только «Alimonium Remi et Romuli» [4]), Schöne прямо упоминаетъ «одну драму о дѣтствѣ Ромула и Рема», не называя ея заглавія [5]), Meiser приводитъ «Romulus» и «Lupus» [6]). Подобно Meiser'у «Romulus» и «Lupus» считаетъ претекстами Berchem, при чемъ соединяетъ «Lupus» и «Alimonium Remi et Romuli» [7]).

Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ съ нимъ совпадаютъ Mommsen [8]) и Модестовъ [9]), но они не указываютъ въ числѣ претекстъ Невія «Romulus».

Bähr [10]) и Sellar [11]) считаютъ «Romulus» претекстой, какъ и «Alimonium Remi et Romuli», и полагаютъ, что это одна и таже пьеса [12]). Наконецъ,

---

1) Ук. соч. I, стр. 21, § 14 и 147 стр. примѣч. 6

2) Ук. соч. стр. 389 примѣч. 280.

3) Ук. соч. стр 41.

4) Q. Ennius стр. 101; онъ присоединяется (стр. 85) также къ тому мнѣнію, что эта драма тождественна съ „Romulus“ и что „Romulus“ есть сокращенное заглавіе пьесы „Alimonium Remi et Romuli“, а то, что Ribbeck говоритъ о „Lupus“ считаетъ фантазіей. Ср. также стр. 84.

5) Ук. соч. стр. 8.

6) Ук. соч. стр. 5.

7) Ук. соч. стр. 66.

8) Ук. соч. стр. 896.

9) Ук. соч. стр. 80.

10) Ук. соч. стр. 188 примѣч. 15.

11) The Roman Poets of The Republic. (Edinburgh. 1863 г.) стр. 61.

12) Bähr и Sellar прямо называютъ „Romulus“ или „Alimonium (у Sellar'a Alimonia) Romuli et Remi“.

извѣстный издатель фрагментовъ римской сценической поэзіи Otto Ribbeck въ первомъ изданіи «Scenicae Romanorum poësis fragmenta» относилъ къ претекстамъ только «Romulus sive Alimonium Romuli et Remi» [1]), но второмъ изданіи этого труда — «Romulus sive Lupus» [2]), при чемъ къ фрагментамъ первой пьесы прибавилъ одинъ изъ «Lupus», а другой изъ «Ludus», отнесенныхъ въ первомъ изданіи къ комедіямъ [3]), наконецъ въ третьемъ изданіи [4]), а также въ своемъ весьма популярномъ сочиненіи: «Die Römische Tragödie im Zeitalter der Republik» [5]) онъ отдѣлилъ «Romulus» и «Lupus» другъ отъ друга, считая ихъ двумя самостоятельными претекстами. Это необычайное разнообразіе мнѣній вызвано тѣмъ, что у насъ недостаетъ точныхъ свѣдѣній объ этихъ пьесахъ, что сохранившіеся фрагменты очень незначительны по своему объему, и текстъ ихъ часто весьма испорченъ. Поэтому приходится довольствоваться только предположеніями, гипотезами и догадками и основываться больше на соображеніяхъ общаго характера. Но даже при такомъ положеніи возможно съ нѣкоторой вѣроятностью установить, что пьесы эти были претекстами. Что касается пьесы «Romulus», то отъ нея сохранилось 2 фрагмента, каждый по одному слову, на основаніи которыхъ, конечно, нельзя сдѣлать вывода о томъ, къ какому роду драмы относилась пьеса. Но уже по заглавію судя, можно съ большой

---

[1]) Стр. 235 и 348 (Quaestionum Scenicarum Mantissa).

[2]) Стр. 277.

[3]) Стр. 14. Vol. II: Comicorum Latinorum reliquiae (1855 г.).

[4]) Стр. 321 и 322.

[5]) Стр. 63.

вѣроятностью сказать, что это была пьеса историческая, слѣдовательно, претекста, какъ полагалъ уже Neukirch [1]). Дѣйствительно, исторія основателя Рима, этого національнаго героя, память котораго свято чтилась государствомъ, который былъ даже обоготворенъ въ лицѣ Квирина, представляла прекрасный матеріалъ для національно-исторической драмы, напротивъ, для комедіи столь возвышенный историческій сюжетъ является прямо немыслимымъ. «Въ 1-ой половинѣ 6 столѣтія (отъ основанія Рима) и въ голову не приходило Римлянамъ въ комедіи излагать юность Ромула», говоритъ Haupt [2]). И не только юность, но и другіе періоды жизни Ромула невозможно себѣ представить сюжетомъ для комедіи. Попытка такого рода была бы несомнѣнно всѣми признана кощунствомъ, оскорбленіемъ религіи. Къ тому же вообще историческіе сюжеты никогда не разработывались въ комедіи римскими поэтами [3]). Но еще и другое обстоятельство, на которое указалъ Ribbeck [4]), говоритъ въ пользу предположенія, что «Romulus» была претекстой. Діонисій Галикарнасскій и Плутархъ, которые излагаютъ исторію Ромула, прямо указываютъ ея драматическій колоритъ [5]). Если разобрать внимательно разсказъ, то несомнѣнно въ немъ можно обнаружить много чертъ чисто драматическихъ, можно замѣтить такія положенія и мотивы, которые очень напоминаютъ греческую трагедію. Вотъ что го-

---

1) Ук. соч. стр 62.

2) Ук. соч. стр. 374.

3) Grauert. ук. соч. стр. 119.

4) Die Romische Tragödie 70 стр.

5) Dionysius, I, 84 и Plutarch, Romulus VIII (δραματικῆς μεστὸν ἀτοπίας и τὸ δραματικόν).

ворить по этому поводу O. Ribbeck [1]): «Въ дѣйствительности многое напоминаетъ знакомые положенія и мотивы греческой сцены: судьба Сильвіи и ея дѣтей напоминаетъ Данаю, отношенія между Амуліемъ и Нумиторомъ напоминаютъ Атрея и Ѳіеста, узнаванія въ Ромулѣ, разоблаченія слуги, который долженъ былъ выбросить близнецовъ, напоминаютъ подобныя открытія въ «Эдипѣ Тираннѣ»; вся подкладка интриги, расчитанное сочетаніе сценъ достойно искусства Еврипида и Менандра». Отсюда можно сдѣлать предположеніе, что этотъ поэтическій и драматическій характеръ разсказа о Ромулѣ является послѣдствіемъ того, что этотъ разсказъ въ первоначальномъ видѣ исходилъ отъ поэта, что своё начало въ литературной обработкѣ онъ получилъ въ драмѣ Невія [2]). Наконецъ драма Невія была, повидимому, извѣстна также и представителямъ изобразительнаго искусства, такъ какъ освобожденіе Сильвіи изъ темницы Ромуломъ и Ремомъ было изображено на одномъ изъ рельефовъ храма Аполлонисъ въ Кизикѣ, въ которомъ были собраны изображенія почитанія родителей и особенно матерей дѣтьми большею частью на сюжеты изъ трагедій [3]). То, что мы сказали объ этой пьесѣ, можно повторить и относительно пьесы «Lupus». Отъ нея сохранилось также очень мало: одинъ фрагментъ изъ Феста [4]) и одинъ у Цицерона [5]), изъ

---

1) Die Römische Tragödie стр. 71.

2) Ribbeck Die. Römische Tragödie стр. 72.

3) Ук. соч. стр. 71.

4) 270 p.

5) Cato maior. VII, 20. Относительно этого фрагмента (fr. gr. II по изд. Ribbeck?) существуетъ сомнѣніе, такъ какъ въ разныхъ спискахъ разныя чтенія. (См. Ribbeck 323 стр.).

которыхъ нельзя опредѣлить, была ли эта пьеса претекстой, или нѣтъ? Но, такъ какъ и она, очевидно, заимствовала содержаніе изъ преданій о Ромулѣ и Ремѣ, если вспомнить, что они были вскормлены волчицей, то и эту пьесу нужно отнести по вышеуказаннымъ основаніямъ къ претекстамъ. Отъ третьей пьесы «Alimonium Remi et Romuli», не сохранилось ничего кромѣ заглавія, такъ что судить о ней совсѣмъ невозможно, но уже самое названіе указываетъ, что она также черпала содержаніе изъ преданій о Ромулѣ и Ремѣ, а потому должна быть причислена къ претекстамъ. Но этимъ еще не исчерпывается контроверза: нужно еще рѣшить вопросъ, были ли «Romulus», «Lupus» и «Alimonium Remi et Romuli» три отдѣльныхъ самостоятельныхъ пьесы, или же, можетъ быть, нѣсколько названій относятся къ одной пьесѣ. Хотя въ пьесѣ «Lupus», какъ видно изъ фрагмента перваго, участвуетъ Албанскій царь Амулій, вслѣдствіе чего можно заключить, что «Lupus» и «Romulus» различныя заглавія одной и той же пьесы, но, какъ полагаетъ O. Ribbeck [1]), соединять обѣ драмы въ одну рисковано. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ названный ученый, исторія юности Ромула и Рема, какъ ее согласно разсказываютъ Діонисій (I, 76 и слѣд.) и Плутархъ (Romulus, III слѣд.), содержитъ матеріалъ для двухъ претекстъ: во-первыхъ, рожденіе и спасеніе близнецовъ, во-вторыхъ, возстано-

---

Baehrens (Iahrbücher für Philologie und Paedogogik, 1886 г., стр 405) предлагаетъ читать in Naevii poëtae ludorum posteriore libro. Berchem (стр. 91) относитъ этотъ фрагментъ къ комедіи „Ludus“, какъ и Ribbeck въ первомъ изданіи Com. Lat. Fr. 14 стр.

[1]) Die Römische Tragödie. стр. 63.

вленіе ихъ въ своихъ правахъ, освобожденіе матери, низложеніе Амулія». Это соображеніе кажется намъ вполнѣ основательнымъ, такъ какъ такое названіе какъ «Lupus» указываетъ на то, что главнымъ моментомъ драмы было именно чудесное спасеніе близнецовъ и ихъ кормленіе волчицей, а позднѣйшая судьба ихъ могла быть изложена въ другой пьесѣ — «Romulus». Что касается указаннаго Донатомъ названія какой-то пьесы «Alimonium Remi et Romuli», то намъ кажется, что больше всего основаній относить это заглавіе къ пьесѣ «Lupus». Предположить, что младенчество Ромула и Рема составляло содержаніе двухъ различныхъ претекстъ, трудно, такъ какъ для этого данное событіе представляло бы мало матеріала, а, насколько можно заключить изъ названій, въ обѣихъ пьесахъ разрабатывался именно этотъ сюжетъ.

Далѣе, такое заглавіе, какъ «Alimonium Remi et Romuli» не могло относиться къ пьесѣ «Romulus»: если бы въ этой претекстѣ изображалось младенчество обоихъ братьевъ, то, конечно, естественно было бы назвать пьесу «Alimonium Remi et Romuli», или «Remus et Romulus», а не прямо «Romulus» [1]). Итакъ претекста «Romulus» была самостоятельной пьесой, а «Alimonium Remi et Romuli» было полнымъ заглавіемъ пьесы «Lupus»; первая изображала сверженіе Ромуломъ и Ремомъ Амулія и возстановленіе на престолѣ дѣда ихъ Нумитора, а во второй—Невій воспроизвелъ въ драматической формѣ сказаніе о рожденіи братьевъ-близнецовъ, о ихъ чудесномъ спасеніи и кормленіи волчицей.

Какъ развивалось драматическое дѣйствіе въ этихъ

---

1) Berchem. ук. соч. 65 стр.

двухъ претекстахъ, сказать по сохранившимся фрагментамъ невозможно, но въ изложеніи Діонисія и Плутарха можно найти такіе моменты и такія сцены, которые, вѣроятно, встрѣчались въ этихъ пьесахъ. О Ribbeck указываетъ слѣдующіе моменты, которые могли быть изображены на сценѣ [1]). Въ пьесѣ «Lupus» прежде всего могъ быть представленъ разговоръ между Сильвіей и ея матерью, въ которомъ Сильвія излагала случившееся съ ней происшествіе, а мать давала ей совѣтъ притвориться больной и быть вдали отъ культа Весты, насколько это видно изъ разсказа Діонисія (I, 78 въ концѣ); затѣмъ весьма благодарную задачу для драматурга представляло изображеніе Амулія. Поэтъ могъ изобразить и злодѣйскій замыселъ Амулія умертвить свою племянницу и ея потомковъ. Всѣ эти сцены, думаетъ О. Ribbeck [2]), могли происходить въ одномъ мѣстѣ, но вторая часть пьесы не могла уже происходить на глазахъ Амулія, Нумитора и прочихъ, такъ какъ спасеніе близнецовъ должно было быть для всѣхъ неизвѣстнымъ.

Мысль эта вполнѣ вѣрна: первая часть пьесы могла происходить въ царскомъ дворцѣ, обычной декораціи древней трагедіи, но спасеніе брошенныхъ въ рѣку младенцевъ должно быть изображено въ другомъ мѣстѣ и при другой обстановкѣ. Вотъ какъ картинно изображаетъ О. Ribbeck [3]) обстановку этой части пьесы и ходъ дѣйствія: «Теперь, говоритъ онъ, видятъ Руминальскую смоковницу и съ Палація сходитъ слуга, чтобы предать волнамъ Тибра ванну съ дѣтьми. Но все

---

[1]) Die Römische Tragödie стр. 64 и слѣд.

[2]) Ук. соч. стр. 65.

[3]) Ibidem.

наводнено; отчасти изъ страха, отчасти изъ сострадапія онъ довольствуется тѣмъ, что ставитъ сосудъ на краю воды, которую зрителямъ не нужно было болѣе видѣть, и удаляется. Вскорѣ послѣ него является пастухъ, котораго привлекла сюда постепенно убывающая вода. Онъ замѣчаетъ дѣтей и ихъ чудесную кормилицу-волчицу и призываетъ товарищей: они съ изумленіемъ передаютъ другъ другу то, что они замѣтили издали. Наконецъ, приходитъ главный пастухъ Фавстулъ, беретъ близнецовъ и рѣшаетъ ихъ предоставить заботамъ своей жены». Къ чему относятся сохранившіеся отрывки, сказать трудно. O. Ribbeck [1]) полагаетъ, что въ нихъ заключается скрытый смыслъ политическаго характера, но, какое отношеніе онъ имѣетъ къ сюжету пьесы, неизвѣстно. Въ фрагментѣ первомъ:

«Réx Veiens regém salutat Vi'be Albanum Amúlium
Cómiter seném sapientem, cóntra redhostis?—Mín salus?»

идетъ рѣчь о какой-то встрѣчѣ царя Вей съ Амуліемъ. Во второмъ фрагментѣ:

«Cedo qui' rem vestram públicam tantam ámisistis tám cito?—
Próvéniebant orátores novei', stulti adulescéntuli»,

вѣроятно, разумѣлась Вейентинская община и царь Виба являлся въ качествѣ изгнанника просить помощи у Амулія, при чемъ подъ «oratores novei, stulti adulescentuli» подразумѣвался молодой Сципіонъ [2]), впослѣдствіи прославившійся въ войнѣ съ Ганнибаломъ и прозванный Африканскимъ. За недостаткомъ свѣдѣній предположеніе такое кажется намъ рискованнымъ. Приблизительный ходъ дѣйствія можно намѣтить также и

---

[1]) Ук. соч. стр. 66.
[2]) O. Ribbeck рк. соч. стр. 66.

для претексты «Romulus» [1]). Завязка ея состояла, вѣроятно, въ томъ, что Ремъ, захваченный Нумиторомъ и его пастухами, съ которыми онъ затѣялъ ссору, приводится къ Амулію. Амулій передаетъ его для наказанія Нумитору. Когда они остаются наединѣ, Нумиторъ заговариваетъ съ Ремомъ, который открываетъ ему то, что зналъ о своемъ рожденіи отъ своего пріемнаго отца, а Нумиторъ сообщаетъ ему все. Эта сцена разговора, какъ его передаетъ Плутархъ [2]), несомнѣнно представляла прекрасный матеріалъ для драмы, тѣмъ болѣе, что здѣсь мы видимъ любимый мотивъ греческой драмы—ἀναγνώρισις. Послѣ этого они посылаютъ гонца къ Ромулу, который отъ Фавстула успѣлъ уже узнать тайну своего происхожденія, и рѣшаетъ свергнуть Амулія и немедленно двинуться къ Альбѣ. Свой планъ онъ приводитъ въ исполненіе при помощи Рема и Нумитора: съ толпою поселянъ врываются они во дворецъ, убиваютъ Амулія и провозглашаютъ царемъ Нумитора.

Когда были сочинены эти претексты, мы не знаемъ, но, какъ предполагалъ Berchem [3]). они относятся къ періоду послѣ 546 г., такъ какъ при такомъ предположеніи поэзія Невія представляетъ постепенный переходъ отъ греческихъ пьесъ къ національнымъ и поэмѣ «Bellum Punicum». Конечно, это догадка, основанная на соображеніи общаго характера.

Таковы были первыя претексты, появившіяся на римской сценѣ и принадлежащія перу Невія [4]).

---

[1]) Ук. соч. стр. 67 и слѣд.

[2]) Romulus VII.

[3]) Ук. соч. стр. 72.

[4]) Grauert ук. соч. стр. 126 относилъ къ претекстамъ также и пьесу „Demetrius“, въ которой, по его мнѣнію, изо-

По примѣру Невія за историческую драму взялся и другой, еще болѣе знаменитый римскій поэтъ, Квинтъ Энній, авторъ столь популярной въ Римѣ поэмы «Annales», за которую онъ получилъ прозванье второго Гомера [1]) Подобно своему предшественнику Энній заимствовалъ сюжеты для своихъ претекстъ какъ изъ современной исторіи, такъ и изъ полумиѳическаго времени царствованія Ромула. Въ претекстѣ, озаглавленной «Ambracia», онъ представилъ осаду и взятіе Этолійскаго города того же имени римскимъ полководцемъ М. Фульвіемъ Нобиліоромъ въ 189 г. до Р. Хр. (=565. u. c), а въ претекстѣ «Sabinae» изобразилъ въ драматической формѣ сказаніе о похищеніи Сабинянокъ. Названныя пьесы стали относить къ числу претекстъ лишь въ недавнее время, а въ старой научной литературѣ господствовало мнѣніе, что Энній не писалъ претекстъ.

Что касается пьесы «Ambracia», то ее впервые причислилъ къ претекстамъ O. Ribbeck въ первомъ изданіи (1855 г.) «Scenicae Romanorum Poesis Fragmenta» [2]). Хотя это мнѣніе стало господствующимъ,

---

бражалась судьба Деметрія изъ Фароса, иллирійскаго полководца, сначала стоявшаго на сторонѣ Римлянъ, а потомъ ставшаго врагомъ ихъ, побѣжденнаго Л. Эмиліемъ Павломъ, бѣжавшаго къ Филиппу Македонскому и павшаго наконецъ въ бою. Мнѣніе это не нашло однако сторонниковъ.

[1]) Hor. Epist. II, 1, 50.

[2]) Praefatio in Comicorum Rom. fr. стр. IX онъ говоритъ: „Ego vero nullus dubito, quin Ambraciae a. u 565 oppugnationem cui Fulvii Nobilioris contubernalis ipse adfuerat, praetexta fabula inlustraverit poeta. Itaque Naevio et Pacuvio et Attio, qui Romanorum res gestas scena decoraverunt, quartus accedit Annalium et Scipionis scriptor: et profecto mirere a cive patriae amantissimo nobilissimum id patriae poesis genus neglectum esse“.

однако существуютъ еще и другіе взгляды среди новыхъ ученыхъ. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые ученые, какъ напр.: Vahlen [1]), G. Boissier [2]) и Sellar [3]) придерживаются стариннаго взгляда, по которому эта пьеса представляетъ собою комедію, мы укажемъ здѣсь мнѣнія двухъ ученыхъ, высказанныя въ недавнее время: такъ, Lucian Mueller относитъ «Ambracia» къ сатирамъ, которыя, по его мнѣнію, заключали у Эннія разные, впослѣдствіи отдѣльные виды поэзіи: малыя эпическія произведенія, дидактическія, сатирическія въ нынѣшнемъ смыслѣ, эпиграммы и проч. [4]). Къ числу сатиръ эпическаго содержанія и причисляетъ онъ «Ambracia», полагая, что содержаніе названнаго произведенія составлялъ походъ М. Фульвія Нобиліора въ Этолію, и считая ее по времени самой старой изъ сатиръ. Еще болѣе странное мнѣніе высказалъ Aemil. Baehrens въ своемъ изданіи «Poëtae latini minores». Сомнѣваясь въ томъ, что «Ambracia» была сатирой, онъ думаетъ, что это былъ панегирикъ, какъ видно изъ словъ автора «De viris illustribus» 52: «quam victoriam per se magnificam Q. Ennius amicus eius insigni laude celebravit» [5]). Однако мнѣнія этихъ ученыхъ не нашли

---

[1] Ennianae poes. reliq. стр. 153 (изд. 1854 г.) и Praef. p. LXXXI, но въ новомъ изданіи (1903 г.) стр. 188—189 и Praef. p XII онъ отнесъ „Ambracia" къ претекстамъ.

[2]) Le poéte Attius. стр. 93; въ недавнее время въ статьѣ Les fabulae praetextae въ Revue de philol. онъ говоритъ объ Амбраціи, какъ о претекстѣ (XVII, 1893 г., стр. 103).

[3]) Ук. соч. стр. 87.

[4]) Q. Ennius стр. 106, 107, 108, 110—111.

[5]) Volumen. VI: Fragmenta poetarum Romanorum, стр. 123: „fuisse hoc carmen p a n e g y r i c u m, ex auctore de vir ill. 52.... conligo, говоритъ Baehrens; num in saturis locum habuerit dubito".

сторонниковъ. Дѣйствительно, съ ними трудно согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ. Никакихъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ произведеніи Эннія мы не имѣемъ. Мы знаемъ только, что онъ написалъ «Ambracia», изъ которой грамматикъ Ноній приводитъ 4 отрывка, но, что это было за произведеніе, намъ не сообщается, а по существующимъ фрагментамъ рѣшить трудно. Однако едва ли можно думать, что произведеніе это было сатирой, такъ какъ Ноній, вѣроятно, указалъ бы это: онъ могъ бы назвать его не прямо «Ambracia», но «in libro saturarum, qui Ambracia inscribitur». Также и къ панегирикамъ относить «Ambracia» рискованно, такъ какъ слова автора «De viris illustribus» не даютъ намъ никакого права утверждать, что Энній для прославленія Фульвія Нобиліора написалъ именно произведеніе такого рода. Вѣдь, восхвалять и прославлять своего покровителя Энній могъ не только панегирикомъ, но и поэмой и претекстой и всякимъ другимъ способомъ. Гораздо болѣе основательнымъ является мнѣніе O. Ribbeck'a [1]), который считаетъ «Ambracia» претекстой.

Въ самомъ дѣлѣ, Энній, какъ извѣстно, сопровождалъ въ этолійскомъ походѣ Фульвія Нобиліора [2]). Отсюда естественно предположить, что Энній, какъ очевидецъ, могъ въ поэтическомъ произведеніи изобразить это событіе, въ которомъ его покровитель игралъ выдающуюся роль [3]). Онъ имѣлъ удобный случай отблагодарить Фульвія Нобиліора, прославить его и вмѣстѣ

---

[1]) См. стр. 71 и Ribbeck: „Die Römische Tragödie" стр. 207 и слѣд.

[2]) Cicero. pro Archia 27.

[3]) O. Ribbeck. ук. соч. стр. 210.

съ тѣмъ весь римскій народъ, гордившійся всегда своими побѣдоносными войсками, распространявшими славу римскаго оружія далеко за предѣлы Италіи. Лучшимъ способомъ для этого было написать претексту, въ которой предъ лицомъ народа, на сценѣ театра можно было представить подвиги римскаго вождя и его побѣдоносной арміи. Можетъ быть, авторъ «De viris illustribus» имѣлъ въ виду именно этого рода произведеніе, въ которыхъ въ Римѣ часто прославлялись побѣды и подвиги полководцевъ [1]). Къ тому же какъ-то странно, непонятно, почему такой выдающійся поэтъ, проникнутый горячимъ патріотизмомъ, не посвятилъ себя столь благодарной задачѣ продолжать чисто-національный видъ драматической поэзіи, созданный его предшественникомъ [2]). Такимъ образомъ съ большою вѣроятностью можно признать «Ambracia» претекстой. И въ ней, какъ и въ претекстахъ Невія, по сохранившимся отрывкамъ нельзя установить, какъ развивалось драматическое дѣйствіе, и трудно даже опредѣлить смыслъ этихъ фрагментовъ, но въ изложеніи историковъ Полибія и Т. Ливія можно замѣтить нѣкоторые драматическіе моменты, вѣроятно, изображенные уже въ пьесѣ Эннія, какъ полагаетъ O. Ribbeck [3]). По мнѣнію этого ученаго начало драмы составляло неожиданное прибытіе римскаго войска къ стѣнамъ Амбраціи, волненіе и испугъ жителей ея, затѣмъ цѣлый рядъ сценъ, такъ: тайное прибытіе помощи, ночная вылазка и битва и т. д.—все матеріалъ пригодный для изображенія. Далѣе,

---

[1]) O. Ribbeck. ук. соч. стр. 210 примѣч. 297.

[2]) См примѣч. 112.

[3]) Ук. соч. стр. 207—209 См. Polyb. XXII 8 и слѣд. и Livius XXXVIII 4 и слѣд.

по крайней мѣрѣ чрезъ вѣстника, могъ быть переданъ эпизодъ борьбы осажденныхъ съ римлянами въ вырытомъ ими подкопѣ. Наконецъ переговоры о сдачѣ могли дать прекрасный матеріалъ: здѣсь поэтъ могъ яркими чертами охарактеризовать какъ самого Фульвія, такъ и его своднаго брата М. Валерія Левина, который былъ ярымъ защитникомъ этолянъ, обратившихся къ нему за покровительствомъ какъ къ своему патрону, такъ какъ его отецъ нѣкогда былъ представителемъ народа при заключеніи союза съ ними.

Что касается смысла самихъ фрагментовъ, то въ первомъ: «Ésse per gentés cluebat ómnium misérrimus» Ribbeck [1]) отказывается объяснить, кто разумѣется подъ этимъ несчастнѣйшимъ изъ всѣхъ, Lucian Mueller [2]) полагаетъ, что нужно разумѣть Антіоха. Въ фрагментѣ второмъ: Béne mones tute i'pse cunctas caúte: o vide fortém virum!» кто-то отвѣчаетъ другому, который побуждаетъ его къ какому-то рѣшительному дѣлу [3]). Фрагментъ третій: « < Iám > agros audacés depopulant sérvi dominorúm domi» говоритъ, что рабы опустошаютъ поля, не боясь теперь своихъ хозяевъ, и сами сдѣлались господами своихъ господъ. Вѣроятно, рѣчь идетъ о рабахъ этолійскихъ полководцевъ, опустошающихъ окрестности Амбраціи [4]). Наконецъ, четвертый отрывокъ, сохранившійся, какъ и три первыхъ, у грамматика Нонія, представляетъ собой торжественное обращеніе къ божеству, очевидно, къ Нептуну, повели-

---

[1]) Ук. соч. стр. 211.

[2]) Ук. соч. стр. 110.

[3]) Ribbeck. ук. соч. стр. 211; L. Mueller стр. 111 говоритъ, что нельзя опредѣлить, къ чему относятся эти слова.

[4]) Ribbeck ук. соч. стр 211 и Mueller стр 111.

телю морей: «et aequora salsa veges ingentibus ventis». Эта молитва могла быть произнесена этолянами, которые просили бога морей погубить ихъ враговъ — римлянъ, прежде чѣмъ они достигнутъ ихъ страны или же возвращающіеся домой римляне просятъ Нептуна даровать имъ благополучное плаванье [1]). Lucian Mueller [2]) полагаетъ, что эту молитву къ Нептуну произноситъ Фульвій при отплытіи изъ Италіи въ Грецію. Но это предположеніе невозможно, если считать «Амбрацію» претекстой, такъ какъ дѣйствіе едва-ли могло начинаться отплытіемъ римскаго войска изъ Италіи, едва-ли можно было такъ часто мѣнять мѣсто дѣйствія.

Вторая пьеса Эннія, «Sabinae» отнесена къ числу претекстъ также недавно. Что произведеніе «Sabinae» — претекста, предположилъ впервые Vahlen [3]), который раньше въ своемъ изданіи «Ennianae poësis reliquiae» [4]) отнесъ ее къ сатирамъ. Предположеніе Vahlen'а получило теперь всеобщее признаніе [5]). И, дѣйствительно,

---

[1]) Ribbeck ук. соч. стр. 211. См. прологъ къ „Amphitruo" Плавта ст. 41—44.

[2]) Ук. соч. стр. 111.

[3]) Rheinisches Museum, XVI (1861 г.), стр. 579—580. См. Enn. p. rel. (изд. 1903 г.) p. 189 и praef CCX p.

[4]) Стр. 161: Ex incertis saturarum libris fr. V.

[5]) См. Ribbeck. Die Römisehe Tragödie 205 стр.; Scenicae Rom. p. fr. изд. второе стр. 279 (280), и изд. 3-е 324 стр., Gesch. d. röm. Dicht. I, стр. 32. Teuffel-Schwabe. ук. соч. стр. 21, § 14 и стр. 170 примѣч. 3; Schanz. ук соч I, стр. 67, Luc. Mueller. Q. Ennius стр 101 и Q. Ennii carminum reliquiae стр. 127; Meiser. ук. соч. стр. 5; Schöne. ук. соч. стр. 8 Ср. также Ladewig. Fleckeis Iahrbücher, 99 (1869 г.), 473 и Модестовъ. ук соч. стр. 88 Th Bergk. „Kleine philologische Schriften". (=Opuscula philologica) I, стр. 361 говоритъ,

сохранившійся отрывокъ указываетъ на то, что онъ взятъ изъ драматическаго произведенія, а самый сюжетъ, насколько мы знаемъ его изъ древнихъ историковъ, носитъ драматическій характеръ и заимствованъ изъ древне-римскихъ сказаній объ отдаленной эпохѣ Ромула. Центръ драматическаго дѣйствія, по мнѣнію O. Ribbeck'a, представляло столь картинно изображенное Ливіемъ [1]) и Плутархомъ [2]) большое сраженіе у Рима [3]) Апогей драмы должна была составлять эффектная сцена, когда молодыя сабинянки бросаются между двумя враждебными ратями и умоляютъ прекратить ужасное кровопролитіе, а Герсилія, жена только что убитаго въ бою Гостилія, произноситъ рѣчь, въ которой она старается склонить обѣ стороны къ примиренію. Къ этой рѣчи относится единственный дошедшій до насъ фрагментъ: «Cum spólia generis détraxeritis, quám, < patres >, Inscríptiones dábitis?»

Кромѣ названныхъ пьесъ къ претекстамъ нѣкоторые ученые относили еще произведеніе Эннія, носившее заглавіе: «Scipio», а также претексту неизвѣстнаго намъ автора подъ заглавіемъ «Marcellus». Что касается перваго произведенія, то, согласно господствующему мнѣнію, относить его нужно къ сатирамъ, а не къ претекстамъ, какъ полагали напр. Delrius (Delrio), Bulenge-

---

что сюжетъ болѣе подходитъ къ fabula palliata, а отрывокъ, приводимый Юліемъ Викторомъ (Rhetores Latini minores, editio Halm стр. 402), считаетъ прозой, въ которой реторъ передаетъ только основную мысль своими словами.

[1]) I, 12 слѣд.

[2]) Romulus 18 слѣд.

[3]) Die Römische Tragödie стр. 205.

rus, Ger. Ioan. Vossius, Planck [1] и G. Röper [2]). Дѣйствительно, уже слова Авла Геллія [3]): «ex libro qui Scipio inscribitur» едва-ли допускаютъ предположеніе, что «Scipio» была претекстой, такъ какъ выраженіе «ex libro» указываетъ по крайней мѣрѣ, что произведеніе это не было драмой. Затѣмъ добавленіе Рабана Мавра [4]): «vel Africanus et his similia» къ словамъ Діомеда: «...in praetexta autem...... Brutus vel Decius, item Marcellus» весьма ненадежно. Какъ уже вѣрно замѣтилъ Neukirch [5]), Рабанъ могъ указать на Сципіона Африканскаго только какъ на лицо, которое представляло благодарный матеріалъ для претексты, или, можетъ быть, онъ по ошибкѣ считалъ «Сципіона» Эннія пьесой.

Относительно претексты, озаглавленной «Marcellus», также существуютъ сомнѣнія. Въ только что указанномъ мѣстѣ Діомеда упоминается заглавіе претексты «Marcellus», но ея авторъ не называется. Кому же принадлежала эта пьеса и что составляло ея содержаніе? На эти вопросы различные ученые отвѣчаютъ различно: такъ, Grauert [6]), какъ было нами указано раньше, думалъ, что «Marcellus» есть второе заглавіе претексты Невія «Clastidium», такъ какъ въ ней Марцеллъ игралъ главную роль. Neukirch [7]), Lucian

[1]) См. у Neukirch'а ук. соч. стр. 62—63.

[2]) De Ennii Scipione (см. Teuffel-Schwabe I, стр. 171 примѣч. 2).

[3]) IV, 7, 3.

[4]) Opera. I, 47, ed. Colon. 1627 (см. Teuffel-Schwabe I, 21 стр. 2 примѣч.)

[5]) Ук. соч. стр. 95.

[6]) Ук. соч. стр. 119—120.

[7]) Ук. соч. стр. 95.

Mueller [1]) и Schöne [2]) полагаютъ, что содержаніе названной претексты составляло другое событіе: геройская смерть этого-же М. Клавдія Марцелла въ 208 г. въ битвѣ у города Венузіи, гдѣ Ганнибалъ устроилъ ему засаду. При этомъ Neukirch приписываетъ ее перу Акція на томъ основаніи, что рядомъ называемыя претексты «Brutus» и «Decius» принадлежали именно этому поэту, а Lucian Mueller и Schöne считаютъ ее произведеніемъ Эннія. Всѣ перечисленныя мнѣнія являются однако только предположеніями и, какое изъ нихъ болѣе основательно, рѣшить трудно. Намъ кажется, что событіе, которое, по мнѣнію Neukirch'a, Mueller'a и Schöne, составляло содержаніе этой претексты, едва-ли было пригодно для обработки въ исторической драмѣ, такъ какъ судя по изложенію историковъ Ливія [3]), Плутарха [4]) и Полибія [5]), событіе это не содержало какихъ-нибудь эффектныхъ сценъ и трагическихъ мотивовъ, пригодныхъ для представленія на сценѣ и было слишкомъ печально, чтобы напоминать о немъ римлянамъ. Напротивъ, битва при Кластидіумѣ, въ которой Марцеллъ одержалъ блестящую побѣду надъ Вирдумаромъ (spolia opima), какъ мы уже указали, представляла прекрасный патріотическій матеріалъ для драмы. Поэтому наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ мнѣніе Grauert'a, что «Marcellus» было второе названіе пре-Невія «Clastidium».

---

[1]) Q. Ennius стр. 101—102 и Ennianae poesis reliquiae стр. 128.

[2]) Ук. соч. стр. 7.

[3]) XXVII, 26 и слѣд.

[4]) Marcellus 29.

[5]) Polyb. X, 32.

Такимъ образомъ перу Эннія принадлежали лишь двѣ претексты «Ambracia» и «Sabinae». Первая изъ этихъ пьесъ была представлена впервые, какъ можно полагать, въ 186 году до Р. Хр. (568 u. c) [1] на блестящихъ преставленіяхъ, устроенныхъ Фулвіемъ Нобиліоромъ по обѣту, данному въ день взятія Амбраціи, въ честь Юпитера, а относительно пьесы «Sabinae» нельзя сдѣлать никакого предположенія, такъ какъ неизвѣстно даже, по какому поводу она написана.

Третьимъ въ хронологическомъ порядкѣ представителемъ исторической драмы въ древнемъ Римѣ является одинъ изъ лучшихъ трагиковъ временъ республики Пакувій. Этотъ даровитый поэтъ написалъ однако, насколько мы имѣемъ свѣдѣній, всего лишь одну претексту подъ заглавіемъ «Paulus». Каково было содержаніе этой пьесы? какое событіе, какого героя избралъ Пакувій для своей драмы? По этому вопросу новые ученые высказали два мнѣнія. По мнѣнію Neukirch'a [2]) Hermann'a [3]), Bähr'a [4]) и Lucian'a Mueller'a [5]), въ этой претекстѣ изображалась смерть консула Луція Эмилія Павла въ получившемъ столь печальную извѣстность пораженіи римлянъ при Каннахъ во вторую Пуническую войну. Большинство ученыхъ [6]) придерживается дру-

---

[1]) Livius XXXIX, 5, 7 и 22, 1

[2]) Ук. соч. стр. 73.

[3]) Opuscula. V томъ: Adnotationes ad Neukirchii librum. стр. 263.

[4]) Ук. соч. I, стр. 210.

[5]) Q. Ennius стр. 102.

[6]) Bothe. ук. соч. I, стр. 137, Grauert. ук. соч. стр. 117, примѣч. 4, Ladewig. ук. соч. стр. 444; Sellar. ук. соч. стр. 149, Teuffel-Schwabe. I, 174, примѣч. 3, Модестовъ. ук. соч. стр. 129, Schanz. I, стр. 74, Meiser. ук соч. 5 стр., Schöne.

гого мнѣнія, высказаннаго впервые только въ видѣ предположенія Lange [1]) и обоснованнаго потомъ Otto Iahn'омъ [2]), что сюжетъ претексты Пакувія составляла побѣда сына выше названнаго консула Луція Эмилія Павла надъ македонскимъ царемъ Персеемъ въ битвѣ при Пиднѣ въ 168 г. до Р. Хр., за что онъ получилъ прозванье «Macedonicus». Доводы Neukirch'а сводятся къ слѣдующему. Такъ какъ событіе, которое, по мнѣнію второй группы ученыхъ, составляло содержаніе претексты, было современно, то мало вѣроятно, чтобы поэтъ избралъ его для своей драмы. Поэтому слѣдуетъ скорѣе думать, что героемъ пьесы былъ консулъ Л. Эмилій Павелъ, отецъ Македонскаго. Къ тому же весьма легко предположить, что поэтъ, прославляя отца, тѣмъ самымъ желалъ увеличить также славу сына, подобно тому, какъ впослѣдствіи Акцій для прославленія Децима Юнія Брута изобразилъ его знаменитаго предка Луція Юнія Брута, основателя республиканскаго правленія въ древнемъ Римѣ, въ претекстѣ озаглавленной «Brutus». Не говоря уже о томъ, что невѣрно положеніе Neukirch'а, что Пакувій не могъ избрать современное событіе для своей драмы, такъ какъ Невій въ пьесѣ «Clastidium», а Энній въ «Ambracia» изображали современныя событія, можно привести много соображеній

ук. соч. стр 7, O. Ribbeck, который въ первомъ изданіи „Trag. Rom. fr." и „Quaestiones Scaenic" стр. 349 присоединился къ мнѣнію Neukirch'а, въ сочиненіи Die Römische Tragödie, стр. 326 перешелъ на сторону послѣдней группы ученыхъ.

[1]) Lange. ук. соч. стр. 35.

[2]) Berichte über die Verhadlungen der K. sächs Gesellschaft der Wissenschaften zú Leipzig, phil-hist Klasse, VIII (1856 г.) стр. 310.

противъ этого взгляда. Прежде всего сторонники второго мнѣнія возражаютъ, что битва при Каннахъ была слишкомъ печальнымъ событіемъ въ исторіи Рима, чтобы кто-нибудь рѣшился представить его на сценѣ. Если противъ этого говоритъ Lucian Mueller, что претекста «Octavia» можетъ служить примѣромъ пьесы, изображавшей событіе печальное, то едва ли этотъ примѣръ удаченъ, такъ какъ событіе, составлявшее содержаніе «Октавіи», несмотря на свой грустный характеръ, значительно отличается отъ пораженія при Каннахъ. Въ «Октавіи» представлялась жестокость, безчеловѣчность Нерона, а это могло задѣть только императорскій домъ, но ничуть не оскорбляло римскій народъ, напротивъ, изображеніе на сценѣ пораженія при Каннахъ могло бы казаться оскорбленіемъ славнаго имени всего государства, всего народа, могло казаться униженіемъ національной гордости. Затѣмъ, какъ указалъ уже Otto Iahn [1]) и за нимъ Ribbeck [2]), сохранившіеся отрывки больше подходятъ къ битвѣ при Пиднѣ. Къ этому нужно еще прибавить, что смерть Л. Эмилія Павла сама по себѣ представляла недостаточный матеріалъ для цѣлой претексты, а изображеніе всего каннскаго побоища прямо немыслимо [3]). Дѣйствительно, уже эти соображенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что героемъ драмы былъ Эмилій Павелъ Македонскій. Но еще болѣе подтверждаетъ это мнѣніе то обстоятельство, что битва при Пиднѣ представляла столько чисто драматическихъ моментовъ, которые могли быть изображены на сценѣ, какъ это можно заключить по изложенію историковъ [4]).

---

1) Ук. соч. стр. 301.
2) „Die Römische Tragödie“ стр. 326—334.
3) Ribbeck ук. соч. стр. 333.
4) Ribbeck ук. соч. стр. 327.

Уже Neukirch [1]) признавалъ личность Эмилія Павла и его противника Персея, которыхъ Т. Ливій [2]) удачно назвалъ «documentum humanorum casuum» прекраснымъ матеріаломъ для изображенія въ драмѣ. Но не только непостоянство человѣческаго счастья, но и глубокое различіе характеровъ обоихъ вождей представляло чрезвычайно интересный сюжетъ для драматурга, не говоря уже о чисто историческомъ и патріотическомъ характерѣ сюжета [3]). И въ этой претекстѣ ходъ драматическаго дѣйствія можно приблизительно указать съ помощью историковъ. O. Ribbeck [4]) указываетъ слѣдующіе эпизоды. Прежде всего по сохранившемуся фрагменту (fr. IV): «Qua víx caprigeno géneri gradilis gréssio est», въ которомъ идетъ, повидимому, рѣчь о какой-то горной тропѣ, едва доступной даже козамъ, онъ думаетъ, можно предполагать, что въ пьесѣ говорилось о смѣломъ предпріятіи молодого Сципіона Назики, двинувшагося по горамъ въ обходъ непріятеля [5]). Фрагментъ (III): «Nivít sagittis, plúmbo et saxis grándinat»

---

[1]) Ук. соч. 73 стр.

[2]) XLV, 40.

[3]) Ук. соч. стр. 327.

[4]) Ук. соч. стр. 328 и слѣд.

[5]) Уже Otto Iahn. ук. соч. стр. 301 указалъ, что лучше всего фрагментъ этотъ можно объяснить тѣмъ, что здѣсь шла рѣчь о переходѣ Сципіона Назики чрезъ проходъ Пиоіона Патра (Plutarch. Aem. Paul 15). L. Mueller. Q. Ennius стр. 102. примѣч. думаетъ, что въ фрагментѣ заключается намекъ на хитрость, благодаря которой Ганнибалъ въ 217 г. въ Казилинскомъ ущельѣ ушелъ отъ Фабія; намъ кажется это предположеніе невозможнымъ, такъ какъ если бы даже претекста Пакувія изображала смерть Эмилія Павла при Каннахъ, то поэтъ не могъ описывать всю войну; и какое отношеніе къ смерти Павла могло имѣть это событіе.

представляетъ, повидимому, отрывокъ изъ описанія битвы [1]). Далѣе фрагментъ (I): «Patér supreme, nóstrae progénii' patris» относился, вѣроятно, къ молитвѣ консула, обращенной къ Марсу, отцу Ромула. Не такъ легко объяснить слѣдующій фрагментъ (II): «Núnc te obtestor, célere sancto súbveni censório!» По мнѣнію O. Ribbeck'a [2]) смыслъ его слѣдующій. Маркъ Катонъ, сынъ знаменитаго Катона Цензорія, служившій въ войскѣ консула, во время битвы упускаетъ изъ рукъ мечъ, не желаетъ оставить его и обращается къ Юпитеру съ мольбой помочь ему по крайней мѣрѣ ради отца и не позорить его славнаго имени [3]). Но кромѣ этихъ моментовъ прекрасный матеріалъ для драмы представляла еще слѣдующая сцена [4]). Послѣ битвы, когда всѣ съ радостью возвращаются въ лагерь [5]), не досчитываются любимаго сына [6]) консула Сципіона,

[1]) Такъ объяснилъ уже Otto Iahn. l. c. причемъ указывалъ на то, что фрагментъ совершенно совпадаетъ съ слѣдующими словами Ливія (XLIV, 35 въ концѣ): „Sed Romani non ab his stantum, cum quibus contractum certamen erat, sed multo magis ab ea multitudine, quae disposita in turribus stabat, omni genere missilium telorum ac saxis maxime vulnerabantur".

[2]) Ук. соч. стр. 330.

[3]) Lucian Mueller приписываетъ эти слова умирающему Павлу (при Каннахъ), который заклинаетъ своего друга Фабія (цензора 230 года) помочь въ бѣдѣ сенату, причемъ фрагментъ пишетъ такъ: „Núnc te obtestor, celere sancto subveni, censorie", и полагаетъ, что при sancto разумѣется consilio patrum, какъ у Горація IV, 5, 3, 4: patrum sancto consilio.

[4]) O. Ribbeck. l. c.

[5]) Plutarch. Aem. Paul. 22 и Livius XLIV, 44.

[6]) Усыновленный Публіемъ сыномъ Сципіона Африканскаго Старшаго, побѣдителя Ганнибала.

названнаго впослѣдствіи за покореніе Карѳагена Африканскимъ (Младшимъ) и прославившагося взятіемъ Нуманціи. Но поздно вечеромъ онъ является весь обрызганный кровію враговъ, и его приходъ удвоиваетъ всеобщую радость. Затѣмъ сцена встрѣчи консула съ побѣжденнымъ македонскимъ царемъ Персеемъ [1]) также могла быть съ успѣхомъ изображена въ драмѣ, если судить по тому изложенію, которое находится у Плутарха [2]) и Ливія [3]).

Время составленія этой претексты мы точно не знаемъ, но, по всему вѣроятію, она была представлена впервые или во время тріумфальныхъ празднествъ въ честь Эмилія Павла Македонскаго, или на погребальныхъ представленіяхъ, которыя устроили въ его честь сыновья Квинтъ Фабій Максимъ и вышеупомянутый П. Корнелій Сципіонъ Африканскій въ 160 году до Р. Хр. (=594. u. c.), и на которыхъ представлена была впервые комедія Теренція «Adelphi» [4]).

Вскорѣ послѣ Пакувія въ области исторической драмы, какъ и въ области трагедіи, выдвинулся поэтъ Аттій или Акцій, занявшій чрезвычайно важное мѣсто въ ряду драматическихъ поэтовъ временъ республики. Но и онъ, подобно своимъ предшественникамъ въ области исторической драмы, не отличался плодовитостью. Среди массы написанныхъ имъ трагедій подражательныхъ, насколько мы знаемъ, было всего двѣ претексты: «Aeneadae sive Decius» и «Brutus».

---

1) Ribbeck. ук. соч. 331 и слѣд.

2) Aem. Paul, 27.

3) XLV, 8.

4) O Ribbeck. ук. соч. стр. 333.

Содержаніе претексты «Aeneadae sive Decius» составляла безспорно славная смерть консула Публія Деція Муса, который въ сраженіи при Сентинумѣ въ 295 году до Р. Хр. (=459. u. c.) добровольно обрекъ себя смерти по примѣру своего отца для побѣды римскаго войска. Фрагменты, дошедшіе до насъ, въ связи съ разсказомъ Тита Ливія позволяютъ возстановить болѣе или менѣе подробно ходъ дѣйствія въ этой претекстѣ. По O. Ribbeck'y [1] дѣйствіе развивалось слѣдующимъ образомъ. Драма начиналась на разсвѣтѣ предъ битвой. Къ этой части пьесы относится, повидимому, фрагментъ (I): «Nil néque pericli néque tumulti est, quód sciam» изъ сообщенія какого-то лазутчика. Затѣмъ какой-то перебѣжчикъ, о которыхъ упоминаетъ Ливій (X, 27), передавалъ консулу разныя свѣдѣнія о вражескихъ намѣреніяхъ, а консулъ допрашивалъ его (fr. IX): «Díce, súmma ubi pérduellum est? quórsum aut quibus a pártibus gliscunt?» Послѣ этого происходилъ, вѣроятно, военный совѣтъ, на которомъ консулы раздѣлили между собой войска. Въ фрагментѣ (III): «Vim Gállicam obdúc cóntra in aciem éxercitum. Lue pátrium hostili fúsum sánguen sánguine» консулъ Фабій поручаетъ Децію начальство лѣвымъ крыломъ противъ галловъ (Livius. X, 27, 10). Предъ сраженіемъ, по обычаю, совершаются жертвоприношенія и понтифексъ Ливій молитъ Юпитера или Марса дать благопріятныя предзнаменованія. Однако для Деція предзнаменованія не совсѣмъ благопріятны, о чемъ говорится (frg. V): «Et núnc quae deorúm ségnitas? ardét focus». Начинается сраженіе. Фабій желаетъ утомить враговъ медленнымъ

---

[1]) Ук. соч. стр. 596—599; ср. „Quaest. scaenic." стр. 350—351, (въ первомъ изд. фрагм.).

и вялымъ боемъ, но Децій, отличающійся пылкимъ характеромъ, рвется въ бой. Это служитъ причиной спора между ними. Фабій, указывая на свою опытность, убѣждаетъ коллегу не торопиться (fr. VI): «Quód periti súmus in vita atque úsu callemús magis». Но Децій возражаетъ, что долгое ожиданіе дѣлаетъ человѣка вялымъ (fr. VII): «Fáteor: sed saepe ígnavavit fórtem in spe exspectátio». Затѣмъ описывается грозное наступленіе непріятеля въ фрагментѣ (VIII): «..... Calóni vocé canora—Fremitú peragrant minitábiliter». Но въ разгарѣ боя римская конница, производящая во главѣ съ Деціемъ блестящія аттаки, вслѣдствіе испуга коней отъ скрипа непріятельскихъ колесницъ обращается въ бѣгство и давитъ свою собственную пѣхоту. Битва принимаетъ оборотъ неблагопріятный для римскаго войска. Тутъ Децій, увидѣвъ, что войску грозитъ пораженіе, рѣшается по примѣру отца обречь себя смерти для умилостивленія подземныхъ боговъ. Онъ призываетъ понтифекса Ливія и говоритъ ему (fr. XI): «Pátrio exemplo et mé dicabo atque ánimam devoro hóstibus», и проситъ произнести тѣ слова «quíbus rem summam et pátriam nostram quóndam adauctavít pater.» (fr. X). Когда битва окончилась побѣдой римлянъ и былъ взятъ непріятельскій лагерь, Фабій отдаетъ его въ награду воинамъ—(fr. XII): «Cástra haec vestra est: óptume essis méritus a nobís».

Что касается фрагмента второго: «Clamóre et gemitu témplum resonit caélitum», то, можетъ быть, онъ относится къ описанію битвы [1]), или, какъ думаютъ

[1]) O. Ribbeck. ук. соч. стр. 598.

Patin [1]) и G. Boissier [2]), въ той сценѣ, когда приносили трупъ павшаго Деція, которой могла оканчиваться драма. Можно также предположить, что Фабій произносилъ надъ трупомъ героя похвальную рѣчь, а хоръ пѣлъ ту солдатскую пѣснь въ честь обоихъ Дециевъ, которую, по словамъ Т. Ливія, исполняли солдаты при тріумфѣ Фабія [3]).

Дѣйствительно, сюжетъ, выбранный поэтомъ, представлялъ прекрасный матеріалъ для такого національнаго и патріотическаго рода драмы, какъ претексты. Судя по двойному заглавію, можно полагать, что пьеса имѣла еще тенденцію болѣе общаго характера, чѣмъ прославленіе Деція и его рода, что авторъ имѣлъ въ виду прославить вообще потомковъ Энея римлянъ [4]), или же Деціи производили свой родъ отъ Энея, какъ предположилъ уже Klausen [5]). Появленіе самого Энея, который могъ предвѣщать или подтверждать семейную судьбу Дециевъ служить искупительной жертвой за государство (Livius. X, 28: «quid ultra moror' inquit' familiare fatum? datum hoc nostro generi est, ut luendis periculis publicis piacula simus ....») [6]), весьма возможно, но рѣшить этотъ вопросъ едва-ли даже мыслимо, не имѣя никакихъ данныхъ.

[1]) Études sur la poésie latine, II. стр. 197.

[2]) Le poéte Attius стр. 95.

[3]) X., 19 и 30.

[4]) Уже Neukirch (ук. соч. стр. 76) такъ полагалъ.

[5]) Aeneas und die Penaten. II, стр. 922 (изд. 1840 г.) къ которому присоединился и O. Ribbeck—ук. соч. стр. 599.

[6]) Ribbeck. ук. соч. стр. 599.

Время составленія этой пьесы намъ неизвѣстно и не можетъ быть опредѣлено даже приблизительно.

Для второй претексты «Brutus» Акцій выбралъ еще болѣе благодарный сюжетъ: изгнаніе царей и учрежденіе республики, событія, въ которыхъ Луцій Юній Брутъ былъ главнымъ героемъ. По многочисленнымъ источникамъ, передающимъ эти событія, особенно по Т. Ливію, можно нарисовать ходъ драматическаго дѣйствія. По O. Ribbeck'у [1]) оно представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Начало драмы составлялъ разговоръ Тарквинія съ толкователемъ сновъ. Тарквиній разсказываетъ, что ему приснилось ночью, будто пастухъ пригналъ къ нему стадо рѣдкой красоты, изъ котораго онъ выбралъ двухъ однокровныхъ барановъ и старшаго, болѣе красиваго, закололъ, а другой набросился на него и сталъ бодать, что онъ упалъ отъ его удара на землю и замѣтилъ на небѣ удивительное явленіе: солнце двигалось вправо по новому пути [2]). Сонъ этотъ встревожилъ Тарквинія и онъ обратился къ гадателю. Послѣдній объясняетъ, что сонъ этотъ не простой, но вѣщій, что тотъ, кого Тарквиній считалъ тупымъ, какъ скотъ, окажется мудрымъ и мужественнымъ и свергнетъ его съ престола, что небесное явленіе предвѣщаетъ перемѣну строя въ ближайшемъ будущемъ и грядущее величіе римскаго государства [3]). Въ первомъ же актѣ, вѣроятно, происходилъ пиръ у сына царя Секста Тарквинія, на которомъ возникъ споръ между однимъ изъ

---

[1]) Ук. соч. стр. 588 и слѣд.

[2]) Frg. I стр. 328—329 (Ribbeck) сохранившійся у Цицерона De divinatione. I, 22, 44.

[3]) Ibidem. fr. II.

царскихъ сыновей и Коллатиномъ относительно того, чьи жены добродѣтельнѣе; для того чтобы лично провѣрить свои мнѣнія, они отправляются немедленно къ женамъ въ Римъ и Коллацію. Во второмъ актѣ пріѣзжаютъ они къ женамъ и застаютъ жену Коллатина Лукрецію за работой, а царскихъ невѣстокъ въ веселіи и пирѣ.

Въ слѣдующемъ актѣ молодой Тарквиній [1]) приводитъ въ исполненіе задуманное имъ преступленіе. Онъ при помощи подложнаго письма, написаннаго якобы Коллатиномъ, проникаетъ въ домъ Лукреціи и ночью производитъ надъ ней насиліе подъ угрозой смерти. Конечно, эта сцена не могла быть представлена непосредственно, но лишь такимъ образомъ, что Тарквиній предъ входомъ въ спальню Лукреціи открывалъ свое намѣреніе и затѣмъ, выходя оттуда послѣ его совершенія, высказывалъ свою радость и уѣзжалъ, а Лукреція посылала немедленно за мужемъ и своими родственниками. Въ четвертомъ актѣ собирались родственники и мужъ [2]). Лукреція разсказывала имъ поступокъ Тарквинія. Изъ этого разсказа сохранился слѣдующій стихъ (frg. V): «Nocte intempesta nóstram devenít domum», въ которомъ Лукреція сообщала, какъ поздно ночью прибылъ въ ея домъ молодой Тарквиній. Она заставляетъ присутствующихъ поклясться отмстить за ея честь и закалывается, не желая пережить позора. Тогда Брутъ вынимаетъ кинжалъ изъ тѣла Лукреціи и клянется, что онъ будетъ преслѣдовать все царское семейство, на-

---

[1]) Секстъ или Аррунсъ.

[2]) O. Ribbeck. ук. соч. стр. 590 указываетъ отца „Лукреціи Спурія Лукреція Трицииитина, мужа, Л. Юнія Брута, дядю его, и П. Валерія, сынъ Валезія (можетъ быть).

сколько это въ его силахъ, и не позволитъ никому царствовать въ Римѣ. Послѣ этого онъ передаетъ кинжалъ Лукрецію и Коллатину и беретъ съ нихъ клятву. Въ пятомъ актѣ трупъ Лукреціи выносятъ на площадь Коллаціи. Это служитъ сигналомъ къ возстанію. Брутъ во главѣ молодежи отправляется въ Римъ. Онъ созываетъ народъ и произноситъ пламенную рѣчь, въ которой разсказываетъ о насиліи Тарквинія надъ Лукреціей, объ ея самоубійствѣ, горѣ отца, напоминаетъ убійство Сервія Туллія, желавшаго дать свободу гражданамъ, и указываетъ всѣ притѣсненія и несчастія народа. Изъ этой рѣчи сохранился стихъ (frg. IV), относящійся къ Сервію Туллію и его отношеніямъ къ гражданамъ:

«Túllius, qui libertatem cívibus stabiliverat».

Рѣчь Брута имѣетъ рѣшающее значеніе: царь Тарквиній со всѣмъ семействомъ изгоняется и учреждается новое правленіе. Сюда относится fr. III: «....qui recte cónsulat, consúl cluat». Царь Тарквиній спѣшитъ въ Римъ, но ворота города заперты. Въ то же время Брутъ прибываетъ въ лагерь около Ардеи и принимается восторженно, какъ освободитель отечества.

Таково было содержаніе этой едва-ли не лучшей претексты. Даже по незначительнымъ сохранившимся отрывкамъ можно усмотрѣть высокія качества этого произведенія: силу поэтическаго таланта, рельефность выраженія и богатство мысли. Но уже самый выборъ сюжета указываетъ на то, что поэтъ прекрасно понималъ задачу драматурга, такъ какъ такіе характеры, какъ Лукреціи и Брута прекрасный и благодарный матеріалъ для драмы. Уже Neukirch [1]) высказалъ пред-

[1]) Ук. соч. стр. 78 и 83.

положеніе, что Акцій написалъ эту претексту въ честь своего друга Децима Юнія Брута, названнаго «Gallaecus» за побѣду надъ галлеками въ Испаніи въ 135 году до Р. Хр., желая прославить его въ лицѣ его знаменитаго предка. Названный Брутъ соорудилъ храмъ Марсу, при чемъ Акцій разукрасилъ входъ въ него стихами, написанными сатурническимъ размѣромъ, какъ сообщаетъ Цицеронъ въ рѣчи за поэта Архія [1]) и Scholia Bobiens s. [2]). Можетъ быть, при освященіи этого храма была представлена претекста «Brutus». Возможно также предположеніе, что первое представленіе этой пьесы состоялось во время тріумфа, который Децимъ Брутъ получилъ въ 132 году до Р. Хр. [3]).

Въ періодъ республики послѣ Акція, насколько мы знаемъ, была написана квесторомъ Л. Корнеліемъ Бальбомъ претекста, носившая, вѣроятно, заглавіе «Iter» [4]) и, можетъ быть, претекста «Brutus»—Кассіемъ Пармскимъ.

Что касается пьесы Бальба, то о ней, какъ мы уже указали раньше, сообщаетъ Азиній Полліонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Цицерону [5]), но замѣтка Полліона очень кратка: онъ пишетъ, что квесторъ

---

[1]) 11, 26.

[2]) См. Ribbeck. Die Römische Tragödie. 593 стр. пр. 26.

[3]) Plutarch. Tib. Gracchus. 21.

[4]) Это названіе указываютъ O. Ribbeck. Die Römische Tragödie стр. 626 и Scen. Rom. p. fr. Index Fabularum (въ 2 и 3 изданіяхъ) Gesch. d. R. D. I, стр. 194, Teuffel-Schwabe. I, 425 стр. 4 примѣч.; Neukirch, ук. соч стр. 95 думаетъ, что названіе ея было „Balbus".

[5]) Cic. ad. fam. X, 32, 3.

Бальбъ поставилъ претексту, содержаніе которой составляла его поѣздка къ проконсулу Луцію Лентулу («Balbus quaestor...... ludis praetextam de suo itinere ad L. Lentulum procos. sollicitandum posuit.»). Однако выраженіе «praetextam posuit» вызываетъ у нѣкоторыхъ ученыхъ сомнѣніе, былъ ли Бальбъ авторомъ этой пьесы, или нѣтъ. Gaston Boissier [1]) полагаетъ, что смыслъ фразы неясенъ, и говоритъ слѣдующее: «Кто былъ авторомъ претексты? Полліонъ не говоритъ, кромѣ этой фразы: praetextam de suo itinere..... posuit, не замѣняетъ глаголъ posuit, смыслъ котораго неясенъ, черезъ docuit, что приписало бы пьесу самому Бальбу. Во всякомъ случаѣ, въ Испаніи не было недостатка въ тѣхъ угодливыхъ поэтахъ, о которыхъ Цицеронъ намъ говоритъ, что ихъ тонъ немного варварскій, pingue quiddam sonantes atque peregrinum (Cic. pro Archia. 10), но которыхъ онъ представляетъ весьма расположенными къ распространенію славы римскихъ полководцевъ. Это были сотрудники, которыхъ Бальбу легко было себѣ достать». H. Weil [2]) указываетъ, что ponere говорилось объ агонотетѣ: слову ἀγωνοθέτης соотвѣтствуетъ «is, qui ponit certamen». Но смыслъ фразы Полліона вполнѣ выяснится, если принять поправку Alfred'a Schöne [3]) composuit вмѣсто posuit въ текстѣ

---

[1]) Revue de philologie. XVII (1893 г.), 102 стр.

[2]) Revue de philologie, XVIII (1894 г.), стр. 153 подъ заглавіемъ „Ludis praetextam ponere".

[3]) Coniectanea critica. (1894 г. Kiel) стр. 7—8: „sed exigua una syllaba restituta, quippe quae prae antecedentis vocabuli syllaba finali facile oculos librariorum fugere potuerit, ita olim Asinium scripsisse suspicabimur: „quod ludis praetextam de suo itinere ad. L. Lentulum procos. sollicitandum < com > posuit".

письма. Этимъ безусловно устанавливается, что авторомъ пьесы былъ самъ квесторъ Бальбъ [1]. Свое произведеніе онъ представилъ не въ Римѣ, а въ Кадиксѣ (Gadibus) [2] — единственный примѣръ представленія претексты на провинціальной сценѣ. Что касается времени составленія этой драмы, то она была написана въ 711 a. u. c. (41 до Р. Хр.). Еще меньше знаемъ мы о претекстѣ Кассія Пармскаго, носившей названіе «Brutus». Само существованіе ея подвержено большому сомнѣнію; такъ какъ единственный сохранившійся отъ нея фрагментъ приписывается нѣкоторыми учеными Акцію. У Варрона дважды (VI, 7 и VII, 72) цитируется стихъ: «Nocte intempesta nostram devenit domum.» и авторомъ его называется Кассій [3]. Но по примѣру Ios. Scaliger'а вмѣсто Cassius пишутъ Accius, полагая, что разумѣется «Brutus» этого поэта [4].

---

[1] Schanz ук. соч. I, стр. 102 думаетъ, что posuit— „представилъ" само по себѣ означаетъ, что Бальбъ былъ авторомъ претексты.

[2] Cic. Epist. ad famil X, 32.

[3] Этому свидѣтельству слѣдуютъ A. Weichert. De L. Varii et Cassii Parmensis vita et carminibus (Grimmae 1836 г.), стр. 270 и слѣд. L. Spengel и O. Müller въ своихъ изданіяхъ Варрона; Lucian Mueller. Q. Ennius стр. 286 и примѣч. Ср. также Bähr ук. соч. 188 стр. примѣч. 15 и Teuffel-Schwabe ук. соч. I, стр. 216 примѣч. 5.

[4] Neukirch ук. соч. стр. 83, O. Ribbeck. Die Römische Tragödie стр. 591 и Scenicae Rom. p. fr. (изданіе 3-е) стр. 331. Ср. Ribbeck. Scen. R. p. fr. изд. 1 стр. 240 и изд. 2 стр. 285. Bothe. стр. 190. прямо приписываетъ этотъ фрагментъ Акцію.

Во всякомъ случаѣ существованіе претексты Кассія, если опираться только на указанную цитату, весьма сомнительно, такъ какъ текстъ въ этомъ мѣстѣ испорченъ, но существованіе двухъ одноименныхъ претекстъ, само по себѣ не невѣроятно.

М. Немировскій.

Продолженіе будетъ.

По поводу 1-го всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи.

Въ настоящее время наше педагогическое дѣло переживаетъ ту переходную пору, когда прошлыя основы кажутся устарѣвшими, а новыя еще не вполнѣ создались. Нѣтъ гармоніи въ самой нашей душѣ и нѣтъ той ясности, съ которой воспитатель долженъ былъ бы подходить къ воспитываемому.

Нашему времени, полному проблемъ будущаго, предстоитъ серьезная и трудная задача—постараться выработать себѣ болѣе или менѣе прочные устои согласно требованіямъ современной жизни. Вслѣдствіе этого, естественно, возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ предстоитъ сдѣлать современникамъ.

Поэтому съ большимъ интересомъ долженъ былъ быть встрѣченъ починъ устроить съѣздъ по педагогической психологіи. Починъ этотъ исходилъ отъ совѣта педологическихъ курсовъ, организованныхъ при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Въ своемъ извѣщеніи о съѣздѣ организаціонный комитетъ указывалъ на необходимость обмѣна мыслей и созданія совмѣстной работы школьныхъ врачей и русскихъ психологовъ. Указывалось здѣсь, что среди современныхъ педагогическихъ взглядовъ господствуетъ крайнее разнообразіе, иногда страшныя противорѣчія, что положеніе преподавателя педагогики тяжело и безпомощно, такъ какъ онъ не выноситъ изъ университета нужныхъ для себя основъ, тоже безпомощно положеніе и школьнаго врача, незнакомаго часто со многими вопросами умственной гигіены.

Съ 31 мая по 4 іюня и состоялся въ Петербургѣ первый съѣздъ преподавателей психологіи и педагогики, школьныхъ врачей и лицъ, интересующихся вопросами педагогической психологіи. Много вопросовъ было поднято здѣсь. Въ продолженіе $4^1/_2$ дней велась усиленная работа: читались рефераты, демонстрировались достигнутые результаты, возбуждались оживленныя пренія. Правда, не все здѣсь прошло какъ слѣдовало бы въ интересахъ работы: нѣкоторые рефераты совершенно не подходили къ цѣли съѣзда, въ нѣкоторыхъ рефератахъ, а затѣмъ въ отдѣльныхъ рѣчахъ и предложеніяхъ, было стремленіе перейти на почву политики, чего большинство не ожидало и не хотѣло. Но несмотря на все это, несомнѣнно, съѣздъ имѣлъ большое значеніе для многихъ изъ присутствующихъ преподавателей средней школы: онъ рельефно выставилъ результаты еще мало извѣстной для многихъ экспериментальной психологіи, показалъ наглядно, какъ можно производить вполнѣ точныя, научныя изслѣдованія проявленій нашей душевной жизни, поднялъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые старые уже, но важные вопросы. Для тѣхъ же, кто былъ знакомъ съ научной постановкой и разработкой экспериментальной психологіи, интересъ заключался въ близкомъ ознакомленіи съ дѣятелями на этомъ поприщѣ, съ ихъ пріемами изложенія, рельефно выступавшими въ докладахъ, въ оживленныхъ преніяхъ. Пріятно было видѣть дружную работу школьнаго врача и педагога, ярко проявлявшееся стремленіе итти впредь рука объ руку въ общемъ любимомъ дѣлѣ.

Нѣтъ нужды шагъ-за-шагомъ слѣдить за дѣятельностью съѣзда, это заставило бы быть слишкомъ подробнымъ, заставило бы иной разъ повторяться или, что хуже еще, отклоняться отъ главныхъ вопросовъ. Къ тому же въ свое время выйдетъ отчетъ съѣзда и будутъ напечатаны цѣликомъ прочитанные рефераты. Въ этой замѣткѣ достаточно

указать лишь вопросы, около которыхъ особенно вращался интересъ съѣзда.

За послѣднее время у насъ начинаетъ развиваться такъ называемая экспериментальная психологія. Если раньше психологія ограничивалась наблюденіемъ, то теперь не удовлетворяются этимъ: прибѣгаютъ къ разнообразнымъ опытамъ и стремятся обставить эти опыты такими условіями, которые сдѣлали бы выводы наиболѣе точными. Выводы, сдѣланные путемъ наблюденія, могутъ так. обр. являться уже не такими голословными, съ одной стороны, съ другой— нѣкоторыя наблюденія могутъ быть признаны невѣрными, въ самыхъ выводахъ, полученныхъ путемъ опыта, является большая или меньшая точность, что дѣлаетъ и основы психологіи болѣе твердыми, и психологія приближается къ наукамъ естественнымъ. Взять для примѣра вопросъ о памяти. Устанавливается прежде всего нѣсколько видовъ памяти: память зрительная, слуховая, моторная. Для провѣрки силы различныхъ родовъ памяти производятъ такіе, напр., опыты: диктуется въ различныхъ классахъ въ опредѣленный часъ рядъ несвязанныхъ между собою словъ, или показывается рядъ различныхъ предметовъ, затѣмъ учащіеся воспроизводятъ слышанное или видѣнное. Работы просматриваются, вырабатывается статистическая таблица ошибокъ и вѣрно-воспроизведеннаго. Подобные же опыты производятся въ цѣломъ рядѣ учебныхъ заведеній; чѣмъ больше число подвергавшихся подобнымъ опытамъ, тѣмъ бо́льшую точность получаютъ выводы. Кульминаціонной точкой своей экспериментальная психологія считаетъ то положеніе, когда психическія явленія могутъ быть вычислены, измѣрены и даже, какъ то ни странно, взвѣшены. Еще вопросъ, конечно, возможно ли достигнуть подобнаго положенія, подобнаго сближенія явленій міра психики съ міромъ физическимъ, но попытки къ этому дѣлаются. Для этого же служатъ и нѣ-

которые изобрѣтенные приборы, напр., хроноскопъ (измѣряющій скорость психическихъ процессовъ), тахистоскопъ (скорость воспріятій и анализъ зрительныхъ впечатлѣній), аппараты для изученій памяти и пр.

Въ связи съ новымъ теченіемъ въ психологіи выдѣляется и особая „наука"—педологія, наука о дѣтяхъ, представляющая, въ сущности комплексъ точныхъ свѣдѣній, добытыхъ различными науками. Педологія и педагогика, такимъ образомъ, теперь могутъ ужъ быть разграничены. Педологъ можетъ быть и не педагогомъ, а только научнымъ изслѣдователемъ, объектъ его изслѣдованій ребенокъ, педагогъ же непремѣнно долженъ быть знакомъ съ изслѣдованіями педолога, но для него ребенокъ матеріалъ не для изслѣдованія, а для наблюденія и для созидающей работы.

Рефераты, посвященные вопросамъ экспериментальной психологіи: прив.-доцентовъ—Лазурскаго („Къ составленію характеристикъ"), Бернштейна („Коэффиціентъ воспріимчивости у дѣтей школьнаго возраста", работа совм. напис. съ докт. Богдановымъ), докт. Кригіуса („Черты изъ психологіи слѣпыхъ", „Отношеніе психологіи къ другимъ научнымъ дисциплинамъ), проф. Соколова („Наслѣдственность зрительныхъ схемъ"), докт. Виреніуса („О постановкѣ психологическихъ изслѣдованій"), прив.-доц. Нечаева и Максимовича („О вліяніи дѣтскихъ садовъ на богатство и переработку представленій дѣтей), гг. Дубровскаго („О наглядности при изученіи природы"), Минуловой („Къ вопросу о психологіи классныхъ сочиненій"), Минуловой и Блуменау (Къ вопросу объ изслѣдованіи оригинальности ассоціацій"), Конорова („О демонстраціяхъ при преподаваніи элементарнаго курса психологіи"), раскрывали передъ многими педагогами-практиками еще мало извѣстную для нихъ область. Въ рефератахъ этихъ давались указанія, какъ производить опыты, причемъ демонстрировались діаграммы на экранѣ (разнообраз-

ныя діаграммы были вывѣшены на выставкѣ при съѣздѣ, гдѣ демонстрировались различные приборы для точнаго изслѣдованія психо-физическихъ процессовъ).

Несомнѣнно, та часть педологіи, которой посвящены были указанные рефераты, въ будущемъ дастъ болѣе точные результаты, чѣмъ то обнаруживается теперь. Для производства опытовъ экспериментальной психологіи требуется созданіе массы условій, требованій, которыя иной разъ преступали современныя изслѣдованія. Недостатки современныхъ методовъ, неприменимость введенія нѣкоторыхъ опытовъ при преподаваніи психологіи и педагогики въ средней школѣ были обнаружены въ преніяхъ, при чемъ особенно выдѣлялись мѣткія указанія проф. Челпанова. Педологія пока даетъ слишкомъ мало матеріала для практической педагогической дѣятельности.

Для того, чтобы дать себѣ ясный отчетъ, какъ трудно производить и съ какой осторожностью должно производить опыты, достаточно привесть здѣсь тезисы одного изъ докладовъ общаго характера (д-ра Виреніуса):

1) Психологическія изслѣдованія надъ учащимися допустимы индивидуальныя; коллективныя же (групповыя) только при равныхъ по возможности условіяхъ организаціи экспериментируемыхъ и окружающей обстановки послѣднихъ (гигіенической, соціальной). 2) Изслѣдованія эти должны быть производимы на субъектахъ вполнѣ здоровыхъ, неодержимыхъ никакими недостатками или пороками нарушающими жизнедѣятельность организма. 3) Они должны быть производимы въ условіяхъ вполнѣ гигіеничныхъ относительно физическихъ и химическихъ качествъ воздуха, свѣта и пр. классныхъ помѣщеній, относительно дѣятельности всѣхъ отправленій тѣла и душевнаго настроенія учащихся. 4) Они должны быть производимы лицами, близкими учащимся (воспитателями, учителями врачами заведеній), но не посторон-

ними лицами. 5) Производимы такъ, чтобы учащіеся и не подозрѣвали, что служатъ объектами изслѣдованія, слѣпыми орудіями въ рукахъ экспериментатора 6) Необходимо, чтобы изслѣдуемые ученики въ состояніи были запомнить сообщаемое, интересовались имъ, сосредоточивали на немъ надлежащее вниманіе и понимали его. 7) Въ случаѣ необходимости производства надъ учащимися опытовъ лицами посторонними, безусловно слѣдуетъ, насколько возможно, тщательно выяснять молодымъ людямъ всю важность и серьезность значенія опытовъ этихъ для науки и ту пользу, какую они могутъ принести дѣлу добросовѣстнымъ съ ихъ стороны отношеніемъ къ изслѣдованіямъ. 8) Наиболѣе подходящимъ слѣдуетъ признать производство сказанныхъ изслѣдованій надъ лицами взрослыми или, по крайней мѣрѣ, надъ юношами, а не надъ отроками или дѣтьми, въ виду серьезности отношенія къ дѣлу, самаго тщательнаго къ нему вниманія со стороны изслѣдуемыхъ.

Нельзя не согласиться съ тѣми выводами, которые формулированы были въ рефератѣ проф. Челпанова „О преподаваніи психологіи въ средней школѣ“ и въ отдѣльныхъ его возраженіяхъ, что для преподаванія въ средней школѣ нужно съ большой осторожностью пользоваться опытами экспериментальной психологіи, что преподаватель, самъ не прошедшій въ этомъ отношеніи извѣстной школы и не долженъ браться за эту задачу, да и небольшая сравнительно бѣда, если не будутъ передъ учениками продѣлываться подобные опыты. Проф. Челпановъ настаивалъ на томъ, что въ психологіи есть отдѣлы, гораздо болѣе интересные для учащихся, близко стоящія къ философіи, что въ виду такого интереса психологія свободно можетъ быть преподаваема въ средней школѣ. Взгляды, далѣе, разошлись въ томъ, проходить ли психологію какъ науку или учебный предметъ, возможны ль здѣсь пріемы чрезчуръ нагляднаго представле-

нія нѣкоторыхъ психическихъ явленій (не получится ли так. обр. вульгаризація этихъ пріемовъ, крайне неудобная съ педагогической точки зрѣнія).

Съѣздъ не пришелъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ насчетъ того, какова должна быть педагогическая подготовка для учителей средне-учеб. заведеній: основать ли каѳедру педагогики въ университетахъ, цѣлый ли педагогическій факультетъ, или педологическій институтъ.

Вопросу этому были посвящены рефераты: прив.-доц. Ивановскаго („О преподаваніи педагогики въ университетахъ"), прив.-доц. Нечаева („О педологическомъ институтѣ"), г. Фаддѣева („О педагогическомъ факультетѣ"), въ связи съ этимъ можно поставить рефератъ г. Кремлева („О необходимости введенія преподаванія психологіи и психіатріи въ систему высшаго юридическаго образованія").

Вотъ тезисы наиболѣе подробно разработаннаго реферата г. Ивановскаго:

I. Преподованіе педагогики въ университетахъ должно носить научный характеръ, а не демонстративно-практическій.

II. Желательно созданіе штата преподавателей различныхъ педагогич. дисциплинъ; но вопросъ о необходимости учрежденія особой каѳедры педагогики, которая давала бы ученыя степени по этой „наукѣ", по меньшей мѣрѣ, споренъ.

III. Желательно введеніе въ подготовку будущихъ учителей курсовъ по гигіенѣ, педологіи, общей педагогикѣ (если ее нельзя читать вмѣстѣ съ однимъ изъ отдѣловъ педологіи) и исторіи педагогики.

IV. Курсы эти должны назначаться для студентовъ какъ филологовъ, такъ и физико-математиковъ. Слѣдуетъ ли требовать прохожденія всѣхъ этихъ курсовъ отъ всѣхъ лицъ, намѣревающихся посвятить себя учительской карьерѣ, это зависитъ отъ того объема, въ какомъ указанныя науки бу-

дутъ преподаваться. Если, напр., курсы по педологіи будутъ обширны и разнообразны, то можетъ быть установленъ извѣстный минимумъ.

V. Преподаваніе должно вестись такимъ образомъ, чтобы возможно болѣе возбуждать самодѣятельность студентовъ. Не слѣдуетъ гнаться за призрачной полнотой курса. Лучше потратить время на обсужденіе самостоятельныхъ (хотя бы и элементарныхъ) студенческихъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, чѣмъ прочесть бѣглый и сухой, хотя бы и полный курсъ.

Хорошо, конечно, если бы условія жизни позволили и устройство педологическихъ институтовъ при различныхъ университетахъ, но это, кажется, возможно только въ далекомъ будущемъ.

При мысли о педагогическихъ факультетахъ невольно вспоминаются тѣ проэкты, которые высказывались уже давно, и высказывались глубоко продуманными, нашимъ знаменитымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ. „Цѣль педагогическаго факультета могла бы быть даже опредѣленнѣе цѣли другихъ факультетовъ. Этой цѣлью было бы изученіе человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его природы, со спеціальнымъ приложеніемъ къ искусству воспитанія“. Приходитъ на умъ, что уже давно можно было хотя отчасти осуществить прекрасную мечту Ушинскаго: нашему студенту-филологу, готовящемуся къ педагогической дѣятельности, нужно было бы не ограничиваться цикломъ филологическихъ наукъ, а прослушать бы и на другихъ факультетахъ нѣкоторые другіе курсы, напр., анатомію, физіологію, гигіену и пр. (подробнѣе объ этомъ см. въ моей книгѣ „Жизнь, дѣятельность и взгляды К. Д. Ушинскаго, 49-51“). Такимъ же путемъ могъ давно уже и юристъ-студентъ знакомиться съ психологіей и психіатріей, на введеніе которыхъ въ курсъ высшаго юридическаго образованія настаивалъ г. Кремлевъ („въ виду того,

что никакая профессіональная практическая дѣятельность юриста и въ особенности судебная не мыслима безъ прямого отношенія ея къ человѣческой душѣ въ ея нормальныхъ и патологическихъ отношеніяхъ")

Затронуты были недостатки нашей средней школы, вопросы о вырожденіи, давались попытки объяснить ихъ и способы лѣченія—рефераты пр.-доц. Ивановскаго: „Нѣсколько словъ объ отношеніи нашей средней школы къ общественности", докт. Щербинина „Вырожденіе среди учащихся въ средней школѣ", д-ра Радина „Нервно психическая гигіена учащагося въ отношеніи къ физическому здоровью и учебно-воспитательной задачѣ средней школы" и „Особенности дегенеративно-прогенеративной личности въ періодъ сформированія". Самое интересное въ этихъ докладахъ—совѣты: какъ излѣчить нашу школу—носили общій характеръ; когда же одинъ изъ докладчиковъ перешелъ къ частностямъ, то и не избѣжалъ нѣкоторыхъ противорѣчій и совершенной непрактичности (г. Ивановскій о выборѣ директоровъ родителями, о подборѣ директорами педагогическаго персонала и въ то же время объ автономіи средней школы).

Интересны были демонстраціи съ глухонѣмыми и объясненія нѣкоторыхъ пріемовъ веденія обученія глухонѣмыхъ, данныя гг. Енько и Еньковскимъ.

Нѣсколько обособленнымъ стоялъ небольшой докладъ г. Карцева „Совѣщательные для родителей кабинеты", имѣвшій сдѣлать предложеніе съѣзду объ образованіи особыхъ учрежденій, въ которыхъ родители могли бы получать справки и совѣты по вопросамъ воспитанія и образованія. Оказывается, что родительскій кружокъ въ Петербургѣ открываетъ осенью два такихъ кабинета, одинъ—по вопросамъ образованія нормальныхъ дѣтей (завѣдывать этимъ кабинетомъ будетъ преподаватель, хорошо знакомый съ текущей педагогич. жизнью), второй—по образованію ненормальныхъ дѣтей (за-

вѣд педагогъ-психіатръ). Несмотря на то, что нѣкоторыми изъ присутствующихъ указывались на нежизненность подобныхъ кабинетовъ, на шаблонность совѣтовъ, которые можно будетъ получать въ такихъ кабинетахъ, съѣздъ высказался за желательность ихъ образованія

Затрогивалось и много другихъ вопросовъ: о совмѣстномъ обученіи, о болѣе правильномъ распредѣленіи количества проходимаго (по поводу особ. рефер. Шохоръ-Троцкаго „О періодѣ полового созрѣванія и его требованіяхъ съ точки зрѣнія педагог. психологіи"), о типѣ новой школы и т. д.

Выставка при съѣздѣ состояла изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) школьной гигіены; 2) экспериментальной психологіи; 3) спеціальной литературы, 4) современнаго положенія педагогической практики въ разныхъ рус. учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ.

Нельзя не привѣтствовать рѣшенія собравшихся на съѣздъ устраивать подобные съѣзды каждый годъ, нельзя не привѣтствовать рѣшенія назвать ихъ, какъ и настоящій, именемъ К. Д. Ушинскаго, этого неутомимаго труженика-идеалиста, всѣ усилія котораго были настойчиво и упорно направлены на поиски возможности воспитанія такого „человѣка", на котораго съ гордостью можно было бы указать нашимъ дѣтямъ и по безупречной дорогѣ котораго можно было бы смѣло вести наши поколѣнія. И первый съѣздъ ознаменованъ былъ также рѣшеніемъ образовать фондъ для постановки памятника Д. К. Ушинскому.

Н. Грунскій.

Обреченный на забвеніе трудъ по исторіи всеобщей литературы *).

III.

Оцѣнка работъ предшественниковъ въ трудѣ г. Варнеке оказывается далеко не всегда справедливой: заслуги однихъ ученыхъ умаляются, и надъ ихъ трудами произносится не въ мѣру строгій судъ (ср. прим. на стр. 122 сл., 309 и т. д.), другимъ, наоборотъ, незаслуженно расточаются похвалы, и имена ихъ заносятся на страницы исторіи великихъ людей въ данной спеціальности.

Въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ авторомъ наблюденій приписываются извѣстныя заслуги не тѣмъ ученымъ, которымъ онѣ по праву должны принадлежать.

Слова г. Варнеке на стр. 15, гдѣ онъ говоритъ относительно связи отрывковъ Невія съ современностью и въ доказательство этого привлекаетъ два фрагмента изъ «Тарентиллы», приведены въ такой редакціи, которая не можетъ не ввести читателя въ заблужденіе («Сюда, т.-е. къ числу тѣхъ отрывковъ, которые носятъ политическій характеръ, я отнесъ бы слѣдующіе два отрывка изъ Тарентиллы»). Достаточно прочесть нѣсколько страницъ, хотя бы изъ сочиненія Patin'a. (Etudes sur la poésie latine, t. I, Paris 1875² p. 346 sq.), чтобы разубѣдить себя въ личныхъ заслугахъ г. Варнеке.

---

*) Окончаніе. См. I в. 1906 г.

Подобное же самовосхваленіе мы встрѣчаемъ и на стр. 192, гдѣ авторъ признается читателю въ томъ, что въ отрывкѣ изъ «Exodium» Новія: multum ames, paulum des, crebro venias, rarenter feras онъ видитъ coniunctivus imperativus, причемъ самъ въ примѣчаніи поясняетъ, что такое-же значеніе coniunctivus видитъ въ этомъ отрывкѣ и Holtze, на изслѣдованіе котораго, вышедшее въ 1882 г., и ссылается авторъ. Не ясно-ли для читателя изъ самыхъ словъ г. Варнеке, кому первому принадлежитъ заслуга въ синтаксическомъ опредѣленіи данныхъ глагольныхъ формъ.

На стр. 15 пр. 1 читаемъ, что во 2-мъ ст. 1-го отрывка изъ комедіи Нэвія «Tarentilla» (CRFr. p. 19 v. 73; у насъ подъ руками 2-е изд. сборника Риббека, на которое и ссылаемся) коньектура «nunc» принадлежитъ Л. Мюллеру, причемъ г. Варнеке указываетъ на статью проф. Мюллера, помѣщенную въ «Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г. отд. класс. фил. стр. 290», не называя однако ни № книжки (№ 6, іюнь), ни названія статьи (De Livi Andronici et Cn. Naevi fabulis), между тѣмъ какъ самъ Л. Мюллеръ въ берлинскомъ изданіи отрывковъ Ливія Андроника и Кн. Нэвія (1885 г.) ясно говоритъ, что вышеприведенная коньектура принадлежитъ Bothe (p. 65 sq.).

Приводя на 85 стр. слова раба Парменона изъ комедіи Теренція Eunuchus, г. Варнеке въ пр. 2 утверждаетъ, что подлинность этого (936) стиха комедіи совершенно убѣдительно отстоялъ Ph. Fabia (изд. Eunuchus p. 229) отъ нападокъ всѣхъ предшествующихъ издателей. Такое утвержденіе, однако, слѣдуетъ признать голословнымъ: еще до Fabia доводы ученыхъ въ пользу неподлинности означеннаго стиха призналъ малоубѣдительными такой знатокъ Теренція, какъ проф. А. М.

Фогель (изд. Eunuchus, Кіевъ 1884, стр. 339 сл.). Здѣсь невольно вспоминаются намъ слова изъ альбома Онѣгина:

Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.

И, признаться, эти стихи не разъ проступаютъ, употребляя выраженіе г. Варнеке (стр. 130), на страницахъ его работы.

Расточая изысканныя похвалы Ѳ. Е. Коршу за его блестящую характеристику (въ рѣчи «Римская элегія и романтизмъ») Проперціевой Цинтіи, г. Варнеке (стр. 99) нисколько не коснулся этой характеристики, которую вправѣ былъ ожидать читатель, а привелъ лишь слова Ротштейна изъ его изданія Проперція. Къ чему, въ такомъ случаѣ, нужны были эти похвалы, если изъ рѣчи Корша авторъ въ данномъ мѣстѣ ничего не вноситъ въ свой трудъ.

На стр. 118 пр. 4 славистъ М. П. Петровскій названъ «почтеннымъ плавтинистомъ»—неизвѣстно, потому-ли что онъ въ прим. къ 47 ст. своего перевода комедіи Epidicus «еще въ 1884 г. высказался въ пользу чтенія a lenone» (однако, добавимъ отъ себя, въ такихъ весьма осторожныхъ выраженіяхъ: «едва-ли не вѣрнѣе чтеніе a lenone» см. стр. 70 перевода), или потому, что г. Петровскій перевелъ стихами двѣ комедіи Плавта—Epidicus и Aulularia. Но ни та, ни другая причины неосновательны. Во 1-хъ, чтеніе a lenone уже за нѣсколько столѣтій до обнародыванія перевода Эпидика, исполненнаго г. Петровскимъ, было внесено въ текстъ такимъ напр., издателемъ Плавта, какъ Taubmann (изд. 1621 г. p. 471) и принято хотя бы такимъ переводчикомъ, какъ Sommer (Les comédies de Plaute, Paris 1865, t. I p. 343). Во 2-хъ, стихотворный пере-

водъ двухъ комедій Плавта во всякомъ случаѣ не даетъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы называть слависта Петровскаго «почтеннымъ плавтинистомъ». Гораздо большее право имѣютъ претендовать на этотъ титулъ у насъ такіе «классики», какъ покойный московскій проф С. Д Шестаковъ (1820—1858), переводчикъ комедій Miles gloriosus и Stichus и авторъ цѣлаго ряда статей по исторіи древней комедіи, и петербургскіе профессора: О. А. Шеборъ, авторъ нѣсколькихъ статей по критикѣ текста Плавтовыхъ комедій, далѣе И. И. Холоднякъ, переводчикъ комедіи Menaechmi и Miles gloriosus и знатокъ архаической латыни вообще, и Н. К. Гельвихъ, извѣстный своими изслѣдованіями по языку Плавта и по вопросу о контаминаціи въ его комедіяхъ. Такимъ образомъ г. Варнеке, очевидно, поспѣшилъ съ своимъ приговоромъ надъ ученымъ (славистомъ), не сдѣлавъ надлежащихъ справокъ по исторіи классической филологіи въ Россіи, и крайне небрежно, въ данномъ случаѣ даже непростительно для филолога, отнесся къ критикѣ текста Плавтовой комедіи.

Утвержденіе г. Варнеке (стр. 148 пр. 6), будто именно Rohde указалъ на то обстоятельство, что и въ «Метаморфозахъ» Овидія кормилица является вѣрной пособницей влюбленныхъ,—совершенно не точно. Чтобы убѣдиться въ этой неточности достаточно прочесть примѣчаніе къ Ovid. Met. XI, 683 въ изд. Siebelis'а (Leipzig 1862 p. 248=v. 271), а еще цѣннѣе, между прочимъ, слѣдующая замѣтка къ Met. XIV, 703 въ изданіи Овидія лейденскаго ученаго 2-ой половины XVII в. Cnipping'а (Amstel. 1702, t. II p. 735): Haec ex penitissimis artis et experientiae suae mysteriis poeta. Solebant enim amatores per nutrices, ancillas, famulos sollicita-

re amicas suas, tabellis, prece supplici et obsequio ambire; postes noctu corollis et sertis ornare; cantu delinire; querelis implorare; in limine pernoctare, lacrimas, vinum, aquam ad ianuae cardines effundere etc., при этомъ Cnipping подтверждаетъ свое замѣчаніе многими цитатами изъ Плавта, Овидія и др. авторовъ.

Если бы г. Варнеке было извѣстно названное изданіе Овидія, то онъ не рѣшился бы такъ категорически заявлять, какъ это онъ дѣлаетъ на стр. 176 пр. 2, будто «первымъ, кто достаточно оцѣнилъ эту элегію (т.-е. Amor. 1, 8) является проф. Покровскій». Cnipping въ своихъ примѣчаніяхъ къ «наставленіямъ» Дипсады (t. I p. 338—349) не разъ и съ цѣлью опирается на свидѣтельства Плавта и Теренція.

Пользуясь случаемъ, просимъ у читателя великодушнаго снисхожденія за нашу склонность къ старинѣ: да не ставитъ онъ намъ въ вину того, что мы нерѣдко ссылаемся на древнія изданія классическихъ писателей: вѣдь въ нихъ, если плохо разработана критическая сторона текста, зато дано много цѣнныхъ реальныхъ указаній, свидѣтельствующихъ о большой начитанности и глубокой эрудиціи ученыхъ того времени, да и самъ г. Варнеке не чуждался старинныхъ изданій (ср. стр. 175 = 191, 225 и др.).

Въ вопросѣ о принадлежности длинныхъ пальцевъ и длинныхъ рукъ въ аттрибутамъ женской красоты у древнихъ одного свидѣтельства Проперція, приведеннаго на стр. 219 пр. 7, недостаточно. Наиболѣе, такъ сказать, осязательнымъ доказательствомъ такого взгляда, являющагося отображеніемъ идеала античной красоты, служатъ статуи древнихъ (см. изд. Катулла A. Riese, Leipzig 1884 p. 83 ad 43, 3). Указаніе здѣсь на эти живые памятники искусства, на нашъ взглядъ, гораздо

цѣлесообразнѣе, чѣмъ двойное упоминаніе (стр. 90 и 96) объ изображеніяхъ на вазахъ пляски гетеръ.

Что встрѣчающееся у Плавта feles virginaria (Persa 751) и не отмѣченное г. Варнеке feles virginalis (Rud. 748), какъ прозвище сводника, нашло себѣ подражателя въ лицѣ Авзонія, обратившаго эту позорную кличку Дордала въ feles pullaria (а не bullaria, какъ пишетъ г. В. на стр. 252 пр. 7), то и это сходство еще до Tollius'а, стариннаго издателя Авзонія (Amstel. 1671), отмѣтилъ упомянутый выше Taubmann въ своемъ Плавтѣ (p. 1162). Указаніе на изданіе Tollius'а сдѣлано г. Варнеке, конечно, потому, что этотъ ученый первый, какъ, надо полагать, думаетъ авторъ наблюденій, привлекъ къ сравненію примѣръ изъ Плавта; въ противномъ случаѣ г. Варнеке сдѣлалъ бы ссылку на Peiper'а, новѣйшаго издателя Авзонія (Lips. 1886 p. 341), но онъ, какъ оказывается, умолчалъ объ этой имитаціи въ приложенномъ къ его изданію «перечнѣ подражателей» (см. стр. 495).

Увѣреніе г. Варнеке (стр. 252 сл., пр. 14), будто чтеніе mininis въ Ps. 329 есть поправка Ричля, вполнѣ убѣдительно защищенная г. Гельвихомъ, совсѣмъ несправедливо. Въ данномъ случаѣ г. Варнеке былъ введенъ въ заблужденіе очевидно противорѣчивыми фразами г. Гельвиха, который на стр. 107 сл. своихъ «наблюденій надъ именами прилагательными у Плавта» сначала пишетъ, что mininus «читается въ текстѣ Ричля (по его поправкѣ), а нѣсколькими строками ниже заявляетъ, что «чтеніе mininis предложено было еще очень давно». Первое изъ этихъ мнѣній, высказанное Гельвихомъ такъ нерѣшительно, г. Варнеке принялъ на вѣру и mininis выдалъ за несомнѣнную поправку уже самого Ричля. Однако чтеніе mininis имѣетъ свою

дѣйствительно давнишнюю исторію и свое логическое основаніе, и тотъ, кто познакомится съ толкованіемъ этого мѣста Плавта въ умѣло скомпилированномъ изданіи Таубмана (стр. 976), увидитъ, что «вполнѣ убѣдительная защита чтенія mininis» принадлежитъ прежде всего именно Таубману, отъ котораго г. Гельвихъ заимствовалъ всѣ приведенные имъ наиболѣе вѣскіе доводы въ пользу такого чтенія.

Настаивать, какъ это по крайней мѣрѣ дѣлаетъ г. Варнеке (стр. 258) на томъ, что «истинный смыслъ заявленія (Санніона у Ter. въ Ad. 188) leno sum понялъ Донатъ, замѣтившій по этому поводу: figura συγχώρησις» было бы черезчуръ опрометчиво. Вѣдь здравый смыслъ всякому, кто дочитаетъ весь этотъ періодъ у Теренція до конца, подскажетъ, что здѣсь мы имѣемъ, какъ бы сказать, уступительную форму выраженія, на которую указываетъ дальше и противительный союзъ tamen (v. 189). Такимъ образомъ замѣчаніе Доната вовсе не является для насъ ключемъ къ разумѣнію даннаго мѣста, а только лишній разъ свидѣтельствуетъ объ особенной словоохотливости древняго комментатора (большого, кстати упомянуть, любителя отмѣчать разныя фигуры), переходящей въ этомъ случаѣ въ пустую болтовню.

Наконецъ, утвержденіе г. Варнеке (стр. 297, пр. 4), будто уже Nencini (De Terentio eiusque fontibus p. 54) указалъ, что на Hec. повліяли два мѣста Эврипида— Hel. 1234 и Alc. 183 (у г. В.: 283), страдаетъ неточностью: первое изъ этихъ мѣстъ указалъ Fritsche, второе—Dobree, какъ это видно изъ словъ самого же Nencini.

Вопросъ о томъ, въ какомъ размѣрѣ авторъ наблюденій пользовался научными пособіями, разрѣшается

собственнымъ заявленіемъ г. Варнеке, который въ предисловіи къ своему изслѣдованію пишетъ (стр. IV), что его «мало интересовали вопросы библіографіи». Такое признаніе автора труда, претендующаго на научность, никоимъ образомъ не можетъ заслуживать одобренія. Исчерпывающая, въ предѣлахъ возможности, полнота въ пользованіи библіографическимъ матеріаломъ всегда считалась заслугой ученыхъ, а во многихъ случаяхъ для нѣкоторыхъ узко спеціальныхъ изслѣдованій эта библіографическая полнота является безусловно обязательной.

Не смотря на такое предувѣдомленіе г. Варнеке, мы, однако, рѣшаемся отмѣтить нѣкоторую неполноту того библіографическаго матеріала, знакомство съ которымъ, по нашему мнѣнію, было бы полезно автору при его наблюденіяхъ.

Въ I гл. своего труда г. Варнеке неоднократно и настойчиво заявляетъ (стр. 16, 22, 23), что комедіи Теренція, лишенныя всякой политической окраски, не могли служить откликомъ на какія-либо событія римской жизни, такъ какъ онѣ были чужды ея интересовъ. Однако такому категорическому утвержденію, на нашъ взглядъ, противорѣчитъ 783 ст. изъ комедіи Eunuchus, гдѣ воинъ Ѳразонъ, послѣ того какъ паразитъ одобрилъ его военныя распоряженія, говоритъ: idem hoc iam Pyrrus facti-tavit. Въ данномъ мѣстѣ упоминаніе о Пиррѣ не могло принадлежать Менандру (источнику Теренція), который жилъ ранѣе Пирра. Слѣдовательно здѣсь мы и не замѣчаемъ той относительной точности, съ которой, по словамъ г. Варнеке (стр. 16), римскіе переводчики придерживались оригинала, созданнаго въ далекой Аттикѣ. У Менандра, вѣроятно, былъ названъ Александръ Великій, но Римлянамъ, разумѣется, былъ

ближе Пирръ, какъ ихъ первый и наиболѣе страшный противникъ и такой воинъ, въ арміи котораго они впервые замѣтили хорошую военную дисциплину и строгое соблюденіе тактическихъ пріемовъ (см. Eunuchus изд. Фогеля стр. 31 и 273 и Fabia p. 57). И напрасны колебанія Wyss'а относительно этого мѣста Теренція (ср. Die Sprüchwörter bei den röm. Komikern, Zürich 1889 p. 18): нѣтъ въ немъ и тѣни намека на пословицу, почему Otto вполнѣ основательно исключилъ эту, будто бы историческую, поговорку изъ своего сборника пословичныхъ выраженій (Die Sprichwörter p. 287 sq.).

Быть можетъ также отдаленнымъ отголоскомъ политическихъ событій Рима, какъ было бы умѣстно замѣтить въ этой главѣ, могли до нѣкоторой степени служить и Captivi Плавта, относительно которыхъ авторъ наблюденій высказываетъ подобное предположеніе на стр. 302.

Говоря (стр. 30), что нападки въ прологахъ Теренція на Лусція Ланувина имѣли себѣ полную аналогію въ прологахъ греческихъ авторовъ новой комедіи, г. Варнеке все же долженъ былъ обстоятельнѣе коснуться вопроса о литературной полемикѣ Теренція съ Лусціемъ Ланувиномъ, такъ какъ именно въ ней противникъ Теренція упрекалъ послѣдняго въ заимствованіи имъ у Плавта общихъ типовъ паразита и воина. Вопросъ объ этой полемикѣ подробно разобранъ во II-ой гл. введенія къ изд. Eunuchus Фогеля (стр. 32—43) и въ работѣ Roehricht'a Quaestiones scaenicae ex prologis Terentianis petitae (Argentorati 1885 p. 27—42).

Изъ трудовъ, знакомящихъ читателя съ комедіями Менандра, г. Варнеке, между прочимъ, ссылается на Ditandy (стр. 34 пр. 4, 273 пр. 1 и 312 пр. 3) и Benoit (стр. 276 пр. 5 и 310 пр. 4). Сочиненія эти явлен-

лись въ одинъ и тотъ же (1854) годъ, при этомъ работа Bénoit была написана на тему «Менандръ и его отношеніе къ древнѣйшей комедіи»,—предложенную французской академіей въ 1852 г. Кромѣ сочиненія Bénoit въ академію былъ представленъ еще трудъ Guizot, и оба представленныя сочиненія удостоились награды. На основаніи работы Guizot (Ménandre, étude historique et littéraire sur la comédie et la société, grecques Paris 1854), вмѣстѣ съ написанными на него въ разныхъ журналахъ рецензіями и въ соединеніи съ собственнымъ посильнымъ изученіемъ того же предмета, былъ составленъ интересный этюдъ С. Д. Шестакова «Менандръ, основатель новой комедіи» (От. Зап. 1857, т. 112, № 6, стр. 569—590 и т. 113, № 7, стр. 171—190), знакомство съ которымъ для г. Варнеке было бы далеко не лишнимъ, хотя бы при изложеніи имъ (стр. 273) скучныхъ сторонъ брака, такъ мастерски изображенныхъ Менандромъ (ср. у Шестакова стр. 183 сл.).

На словахъ раба Парменона, произнесенныхъ по адресу Ѳаиды (Eun. 79): eccam ipsa egreditur, nostri fundi calamitas необходимо было остановить вниманіе читателя (стр. 41), особенно въ виду того, что въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Варнеке приводитъ изъ той же пьесы слѣдующія слова Хремета (vv. 519—520):

rus ecquod habeam Suni et quam longe a mari.
Credo ei placere hoc sperat se a me avellere,

какъ бы объясняющія, по замѣчанію автора наблюденій, вышеприведенное прозвище Ѳаиды. И въ самомъ дѣлѣ: слово calamitas, присоединенное въ данномъ мѣстѣ къ fundi, сохраняетъ до извѣстной степени свое первоначальное значеніе—«вредъ, грозящій недородомъ» (ср. Eun. изд. Fabia p. 89), будетъ-ли то стихійное бѣдствіе, какъ градъ (ср. Donat. ed. Wessner I p. 283),

или ржа (cf. Serv. ad Verg. G. 1, 151—Фогель изд. Eun. стр. 119), или какое-нибудь другое несчастіе, отъ котораго страдаютъ полевые посѣвы (ср. calamitas— eversio въ схоліяхъ cod. Bembini, см. Umpfenbach, Die Scholien des cod. Bemb. zum Terentius, Hermes 1867, 2 p. 337 sqq. и Покровскій «Матеріалы для истор. грамматики лат. языка, М. 1898 стр. 53), но, во всякомъ случаѣ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ выраженіемъ, заимствованнымъ отъ языка земледѣльцевъ. Въ этой изящной аллегоріи подъ fundus разумѣется amator (i. e. Phaedria), который подобно плодородному полю (ср. Plaut. Truc. 727) приносилъ обильные дары своей возлюбленной (см. изд. Теренція Westerhov. Lips. 1831, v. II p. 20), calamitas же—это расходы, произведенные Федріей на Θаиду: чрезмѣрныя затраты могли привести къ разоренію и, такимъ образомъ, богатства пошли бы прахомъ (ср. Gronovius, Notae in Terentium ed. Frotscher, Lips. 1733 p. 21).

Относительно выраженія Теренція extrema linea amare (Eun. 640 sq.) мало было сослаться на одного Доната (стр. 70 пр. 6): по поводу этихъ словъ Федріи существуетъ цѣлая, и притомъ любопытная, литература даже у насъ въ Россіи (ср. замѣтки Корша въ Фил. Обозр. V, 2 стр. 156, Сонни ibid. VI, 1 стр. 68 сл. и автора этой рецензіи въ журн. «Гимназія» 1894, іюль, стр. 383 сл.).

На стр. 121 пр. 3 г. Варнеке своеобразно объясняетъ замѣчанія Доната къ Ad. 487: nota puellarum, quae in comoediis honestae sunt et ex amore dicuntur (г. В. почему-то читаетъ ducuntur, не указывая изд. Доната—Klotz'а? ср. ниже стр. 128 пр. 3), aut nullam in scaena esse aut rarissimam vocem. Онъ пишетъ: «Если Донатъ не забылъ про остальныя пьесы (пал-

ліаты), то стало быть съ его точки зрѣнія ни Антифила изъ Heaut., ни Planesium, Pasicompsa Palaestra Плавта не являются honestae».

Не говоря уже о томъ, что вышеприведенное замѣчаніе Доната необходимо ставить въ связь съ его же словами изъ предисловія къ Andria (Don. ed. Wessner I p. 37): adnotandum sane puellarum liberalium in proscaenio nullam orationem induci in comoedia palliata praeter invocationem Iunonis Lucinae quae et ipsa quoque post scaenam fieri solet, гдѣ, несомнѣнно, разумѣются Glycerium (Andr. 473) и Pamphila (Ad. 487), намъ думается замѣчаніе Доната надо понимать иначе. Древній комментаторъ въ своемъ объясненіи даетъ, повидимому, намекъ на этимологическое происхожденіе именъ героинь въ комедіяхъ (напр. Pamphila dicta a fideli amore ср. и др. подобныя словопроизводства); онъ, очевидно хотѣлъ сказать, что дѣвушки, которыя въ комедіяхъ Теренція выведены какъ honestae, и имена которыхъ по своему словопроизводству имѣютъ отношеніе къ любви,—онѣ или вовсе не появляются на сценѣ (напр. Pamphila), или появляются рѣдко (напр. Antiphila, Glycerium). Разгадку всего этого намъ даетъ важное замѣчаніе самого Доната: nomina personarum, in comoediis dumtaxat, habere debent rationem et etymologiam. Etenim absurdum est comicum aperte argumenta confingere vel nomen personae incongruum dare vel officium, quod sit a nomine diversum (ad Ad. 26 = Klotz v. II p. 10).—Значитъ, съ этимологіей приходится считаться и, слѣдовательно, здѣсь у г. Варнеке очевидна небрежность въ чтеніи Доната, естественно породившая столь опрометчивое толкованіе наблюденій древняго комментатора.

Слова изъ Poen. 964: si frugi esse vis eas libe-

rali jam adseras causa manu, приведенныя на стр. 122 и сопоставленныя съ Ter. Hec. 193 sq.: neque vendundam censeo quae liberast nam ego liberali illam adsero causa manu представляютъ собою, собственно говоря, выраженіе изъ юридической терминологіи (ср. Gronovius, Lectiones Plautinae Amstel. 1749 p. 88 и Baret, De iure apud Terentium, Lutetiae Par. 1878 p. 43 sq.) и, слѣдовательно, «очень схожій стихъ», встрѣчающійся въ данномъ мѣстѣ, былъ неизбѣженъ даже по чисто формальнымъ условіямъ.

По вопросу о контаминаціи въ Adelphoe Теренція слѣдовало сослаться (стр. 123) и на новѣйшихъ итальянскихъ издателей этой комедіи Stampini (Gli Adelphoe di Terenzio, Torino 1891 p. L sqq.) и Cupaiuolo (ed. Adelphoe Roma—Milano 1904 p. XXI sq.).

На стр. 127 пр. 4 г. Варнеке пишетъ, что очень хорошая характеристика Θаиды дана въ книгѣ Fabia (изд. Eun. p. 27 sq.), однако все у того же Фогеля можно найти не мало цѣнныхъ указаній на типическія черты этой куртизанки, какъ въ предисловіи къ изд. Eun. (стр. 9 сл.), такъ и во многихъ мѣстахъ его обширнаго комментарія.

Отмѣчая какъ характерный фактъ, что кормилица и у Аристенета называется тѣмъ же именемъ Σωφρόνη, которое носятъ и старыя вѣрныя кормилицы въ римскихъ комедіяхъ (Sophrona), г. Варнеке не обмолвился ни единымъ словомъ о причинѣ такого названія (стр. 149). Koenig (De nominibus propriis quae sunt apud Plaut. et Ter. Patschkau 1876) объясняетъ происхожденіе этого имени «a temperantia morumque frugalitate» (p. 32).

На стр. 153 пр. 1 авторъ наблюденій говоритъ о кормилицѣ Джульетты, что болтливость ея едва-ли случайна. Вовсе нѣтъ: можно быть вполнѣ увѣреннымъ,

что эта болтливость находится въ прямой зависимости отъ ея вульгарности Джульета. Люди изъ простонародья, какъ справедливо замѣчаетъ Тэнъ, любятъ въ своихъ разсказахъ прибѣгать къ безконечнымъ повтореніямъ, всячески варіируя свою рѣчь, не разъ возвращаясь къ уже сказанному и подолгу останавливаясь, какъ это естественно для человѣка необразованнаго, на одномъ какомъ-либо пунктѣ своихъ разсужденій (Ср. Шекспиръ по Тэну, Загр. Вѣстн. 1864, т. II стр. 93 сл.).

На послѣднихъ строкахъ 157-ой стр. читаемъ: «у насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что слова протрезвившагося Хремета (рѣчь идетъ о красотѣ Пиѳіи — Eun. v. 728) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, особенно если принять во вниманіе замѣчаніе схолій Доната по этому поводу».

Однако обратимся къ самому тексту Теренція. Въ началѣ 5-ой сцены IV-го акта Хреметъ говоритъ про себя: vicit vinum quod bibi—значитъ онъ былъ не протрезвившійся, а подгулявшій. Что касается ссылки на Доната, то она разъясняетъ намъ дѣло еще больше.

Говоря о распространенности въ эротической литературѣ мотива о томъ, что красота быстро преходяща, г. Варнеке приводитъ въ доказательство примѣры изъ Ars Овидія и изъ Аристенета (стр. 187). Почему бы въ данномъ случаѣ не сослаться и на Софокла, у котораго Деянира въ «Трахинянкахъ» такъ изливаетъ свою жалобу (vv. 545—547):

ὁρῶ γὰρ ἥβην τὴν μὲν ἕρπουσαν πρόσω,
τὴν δὲ φθίνουσαν ὧν ἀφαρπάζειν φιλεῖ
ὀφθαλμὸς ἄνθος, τῶν δ'ὑπεκτρέπει πόδα.—

Здѣсь, сопоставляя увяданіе своей красоты съ цвѣтущимъ возрастомъ соперницы, супруга Геракла повторяетъ старую истину, что мужчина любуется (въ такомъ

эротическомъ смыслѣ употреблено въ 546 ст. ἀφαρπάζειν) именно расцвѣтомъ красоты и бѣжитъ отъ той женщины, которую уже покинула молодость. Значитъ, Софоклъ ярко выразилъ и то, что сказалъ Овидій въ a. a. III, 73 sqq. и то, что написалъ Аристенетъ въ II, 1.

У Теренція Бакхида въ бесѣдѣ съ Антифилой, сравнивая жизнь честной дѣвушки съ распущенностью гетеръ, на счетъ непостоянства мужчинъ, въ зависимости отъ увяданія красоты возлюбленныхъ, выражается много проще (Ht. 389—390 ср. прим. 2 на стр. 187).

Что касается столь естественной метафоры, какъ rete и cassis, встрѣчающихся въ наставленіяхъ Овидія, приведенныхъ на стр. 196, то сюда хорошо бы отнести и слова Клеэреты изъ Asin 178: quasi piscis itidemst amator lenae и v. 215: hic noster quaestus aucupi simillumust и изъ Ba. 102: piscatus meo quidem animo hic tibi hodie evenit bonus. Ср. Graupner, De metaphoris Plautinis et Terentianis p. 23 и Wortmann, De comparationibus Plautinis et Terentianis ad animalia spectantibus p. 47 и 37.

На стр. 219 пр. 6 при ссылкѣ на Ter. Eun. 313 sq. указаніе не цѣнное примѣчаніе данное, къ этому мѣсту въ изд. Eunuchus Фогеля (стр. 186), и здѣсь было бы очень кстати.

По вопросу относительно цѣны, по которой продавались рабыни, предлагается (стр. 252 сл. пр. 14) справиться въ замѣчаніяхъ Kauer'a къ его изданію Adelphoe и Marx'a въ изд. Луцилія. Здѣсь можно было бы привести цѣлую литературу, но ограничимся ссылкой на прим. къ комедіи Adelphoe, недавно выпущенной издательскимъ обществомъ Данте Алигіери и обработанной Cupaiuolo (p. 52).

При перечисленіи различныхъ причинъ, по кото-

рымъ Цицеронъ въ своей рѣчи pro Roscio comoedo отождествилъ Херею, обвинителя знаменитаго артиста, именно съ Валліономъ, сводникомъ у Плавта, автору наблюденій слѣдовало бы указать (стр. 256 слл.) также и на то, что Цицеронъ воздержался отъ сравненія Хереи съ Санніономъ быть можетъ потому, что сводникъ Санніонъ изображенъ у Теренція не столь густыми красками, чѣмъ Балліонъ у Плавта. И въ этомъ обстоятельствѣ, т.-е. въ изображеніи главными представителями римской комедіи типа сводника, усматриваются особенности Теренціева таланта, именно его способность выбирать изъ греческихъ источниковъ и такіе типы даже «дурныхъ» людей, характеры которыхъ не лишены нѣкоторыхъ благородныхъ чертъ, ср. Bertin, De Plautinis et Terentianis adolescentibus amatoribus. Parisiis 1879 p. 84. Напрасно г. Варнеке не познакомился съ этимъ трудомъ, который, хотя и написанъ по-латыни, но такъ живо и увлекательно, какъ умѣютъ излагать только французы. Въ монографіи Bertin'а ярко указаны типическія особенности многихъ персонажей Плавта и Теренція и, между прочимъ, гетеръ и матронъ (p. 81 sq.).

Цитируя трагическій стихъ, сохраненный авторомъ реторики для Геренвія, г. Варнеке почему-то не привелъ мнѣнія Риббека (стр. 276) по поводу этого стиха: posse haec in altercatione Iasonis et Medeae in fabula Enniana locum habuisse suspicatus sum (TRFr.[2] p. 259 sq. XCI).

На той же страницѣ, при ссылкѣ на трудъ Bénoit (пр. 5), надо было опять таки указать на этюдъ Шестакова о Менандрѣ (=стр. 175); вѣдь источникомъ названной статьи, какъ мы сказали, было весьма цѣнное изслѣдованіе Guizot, на которое ссылается и Магаффи (Исторія класс. періода греч. лит. пер. А. Ве

селовской т. I. М. 1882 стр. 437 пр. 2). Разсужденіе Гизо относительно возсозданія фабулы пьесы Цецилія Plocium въ связи съ обстоятельными доводами Шестакова въ упомянутомъ этюдѣ (=стр. 185—188) въ сжатомъ видѣ были бы очень умѣстны и въ монографіи г. Варнеке (стр. 298 слл.).

Перечисляя въ пр. на стр. 309 новѣйшія работы, посвященныя изученію типовъ комедіи, г Варнеке опустилъ, очевидно по незнанію, важный трудъ французскаго ученаго G. Vallat «Quomodo Menandrum quoad praecipuarum personarum mores Terentius transtulerit» (Lutetiae Par. 1883), имѣющій прямое отношеніе къ темѣ разбираемаго сочиненія. Vallat разсмотрѣлъ подробно, между прочимъ, типъ meretrix (pp. 31—36 и 102—108) и приложилъ къ своей монографіи детальный обзоръ мнѣній германскихъ ученыхъ о пьесѣ Hecyra.

На стр. 306 пр. 5 авторъ наблюденій дѣлаетъ ссылку на свою рѣчь «Женскій вопросъ на аѳинской сценѣ V-го вѣка» (Казань 1905), которую онъ долженъ былъ произнести на актѣ Каз. Унив—та 5 ноября 1905 г., однако рецензенту не удалось своевременно воспользоваться этой рѣчью, такъ какъ она вышла въ свѣтъ позже этихъ наблюденій (ибо актъ въ Каз. Унив—тѣ не состоялся), и съ нѣсколько обобщеннымъ заглавіемъ.

Многое въ работѣ г. Варнеке осталось необслѣдованнымъ надлежащимъ образомъ; для примѣра укажемъ слѣд. два мѣста.

Вопросъ о связи новоаттической комедіи съ творчествомъ Эврипида при явственно обнаружившемся вліяніи этого трагика какъ во внѣшней формѣ, такъ и во внутреннемъ духѣ комедій, требовалъ, безъ сомнѣнія, болѣе полнаго и обстоятельнаго обсужденія, а не слу-

чайныхъ намековъ и мимоходомъ сказанныхъ словъ, разсѣянныхъ авторомъ въ разныхъ мѣстахъ его наблюденій, напр. на стр. 292.

Приводимое на стр. 295 письмо Аристенета (I, 21) давало поводъ г. Варнеке сказать подробнѣе и о причинахъ той перемѣны, какая нерѣдко замѣчалась послѣ брака въ настроеніи мужа по отношенію къ женѣ. И въ данномъ случаѣ римская комедія давала не мало матеріала для изученія психологіи пылкой и легкомысленной, быстро влюбляющейся и скоро разочаровывающейся молодежи.

Заканчивая на этомъ наши далеко, надо сознаться, неполныя указанія на тѣ промахи въ пользованіи научными пособіями, какіе мы могли замѣтить въ данномъ трудѣ, переходимъ къ послѣднему отдѣлу разбора, посвященному обозрѣнію корректурной стороны изслѣдованія г. Варнеке.

IV.

Исправность, т.-е. собственно корректурную часть, слѣдуетъ признавать также однимъ изъ непремѣнныхъ условій удачнаго исполненія всякой научной работы. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Варнеке заставляетъ желать очень многаго.

Самая внѣшность работы поражаетъ читателя малочисленностью красныхъ строкъ: встрѣчаются сплошныя страницы, на которыхъ негдѣ отдохнуть ни глазу, ни мысли: все вылито въ одну форму, таковы, напр., стр. 17—19, 102—103, 118—119, 155—157, 288—289 и друг.

Стиль и языкъ имѣютъ тоже свои недочеты. Со стороны стилистической обращаютъ на себя вниманіе слѣд. мѣста.

Стр. 51. Изъ нея (комедіи Алексида), вѣроятно, и почерпнуто очень удачное пользованіе гетерой своимъ именемъ въ доказательство того, какъ ей необходимы деньги.

Стр. 63. Отъ тѣхъ доводовъ, которые въ комедіи выслушиваетъ (у г. В.: выслушиваемъ) менѣе богатый поклонникъ и которыми склоняютъ его терпѣливо сносить присутствіе соперника, расходами котораго будутъ окупаться его собственныя утѣхи, очень близокъ переходъ къ тѣмъ наставленіямъ, которыя Овидій даетъ, очевидно, не особенно богатому мужу.

Стр. 84. Красавица требуетъ денегъ и нарядовъ: у поэта нѣтъ ни того, ни (у г. В.: не) другого, зато онъ достаточно владѣетъ риторикой, для того, чтобы изъ ея запасовъ взять проклятія золота и восхваленія безмятежной бѣдности.

Стр. 94. Она (Gymnasium) выслушиваетъ всѣ наставленія сводни, ни однимъ словомъ не возражаетъ ей (,) и это даетъ намъ право не особенно вѣрить ей, когда она завѣряетъ въ вѣрности отца своего возлюбленнаго, что не мѣшаетъ ей сейчасъ же благосклонно отнестись съ заигрываніемъ (?) самого старика.

Стр. 104. Коль скоро «мужъ» появился въ Amores, онъ долженъ былъ проникнуть и въ Ars amatoria. Но истинный характеръ этого мужа изъ Ars amatoria надо опредѣлять съ точки зрѣнія установленной для мужа изъ Amores. Поэтому его присутствіе позволяетъ въ puella, къ которой обращены artes, видѣть (у г. В.: видить) гетеру, какъ это предлагаетъ самъ Овидій, которому именно изъ-за мужа не хочетъ вѣрить на этотъ

счетъ А. У. Малеинъ, предпочитающій вѣрить Фридлендеру, будто Ars amatoria имѣетъ въ виду «женщинъ вообще».

Стр. 131. По существу meretrices второй группы это тѣже vitiatae virgines, участь, отъ которой не были застрахованы дѣвушки знатныхъ фамилій.

Стр. 148. Аретуза разсказываетъ, что для того чтобы разогнать ея тоску по отсутствующему мужу curis et pallida nutrix peierat hiberni temporis esse moras.

Стр. 212. Внесеніе такого какъ бы оправдывающаго увлеченіе Acroteleutium постороннимъ мужчиной обстоятельства, понадобилось даже для такой фиктивной дамы изъ общества, какъ эта гетера.

Стр. 217. Этими весьма мелкими деталями и исчерпывается вся та зависимость Pamphilus отъ образа, такъ ярко обрисованнаго Овидіемъ, существованіе которой отмѣтили уже давно.

Стр. 264. Она (Миррина) ни за что не рѣшается открыть мужу правды, зная, вѣроятно, заранѣе, какъ бы онъ къ этому отнесся.

Стр. 276. Здѣсь (въ отрывкѣ взятомъ изъ комедіи) собесѣдникъ упрекаетъ человѣка, жаловавшагося на тягости брачной жизни, въ томъ, что зачѣмъ же онъ женился во второй разъ, уже ознакомившись по опыту съ такимъ зломъ, какъ жена.

Стр 290 сл. Такъ поступаетъ и Доринпа изъ Mercator и жена Эпидамнійскаго Менехма, хотя ея отецъ и запрещаетъ ей безпокоить его съ ихъ недоразумѣніями, изъ чего видно, какъ часто ему приходилось являться посредникомъ во время ихъ ссоръ. (По обилію мѣстоименій ср. стр. 32 и 44).

Таким образомъ, рѣчь г. Варнеке, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ образцовъ, обильно перепол-

нерная придаточными, особенно опредѣлительными предложеніями со множествомъ личныхъ мѣстоименій и отглагольныхъ существительныхъ въ духѣ латинскаго языка, мѣстами вылита въ форму, какъ бы напоминающую отвѣты оракула. Иногда тамъ, гдѣ автору не удавалось высказать своей мысли ярко и просто, онъ выражался реторическимъ языкомъ, стараясь прикрыть и затуманить мысль напыщенными выраженіями, говоря короче, - прибѣгалъ къ средствамъ, отбивающимъ у читателя охоту къ чтенію его книги.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣчь г. Варнеке вышла неясной, благодаря неумѣстному употребленію личныхъ мѣстоименій, таковы, напр., слѣд. мѣста.

Стр. 109. Попутно замѣчу, что ея (чью?—Planesium) роль могъ исполнять только тотъ авторъ (?), который игралъ Lyco...

Стр. 111. Съ этой хитростью толкователи Miles еще мирятся, но зато ихъ чрезвычайно шокируетъ ея (чье?—Филокомасіи) поведеніе при разлукѣ съ Пирgoполиникомъ.

Стр. 155. Ея (чья?—Stephanium) товарка Crocotium потому только не нарушаетъ шаблона, что она не обрисована вовсе и является самымъ блѣднымъ персонажемъ пьесы.

Стр. 270. Такъ же поступаетъ и Лизидамъ изъ комедіи Casina, заявляющій blande haec mihi mala mers apellandast. Дальше онъ увѣряетъ ее (кого?—Клеострату) въ своей любви и осыпаетъ ласкательными словами.

Стр. 280. Цѣлостность этого прочно сложившагося типа dotata uxor до нѣкоторой степени нарушается въ «Менехмахъ», гдѣ тоже выведена одна изъ такихъ dote fretae uxores со всѣми характерными особенностя-

ми этого типа, а между тѣмъ изъ рѣчей самого Менехма и ея же (кого?—dotatae uxoris) отца можно заключить, что Менехмъ вовсе не зависитъ матеріально отъ своей жены, какъ это бываетъ съ тѣми, кого жены «dote meruerunt».

Эти, равно какъ и многія другія мѣста, явно свидѣтельствуютъ о той небрежности, которую обнаружилъ авторъ въ своей работѣ, сшитой кое-какъ, на скорую руку.

И языкъ работы г. Варнеке также не отличается чистотою отдѣлки: мѣстами попадаются то вульгарныя, то высокопарныя, трескучія, но приторныя фразы, то, наконецъ, частыя, неумѣстныя и крайне надоѣдливыя выраженія, каковы: зато, какъ разъ, сейчасъ же, опять таки, прямо таки и т. п.

Не будемъ перечислять всѣхъ мѣстъ неудачныхъ въ отношеніи языка, и приведемъ только слѣдующія.

Стр. 18. Плавтъ связанъ по рукамъ и по ногамъ литературнымъ преданіемъ ново-аттической комедіи.

Стр. 19. Совсѣмъ беззубыми являются и схожія мѣста...

Ст. 54. Она (возлюбленная) предпочитаетъ ему (Овидію) новоиспеченнаго богача.

Стр. 130. Онъ (Perrot) отдаетъ явное предпочтеніе простой и естественной манерѣ Теренція передъ накрахмаленнымъ позерствомъ Дюма.

Стр. 157. Если бы Софоклидиска была стара, то невозможенъ былъ бы (у г. В.: было бы) точно также и темпъ, въ которомъ она ведетъ всю сцену съ Paegnium, изъ каждаго стиха которой такъ и летятъ брызги молодого задора и кокетства.

Стр. 216 сл. Не забываетъ она (сводня), конечно,

и главнаго козыря: est nimium locuplex, sed non tamen inde superbit.

Стр. 217. Сводникъ Albidulus увѣренъ, что заткнулъ за поясъ плавтовскаго Балліона.

Стр. 219. Baucis старается придать ея (Глицеріи) наружности тотъ самый лоскъ, отсутствіе котораго у питомицы такъ тревожило Dipsas Овидія.

Стр. 304 сл. Прежде всего чувствуется какой-то ароматъ сентиментализма, которымъ обвѣяна незаурядная фигура Бакхиды, рѣшившейся отступить отъ обычаевъ своихъ товарокъ по профессіи.

Вотъ до чего иногда доводили г. Варнеке наблюденія надъ древнеримской комедіей: ему, при его прозорливости и умѣніи читать между строкъ (ср. стр. 22, 286), удавалось видѣть въ стихахъ Плавта «брызги задора и кокетства» и чувствовать «ароматъ сентиментализма», который разносился отъ необыкновенно привѣтливой личности Теренціевой «meretrix».

Слабая корректурная часть книги г. Варнеке сказалась не въ одной только необработанности стиля и языка: она обнаружилась также въ отсутствіи полноты необходимыхъ указаній въ текстѣ—съ одной стороны, и въ излишествѣ таковыхъ указаній въ примѣчаніяхъ—съ другой Далѣе слѣды слабой корректуры видны и въ неустойчивой орѳографіи, и въ безчисленныхъ ошибкахъ, пестрѣющихъ въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія и обезцѣнивающихъ его значеніе со стороны научной. Ниже мы увидимъ, къ какимъ результатамъ привели ошибки въ «наблюденіяхъ» автора.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанія на названія комедій являются совершенно излишними (ср., напр., на стр. 155=Men. 541 sq.), наоборотъ, во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ указанія на комедіи необходимы,

ихъ нѣтъ (напр. на стр. 85 передъ 938--939 и 934 слѣдовало поставить: Eun.). отсутствуютъ также и ссылки на стихи въ случаяхъ, гдѣ онѣ безусловно нужны, такъ на стр. 19 (восклицаніе Ганнона=v. 988 sq.).

Въ погонѣ за экономіей въ мѣстѣ г. Варнеке, какъ мы видѣли, жертвовалъ въ текстѣ своей работы стихами, цитируя древнихъ поэтовъ прозой, въ тоже время авторъ наблюденій былъ чрезвычайно неэкономиченъ въ примѣчаніяхъ. Достаточно пробѣжать выноски на нѣсколькихъ страницахъ, чтобы воочію убѣдиться въ томъ, что г. Варнеке неоднократно и съ излишней подробностью приводятся указанія на одни и тѣже сочиненія. Назовемъ для примѣра хотя бы детальныя заглавія книгъ Гельвиха, Малеина, Покровскаго и многихъ др.

Установивъ разъ опредѣленныя сокращенія, намъ кажется, авторъ избѣгъ бы многихъ промаховъ (напр. на стр. 95 пр. 1, гдѣ надо читать: апрѣль).

Въ орѳографіи у г. Варнеке замѣчается поразительная неустойчивость, особенно характерно въ этомъ отношеніи написаніе слова «гетера», ср. стр. 49—69 и 85—92, гдѣ то и дѣло встрѣчается это существительное съ двоякой орѳографіей (гетера, гетэра) иногда на одной и той же страницѣ и даже въ сосѣднихъ строкахъ. Чаще всего такое колебаніе въ написаніи наблюдается въ собственныхъ именахъ, напр. читаемъ: Глицерія (121) и Глицеріумъ (122), Филокомасія и Филокомазія (111). Но всего любопытнѣе въ сочиненіи г. Варнеке написаніе фамиліи Кока, извѣстнаго издателя отрывковъ греческихъ комиковъ; этотъ ученый появляется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, такъ сказать въ безчисленномъ множествѣ «коковъ» (ср. прим. на стр. 11 сл., 64 и т. д.).

Во многихъ случаяхъ стихи цитуются на одинъ—два невѣрно (напр. на стр. 157: Stich. 744 вм. 742 sq.), иногда указывается одинъ стихъ, а ихъ приводится два или три (напр. на стр. 59: Cist. 22 вм. 22—24) и наоборотъ (напр. на стр. 47: Truc. 216—222 вм. 220).

Не мало встрѣчается и невѣрныхъ указаній на мѣста изъ писателей, напр. читаемъ на стр. 39: Ovid. her. 15, 231 sq. вм. 15, 331 sq., на стр. 43: Ovid. amor. 1, 8, 80 вм. 1, 8, 90; на стр. 60: Truc. 904—949 вм. 946—948 и т. п.

Вообще опечатокъ въ работѣ г. Варнеке огромное количество, и онѣ самаго разнообразнаго характера; правда, нѣкоторыя погрѣшности незначительны и, какъ во всякомъ большомъ сочиненіи, допустимы, наоборотъ, другія прямо непростительны, такъ какъ приводятъ къ весьма прискорбнымъ заключеніямъ. Такъ въ работѣ г. Варнеке мы встрѣчаемся съ удивительно страннымъ счетомъ стиховъ, напр. на стр. 58 приходится читать Ter. Hec. 766—757, на стр. 183 пр. 1 приводятся изъ Ovid. amor. 1, 8 ст. 119—112, тогда какъ во всей этой элегіи всего лишь 115 стиховъ; на стр. 247 пр. 6 читаемъ Rud. 1284—1885, между тѣмъ какъ въ этой комедіи только 1423 стиха. Наконецъ, на стр. 121 сдѣлана ссылка на чудовищное мѣсто изъ Теренція: Ad. 5912 sq., когда во всѣхъ-то шести комедіяхъ Теренція насчитывается немногимъ больше этого числа стиховъ.

Въ этой же монографіи мы встрѣчаемся съ новыми комедіями Плавта—Curculis (131) и Truculensus (72); съ такими дѣйствующими у этого комика лицами, какъ Даніархъ (45), Деменетъ (въ Rud., см. стр. 118, 123, 168; г. В. призналъ возможнымъ исправить свою ошибку лишь въ одномъ мѣстѣ: на стр. 167, см. списокъ опечатокъ), Пиргиполиникъ (стр. 112; такъ на-

писано это имя въ цитатѣ изъ сочиненія Гельвиха «Къ вопросу о контаминаціи въ комедіи Miles gloriosus» Журналъ Мин. Нар. Просв. 1892, апрѣль, отд. V, стр. 23; но напрасно г. В. клевещетъ на Гельвиха, который въ данномъ мѣстѣ пишетъ правильно: Пиргополиникъ). Далѣе встрѣчаемъ имена: Фалинна (143) у Менандра, Гопсифила (206) и Дапсада (219)—у Овидія; наконецъ у г. Варнеке цитуются неслыханные писатели: Манандръ (256 пр. 6), Эбдулидъ (275 пр. 2), Арисэнетъ (76 пр. 1, ср. 73, 120 пр. 3) и т. д.

Мы не скоро окончили бы нашу рецензію, если бы задались спеціальною цѣлью указать всѣ тѣ важнѣйшія опечатки, какія невольно бросаются въ глаза читающему сочиненіе г. Варнеке. Его «наблюденія» въ буквальномъ смыслѣ слова кишатъ опечатками, которыя положительно препятствуютъ внимательному чтенію, встрѣчаясь на каждой страницѣ. Умалчивать объ этихъ опечаткахъ было бы некорректно, если принять во вниманіе тѣ справедливыя требованія, какія самъ г. Варнеке предъявляетъ къ трудамъ другихъ: къ чужимъ сочиненіямъ онъ очень требователенъ, такъ на стр. 199 авторъ наблюденій счелъ необходимымъ въ самомъ текстѣ работы отмѣтить опечатку въ книгѣ Sakolowski'аго.

Строгій къ другимъ, г. Варнеке непозволительно снисходителенъ къ самому себѣ: приложенный къ его книгѣ списокъ важнѣйшихъ опечатокъ свободно можно бы увеличить по меньшей мѣрѣ разъ въ десять, приложивъ къ предложеннымъ исправленіямъ особый списокъ второисправленій, которыхъ тоже окажется не мало.

Самое исправленіе опечатокъ имѣло, очевидно, случайный характеръ: ничѣмъ инымъ нельзя объяснить хотя бы того явленія, что изъ двухъ встрѣчающихся на одной и той же строчкѣ опечатокъ указывается одна

(ср. стр. 85, 104, 256), другая же остается неотмѣченной. Этого мало: въ списокъ важнѣйшихъ опечатокъ внесены многіе ничтожные промахи, а такія ошибки, какъ: вымѣщать (106), характѣрѣ (114), благоволѣніе (168), укорѣнившимся (313) и т. п., обойдены молчаніемъ.

Исправленія стр. 109—135 почему-то опущены, и читатель можетъ подумать, что опечатокъ въ нихъ нѣтъ, на самомъ же дѣлѣ количество погрѣшностей въ нихъ равно числу страницъ, если только не больше его.

Изъ необыкновенныхъ формъ quasi латинскихъ словъ, попадающихся въ сочиненіи г. Варнеке, можно бы составить цѣлый алфавитный списокъ, таковы, напр.: amoro (148), corpere (211), danant (47), mentiat (198), nimist (184), puducitia (84), rersus (14), sustole (79) и т. д.

Однако пора и кончить безконечное перечисленіе промаховъ и недочетовъ въ трудѣ г. Варнеке и въ заключеніе произнести о немъ послѣднее и наиболѣе важное сужденіе. Въ этомъ конечномъ приговорѣ мы должны сказать, что новаго принесла работа г. Варнеке наукамъ классической филологіи и исторіи сравнительной литературы, такъ какъ тема его сочиненія, касалась именно этихъ дисциплинъ.

Произвольное обращеніе съ цитатами изъ древнихъ авторовъ, промахи въ редакціи и критикѣ текста, неоконченность цитатъ, пропуски типичныхъ мѣстъ и, наконецъ, чисто механическое присоединеніе латинскаго текста къ русскому изложенію—вотъ тѣ недочеты, какіе мы увидѣли у г. Варнеке въ предѣлахъ пользованія имъ источниками.

Приписываніе заслугъ не тѣмъ ученымъ, которымъ онѣ въ дѣйствительности принадлежатъ, и неполнота

указаній на научныя пособія—второй существенный недостатокъ «наблюденій надъ древнеримской комедіей».

Но всего слабѣе самая форма изложенія. Языкъ работы не сжатый, чуждый фразъ, не ясный и не выразительный, а расплывчатый, напыщенный со многими недомолвками и фактическими ошибками въ сноскахъ на мѣста изъ авторовъ.

Вмѣсто краткихъ, но яркихъ, мѣткихъ и изящныхъ характеристикъ получилось туманное и спутанное изложеніе, на каждомъ шагу доказывающее мозаичность работы, въ которой всюду выступаетъ кажущаяся, призрачная полнота.

Такимъ образомъ и въ общемъ планѣ изложенія, и въ языкѣ, и въ безчисленныхъ ошибкахъ и во всей корректурной сторонѣ работы вездѣ видна торопливость, поспѣшность исполненія.

Наблюденія г. Варнеке это collectanea, сырой матеріалъ, хаотически нагроможденный въ одну кучу, гдѣ важное сложено внизу, придавлено балластомъ, затерто мелочами: за безконечными спорами съ учеными скрыты уложенныя въ неопредѣленныя формы характеристики типовъ, т.-е. главный сюжетъ. Самаго цѣннаго, именно выводовъ, въ монографіи г. Варнеке очень немного, да они и не новы.

Далеко не такъ смотритъ на свой трудъ авторъ: онъ разсчитываетъ на широкій кругъ читателей. Своими наблюденіями надъ древнеримской комедіей г. Варнеке хотѣлъ обогатить латинскую филологію, а добытыми имъ данными изъ «исторіи типовъ» думалъ дать въ руки спеціалистовъ по новѣйшимъ литературамъ ключъ къ разрѣшенію ихъ ближайшихъ задачъ.

Однако ни филолога, ни спеціалиста по исторіи

сравнительной литературы работа г. Варнеке удовлетворить не можетъ.

При той сухости, безжизненности и безцвѣтности изложенія и при отсутствіи переводовъ тѣхъ цитатъ, которыя въ безконечно большомъ числѣ приводятся изъ древнихъ текстовъ, во многихъ случаяхъ ненужныхъ или взятыхъ часто случайно, внѣ всякой связи, спеціалистъ по новѣйшимъ литературамъ не увидитъ желанной пользы наблюденій г. Варнеке и не будетъ имѣть полной вѣры въ ихъ научную цѣнность, особенно при очевидной непослѣдовательности и неполнотѣ исторической перспективы.

Изслѣдователь эволюціи типовъ долженъ былъ, хотя бы въ заключительной главѣ, прослѣдить судьбы вообще всѣхъ типовъ римской комедіи въ позднѣйшей литературѣ, отмѣтивъ жизненность, развитіе и видоизмѣненіе однихъ и вымираніе другихъ.

Тяжеловѣсная книга г. Варнеке вышла большой по объему, но малой по содержанію. Весьма интересный вопросъ не освѣщенъ, какъ это слѣдовало бы, со всѣхъ существенныхъ сторонъ и не истолкованъ съ широкой психологически-философской точки зрѣнія: слабо прослѣжена психологія взаимныхъ отношеній типовъ комедіи, служившей точкой отправленія для автора наблюденій.

А вѣдь въ распоряженіи г. Варнеке былъ богатый матеріалъ, и если бы авторъ разобрался въ немъ надлежащимъ образомъ и умѣло имъ воспользовался, получилась бы цѣнная работа и для филолога и для историка новѣйшихъ литературъ. Были у автора и такіе хорошіе образцы для характеристики типовъ, какъ рѣчь Корша «Римская элегія и романтизмъ», или этюдъ Покровскаго «Матеріалы для характеристики Овидія».

Эти сочиненія не могли не дать понять г. Варнеке, что, такъ сказать, нанизанныя на русскій текстъ цитаты изъ древнихъ авторовъ заслоняютъ главное, т.-е. содержаніе и разрушаютъ цѣльность разсказа.

Только написанная живымъ и послѣдовательнымъ языкомъ работа г. Варнеке, на нашъ взглядъ, внесла бы что нибудь цѣльное и даже новое въ исторію изученія типовъ римской комедіи, и спеціалисты по сравнительной литературѣ сами съумѣли бы тогда сдѣлать изъ такой работы надлежащіе выводы.

Неудовлетворительна эта работа и съ точки зрѣнія чисто-филологической, если принять во вниманіе тѣ вышеперечисленные промахи, которые оставляютъ читателя филолога въ немаломъ недоумѣніи.

Насколько для спеціалиста по всеобщей литературѣ безчисленныя цитаты изъ латинскихъ и греческихъ текстовъ нежелательны въ подлинникахъ въ такой работѣ, которая расчитана на широкій кругъ читателей, настолько для филолога-классика онѣ являются вполнѣ естественными. Но въ такомъ случаѣ по многимъ причинамъ слѣдовало бы написать работу по латыни, или, по крайней мѣрѣ, на какомъ-либо новомъ языкѣ, предварительно, конечно, сокративъ ее, отбросивъ весь лишній баластъ, словомъ, очистивъ ее отъ споровъ, недоумѣній, недосказаннаго.

Многое должно было внушить г. Варнеке мысль о необходимости написать работу именно по-латыни. Во 1-хъ: авторъ нерѣдко вставляетъ въ свою работу латинскія выраженія и даже цѣлыя фразы, какъ бы щеголяя ими, ср., напр., rusticus Strabax (41), largus amator (64), inopia incendit amantem (71), iniuriae (129), familia lenonia (154), malesuada lena Dipsas (179), in comoediis lenoni dici solent (251) и т. п. Иногда

авторъ то приставляетъ отъ себя латинскія слова къ приводимымъ цитатамъ (ср. puella стр. 92 пр. 2=Cas. 80) то образуетъ изъ цитаты свою фразу (ср., напр., стр. 209: superat datis изъ Asin. 166). Во 2-хъ: авторъ нерѣдко приводитъ длинныя выписки изъ работъ иностранныхъ ученыхъ (ср. стр. 117, 166 и др.). Въ 3 хъ къ написанію работы по латыни побуждала автора и довольно распространенная у него манера цитированія, при которой русское изложеніе и латинскій или греческій текстъ ничѣмъ между собою не связаны. И, въ 4 хъ: наконецъ, своей латинской работой г. Варнеке достигъ бы того, что и Кокъ узналъ бы тогда эмендацію Никитина (см. стр. 307 пр. 1) и Fr. Leo познакомился бы съ коньектурой Эрнштедта (ср. стр. 181 пр. 2), а самое главное—такая работа дала бы возможность Fr. Leo, лекціи котораго лѣтомъ 1904 г. слушалъ въ Геттингенѣ г. Варнеке,—убѣдиться, въ чемъ именно его бесѣды оказались для автора наблюденій «полезнѣе не одного десятка книгъ» (см. пред. стр. IV). Иначе намъ не понятна надпись «Friderico Leo viro Plautinissimo sacrum», которою г. Варнеке, спеціалистъ по латинской словесности, украсилъ свой трудъ, посвящая его своему учителю и собрату по наукѣ, но на чуждомъ, непонятномъ ему, нѣмцу, языкѣ. И вообще говоря, латинская работа была бы цѣнна какъ для русскаго, такъ и для иностраннаго филолога.

Наше послѣднее слово. Мы произносимъ надъ трудомъ молодого ученаго далеко не суровый приговоръ, хотя именно таковаго вполнѣ заслуживаютъ эти его «наблюденія надъ древнеримской комедіей» за ихъ неумѣлую композицію, неудачную группировку матеріала, за небрежный стиль, мало обработанный языкъ и непростительно слабую корректуру. Не рѣшаемся также

назвать монографію г. Варнеке «сплошнымъ недоразумѣніемъ или «жалкой работой», какъ это дѣлаетъ самъ авторъ по отношенію къ нѣкоторымъ изъ разсмотрѣнныхъ имъ трудовъ (ср. стр. 122, 309; см. 123 пр. 2, 309 и др.), однако мы должны признать, что въ настоящемъ своемъ видѣ работа г. Варнеке не даетъ цѣнныхъ и положительныхъ результатовъ и, слѣдовательно, не отвѣчаетъ той прямой цѣли, ради которой она предпринята. Говоря короче, трудъ г. Варнеке обреченъ на забвеніе и этимъ самымъ лишній разъ доказываетъ нашимъ ученымъ, какъ не надо писать работъ на интересныя, чисто литературныя темы.

Пав. Черняевъ.

Г. Казань, 1906 г.
января 5-го дня.

Противнику теоріи словесности.

Въ сентябрьской книжкѣ «Русской Школы» за прошлый (1905) годъ помѣщена была моя замѣтка «Къ вопросу о значеніи теоріи словесности въ нашей средней школѣ» и отвѣтъ на нее г. Келтуялы: «Защитнику» «Теоріи словесности», въ которомъ авторъ отстаиваетъ высказанныя имъ ранѣе (въ апрѣльской книжкѣ того же журнала) положенія и упрекаетъ меня въ разнаго рода передержкахъ, недомолвкахъ и упущеніяхъ. Къ счастію для меня, отвѣтъ г. Келтуялы напечатанъ рядомъ съ моей замѣткой, что облегчаетъ читателямъ возможность сопоставить мои слова съ упреками г. Келтуялы и такимъ образомъ воочію убѣдиться, какъ неосновательны и несправедливы его возраженія.

Г. Келтуяла обвиняетъ меня, прежде всего, въ «превратномъ пониманіи» употребленнаго имъ слова «матеріалъ». Отвѣчаю: не моя вина, что въ своей апрѣльской статьѣ онъ употребляетъ это слово именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ я его понялъ, и смѣю думать, что на стр. 169, 170 и 171 это слово понимать иначе нельзя [1]). Если въ названныхъ мѣстахъ дать это-

[1]) Не желая быть голословнымъ, позволю себѣ привести здѣсь эти мѣста. На стр. 169 «Рус. Шк.» за апрѣль 1905 г. читаемъ: «Если... обратимся къ теоріи словесности и поищемъ ту науку, изъ которой этотъ предметъ почерпаетъ свой матеріалъ и которая разрабатывалась бы сотнями ученыхъ спеціалистовъ, то окажемся въ большомъ затрудненіи: науки, извѣстной подъ именемъ «теорія словесности», совершенно не имѣется...». На стр. 170: «Если для теоріи поэзіи въ современныхъ учебникахъ по теоріи словесности

му термину то значеніе, какое придаетъ ему въ своемъ отвѣтѣ г. Келтуяла и понимать слово «матеріалъ» какъ «словесныя произведенія, входящія въ программу курса и подлежащія теоретико-словесной разработкѣ», то едва ли фразы г. Келтуялы сохранятъ какой либо смыслъ [2]). Слѣдовательно, не я виновенъ въ «превратномъ пониманіи» слова «матеріалъ», а виновенъ мой строгій критикъ въ сбивчивости и непостоянствѣ своей терминологіи.

Едва ли нужно разъяснять, что моя замѣтка, какъ показываетъ уже самое заглавіе ея (Къ вопросу о значеніи...) и незначительный объемъ (4 страницы), нисколько не претендовала на то, чтобы быть полнымъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ о теоріи словесности, какъ самостоятельной наукѣ. Тѣмъ болѣе страненъ упрекъ, что я не выдѣлилъ въ своемъ возраженіи того, что г. Келтуяла считаетъ своимъ «основнымъ аргументомъ» въ пользу изученія исторіи литературы. Критикъ мой совершенно правъ: у меня, дѣйствительно, нѣтъ даже намека на этотъ аргументъ, но не потому, конечно, что я его не примѣтилъ, а просто потому, что его опроверженіе совершенно не входило въ мой планъ.

нѣтъ соотвѣтствующей разработанной уже науки, то спрашивается, откуда составители учебниковъ почерпаютъ соотвѣтствующій матеріалъ? на это отвѣчаю: изъ старыхъ піитикъ русскихъ...» На стр. 171: «Школьные теоретики словесности почерпаютъ (для теоріи прозы и стилистики) соотвѣтствующій матеріалъ изъ старинной реторики...» Во всѣхъ этихъ мѣстахъ терминъ «матеріалъ» означаетъ, конечно, не что иное, какъ именно «теоретико-словесныя опредѣленія» и т. п. содержаніе теоріи словесности.

²) Лишь на стр. 173 и 174 такое пониманіе слова «матеріалъ» становится, дѣйствительно, возможнымъ.

я вѣдь въ своей замѣткѣ хотѣлъ высказать нѣсколько мыслей о значеніи преподаванія теоріи словесности, а не о ненужности или вредѣ изученія исторіи новѣйшей русской литературы; такимъ образомъ торжествующій выводъ моего критика по меньшей мѣрѣ неумѣстенъ: упрекъ въ невнимательномъ отношеніи къ разбираемому я долженъ, по справедливости, вернуть полностью г-ну Келтуялѣ.

Напрасно, укоряя меня въ невниманіи къ его «основному аргументу», критикъ мой самъ совершенно обходитъ молчаніемъ одинъ изъ моихъ важнѣйшихъ доводовъ въ пользу теоріи словесности, именно то обстоятельство, что она даетъ возможность ознакомить учащихся съ сокровищницею всемірной литературы. Насколько возможность эта широка, видно, напр., изъ напечатанной въ той же сентябрьской книжкѣ «Русской Школы» записки члена ученаго Комитета В. В. Сиповскаго по вопросу о введеніи въ курсъ исторіи русской словесности новѣйшей русской литературы (см. въ особенности стр. XXXVIII и XLVIII, гдѣ находится примѣрная программа по теоріи словесности). Къ удивленію, однако, г. Келтуяла, повидимому, очень равнодушно относится къ этой возможности и, очевидно, античной и западно-европейской литературой совершенно не дорожитъ, признавая даже нужнымъ матеріалъ «лишній» (трагедіи Софокла, Шекспира) устранить изъ экзаменаціонной программы. Такъ какъ г. Келтуяла подчеркиваетъ слово «экзаменаціонной», то приходится думать, что Софокла и Шекспира онъ не совсѣмъ изгоняетъ изъ школы (это было бы уже слишкомъ!) и что ознакомленіе съ этими великими поэтами будетъ попрежнему обязательнымъ, только знакомство съ ними не должно подлежать провѣркѣ на экзаменѣ, а вмѣсто

этого должно подлежать такой провѣркѣ знакомство съ новѣйшей русской литературой. Такова, кажется, мысль автора. Я ничего не имѣю противъ провѣрки знаній учащихся по исторіи русской словесности, но полагаю, что знанія о Софоклѣ и Шекспирѣ нуждаются въ этомъ не въ меньшей степени (а скорѣе даже напротивъ). Провѣрять, такъ ужъ провѣрять. Кромѣ того, какъ бы ни были цѣнны сами по себѣ произведенія новѣйшихъ русскихъ писателей, все же они уступаютъ созданіямъ корифеевъ античной и западно-европейской литературы, и выдвигать первыя, оставляя совсѣмъ въ тѣни послѣднія, нельзя, если только мы не желаемъ навлечь на себя заслуженный упрекъ въ узкомъ націонализмѣ. Конечно, система ознакомленія съ міровой литературой, какая возможна въ рамкахъ теоріи словесности, не можетъ быть названа совершенною, но все же она даетъ гораздо болѣе цѣльную картину этой литературы, чѣмъ какая получилась бы при попутномъ ознакомленіи съ нею въ курсѣ исторіи русской словесности. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о положеніи античной и западно-европейской литературы въ средней школѣ настолько тѣсно связанъ съ предметомъ нашего спора и настолько важенъ, что приходится сожалѣть, что авторъ обошелъ его молчаніемъ.

Съ утвержденіемъ г. Келтуялы, будто я «сознательно признаю ненужнымъ изученіе въ средней школѣ исторіи русской литературы второй половины XIX-го вѣка», согласиться также не могу и не понимаю, откуда авторъ могъ взять это, такъ какъ въ своей статьѣ я этого вопроса совершенно не касался. Мысль, которую я тамъ имѣлъ въ виду, прекрасно выражена проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ въ его замѣчательной книгѣ «Изъ жизни идей», т. II-й (изд. 2-е, 1905 г.). Именно въ

экскурсѣ: «Школа должна:...» (стр. 289) почтенный ученый, трудами котораго можетъ по справедливости гордиться русская наука, устанавливаетъ слѣдующій принципъ: «Если изъ двухъ предметовъ, приблизительно одинаково желательныхъ и необходимыхъ, одинъ настолько труденъ или мало интересенъ, что безъ нѣкотораго давленія человѣкъ (тѣмъ болѣе мальчикъ) врядъ ли за него примется,—другой же, напротивъ, настолько легокъ и интересенъ, что самъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе людей, составляя предметъ и разговоровъ, и публичныхъ лекцій, и журнальныхъ статей,—то школа, обязанная выбрать между этими двумя предметами, несомнѣнно, изберетъ первый и откажется отъ второго: это не будетъ пренебреженіемъ къ этому послѣднему, а лишь признаніемъ того факта, что онъ въ ней не нуждается, будучи самъ по себѣ достаточно силенъ». Слова эти мнѣ не были извѣстны, когда я писалъ свою замѣтку, [1]) но они вполнѣ выражаютъ мысль, изъ которой я исходилъ. Впрочемъ отчасти г. Келтуяла правъ: я, дѣйствительно, не принадлежу къ энтузіастамъ школьнаго изученія новѣйшей русской словесности. Входить въ подробности не буду, скажу лишь, что признаю серьезность соображеній, высказанныхъ въ упомянутой запискѣ г. Сиповскаго о «ненаучномъ» характерѣ исторіи новѣйшей русской литературы (см. въ особенности стр. XXXIII), и тѣхъ, какія приводитъ въ названномъ выше экскурсѣ проф. Зѣлинскій (стр. 297 сл.). Кромѣ того сильно опасаюсь, что школьное преподаваніе новѣйшей русской словесности слишкомъ часто будетъ сводиться на практикѣ къ резонерски-убогому разбору

[1]) Я писалъ въ маѣ 1905., а книга проф. Зѣлинскаго вышла, насколько знаю, лишь лѣтомъ этого года.

художественныхъ произведеній или же, что не менѣе нежелательно, поощрять и какъ бы узаконить превращеніе школы въ арену соціально-политической борьбы, отъ которой она и безъ того слишкомъ уже страдаетъ. А такъ какъ предметъ этотъ, по справедливому замѣчанію проф. Зѣлинскаго, не поддается, за неимѣніемъ объективныхъ критеріевъ, научной обработкѣ, то значитъ все будетъ зависѣть отъ личныхъ взглядовъ преподавателя и преобладающихъ въ данную минуту общественныхъ теченій. А что партійность и пристрастіе— плохіе факторы воспитанія, это едва ли нужно доказывать.

Утвержденіе г. Келтуялы, что «для возможности даже возникновенія теоріи словесности...... необходимо предварительно изучить всю исторію литературы, а не часть ея» совершенно справедливо и вполнѣ согласно съ тѣмъ, что думаю я. Идеальная теорія словесности, еслибъ она только была возможна, была бы обязана считаться со всею совокупностью не только существовавшихъ и существующихъ, но даже и имѣющихъ существовать въ будущемъ произведеній, за невозможностью же этого она обязана принимать во вниманіе возможно наибольшее число ихъ, т. е. доступную наблюденію всемірную литературу. Теорія словесности, основывающаяся только на одной какой либо части или группѣ литературныхъ произведеній, будетъ, конечно, крайне односторонней и не полной. Такою была бы теорія словесности, опирающаяся только на одну русскую литературу, такою же была бы теорія словесности, какая, напр., могла бы возникнуть въ древней Греціи въ VI в. до Р. Хр., когда не родилась еще драма и не были извѣстны многіе другіе литературные виды. Столь же односторонней и неполной окажется, конечно,

со временемъ и нынѣшная теорія словесности, и нынѣшняя исторія литературы, какъ и вся вообще наука нашего вѣка.—Итакъ, въ этомъ вопросѣ мы вполнѣ согласны и если, тѣмъ не менѣе, г. Келтуяла споритъ, это, повидимому, результатъ недоразумѣнія: г. Келтуяла примѣняетъ, вѣроятно, терминъ «словесность» исключительно къ произведеніямъ русской литературы, тогда какъ я пользуюсь имъ безразлично, какъ синонимомъ болѣе употребительнаго термина «литература».

Не могу зато согласиться съ другимъ утвержденіемъ автора, именно что для «возможности основательнаго занятія теоріей словесности необходимо предварительно изучить всю исторію литературы, а не часть ея». Если авторъ имѣетъ въ виду основательныя занятія ученаго, самостоятельно разрабатывающаго теоретическіе вопросы литературы, то мы, конечно, спорить не станемъ: такой ученый безусловно обязанъ предварительно изучить всю исторію литературы или, по крайней мѣрѣ, возможно бо́льшую ея часть. Но вѣдь у насъ рѣчь идетъ не объ ученыхъ, даже и не о студентахъ, а всего лишь объ ученикахъ и ученицахъ средней школы. Научная разработка какихъ бы то ни было предметовъ въ средней школѣ невозможна и даже, вообще говоря, неумѣстна: гимназія—не университетъ или академія, учитель—не профессоръ и, въ огромномъ большинствѣ случаевъ (а у насъ въ особенности), не ученый, учащіеся-дѣти, умъ которыхъ еще не окрѣпъ, критическія способности—conditio sine qua non всякой научной работы—не развились, міросозерцаніе не установилось. Научная разработка требуетъ ряда условій, которыхъ въ средней школѣ нѣтъ и быть не можетъ. Конечно, какъ сказано было въ моей предыдущей статьѣ, мнѣ не кажется неумѣстнымъ, если въ VIII классѣ гим-

назій, въ которомъ проходится теорія словесности [1]), хоть немного «повѣетъ университетомъ» и нѣкоторые вопросы будутъ излагаться не часто догматически, а критически. Да, но нѣкоторые вопросы, а не цѣлые предметы. Весьма отрадно разумѣется, если есть возможность еще въ гимназіи ввести учащихся въ преддверіе храма науки и дать имъ нѣкоторое понятіе о пріемахъ и методахъ чисто-научной работы. Вообще же для ученика, изучающаго теорію словесности, вовсе не является необходимымъ предварительное изученіе всей исторіи литературы: онъ долженъ толково усвоить результаты научной разработки—и только. Необходимо лишь, чтобы школьные учебники постоянно стояли въ уровень съ прогрессомъ науки и чтобы не передавали, по инерціи ихъ составителей, отъ изданія къ изданію устарѣлыхъ и давно опровергнутыхъ наукою мнѣній, что, къ сожалѣнію, случается у насъ довольно часто. И если бы г. Келтуяла ополчился не противъ преподаванія теоріи словесности, а противъ существующихъ школьныхъ руководствъ, то намъ, по всей вѣроятности, спорить бы совсѣмъ не пришлось.

Не могу также не указать на странную непослѣдовательность, допущенную моимъ критикомъ: желая устранить изъ курса нашей средней школы теорію словесности, г. Келтуяла (въ своей апрѣльской статьѣ) настаивалъ особенно сильно на томъ, что предметъ этотъ недостаточно еще разработанъ въ наукѣ. Пусть такъ. Но вѣдь и исторія новѣйшей русской литературы

---

[1]) Считаю необходимымъ отмѣтить, что въ сентябрьской статьѣ я имѣлъ въ виду только мужскія гимназіи; съ положеніемъ дѣла въ женскихъ гимназіяхъ я знакомъ слишкомъ мало.

также недостаточно еще разработана или, правильнѣе сказать, совсѣмъ еще не разработана въ наукѣ и потому то, какъ извѣстно, конечно, и г. Келтуялѣ, до сихъ поръ не читается даже въ нашихъ университетахъ. А въ такомъ случаѣ почему же недостаточность строго научной разработки теоріи словесности должна вызвать отмѣну ея преподаванія, а съ другой стороны, отсутствіе такой же строго научной разработки исторіи новѣйшей русской литературы не препятствуетъ нисколько г. Келтуялѣ требовать немедленнаго введенія этой послѣдней въ программу школы? Отчего такая двойственность? Это совершенно непонятно.

Однако, это еще не все. Мой критикъ полагаетъ, что для возможности основательнаго занятія теоріей словесности необходимо, чтобы ученики предварительно изучили всю исторію литературы, а не часть ея, т. е. требуетъ чисто научнаго отношенія къ теоріи славесности. Но въ такомъ случаѣ, ради послѣдовательности, необходимо требовать того же и по отношенію ко всѣмъ другимъ предметамъ, преподаваемымъ въ средней школѣ. Итакъ: отъ преподавателя исторіи, напр., придется требовать разбора съ учениками подлинныхъ историческихъ актовъ, эпиграфическихъ документовъ и т. п.; отъ преподавателя словесности—самаго широкаго примѣненія историко-сравнительнаго метода, причемъ, напр., при изученіи древне-русскихъ повѣстей нужно будетъ забираться въ дебри византійской и даже индійской литературы... ясно, что все это въ средней школѣ совершенно невозможно и что, слѣдовательно, нельзя этого требовать и по отношенію къ школьной теоріи словесности.

Таковъ мой отвѣтъ на критику г. Келтуялы. Что сказать по поводу его полемики? Тутъ его сло-

ва либо крайне неопредѣлены, либо свидѣтельствуютъ о богатствѣ воображенія и несомнѣнной склонности къ поэтическимъ вольностямъ. Неопредѣленнымъ я называю указаніе на тѣ таинственныя мои «поученія», отъ разбора которыхъ критикъ мой предупредительно «избавляетъ читателя». Къ области же чистой фантазіи я отношу заключительное примѣчаніе г. Келтуялы, на которое не могу не обратить вниманія читателей, такъ какъ оно красноречиво свидѣтельствуетъ о строгости логическихъ построеній моего почтеннаго критика. У меня сказано, что многіе учащіеся встрѣтили бы съ сочувствіемъ даже полную отмѣну школьнаго ученія—мысль моя была высказана въ формѣ частнаго сужденія. Г. Келтуяла однимъ взмахомъ крыльевъ своей мысли превращаетъ мое частное сужденіе въ общее и взываетъ къ «истинно-образованному обществу» (настоящее argumentum ad populum!) по поводу «оригинальнаго мнѣнія г. Дусинскаго о молодежи въ частности и человѣкѣ вообще». Итакъ, мои «многіе учащіеся» превратились въ поэтической передачѣ г. Келтуялы въ «молодежь въ частности и человѣка вообще...» Возникаетъ дилемма: либо г. Келтуяла не сознаетъ различія между сужденіями частными и общими, либо онъ недобросовѣстно отнесся къ словамъ противника и намѣренно, шутки ради, исказилъ ихъ смыслъ. Или, быть можетъ, г. Келтуяла и вправду поэтъ и имѣетъ право на «licentia poëtica»? Рѣшить этотъ вопросъ предоставляю самому «противнику» теоріи словесности.

Ив. Дусинскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. А. Тростниковъ. Методика письма. Руководство для учащихъ и учащихся. Юрьевъ. Ц. 40 коп.

Имя г. Тростникова не безызвѣстно читателямъ нашихъ педагогическихъ журналовъ, какъ автора цѣлаго ряда дѣльныхъ статей и замѣтокъ.

И новую работу его нужно признать полезной и вполнѣ достигающей той цѣли, для которой она предназначена.

Авторъ обнаруживаетъ широкое знакомство съ литературой предмета, притомъ не только съ трудами большихъ педагоговъ, но и маленькихъ. Самъ онъ разбирается въ обширномъ матеріалѣ умѣло; его выводы, въ большинствѣ случаевъ, таковы, что съ ними не возможно не согласиться. Поклонники диктовокъ, существующіе и въ настоящее время въ довольно значительномъ количествѣ. съ большой пользой для себя и для дѣла прочтутъ у г. Тростникова соотвѣтствующія страницы, гдѣ онъ справедливо называетъ эти упражненія (въ томъ видѣ, какъ они дѣлаются обыкновенно) безразсудными и безполезными.

Заслуживаетъ полнаго вниманія и надлежащимъ образомъ подчеркнутая г. Тростниковымъ мысль, что при обученіи дѣтей письменному изложенію, гораздо цѣлесообразнѣе работы, которыя основывались бы на личныхъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ учащихся, чѣмъ различные пересказы и переложенія.

Зато намъ кажутся совершенно неубѣдительными доводы г. Тростникова приводимые имъ въ защиту спи-

сыванія съ книги предпочтительно предъ письмомъ по картинкамъ (56—57 стр.).

Примѣры черезчуръ уродливаго письма авторъ беретъ изъ практики инородческихъ школъ (эстонскихъ); но для инородческихъ школъ и въ другихъ случаяхъ приходится нѣсколько мѣнять пріемы обученія,—и это не примѣръ для всѣхъ вообще школъ. У русскаго ребенка нельзя отрицать извѣстнаго инстинкта правильной рѣчи.

Во всякомъ случаѣ въ писаніи по картинкамъ гораздо болѣе сознательности, чѣмъ въ списываніи съ книги, какими-бы пріемами оно ни обставлялось. Если бояться искаженій правильной рѣчи, тогда придется отказаться не только отъ писанія по картинкамъ, но и отъ того самостоятельнаго изложенія своихъ мыслей, за которое ратуетъ г. Тростниковъ.

Не можемъ мы также раздѣлить восхищенія автора предъ «остроумнымъ» способомъ (стр. 81) нѣкоего учителя Козыря, помогающимъ будто-бы легко и быстро запоминать слова съ буквой ѣ.

Способъ заключается въ томъ, что для запоминанія, напр., словъ съ буквой ѣ послѣ м, онъ рисуетъ мальчика, пускающаго бумажнаго змѣя; вблизи мальчика извивается змѣя; возлѣ него стоитъ мѣшокъ съ мѣтой (?), рядомъ съ мѣшкомъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Потомъ составляется такое описаніе: «Смѣлый Еремѣй пускаетъ змѣя; вблизи Еремѣя извивается змѣя; возлѣ него стоитъ мѣшокъ съ мѣтой; мѣшокъ мѣняется на мѣдныя деньги». Сдается намъ, что «мѣшокъ съ мѣтой», да еще мѣшокъ, размѣнивающійся на мѣдныя деньги—ничуть не дастъ больше уму и сердцу ученика, чѣмъ простое заучиваніе коренныхъ словъ на букву ѣ.

Изъ промаховъ и недосмотровъ въ книжкѣ намъ бросились въ глаза слѣдующіе.—

1) Въ перечнѣ буквъ для постепеннаго обученія письму (на стр 26—27) пропущена буква г.

2) Объясненіе (на стр. 64): «буквы называются согласными потому, что въ названіе ихъ входитъ гласная буква»—нельзя назвать удачнымъ.

3) Выводъ (на стр. 77): «Въ префиксѣ нѣ пишется ѣ, въ остальныхъ е,—«слишкомъ категориченъ и по существу неправиленъ (куда дѣвать «негдѣ» «некогда»?).

4) Положеніе (на стр. 92): «Сколько бы членовъ ни входило въ предложеніе, знаковъ препинанія между ними ставить нельзя»,—формулировано очень неточно,—слѣдовало бы добавить: разнородныхъ (членовъ).

Но отъ ошибокъ не свободна никакая работа, и онѣ ничуть не умоляютъ достоинствъ книжки г. Тростникова, о которыхъ мы сказали вначалѣ.

П. Щукинъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію.

Левицкій Н. И. Первобытная Русь. Опытъ культурной исторіи для народа. Вып. I. М. 1902. Ц. 10 к.

Языковъ Д. Ипполитъ Өедоровичъ Богдановичъ. Біографическій очеркъ. М. 1903. Ц. 20 к.

Языковъ Д. Графиня Параскева Ивановна Шереметева. Біогр. очеркъ. М. 1903. Ц. 20 к.

Браиловскій С. Н. Тазы, или Удиhэ. Опытъ этнографическаго изслѣдованія. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рождествинъ А. С. Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань. 1902 г. Ц. 20 к.

Рождествинъ А. С. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902 г. Ц. 35 к.

Сорокін К. А. Упрощённая руская азбука і правопісаніе. СПБ., 1903 г. Ц. 20 к.

Тростниковъ М. А. Методика письма. Юрьевъ. 1906. Ц. 40 к.

Кн. Гр. Волконскій. Обязательная наслѣдственная аренда. Съ предисловіемъ А. А. Корелина. СПБ. 1906.

Ильинскій Ө. М. Первобытное христіанство у русскихъ славянъ. Вступительныя чтенія по Исторіи Рус. Церкви. Воронежъ. 1905 г.

Круковскій Адр. В. Владиміръ Соловьевъ, какъ мыслитель и человѣкъ. Къ пятилѣтію его кончины, 31 іюля 1905 года. Вильна. 1905. Ц. 10 к.

Круковскій Адр. В. Характеръ творчества Ибсена. Вильна. 1906. Ц. 10 к.

Соколовъ М. А. Моимъ друзьямъ на память. Сборникъ стихотвореній. Посвящается молодому поколѣнію. Учеб. Ком. при Св. Син. одобрено въ библ. церковно-прих. школъ. Тула. 1905.

Соколовъ М. А. Божій гнѣвъ (Эпико-лирическая поэма) посвящается истинно-русскимъ людямъ. Тула. 1906 г. Ц. 15 к.

Дадыкинъ И. М. Полная этимологія русскаго языка. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Вильна. 1906. Ц. 60 к.

Демченко Я. Правда объ украинофильствѣ. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

Соколовъ М. Е. Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губерніи о Стенькѣ Разинѣ. Саратовъ. 1902. Ц. 20 к.

Плато Рейснера. Русско-нѣмецкій самоучитель. 1-й вып. СПБ., 1906. Ц. 20 к.

Его же. Русско-польскій самоучитель вып. I—III, СПБ. 1906. Ц. вып. 10 к.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
НА 1907 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическія очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ проф. *А. Александровъ.*

КАТАЛОГЪ

оттисковъ изъ „Филологическихъ Записокъ".

Адамовъ П. А. О методѣ преподаванія русской словесности. 1894 г. 20 к.

Адамовъ П. А. Необходимъ ли вымыселъ въ поэтическомъ произведеніи? 1896 г. 15 к.

Андреевъ В. Ѳ. Сюжеты главныхъ произведеній Гоголя. 1900 г. 15 к.

Андреевъ В. Ѳ. Логическій разборъ разсужденія Карамзина „О любви къ отечеству". 1896 г. 10 к.

Андреевъ В. Ѳ. Къ вопросу о русск. правописаніи. 1893 г. 5 к.

Автобіографія Андерсена. 1878 г. 50 к.

Барсовъ А. В. „Живое Слово" для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса. 1899 г. 60 к.

Барсовъ А. В. Хрестоматія для 1-го класса. 1897 г. 40 к.

Браиловскій С. Н. Изъ прошлаго отечественной литературы. Историко-литератур. очеркъ. Измайловъ, кн. Горчаковъ и граф. Ростопчина. 1893 г. 50 к

Браиловскій С. Н. Ал. Вас. Кольцовъ. Разборъ его произведеній. 1893 г. 30 к.

Браиловскій С. Н. Ник Вас. Гоголь. Разборъ его произвед. 1894 г. 50 к.

Браиловскій С. Н. Мих. Юр. Лермонтовъ. Разборъ его произведеній. 1898 г. 40 к.

Браиловскій С. Н. Алекс. Серг. Грибоѣдовъ. 1896 г. 35 к.

Браиловскій С. Н. Памяти И. П. Котляревскаго. 1889 г. 10 к.

Браиловскій С. Н. Нѣсколько словъ по поводу народныхъ пѣсенъ о женской долѣ. 1890 г. 5 к.

Браиловскій С. Н. Русскій языкъ и словесность въ коммерческихъ училищахъ Минист. Финанс. 1904 г. 25 к.

Богородицкій В. А. проф. Изученіе малограмотн. написаній. 1881 г. 15 к.

Болотниковъ Θ. Г. Опытъ разбора произвед. Г. Р. Державина примѣнит. къ учебн. планамъ. 1890 г. 15 к.

Бородинъ С. М. „Вѣдомости" 1703 г. 1903 г. 10 к.

Брандтъ Р. Θ. Профес. О лженаучности нашего правописанія 1901 г. 30 к.

Брандтъ Р. Θ. Проф. Освобожденіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней русско-турецкой войнѣ. 1903 г. 20 к.

Брандтъ Р. Θ. Проф. Мнѣнія о русскомъ правописаніи Ягича, Корша, Будиловича и Томсона. 1904 г. 35 к.

Брандтъ Р. Θ. Проф. Загробный голосъ о русскомъ языкѣ и письмѣ. 1904 г. 15 к.

Брандтъ Р. Θ. Проф. „Объ Ивиковыхъ журавляхъ" въ переводѣ Жуковскаго. 1905 г. 25 к.

Брюхановъ В. П. А. Н. Майковъ, какъ поэтъ. 1900 г. 15 к.

Брюхановъ В. П. Объяснительное чтеніе. 1904 г. 10 к.

Будде Е. Θ. профес. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. 1899 г. 25 к.

Бунаковъ Н. Θ. Ал. Вас. Кольцовъ, какъ человѣкъ и какъ поэтъ. Значеніе его поэзіи. 1892 г. 20 к.

Бунаковъ Н. Θ. Вис. Гр. Бѣлинскій, какъ строгій критикъ и публицистъ. 1898 г. 20 к.

Бунаковъ Н. Θ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина. 1899 г. 15 к.

Бунаковъ Н. Θ. Грамматика и письменныя упражненія въ начальной школѣ. 1902 г. 20 к.

Быстровъ М. Ѳ. Педагогическіе взгляды В. Г. Бѣлинскаго. 1898 г. 10 к.

Б. Къ вопросу о правописаніи. 1898 г. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. Ученые труды Н. П. Кондакова. 1899 г. 10 к.

Вакуловскій Н. Н. Замѣтки и наброски. 1) Воспоминаніе о Жуковскомъ, 2) Памяти А. Ѳ. Гильфердинга. 1902 г. 5 к.

Вакуловскій Н. Н. и Прядкинъ С. Н. Памяти П. В. Шейна; Памяти И. М. Желтова. 1900 г. 10 к.

Вакуловскій Н. Н. Изъ отчета о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучшій Малорусск. словарь 1906 г. 5 к.

Варнеке Б. В. Проф. Политическая роль античнаго театра 1904 г. 25 к.

Варнеке Б. В. проф. Объ изученіи исторіи русскаго театра. 1095 г. 30 к.

Варшавскій профессоръ. Московскій Музей изящныхъ искусствъ. 1903 г. 15 к.

Виноградовъ П. А. Объ эвритмическомъ, логическомъ, граматич. и риторическомъ изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ. 1903 г. 60 к.

Водарскій В. А. Разныя замѣтки и матеріалъ для изученія родного языка и словесности. 1903 г. 15 к.

Водарскій В. А. Уроки объяснительнаго чтенія. 1906 г. 15 к.

Гальковскій Н. М. Лирическія пѣсни сербскаго народа 1897 г. 15 к.

Гальковскій Н. М. Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи. 1901 г. 20 к.

Гальковскій Н. М. Очерки сербской народной литературы. 1902 г. 15 к.

Гальковскій Н. М. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. 1903 г. 20 к.

Гальковскій Н. М. Максимъ Горькій—литературная характеристика. 1904 г. 25 к.

Герасимовъ А. Г. Правописаніе, какъ научно—обоснованный образъ праворѣчія. 1903 г. 15 к.

Горбунковъ Л. П. Проектъ организаціи учении. библіотекъ при средн. учебн. заведеніяхъ на новыхъ началахъ. 1900 г. 10 к.

Гордѣевъ К. Ѳ. Поэтъ мести и печали Н. А. Некрасовъ. 1903 г. 25 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „Ѣ" изъ рус. алфавита. 1899 г. 10 к.

Горницкій П. К. Очеркъ жизни и дѣятельности Ѳ. И. Буслаева. 1898 г. 10 к.

Грунскій Н. К. доцентъ универс. Грамматика древне-церковно-славянскаго языка (для средне-учебн. завед.). 1096 г 35 к.

Грунскій Н. К. По поводу 1-го всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи. 1906 г. 10 к.

Гуревичъ М. Б. Гекуба. Трагедія Еврипида въ 5 дѣйств. переводъ съ греческ. 1898 г. 40 к.

Гуссовъ В. М. Къ вопросу о положеніи преподавателя русскаго языка въ гимназіяхъ. 1900 г. 10 к.

Гуссовъ В. М.: I. Нѣсколько соображеній по поводу новаго учебнаго плана для средн. школы по рус. яз. и словесности. II. Главнѣйшіе факторы выработки устной и письменной рѣчи. III. Вѣнокъ на могилу Гоголя въ 50-лѣтн. годовщину его смерти. 1901 г. 1902 г. 35 к.

Гуссовъ В. М. По пути къ разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ школьнаго образованія. 1901 г. 5 к.

Гуссовъ В. М. Вѣнокъ на могилу Гоголя. 1902 г. 10 к.

Гуссовъ В. М. Методъ преподаванія этимологіи въ низшихъ классахъ средней школы. 1904 г. 10 к.

Гутманъ Р. К. Ложный пессимизмъ въ наукѣ о языкѣ. 1905 г. 10 к.

Г. И. П. О книгѣ В. Кернера и П. Первова: „Русскій глаголъ". 1905 г. 10 к.

Даниленичъ А. Нѣсколько словъ о положеніи русск. языка въ русской школѣ. 1902 г. 15 к.

Дубровскій В. М. О взаимодѣйствіи плавныхъ фонемъ и дифтонговъ въ созначащихъ корняхъ (наблюденіе въ славянскомъ звукословіи). 1899 г. 20 к.

Дроздовъ М. А. Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. 1899 г. 25 к.

Дроздовъ М. А. Памяти Д. В. Григоровича. 1900 г. 10 к.

Дроздовъ М. А. Къ вопросу о желательной постановкѣ преподаванія русской словесности въ духовныхъ семинаріяхъ. 1902 г. 15 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе стихотв. Лермонтова. 1898 г. 10 к.

Ельницкій К. В. Послѣдніе дни жизни и смерть Н. В. Гоголя. 1902 г. 10 к.

Ельницкій К. В. Объяснительное чтеніе басенъ и стихотвореній. 1902 г. 15 к.

Ельницкій К. В. Баронъ Николай Александровичъ Корфъ (Къ 20-лѣтію со дня смерти). 1903 г. 10 к.

Ельницкій К. В. Цѣли объяснительнаго чтенія словесныхъ произведеній. 1904 г. 15 к.

Ельницкій К. В. Организація учебн. занятій на краткосрочн. педагог. курсахъ для учащихъ въ начальн. школахъ. 1904 г. 10 к.

Ельницкій К. В. П. Е. Басистовъ. 1904 г. 5 к.

Ельницкій К. В. В. И. Водововов. 1904 г. 5 к.

Ельницкій К. В. Димитрій Ивановичъ Тихомировъ. 1904 г. 5 к.

Ельницкій К. В. Общія Дидактическія отношенія 1906 г. 15 к.

Ермиловъ В. Е. Начатки рус. грамматики для народныхъ школъ; съ приложеніемъ матеріал. для практическ. упражненій 1890 г. 10 к.

Заболотскій П. А. Къ вопросу о реформѣ средней школы. 1904 г. 15 к.

Заболотскій П. А. О вліяніяхъ подъ которыми слагались личность и творчество Н. В. Гоголя. 1902 г. 15 к.

Замотинъ И. И. Преданіе о Вадимѣ Новгородскомъ въ русской литературѣ. 1900 г. 50 к.

Залога М. В. Изъ воспоминаній объ институтской жизни. 1905 г. 25 к.

Зеленинъ Д. К. Этимологическія замѣтки. 1903 г. 20 к.

Зоргенфрей Г. Г. Реальное и гуманитарное образованіе. 1903 г. 10 к.

Зоргенфрей Г. Г. Обзоръ новыхъ книгъ по педагогикѣ и классной филологіи. 1902 г. 5 к.

Зоргенфрей Г. Г. О классномъ чтеніи Горація. 1902 г. 10 к.

І. М. Три политическихъ направленія въ древней Греціи (по „Иліадѣ“—Гомера). 1902 г. 15 к.

Ивановъ Н. И. Первобытная исторія индоевропейцевъ, на основаніи данныхъ сравн. языкознанія д-ра Шрадера. 1890 г. 15 к.

Ивановскій В. И. Двѣ статьи: О выразительн. и объяснительн. чтеніи и объ ученич. сочин. въ гимназіяхъ. 1898 г. 15 к.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. 20 к.

Ивановскій В. И. Народныя присловья о городахъ и племенахъ Олонецкаго края. 1901 г. 5 к.

Ивк. С. О чемъ сказано въ книгѣ К. В. Ельницкаго: «Мысли и чувства, выраженныя въ художественныхъ произведеніяхъ»? 1903 г. 10 к.

Кале Е. Русскія историческія пѣсни XVII вѣка. 1897 г. 30 к.

Кагаровъ Евг. Этюды по исторіи греческой религіи. 1905 г. 35 к.

Кашинъ Н. П. Наши новѣйшія руководства для юношества. 1901 г. 10 к.

Крыловъ И. С. Языкъ и слогъ произведеній Кольцова 1902 г. 15 к.

Козловскій П. С. Русскій языкъ какъ учебный предметъ. 1893 г. 10 к.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о націон. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. 25 к.

Корольковъ А. Н. Лордъ Байронъ. 1901 г. 10. к.

Корольковъ А. Н. Недопѣтая пѣсня (по поводу 60-лѣтія со дня кончины М. Ю. Лермонтова) 1902 г. 10 к.

Кочергинъ А. В. О постановкѣ чистописанія въ приготовительномъ классѣ средней коммерческой школы. 1905 г. 15 к.

Круковскій А. В. О постановкѣ внѣкласснаго чтенія въ реальныхъ училищахъ. 1901 г. 15 к.

Крутовскій. Критика и библіографія Н. К. Рамзевичъ. Словарь для справокъ при школьныхъ занятіяхъ. А. Г. Горнфельдъ. Муки слова 1906 г. 5 к.

Куницкій В. Н. Наука о языкѣ и наши программы. 1886 г. 10 к.

Ляскоронскій В. П. О юморѣ Гоголя. 1902 г. 5 к.

Ляскоронскій В. П. Очерки Яблоновскаго: «Изъ гимназической жизни», какъ отраженіе общественныхъ настроеній. 1903 г. 10 к.

Львовъ М. М. Элементарные уроки по русской грамматикѣ. Часть 1 я. Курсъ младшаго отдѣленія приготовит. класса среднихъ учебн. заведен., а также для употребленія въ сельск. и церковно-приходск. школахъ и для начинающихъ. 1898 г. 100 стр. Цѣна съ пер. 45 к. Учен. Комит. Минис. Народ. Просв. допущена въ качествѣ учебнаго руководства въ низшихъ училищахъ и приготов. классахъ средн. учебн. завед. 4 дек. 1899 г. № 29449. Складъ книгъ въ конторѣ „Фил. Зап." и въ книжн. магаз. Агафонова.

Львовъ М. М. Элементарные уроки по русской грамматикѣ. Часть 2-я. Краткая этимологія для старш. отдѣл. приготов клас. средн. учебн. завед. и вообще для клас. различн. школъ. 338 стр. 1905 г. Цѣна съ пер. 75 к. Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. допущена въ качествѣ учебнаго пособія, въ двухклас. сельск. и городск. училищахъ, а также и въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебн. завед. 24 янв. 1906 г. № 1182. Складъ книгъ въ конторѣ „Филол. Запис." и въ книжн. магазинѣ Панова.

Макушевъ В. В. проф. Изъ чтеній о старо-чешской письменности 1879 г. 50 к.

Марковъ Е. Л. Значенія поэзіи А. В. Кольцова какъ народнаго пѣвца. 25 к.

Марковъ Н. Ѳ. Новѣйшіе русскіе писатели въ программѣ средней школы. 1904 г. 15 к.

М. С. Къ вопросу о преподаваніи словесности въ духовн. семинаріи 1894 г. 10 к.

Максъ-Мюллеръ Наука о языкѣ. Шесть лекцій. Вып. I. перев. съ англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. 1 р.

Максъ-Мюллеръ Наука о языкѣ. Вып. II. Заключающія послѣднія шесть лекцій. Перев. съ англ. Г. Кайвера 1 р.

Матеріалы для біографіи *И. С. Никитина* (письма его). 1902 г. 15 к.

Миловидовъ Г. А. О свободѣ и власти. 1906 г. 5 к.

Мочульскій В. Н. Проф. „Авторская исповѣдь" Н. А. Гоголя 1903 г. 15 к.

Мочульскій В. Н. проф. Смѣна принциповъ въ русской критикѣ XIX ст. 1906 г. 25 к.

Мышецкій С. В. „Критонъ" или „объ обязанностяхъ гражданина"—этическій діалогъ Платона. Переводъ. 1900 г. 15 к

Никольскій Д. А. О происхожденіи и смыслѣ собственныхъ именъ нѣкоторыхъ животныхъ. 1900 г. 10 к.

Никольскій Д. А. Происхожденіе слова „Днѣпръ". 1892 г. 10 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1900 г. 10 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правописанія. 1902 г. 20 к.

Опоковъ З. З. По поводу нѣкоторыхъ неустановившихся случаевъ русскаго правоп. 1903 г. 10 к.

Опоковъ З. З. Нѣсколько словъ объ „орѳографическихъ" словаряхъ г.г. Алексѣева и Сеславина. 1902 г. 10 к.

Первовъ П. Д. Эпитеты въ русскихъ былинахъ. 1902 г. 25 к.

Первовъ П. Д. Международная фонетическая ассоціація. 1903 г. 5 к.

Первовъ П. Д. Именное склоненіе прилагательныхъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ. 1905 г. 15 к.

Петровъ Н. А. Бесѣда преподобныхъ Сергѣя и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ. 1905 г. 30 к.

Подаринъ Н. А. Новые варіанты былинъ. 1898 г. 10 к.

Покровскій А. Къ исторіи первой русской газеты (по поводу одной библіогр. замѣтки). 1905 г. 25 к.

Поповъ Н. Русскій языкъ въ духовныхъ училищахъ. 1898 г. 10 к.

Поликарповъ И. А. Стилистическая пропедевтика. 1898 г. 10 к.

Прохоровъ Г. В. Литературно-идейная сторона въ произведеніяхъ М. Горькаго. 1903 г. 20 к.

П. С. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи книгъ въ средней школѣ. 1902 г. 5 к.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его, II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна брошюры съ портретомъ 50 к. съ пер. Нѣтъ въ продажѣ.

Того же автора:

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)". 1899 г. 10 к.

„Памяти А. С. Пушкина". 1899 г. 20 к.

„Памяти Ивана Саввича Никитина". 1899 г. 30 к.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки" (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). 1899 г. 25 к.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки" (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина" и др.). 1899 г. 25 к.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ". 1899 г. 10 к.

† М. А. Дикаревъ. 1900 г. 5 к.

Нѣсколько словъ о положеніи преподавателя русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. 1900 г. 10 к.

Библіографія. 1902 г. 5 к.

Къ празднованію тридцатипятилѣтней педагогической дѣятельности К. В. Ельницкаго. 1903 г. 5 к.

Изъ методики Русской Грамматики: I.) правила употр. знаковъ препин., II.)—буквы *ѣ* А.) въ корняхъ, Б) словообр. звукахъ и В.) окончаніяхъ измѣняем. частей рѣчи и неизмѣняем., III.)—переноса частей словъ изъ одной строки въ другую. 1905 г. 1 р.

Очеркъ поэзіи А. В. Кольцова. 1905 г. 65 к.

П. А. По поводу постановки преподаванія русскаго языка и словесности въ будущей новой средней школѣ. 1902 г. 10 к.

Путинцевъ А. М. Дѣтство и юность Ивана Саввича Никитина. 1905 г. 25 к.

Путинцевъ А. М. Смирновъ А. И. (Некрологъ). 1905 г. 10 к.

Путинцевъ А. М. Дѣти въ произведеніяхъ Никитина 1905 г. 20 к.

Путинцевъ А. М. „Тарасъ"—поэма И. С. Никитина въ исправленной авторомъ редакціи, съ варіантами и примѣчан. Предисловіе и примѣчанія. 1905 г. 20 к.

Путинцевъ А. М. Критико-библ. замѣтки. I. Сребрянскій или Серебрянскій—фамилія друга А. В. Кольцова. II. Новая работа о Никитинѣ. 1905 г. 5 к.

Рамзевичъ Н. К. „Энциклопедическій Словарь" издателя Ф. Павленкова. 1901 г. 5. к.

Рамзевичъ Н. К. Правильное производство слова „Человѣкъ" и замѣтка о словѣ „Руссь". 1899 г. 10 к.

Рамзевичъ Н. И. Изъ лексикона о бѣлорусской розгѣ (по поводу 40-лѣтія отмѣны тѣлесныхъ наказаній). 1903 г. 5 к.

Ренанъ Э. О происхожденіи языка. Перев. съ франц. А. Н. Чудиновъ. 1865 г. 80 к.

Роговинъ С. С. Звуки рѣчи, какъ результатъ работъ органовъ. 1901 г. 20 к.

Рождествинъ А. С. Художественная критика. 1897 г. 10 к.

Рождествинъ А. С. Правописаніе по Гроту. 1898 г. 10 к.

Романовскій В. Е. Объ отношеніи географіи и исторіи къ преподаванію словесности. 1895 г. 25 к.

Рыбинскій В. С. О „Фаустѣ" Гёте. 1900 г. 10 к.

Рѣзановъ В. И. Памяти Л. Н. Майкова. 1901 г. Ц. съ пер. 15 к.

Рѣзановъ Вл. И. Матеріалы и замѣтки для ученическ. литературн. вечеровъ и бесѣдъ. 1897 г. 20 к.

Соболевскій А. И. Академикъ. Изъ введенія въ морфологію церковно-славянскаго языка. 1902 г. 15 к.

Соколовъ М. А. Князь Серебряный. Историческій романъ гр. А. Толстого, критико-литер. библіогр. очеркъ. 1897 г. 25 к.

Соколовъ М. А. Женскіе типы—Сатира Симонида Аморгскаго. 1906 г. 5 к.

Солоникіо А. И. Введеніе въ миѳологію Рима. 1899 г. 50 к.

Солоникіо А. И. Кризисъ въ дух. жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр. этико-историческій очеркъ. 1900 г. 40 к.

Солоникіо А. И. Очерки римской миѳологіи. 1903 г. 60 к.

Стефановскій И. Н. Русскій былевой эпосъ. 1896 г. 15 к.

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. 15 к.

Соловьевъ А. В. Ученическіе годы В. А. Жуковскаго. 1902 г. 10 к.

Соловьевъ А. В. Жизнь Грибоѣдова въ СПБ. 1903 г. 30 к.

Соловьевъ А. Е. Замѣтка о средствахъ къ поддержанію классной дисциплины. 1898 г. 30 к.

Сборникъ классическ. иностр. произведеній въ перевод. русскихъ писателей, I т. котораго составляютъ образцовыя произведенія Скандинавск. поэзіи издан. подъ редакціей А. Н. Чудинова. 1875 г. 1 р.

Слонимскій А. Л. О языкѣ произведеній И. Ф. Богдановича. 1905 г. 40 к.

Смирновъ К. Н. О постановкѣ сочиненій въ духовн. семинаріяхъ. 1894 г. 15 к.

Смирновъ С. Н. Гамбургская драматургія Лессинга. Критическій очеркъ. 1883 г. 50 к.

Соломоновскій И. С. Отношеніе языка къ мысли. 1893 г. 45 к.

Солчавскій. Объ испытаніяхъ вообще, переводныхъ же въ особенности. 1898 г. 15 к.

Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Гоголя и Жуковскаго. 1902 г. 50 к.

Смѣльницкій И Н. С. П. Шевыревъ и его взгляды на задачи общественн. воспитанія. 1898 г. 15 к.

Смѣльницкій И. Н. Основныя черты духовнаго облика Н. В. Гоголя и роль его произведеній въ исторіи рус. самосознанія. 1902 г. 20 к.

Смѣльницкій И. Н. Къ вопросу объ эпосѣ сербскомъ и болгарскомъ. Гайдуцкій эпосъ: значеніе его; причины гайдучества и время возникновенія его. Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ. 1899 г. 40 к.

Смѣльницкій И. Н. В. А. Жуковскій, характеръ и роль его поэзіи въ исторіи рус. литературы. 1903 г. 20 к.

Степовичъ А. I. Славянскія извѣстія. 1906 г. 15 к.

Суровцевъ А. Г. Кто придумалъ слово „временщикъ". 1901 г. 5 к.

Тимофеевъ Н. Частицы *не*, *ни* и *нѣ* въ рус. яз. ихъ значеніе и правописаніе. 1902 г. 35 к.

Тремко Ѳ. И. Разборъ эллегіи Пушкина, 1904 г. 10 к.

Тростниковъ М. А. Опредѣленіе залоговъ въ школьныхъ грамматикахъ русскихъ, латинскихъ и греческихъ 1897 г. 20 к.

Тихомировъ Н. Историко-литератур, этюдъ, драматическій стиль Шекспира. 1898 г. 10 к.

Три мнѣнія о постановкѣ русскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. 1886 г. 10 к.

Флёровъ А. П. Конст. Дмит. Ушинскій. Воспоминанія о его великихъ заслугахъ для русской педагогіи. 1895 г. 10 к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. 5 к.

Харламовъ М. А. Къ вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся. 1900 г. 5 к.

Цвѣтаевъ Д. В. Проф. Баллады Шиллера. Опытъ объясненія. 1882 г. 70 к.

Цвѣтаевъ Д. В. проф. Варшавское Общество любителей наукъ. 1900 г. 15 к.

* * * Человѣкъ-педагогъ. Изъ жизни и дѣятельности бывшаго учителя и инспектора гимназій. 1904 г. 25 к.

Чебышевъ А. А. Очерки изъ исторіи европейской драмы. 1900 г. 70 к.

Четыркинъ И. Д. Нѣсколько словъ о педагогическихъ съѣздахъ. 1898 г. 5 к.

Четыркинъ И. Д. Памяти А. А. Хованскаго. 1900 г. 10 к.

Четыркинъ И Д. Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики съ приложеніемъ церк.—славян. азбуки и коренныхъ словъ съ бук. Ѣ. Третье исправл. изд *одобрен. Учен. Комит. Мин. Нар. Пр.* въ качествѣ руководства для приготов. клас. средн. учебн завед. Мин. Нар. Пр. 1900 г. 30 к

Черняевъ П. Н. Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи“ Жуковскаго современ. и послѣд критики. 1902 г. 25 к.

Черняевъ П. Н. „Жизнь двѣнадцати Цезарей“ Светонія въ новомъ переводѣ Алексѣева. 1904 г. 10 к.

Черняевъ П. Н. Слѣды знакомства русскаго общества съ древне-классической литературой въ вѣкъ Екатерины II. 1905 г. 60 к.

Черняевъ П. Н. Обреченный на забвеніе трудъ исторіи всеобщей литературы Б. В. Варнеке. 1906 г. 30 к.

Шамраевъ В. Н. О жизни и твореніяхъ Гоголя. 1902 г. 10 к.

Шеметова Н. В. Библіогр. замѣтка. Значен. русск. словесности въ системѣ реальнаго образованія. К. Ѳ. Якубовичъ. 1897 г. 5 к

Шеметова Н. В. Русская женщина въ народномъ эпосѣ и лирикѣ. 1900—1902 г 70 к.

Щеметова Н. В. По прочтеніи „На днѣ“—Горькаго. 1903 г. 5 к.

Шеппингъ Д. О. Баронъ. Значеніе звѣрей, птицъ и др. животныхъ по суевѣріямъ русскаго народа 1895 г. 20 к.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. 20 к.

Шлосбергъ А. Планы литературныхъ образцовъ въ стихахъ и прозѣ. 1905 г. 15 к.

Щукинъ П. Н. 1) Д. В Григоровичъ, какъ народный писатель. 2) Значеніе И. А. Гончарова въ исторіи рус. литературы. 1901 г. 1902 г. 60 к.

Щукинъ П. Н. Критика и Библіографія М. А. Тростниковъ. Методика письма. Руководство для учащихъ и учащихся 1906 г. 5 к.

Щукинъ П. Н. Григоровичъ, какъ народный писатель. 1902 г. 35 к.

Ѳоминъ Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. 20 к.

Ѳоминъ Д. Н. Однородныя опредѣленія. 1899 г. 5 к.

Ѳоминъ Д. Н. Буква Ѣ въ началѣ словъ (сборникъ фразъ съ буквою Ѣ въ коренныхъ словахъ—для списыванія). 1900 г. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. Два перла классической литературы: щиты Ахиллеса и Энея. 1901 г. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. и Прядкинъ С. Н. Въ защиту буквы „ять". 1900 г. 15 к.

Ѳоминъ Д. Н. О нѣкоторыхъ практическихъ работахъ по рус. языку. 1900 г. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Уроки объяснительнаго чтенія. 1903 г. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Затруднительные случаи русскаго правописанія. 1901 г. 25 к.

Ѳоминъ Д. Н. Гекторъ и Андромаха. 1904 г. Ц. съ пер. 10 к.

Ѳоминъ Д. Н. Уроки объяснительнаго чтенія. Разборъ стихотвореній Пушкина и басенъ Крылова. 1904 г. 30 к.

Ѳоминъ Д. Н. Матеріалъ для словопроизводственнаго словаря. 1904 г. 10 к.

„Указатель" за 25 лѣтъ: 1860—1886 г.г. 30 к.

„Указатель" статей напечатанныхъ въ „Филол. Зап." за 13 лѣтъ: 1887—1899 г.г. 25 к.

Оба „Указателя" вмѣстѣ—40 к.

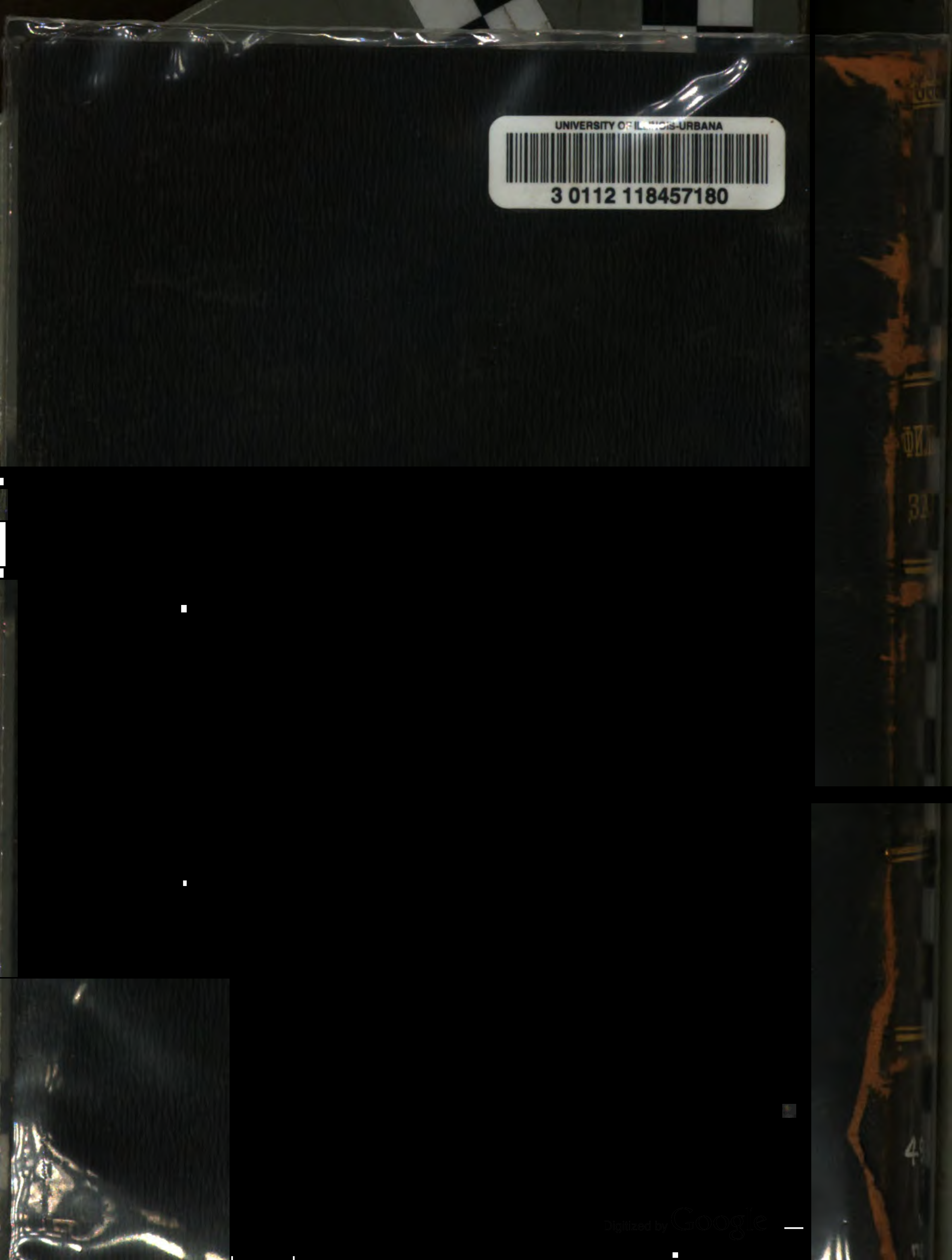
Съ дополненіемъ содержанія 1900—1905 г.г. 60 к.

Цѣны за брошюры показаны съ пересылкою. На меньшую умму можно высылать почтовыми марками.

1-21.—

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118457180